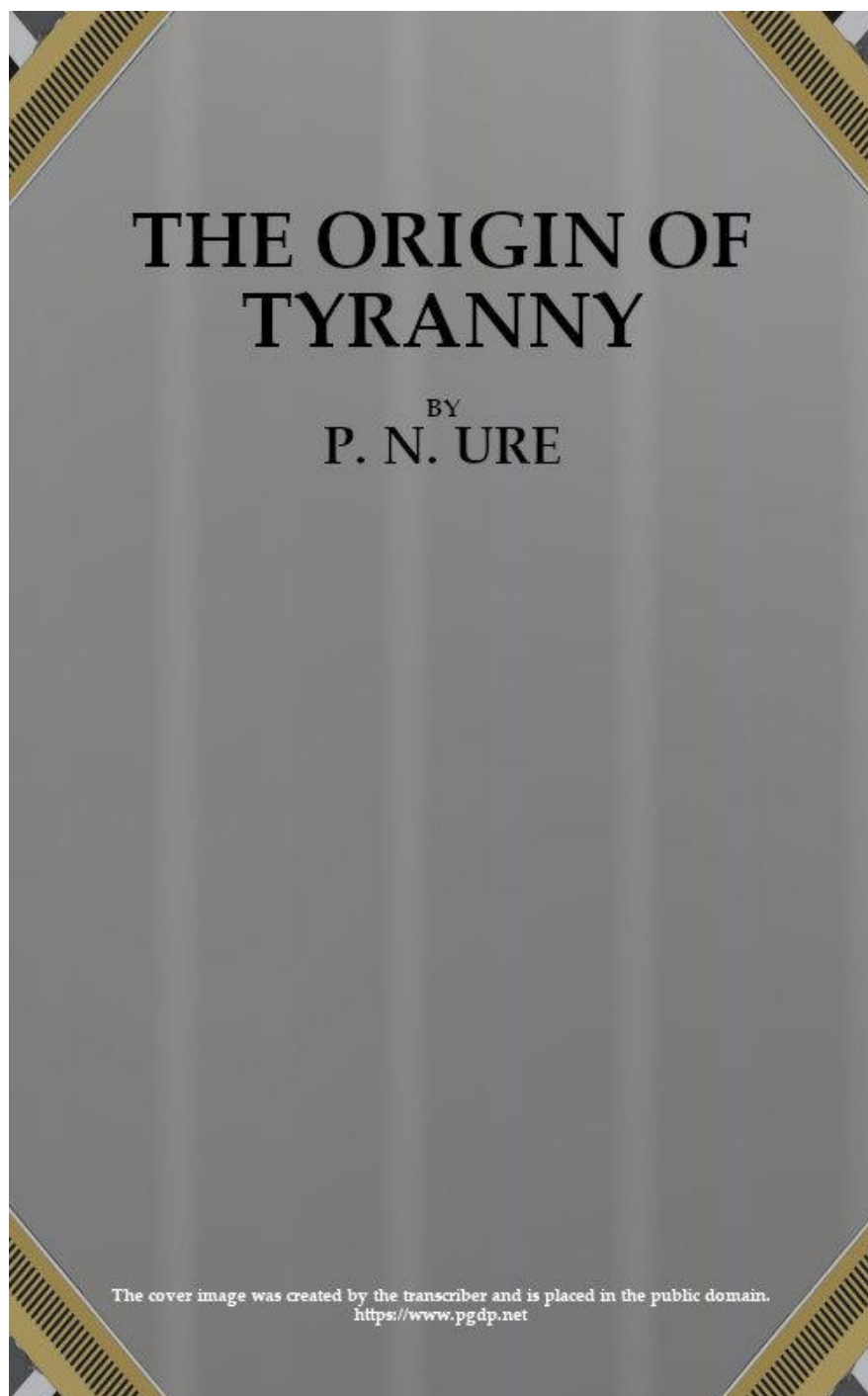

Происхождение тирании

П. Н. Уре

The Project Gutenberg eBook of The Origin of Tyranny.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить ее или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге, или в режиме онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Происхождение тирании

Автор: П. Н. Уре

Дата выхода: 10 июня 2020 [eBook #62364]

Последнее обновление: 18 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Ричардом Тонсингом, Тургутом Динчером и командой Online Distributed Proofreading Team (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<https://archive.org>).

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТИРАНИИ ***

Электронная книга проекта "Гутенберг", "Происхождение тирании", автор П. Н. (Перси Невилл) Уре

Изображения оригинальных страниц доступны через Internet Archive. См.

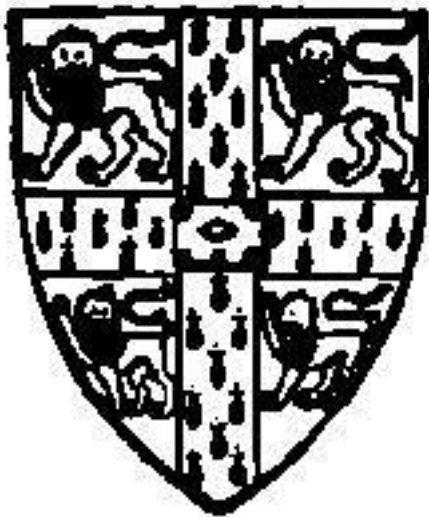
Примечание: <https://archive.org/details/originoftyranny00urepuoft>

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТИРАНИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО КЕМБРИДЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

С. Ф. КЛЭЙ, менеджер

ЛОНДОН: ФЕТТЕР-ЛЕЙН, Э.К. 4

NEW YORK: THE MACMILLAN CO.

BOMBAY }

КАЛЬКУТТА } MACMILLAN AND CO., Ltd.

МАДРАС }

ТОРОНТО: THE MACMILLAN CO. OF CANADA, Ltd.

ТОКИО: МАРУЗЕН-КАБУСИКИ-КАЙША

ВСЕ ПРАВА ЗАЩИЩЕНЫ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТИРАНИИ

АВТОР: П. Н. УРЕ, М. А.

КОЛЛЕДЖ ГОНВИЛЛА И КАЙУСА, КЕМБРИДЖ

ПРОФЕССОР КЛАССИКИ, УНИВЕРСИТЕТСКИЙ КОЛЛЕДЖ, ЧТЕНИЕ

КЭМБРИДЖ

В УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ПРЕССЕ

1922

НАПЕЧАТАНО В ВЕЛИКОБРИТАНИИ.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Взгляды, выраженные в следующих главах, были впервые опубликованы в "Журнале эллинских исследований" за 1906 год в виде небольшой статьи, в которой несколько страниц

было уделено Самосу и Афинам и по несколько предложений - Лидии, Милету, Эфесу, Аргосу, Коринфу и Мегаре. Главы об Аргосе, Коринфе и Риме основаны на докладах, прочитанных в Оксфордском филологическом обществе в 1913 году и в Бристольском отделении Классической ассоциации в 1914 году.

Что касается изложения материала, то я постарался сделать аргументацию понятной для читателей, не являющихся учеными-классиками и археологами. Классика перестала быть герметичным отсеком в общей схеме изучения и исследования, и моя тема составляет главу в общей экономической истории, которая может заинтересовать студентов, не являющихся учеными-классиками. С другой стороны, классические исследования стали настолько специализированными, а литература в каждом отделе так сильно разрослась, что если не сделать монографии более или менее полными сами по себе и способными читаться без обращения к большому количеству больших и недоступных книг, то для классических ученых станет невозможным следить за работой, которая ведется даже в их собственном предмете, за пределами их конкретной отрасли. По этим причинам древние авторитеты в основном приводятся в буквальном английском переводе, а когда, как это происходит почти в каждой главе, информацию приходится искать на вазах, монетах, или надписях, я стараюсь разъяснить свою точку зрения с помощью пояснительных описаний и иллюстраций.

Эта работа вовлекла меня в многочисленные обязательства, которые я с радостью принимаю на себя. В 1907 году я получил гранты от фонда путешествующих бакалавров Вортса Кембриджского университета и колледжа Гонвилл и Кайус на поездку в Грецию с целью сбора археологических данных по истории ранней тирании. Эта цель была частично отклонена, потому что вскоре после прибытия в Грецию я стал сотрудничать с покойным доктором Р. М. Берроузом в раскопках греческого кладбища в Рицоне в Беотии, а также в изучении и публикации найденной там керамики. Эта керамика датируется в основном эпохой тиранов, и результаты моей работы с ней представлены в нескольких последующих главах. Доктору Берроузу я обязан и тем, что он подтолкнул меня к началу работы над ранней тиранией: моя главная идея по этому вопросу впервые пришла мне в голову, когда я читал лекции по греческой истории в качестве его ассистента в Университетском колледже Кардиффа.

Кроме того, в разное время и разными способами мне помогал профессор Г. А. Т. Дэвис, еще один мой бывший коллега в Кардиффе, и несколько моих коллег из Рединга, в частности профессор У. Г. де Бург, мистер Д. Аткинсон и моя жена. В тексте книги перечислены многие другие долги, но, учитывая, насколько они многочисленны и разнообразны, я не могу надеяться, что ни один из них не остался без признания.

Но из всех моих обязательств самым ранним и самым главным является долг перед сэром Уильямом Риджуэем. Именно уникальному качеству его преподавания в Кембридже я обязан тем стимулом, который подсказал мне предлагаемое здесь объяснение происхождения тирании.

Р. Н. УРЕ.

Университетский колледж,

Ридинг.

Октябрь 1920 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛА ВА.	СТ РА Н И Ц А
I ВВЕДЕНИЕ	1
II АТЕНС	33
III САМОС	68
IV ЕГИПЕТ	86
V ЛИДИЯ	127
VI АРГОС	154
VII КОРИНТ	184
VIII РИМ	215
IX СИКИОН, МЕГАРА, МИЛЕТ, ЭФЕС, ЛЕОНТИНИ, АГРИГЕНТУМ, КУМЫ	257
X КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ДЕСПОТИИ ЭПОХИ АРИСТОТЕЛЯ, ДЕНЕЖНАЯ ВЛАСТЬ ПРАВИТЕЛЕЙ ПЕРГАМА, ПРОТОГЕН ОЛЬВИЙСКИЙ	280
XI ЗАКЛЮЧЕНИЕ	290
ПРИЛОЖЕНИЯ	307
ИНДЕКС	339

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Ф ИГ .	СТ РА Н И Ц А
1 Лофос Лутру со станции Даскалио	42
2 По дороге от станции Даскалио до Плаки	42
3 Камареса	43
4 Кицовуно из Камареса Рис. 1-4 с фотографий автора)	43
5 Коринфская терракотовая табличка с изображением шахтера за работой Antike Denkmäler, I)	46
6 Монета Афин с Афиной и совой Макдональд, Эволюция монетного дела)	53
7 Афинские монеты: венок на голове Афины Bulletin de Correspondance hellénique, XXX)	56
8 Персидский "лучник"	57
9 Саамская монета с Самайной и мессанская монета с зайцем Хилл, Исторические греческие монеты)	75
10 Аякс, отец Поликрата Athenische Mitteilungen, 1906)	82
11 Псамтек I Петри (Petrie, Hist. Egypt, III)	86
12 Ваза с картушем Бокхориса, найденная в Тарквиниях Monumenti Antichi della R. Acc. dei Lincei, VIII)	94

13	Родосская или (?) милезийская ваза, найденная в Наукратисе Гарднер, Наукратис II. С разрешения Фонда исследования Египта)	11 1
14	Фикеллурская или (?) саамская ваза, найденная в Дафнах Петри, Танис II. С разрешения Фонда исследования Египта)	11 3
15	Наукратитовая ваза, найденная в Рицоне в Беотии Journ. Hellenic Studies, 1909)	11 5
16	Парфюмерная ваза, найденная в Наукратисе Гарднер, Наукратис II. С разрешения Фонда изучения Египта)	11 9
17	Греческий кувшин для вина, найденный в Наукратисе Петри, Наукратис I. С разрешения Фонда исследования Египта)	12 0
18	Коринфская ваза с картушем Априса Gazette Archéologique, 1880)	12 4
19	Монеты (a) Гигеса (?), (b) Креза Макдональд, Эволюция монетного дела)	12 7
20	Ранние эгинетские "черепахи" Babelon, Traité des Monnaies Gr. et Rom.)	15 4
21	Связка вертелов, найденная в аргивском Гереуме	16 3
22	Коринфская ваза, найденная в Коринфе С фотографии, предоставленной мисс Уолкер из Американской археологической школы в Афинах)	18 5
23	Коринфская терракотовая табличка с изображением гончара за кругом	18

	Gazette Archéologique, 1880)	6
24	Коринфская терракотовая табличка с изображением интерьера печи Antike Denkmäler, I)	18 6
25	Монеты Коринфа Британия. Mus. Cat. Coins Corinth)	18 8
26	Монеты Кипселы Abhandl. Bayerische Akad. Phil. Class. 1890)	20 0
27 , 28	Аттические вазы, возможно, с изображением кипселей Saglio, Dict. d. Antiq. figs. 2964, 2965)	20 2
29	Аттическая вазовая роспись, возможно, изображающая кипселу Saglio, Dict. d. Antiq. fig. 937)	20 3
30	Ваза на плите, найденная в Иасосе Jahrb. d. arch. Inst. 1897)	20 5
31	Рельеф, возможно, изображающий небольшой кипсель Revue Archéologique, 1869)	20 6
32	<i>Aes signatum</i> Haeberlin, Aes Grave)	22 0
33	Могила Аэса с колесом Хилл, Исторические римские монеты)	23 2
34	Коринфская ваза, найденная в Тарквиниях	24 1

35	Коринфская терракотовая табличка с изображением экспорта ваз Antike Denkmäler, I)	24 2
36	Протокоринфская ваза, найденная на Римском форуме Notiz. d. Scavi della R. Acc. dei Lincei, 1903)	24 9
37	Ионический терракотовый антефикс, найденный в Риме Monumenti Antichi della R. Acc. dei Lincei, XV)	25 0
38	Аналогичный антефикс найден на Самосе Boehlau, Aus ion. u. ital. Nekropolen)	25 1
39	Терракотовая голова, найденная на римском Капитолии Monumenti Antichi della R. Acc. dei Lincei, XV)	25 2
40	Каменная голова, найденная на Акрополе в Афинах Athenische Mitteilungen, 1879)	25 3
41	Ваза в аттическом стиле с черными фигурами, найденная на Квиринале Monumenti Antichi della R. Acc. dei Lincei, XV)	25 4
42	Капитолийская волчица How and Leigh, Hist. of Rome. По договоренности с Messrs Longmans Green & Co.)	25 4
43	Дипилонская ваза Companion to Greek Studies, Cambridge)	31 4
44	Протокоринфская ваза Journ. of Hellenic Studies. С разрешения Совета Общества содействия эллинским исследованиям)	31 5

Rev. Arch. XXV, 1894; Athenische Mitt. 1876; Arch. Zeitung, 1885; Perrot and Chipiez, Hist. de l'Art dans l'Antiquité)

Walters and Birch, Hist. of Ancient Pottery)

τοῖσι ἐμφανέσι τὰ μὴ γινωσκόμενα τεκμαιρόμενος.

Hdt. ii. 33.

Глава I. Введение

Δόξαιεν γὰρ 'ἄν' οὐδὲν λέγειν δίκαιον οἱ διὰ τὸν πλοῦτον ἀξιοῦντες ἄρχειν.

Aristot. Pol. III. 1283b.

Φαῦλον τὸ τὰς μεγίστας ὠνητὰς εἶναι τῶν ἀρχῶν.

Aristot. Pol. II. 1273a.

Седьмой век до н. э. - это век

Седьмой и шестой века до нашей эры со многих точек зрения представляют собой один из самых судьбоносных периодов во всей мировой истории. Несомненно, величайшие итоговые достижения греческой расы относятся к двум последующим столетиям. Но практически все, что подразумевается под греческим духом и греческим гением, зародилось в более ранний период. Литература и искусство, философия и наука в наши дни в значительной степени следуют тем направлениям, которые были заложены в них тогда, и это в равной степени относится и к торговле. Именно в начале этой эпохи греки или их полуэллинизированные соседи лидийцы совершили, возможно, самую эпохальную революцию во всей истории торговли, изобретая металлическую монету, подобную тем, которые до сих пор находятся в обращении во всем цивилизованном мире.

Это изобретение не случайно было сделано именно в это время. Промышленность и торговля одновременно делали огромные шаги. Примерно в начале седьмого века новая лидийская династия Мермнадов превратила Сарды в один из важнейших торговых центров, возникших за всю мировую историю. Лидийские купцы стали посредниками между Грецией и Дальним Востоком. Египет восстановил свое процветание и начал быстро развивать торговые и другие отношения со своими соседями, в том числе с греками. Греческие торговцы развозили свои товары по морю во всех направлениях - от Испании до Крыма. Конкретные свидетельства этой деятельности до сих пор можно увидеть в коринфской и милезийской керамике того периода, которая в таком изобилии была найдена в Северной Италии и Южной России. Это было время необычайной интеллектуальной активности. Фалес и другие многочисленные философы ионийской школы были в тесном контакте с купцами и промышленниками своей эпохи. Они были скорее учеными, чем философами в узком

современном смысле этого слова, и большинство из них были готовы применить свою науку в практических и коммерческих целях, как, например, Фалес, который, как говорят, сделал состояние, заранее скупив все маслодавилки, когда по его сельскохозяйственным наблюдениям он ожидал особенно обильного урожая^[1]. Уголок масла звучит очень современно, и на самом деле все свидетельства показывают, что во многих отношениях эта древняя эпоха удивительным образом предвосхитила современность.

и (б) первых правителей, которых стали называть тиранами.

С политической точки зрения эти два века известны как век тиранов. Мнение о том, что преобладание тирании было каким-то образом связано с изобретением чеканки монет, время от времени высказывалось^[2]. Раде даже зашел так далеко, что предположил, что первый тиран был и первым чеканщиком^[3]. Однако он не идет дальше предположения о том, что тиран запустил монетный двор и чеканку, уже находясь на троне.

Новая форма правления, как я полагаю, была основана на новой форме капитала.

Как мне кажется, имеющиеся факты указывают на выводы более широкого характера. Вкратце они таковы: греческие тираны седьмого и шестого веков были первыми людьми в своих городах, осознавшими политические возможности новых условий, созданных введением новой чеканки монет, и что в значительной степени они были обязаны своим положением тиранов финансовому или коммерческому превосходству, которое они уже установили до того, как достигли верховной политической власти в своих государствах.

Другими словами, их положение, как я его понимаю, имеет значительное сходство с тем, которое в XIV и XV веках н. э. создали богатые банкиры и купцы, ставшие деспотами во многих городах-государствах Италии. Самые известные из них - Медичи, семья, которая придала новую силу валюте, развив банковское дело, и в основном благодаря этому стала тираном Флоренции. Санто Бентивольо из Болоньи прошел путь от шерстяной фабрики до трона. Другим деспотом Болоньи был богатый ростовщик Ромео Пеполи. В Пизе верховную власть захватили Гамбакорти со старым купцом по имени Пьетро во главе. В Лоди ее захватил миллионер Джованни Виньяте. Приведенные выше примеры взяты из шестого класса деспотов Саймондса, о которых он говорит, что "в большинстве случаев большое богатство было первоначальным источником деспотической власти^[4]".

Эта точка зрения заслуживает рассмотрения в свете современной финансовой революции,

Еще более близкие аналогии лежат у самых наших дверей. Принято считать, что мы переживаем промышленную революцию. Это современное движение уже началось столетие назад, когда Байрон отстаивал интересы рамочников в Палате лордов. Конечно, между этими двумя революциями есть очевидные различия. Та, что произошла в седьмом и шестом веках до нашей эры, была в основном финансовой, а нынешняя - в основном промышленной. Но разница не так велика, как кажется на первый взгляд^[5]. Изобретение металлической монеты сопровождалось большими промышленными изменениями^[6], и мы не можем так же резко разделить финансовую и промышленную деятельность великих домов архаической Греции, как мы можем разделить банковские и торговые предприятия великих семейств городов Италии в эпоху Возрождения, таких как богатые Панциатики из Флоренции, которые ссужали деньги императору Сигизмунду и экспортировали ткани в Лондон, Авиньон и Северную Африку^[7]. С другой стороны, современное промышленное движение, с его развитием машин и организацией мастеров и рабочих в тресты и профсоюзы, сопровождалось революцией в природе валюты. Современная финансовая революция началась в то же время, что и промышленная. |Ее ранние фазы описаны и

рассмотрены в книге Уильяма Коббета "Бумага против золота"^[8]. Со времен Коббетта бумажная валюта, которая так его огорчала, получила огромное развитие. Еще до 1914 года нам говорили, что "золото уже действует в Англии только как размен на банкноты"^[9]."

Здесь нет необходимости подробно рассматривать различные формы, которые принимает эта новая бумажная валюта. Достаточно отметить, что она позволяет передавать собственность и манипулировать ею гораздо быстрее и в гораздо больших масштабах, чем это было возможно ранее^[10]. Здесь необходимо упомянуть еще только один момент в истории новой валюты. Его нельзя выразить лучше, чем словами канцлера казначейства, произнесенными в Палате общин 28 ноября 1914 года:

С тех пор как я занимаюсь этими операциями (векселями), я был сильно поражен тем, как мало даже трейдеры, являющиеся частью этой огромной машины, знают о механизме, существенной частью которого они являются..... Я не думаю, что широкая публика - а я отношу себя к ней - когда-либо осознала, в какой степени бизнес не только этой страны, но и всего мира зависит от этого очень тонкого и сложного бумажного механизма.

По-видимому, потребовалась европейская война, чтобы донести до современного торгового мира природу его валюты. Этот факт должен предостеречь нас от надежд найти в ранней Греции какое-либо очень четкое признание революции в валюте, которая тогда произошла. Когда золотые и серебряные монеты были впервые выпущены в обращение, они имели эффект, соответствующий современным бумажным выпускам. Они позволяли передавать собственность с большей легкостью и быстротой. Однако мы можем быть уверены, что характер и возможности новой валюты не сразу получили всеобщее признание^[11]. Купцы на базарах Лидии и Ионии, которые лучше всего понимали, как ее использовать, должно быть, получали огромные прибыли.

Это привело к тому, что многие люди стали опасаться новой тирании богатства.

Эксперты в области новых финансов последних двух поколений оказывают глубокое влияние на политику и правительство. Многие люди, особенно в Америке, считают, что существует возможность того, что это влияние станет верховным. Стоит привести несколько таких мнений:

Нынешняя эпоха - лишь проходящий этап в эволюции промышленных цезарей, и эти цезари будут нового типа - корпоративные цезари^[12].

Вокруг нас разгорается пламя новой экономической эволюции, и мы обращаемся к нему, чтобы узнать, что конкуренция убила конкуренцию, что корпорации стали больше государства и породили индивидуумов больше себя, и что главный вопрос нашего времени заключается в том, что собственность становится хозяином, а не слугой^[13].

Уже несколько месяцев подряд сахарным трестом является правительство Соединенных Штатов^[14].

В 1884 году, кажется, даже возникла идея выдвинуть сенатора от Standard Oil на пост президента Соединенных Штатов. "Генри Б. Пейн вырисовывается в образе возможного и не совсем невероятного преемника мистера Тилдена в качестве кандидата в президенты от демократов"^[15]."

Опасность перехода верховной власти в Америке в руки нескольких капиталистов публично признал даже президент Соединенных Штатов в период своего пребывания на посту. "Г-н Вильсон также обсудил вопрос о разделении между капиталом и трудом. Большую часть

речи он посвятил попыткам "небольших групп привилегированных людей вернуть себе контроль над правительством" и добавил: "Мы должны снова убедить этих джентльменов, что правительство этой страны принадлежит нам, а не им^[16]."

Аналогичные взгляды высказывают французские, немецкие и итальянские писатели. По мнению самого выдающегося из современных французов, правительство Франции в некоторые недавние периоды находилось в руках трех или четырех групп финансистов^[17]. Сальвиоли в своей книге "Капитализм в Древнем мире" говорит о "финансовых королях, которые осуществляют в наших государствах тайную, но всепроникающую власть^[18]". Даже воинственный фон Бернгарди опасается надвигающейся "тирании капитала^[19]".

Эти цитаты можно было бы умножить^[20], но и приведенных достаточно, чтобы показать, что мнение, которое они выражают, широко распространено. Нет необходимости обсуждать честность конкретных выражений этого мнения. Если удастся доказать, что кто-то из них был неискренним, это будет лишь дополнительным доказательством правдоподобности мнения. Здесь также не место обсуждать с более общей точки зрения степень, в которой это мнение было или может быть подтверждено. Указание на то, насколько широко распространен страх перед надвигающейся "новой тиранией богатства^[21]" или "тиранией капитала^[22]", само по себе достаточно, чтобы показать, что связь между тиранией и новой формой богатства, возникшей в седьмом и шестом веках до нашей эры, является предметом, заслуживающим исследования, а также показать, что конкретная точка зрения на эти отношения, которой придерживаются на этих страницах, *априори* правдоподобна^[23].

Доказательства:

Следует, однако, сразу сказать, что моей точки зрения, похоже, не придерживался никто из тех, кто публиковал мнения на эту тему, начиная с IV века до н. э. и далее. Однако это не является фатальным. Позже в этой главе будут приведены причины, по которым можно утверждать, что истинный характер ранней тирании был упущен из виду во времена Платона и Аристотеля. Почему более истинные взгляды на этот конкретный предмет должны быть восстановлены именно в настоящее время, можно в достаточной степени объяснить современной финансовой революцией, которая позволяет подойти к вопросу с той точки зрения, которая была едва ли доступна в течение последних двух тысяч лет. С этим предупреждением мы можем перейти к изложению характера доказательств в пользу мнения о том, что самые ранние тирании были основаны и опирались на богатство.

(1) Большая часть этих доказательств взята из анекдотов и случайных фактов о конкретных тиранах седьмого или шестого века, сохранившихся у Геродота и более поздних греческих и латинских авторов. Различные тираны рассматриваются по отдельности в остальных главах книги.

(2) Об экономической и политической жизни седьмого и шестого веков можно иногда узнать из скудных остатков поэтов того периода, дополненных осторожными ссылками на более поздних авторов. Будет удобно сразу же рассмотреть эти более общие свидетельства.

(а) Утверждения из сохранившихся сочинений VI века (Солон и Феогнис),

Единственные два писателя эпохи тиранов, от которых до нас дошло больше, чем самые скудные обрывки, - это Солон^[24] и Феогнис^[25]. Оба они занимаются социальными и политическими проблемами своего времени. Но оба обращаются к аудитории, которая знакома с этими проблемами. Даже если бы сохранились целые произведения, а не несколько сотен строк в обоих случаях, не стоит ожидать, что фундаментальные проблемы

будут изложены в явном виде. Можно прочесть большую подборку статей и выступлений лучших журналистов и политиков о многих последних политических мерах и в конце ее остаться в неясности относительно содержания и сути рассматриваемой меры. Такие же трудности нас ожидают при чтении Солона и Феогниса. И надо признать, что мы их находим. Но в сохранившихся фрагментах обоих писателей нет ничего, что бы дискредитировало эту теорию. Более того, в них обоих есть места, которые приобретают огромное значение, если ранние тираны были обязаны своей властью богатству, но не имеют смысла при любой другой гипотезе.

Позиция Солона по отношению к тирании объясняется в главе, посвященной Афинам. Но здесь можно процитировать несколько строк:

Но сами по глупости своей люди города готовы

Наш великий город разрушить, богатством овладев.

Лживы сердца народных вождей^[26].

Под разрушением города поэт подразумевает установление тирании, на что указывает другое двустишие:

Великие люди губят город: из-за непонимания

Под игом деспота^[27] лежит народ порабощенный^[28].

Предположительно, эти две последние строки были написаны после того, как Писистрат стал тираном Афин. Опасения Солона оправдались. Граждане были "покорены богатством", чтобы "разрушить свой великий город". Не лучше ли понять смысл этих строк, если предположить, что то, чего боялся Солон, и произошло на самом деле: народный лидер воспользовался своим богатством, чтобы утвердиться в роли тирана? Ни о "народных вождях" из первой цитаты, ни о "великих людях" из второй не говорится конкретно, что они были чрезвычайно богаты, но, снова цитируя слова Солона, обоих можно с полным основанием отождествить с первыми из

Те, кто обладал властью и заставлял людей удивляться своим богатствам^[29].

Политической целью Феогниса было предотвратить повторение тирании в Мегаре^[30]. Чего остерегается поэт своих горожан? Не от красноречия, не от насилия, не от поспешного назначения законодателя или αἰσιμνότης. Все его предостережения направлены против богатства. Весь город Мегара превратился в торговую^[31]. Родовитость потеряла свой престиж, а богатство приобрело небывалую силу. Он жалуется на то, как

Торговцы господствуют: плохие господствуют над своими ставленниками^[32].

Это урок, который каждый должен усвоить досконально:

Как во всем мире богатство имеет силу и власть^[33].

Многие плохие люди богаты, и многие хорошие люди нуждаются^[34].

Не без причины, о богатство, люди почитают тебя превыше всего^[35].

Большинство людей считают единственной добродетелью зарабатывание денег^[36].

Все почитают богатых и презирают нуждающихся^[37].

Когда он прямо указывает на опасность установления тирании, его ссылки на богатство не менее заметны:

И не возвышай надежды, уступая выгоде, ни на какого тирана^[38].

Кирн, этот город беременный. Я боюсь, как бы он не родил нам мужчину.

раздутый от наглой гордыни^[39], предводитель суровых гражданских распрей^[40].

Последнее процитированное двустишие почти наверняка относится к возможному тирану. Наглая гордость (ὕβρις) - одна из основных характеристик тирана^[41]. В данном конкретном контексте нет упоминания о богатстве. Но можно не сомневаться, что этот же персонаж упоминается и ранее в поэме. Кто, спрашивает поэт, может сохранить благоговение перед богами?

Когда человек несправедливый и самонадеянный, Тот, кто не считает

Ни гнев людской, ни гнев божий,

пресыщенный богатством, становится гордым и наглым^[42]?

В этом последнем отрывке гордость и наглость напрямую связаны с огромным богатством.

Или еще:

Будь уверен, что недолго тот город останется непоколебимым,

Даже если сейчас он лежит в глубочайшем покое,

Как только для тех, кто плох, эти вещи станут приятными.

Прибыли, которые, когда бы они ни пришли, несут с собой зло для государства.

Ибо из них возникают раздоры, убийства людей их родственниками,

Деспоты^[43].

Какие же завоевания ведут к тирании? Не является ли наиболее вероятным, что это некая форма платы, получаемой общинниками ("теми, кто плох") от потенциального тирана^[44]?

Солон и Феогнис писали, опираясь на примеры Гигеса, Фидона, Ортагора, Кипсела, Феагена и остальных тиранов седьмого века^[45]. Если они постоянно опасались, что какой-нибудь богатый торговец^[46] станет тираном, то это, несомненно, было связано с тем, что тираны происходили из этого нового класса богатых торговцев и финансистов или были их союзниками.

(b) писатели пятого века (Фукидид, Геродот, Пиндар),

Изложенная здесь точка зрения на основу власти тирана не находит ничего противоречащего ей в упоминаниях пятого века о ранней тирании. Напротив, те немногие упоминания о происхождении тирании, которые прямо сделаны писателями пятого века, подтверждают его. "Не глупость ли это, - говорит Эдип Креону в "Эдипе Тирани" Софокла, - эта твоя попытка без толпы последователей и друзей искать тиранию, которая достигается только с толпами последователей и деньгами^[47]?" "Когда Греция, - говорит Фукидид в своем вступительном очерке ранней греческой истории, - стала более могущественной и еще больше, чем прежде, занималась приобретением богатств, в городах были установлены тирании^[48]." Геродот не рассказывает о возникновении тирании, но значительная часть сведений о

карьере отдельных тиранов почерпнута из его работ. Вероятно, писатель V века, от которого можно ожидать наибольшего освещения этого вопроса, - Пиндар, который посещал дворы сицилийских тиранов и писал оды в их честь. В его стихах много упоминаний о высшей важности богатства:

Богатство, украшенное добродетелями

Приносит возможность для того и другого^[49] .

Вечно в поисках благородных достижений

Трудом и расходами добивается^[50] .

И в другом месте^[51] в схожем духе он описывает великую победу Иеро над этрусками как "венец его владычного богатства". Сиракузские монархи начала V века, похоже, имели меньше сходства с торговыми тиранами двух предыдущих столетий, чем с военными деспотами более поздней эпохи. Поэтому тем более значимо, что богатство так часто рассматривается Пиндаром, который, как никто другой, представляет переход от шестого века к пятому, скорее как средство достижения власти, чем как одна из ее наград. Более поздние документы, как уже было сказано, дают иное представление о происхождении ранних тиранов. Но то тут, то там в них можно найти утверждения, которые, хотя и могут быть согласованы с другими взглядами, приобретают полную значимость только в рамках торговой теории.

Например, Исократ говорит об "огромных счетах на зарплату и денежных тратах, с помощью которых все современные династии поддерживают свою власть^[52] ." Он написал эти слова между 342 и 339 годами до н. э.^[53] , но поскольку современные ему времена противопоставляются временам Агамемнона, а ему самому было почти тридцать лет в конце пятого века, современные ему династии вполне могут включать тиранов шестого века, таких как Пейсисрат и Поликрат, тем более что "династии" так редко возникали в Греции пятого века.

(с) Некоторые высказывания писателей IV века,

Аристотель сохраняет традицию, согласно которой ранние тираны были хорошими бизнесменами. Он говорит о том, что "отчитывался о своих поступлениях и расходах, как это уже делали некоторые из тиранов. Ведь таким образом он создаст впечатление, что является управляющим (οἰκονόμος), а не тираном^[54] ."

О том, что ранние тираны прежде были людьми состоятельными, можно судить по некоторым замечаниям Аристотеля о "законодателях" того же периода. Общий характер этих "законодателей" является предметом некоторого спора, но, по-видимому, они отличались от тиранов по крайней мере в двух отношениях. Они управляли по общему согласию и знаменовали собой более раннюю стадию экономической эволюции города-государства^[55] . Их, пожалуй, можно сравнить с "арбитрами" между работодателями и наемными работниками, которые в последнее время иногда пользуются значительным влиянием^[56] . Когда Аристотель^[57] подчеркивает тот факт, что лучшие "законодатели" происходили из граждан умеренного достатка (ἐκ τῶν μέσων πολιτῶν), он делает довольно бессмысленное замечание, если только то же самое нельзя сказать о тиранах того времени. О том, что Аристотель действительно признавал связь между тиранией и крайностями богатства и бедности, свидетельствует другой отрывок из "Политики"^[58] :

По этой причине очень удачно, когда люди, занимающиеся политикой, обладают умеренными, но достаточными средствами, ведь если у одних очень много имущества, а у других нет, то результатом будет либо крайняя демократия, либо беспредельная олигархия, либо тирания, которая вызвана обеими крайностями. Ведь разнузданная демократия и олигархия ведут к тирании, а промежуточные и более близкие формы правления - в гораздо меньшей степени.

Сам философ, возможно, представлял себе некоторых первых тиранов как демагогов без гроша в кармане. Трудности, мешающие принять мнение о том, что бедный человек когда-либо становился тираном до демократического развития пятого века, будут изложены далее в этой главе. Если утверждение Аристотеля имеет под собой какую-то основу, то ранние тираны должны были происходить из числа самых богатых граждан.

(d) Данные о состоянии промышленности в эпоху тиранов и после нее,

В этом выводе нет ничего удивительного. В эпоху, когда такие купцы, как Солон, стали практически диктаторами в своих родных городах^[59], а такие философы, как Фалес, предвосхитили Рокфеллеров, сделав свой угол в нефтяной промышленности^[60], должны были найтись люди, обладающие чем-то вроде способностей этих великих людей, но мало похожими на их бескорыстие, которые быстро ухватились бы за возможность пробиться через угол к короне.

В более поздние времена прохождение через угол стало не таким простым. В Афинах пятого века существовали законы и магистраты (σποφύλακες) для предотвращения перепродажи кукурузы, и до нас дошла речь Лисия, направленная против некоторых спекулянтов, которые покупали сверх установленного законом предела. Контекст отрывка в этой речи позволяет предположить, что общие контролеры рынка (ἀγορανόμοι) должны были быть начеку в отношении углов в других статьях^[61].

Подробные доказательства в пользу этой точки зрения приводятся в последующих главах. Однако окажется, что эти люди, ставшие тиранами благодаря своему богатству, не все были простыми спекулянтами. Некоторые, по крайней мере, приобрели свое богатство благодаря торговле или промышленности. Это означает, что они были крупными работодателями. Есть основания полагать, что с этой точки зрения они были политически гораздо более влиятельны, чем их преемники в бизнесе во времена афинской демократии.

Крупные купцы и промышленники V и IV веков в значительной степени, и с течением времени все больше и больше, полагались на подневольный труд. Тысяча рудокопов, услугами которых распоряжался Никиас, были все рабами. Шестьсот рабов-шахтеров было у его современника Гиппоникоса и триста - у Филемонида^[62]. Сто двадцать рабочих на фабрике щитов оратора Лисия были все рабами^[63]. Пятьдесят два человека на ножевой и кроватной фабриках, унаследованных Демосфеном^[64], девять или десять человек на сапожной фабрике Тимарха^[65], а также на флейтовой фабрике, на которой зарабатывал отец Исократ^[66], и парусные мастера, и набивальщики лекарств, о которых говорится в "Демосфене против Олимпиодора"^[67]. Эти примеры можно было бы умножить^[68]. Рабы, конечно, были лишь формой богатства^[69]. Как люди они не имели никакого влияния на политику. Другое дело, если бы в полном распоряжении Никиаса был большой электорат из граждан-шахтеров. В этом, как мне кажется, заключалось одно из главных различий между Никиасом и Писистратом, да и вообще между капитанами промышленности V и IV веков и их предшественниками VII и VI. Доказательства не являются решающими, но, насколько можно судить, все они указывают в этом направлении.

В Афинах в поколении, предшествовавшем тирании, о Солоне сообщается, что "он поощрял граждан к занятиям ручным трудом^[70]", "возможно, эта политика должна быть связана с его освобождением от долгов и полурабства "пелатаев" и "гектеморов^[71]", "поскольку для многих из этих освобожденных крепостных, возможно, нужно было найти новую работу. Далее о Солоне сообщается, что он предлагал гражданство всем, кто "переселялся в Афины со всей семьей ради занятия каким-либо ремеслом^[72]". Эсхин приводит слова Солона, законы которого действовали еще во времена расцвета оратора, о том, что "он не прогоняет человека с трибуны" (т.е. позволяет ему говорить в собрании граждан), "даже если он занимается каким-нибудь ремеслом, но приветствует это сословие больше всех^[73]". Сам Солон, описывая различные пути, по которым люди стремятся к богатству, заявляет, что

Другой изучает творения Афины и Гефеста из множества ремесел и своими руками добывает себе пропитание^[74].

Сами тираны не раз убеждались в том, что их политика состоит в том, чтобы держать своих подданных занятыми на крупных промышленных предприятиях. Не раз мы увидим, как их власть рушится именно тогда, когда эта политика становится финансово невыполнимой^[75]. Эту часть политики тиранов отмечает Аристотель, приводя в пример посвящения (здания и произведения искусства) Кипселидов в Коринфе, строительство храма Зевса Олимпийского в Афинах Пеисистратидами и работы Поликрата вокруг Самоса^[76]. К этим именам можно добавить Теагена из Мегары, Фалариса из Агригентума, Аристодема из Кум и Тарквиниев из Рима - все они связаны с работами такого рода^[77]. Аристотель говорит, что цель этих работ заключалась в том, чтобы держать людей занятыми и бедными. Это объяснение более чем сомнительно, как уже было признано^[78]. Не занятость ведет к бедности. Скорее всего, тираны проводили такую промышленную политику, потому что, цитируя выражение Плутарха, использованное в другом контексте, "стимулируя каждое ремесло и занимая все руки, они сделали практически весь город наемными работниками (ἐμπίστον)", нанятыми, как в случае, который описывает Плутарх, правительством государства. Другими словами, не создавали ли тираны индустриальное государство из подданных-работников, которые, в свою очередь, привлекали армию "подданных-клиентов^[79]"? Только что процитированные слова взяты из жизни Перикла^[80] и относятся к тому, как он нанимал более бедных граждан (τὸν θητικὸν ὄχλον) на восстановление и украшение Афин. Среди занятых в этом деле людей он упоминает плотников, скульпторов, медников, каменщиков, красильщиков, литейщиков золота и слоновой кости, живописцев, вышивальщиц, граверов, купцов, моряков, колесников, колесниц, возниц, водителей, канатчиков, льнянщиков, кожевников, дорожников, шахтеров. До нас дошли фрагменты счетов о выплатах, сделанных этим рабочим или их преемникам через несколько лет после смерти Перикла^[81]. Алкмеониды, род , к которому принадлежал Перикл, издавна были противниками дома Писистрата и постоянно боролись с ним его же оружием. Самого Перикла обычно называли новым Пейсистратом^[82]. Его общественные дела были продолжением дел Пеисистрата^[83]. Вся ситуация, а также наши скудные сведения о состоянии промышленности в эпоху тиранов позволяют предположить, что в этом использовании общественных работ для превращения промышленных классов в армию собственных работников, чем они почти и были^[84], Перикл был в совершенно определенном смысле новым Пеисистратом.

Если судить и по чисто промышленным свидетельствам, Перикл, похоже, продолжал традиции более ранней эпохи. Правда, свободный труд в значительной степени использовался при восстановлении великого святилища в Элевсисе примерно через восемьдесят лет после упомянутых операций. Надпись, относящаяся к заработной плате, выплаченной во время этого более позднего мероприятия, показывает, что среди

работников было 36 граждан, 39 иностранцев-резидентов, 12 чужеземцев, 2 раба, а также 57 человек неопределенного статуса^[85]. Но эти данные лишь подтверждают, что строительство всегда было ремеслом свободного человека^[86]. Мы должны остерегаться переходить от одной профессии к другой или от одной конкретной профессии к торговле в целом. Несомненно, существовало множество тонких оттенков статуса в зависимости от характера работы или прибыли^[87]. По мере развития подневольной промышленности она вытесняла свободную рабочую силу с работы, которая считалась особенно вредной для тела или разума, например, с работы под землей в шахтах. Однако, если говорить в целом, есть признаки того, что в Афинах, по крайней мере между временами тирании и периклийской демократии, условия свободного труда радикально изменились. Это наиболее очевидно в отношении статуса гражданина-артизана^[88]. Солон обращается к нему без тени презрения и старательно поддерживает его политическое достоинство. При этом он, по-видимому, был консервативен и просто следовал традициям гомеровской эпохи, когда принц гордился тем, что сам сделал себе постель или построил дом, а принцесса с удовольствием исполняла обязанности дворцовой прачки^[89]. В Аттике, во всяком случае, ручной труд, похоже, пользовался столь же почетной репутацией, начиная с героического века и вплоть до конца эпохи тиранов^[90]. В старые добрые времена, как утверждает Платон в "Критиях"^[91], "другие классы граждан занимались ремеслами (δημιουργία) и сельским хозяйством". Самое раннее деление свободного населения, приписываемое полуисторическому Тесею, состояло из трех классов - знати, земледельцев и ремесленников (δημιουργοί)^[92]. Когда Солон, который сам был купцом^[93], реорганизовал население, он разделил его (или, возможно, просто сохранил существующее деление) на четыре класса, из которых самыми низкими были θῆτες или поденщики^[94]. Имена остальных (pentekosiomedimnoi, hippeis, zeugitai) показывают, что в этот класс должны были входить все ремесленники, люди, которые, по словам самого законодателя, "изучают работы Афины и Гефеста из множества ремесел". Это описание древних афинских ремесленников как сыновей Палласа и Гефеста повторяется у Платона^[95]. Класс, описанный в подобном образом, очевидно, не подвергается никакому порицанию. По словам Валлона, "труд, не будучи титулом исключения, был средством достижения власти"^[96]. Примерно через пять лет после принятия закона Солона вновь появляется старая классификация свободного населения на дворян, земледельцев и артизанов (δημιουργοί), и артизаны получают два из десяти мест в совете главных магистратов^[97].

Но в V веке ситуация изменилась. Противопоставьте тон Солон Ксенофонт^[98], который утверждает, что некоторые граждане "на самом деле" живут ремеслами и что механические профессии справедливо презираются цивилизованными сообществами. Когда Сократ доказывает Алкивиаду, что афинская эклесия состоит из рабочих людей (сапожников, глашатаев, изготовителей палаток и т. п.), он приходит к такому выводу: "если ты презираешь их по отдельности, то ты должен презирать их и как единое целое"^[99]. Это презрение к ручному труду проявляется и у Аристофана, например, в его постоянных презрительных упоминаниях о матери Еврипида, которая была зеленщицей^[100]. Это явление признается и обсуждается Геродотом, который считает, что оно появилось сравнительно недавно: по его словам, "большинство греков научилось презирать ремесленников"^[101]. Его мнение поддерживает Исократ, который, описывая положение вещей, царившее в Афинах времен Солон и Клисфена, заявляет, что "собственники, отнюдь не презирая тех, кто не был столь обеспечен, ... облегчали их нужды, давая некоторым из них фермы за умеренную арендную плату, посылая других путешествовать в качестве купцов, снабжая других капиталом для их различных занятий (ἐργασίας)"^[102]. Только что процитированный отрывок, несомненно, является тенденциозным. Но, как утверждает Маури^[103], он указывает на то, что труд не был презираем в архаических Афинах. Более того, это говорит о том, что во времена Солон и Клисфена существовала значительная часть свободного труда под покровительством, а то и

по найму, богатых людей. Преобразования, начавшиеся в V веке, происходили постепенно. К моменту написания Геродотом книги она еще не была завершена. Среди афинских граждан, которые как раз в то время нанимались Периклом на афинский акрополь, как мы видим из Плутарха, были плотники, кузнецы и кожевники. В следующем поколении мы находим Ксенофонта, который заявляет, что большинство тех, кто разбирается в этих ремеслах, подневольны. Эти слова вложены в уста Сократа, который был младшим современником Геродота примерно на пятнадцать лет^[104]. Однако Сократ и Ксенофонт иногда высказывают более раннюю точку зрения. Например, в "Апологии" артизаны положительно сравниваются с политиками, поэтами и т. п.^[105]. Аналогичным образом в "Вектигалибусе" Ксенофонта, в котором писатель выражает некоторые из своих личных взглядов, артизаны без малейшего намека на неполноценность помещаются в компанию софистов, философов, поэтов и зрячих^[106]. У Платона, за исключением только что процитированного отрывка из "Апологии", ручной труд последовательно осуждается как недостойный свободного человека в свободном городе^[107]. Он не допустил бы ни члена государства, ни даже раба гражданина среди тех, кто занимается ручным трудом^[108]. Он признает, что в торговле нет ничего изначально неблагородного, но подробно объясняет, как вся торговля фактически стала такой^[109]. Торговля стала подразумевать зарабатывание денег и означать, что город, где она процветает, "заражен серебряными и золотыми деньгами, а это, говоря в целом, не может быть большим злом для города, который стремится к воспитанию справедливых и благородных характеров"^[110]. "Когда Платон строит свое идеальное государство, заработок остается за теми гражданами, которые умственно отстают"^[111]. Платон - прежде всего независимый мыслитель, не очень уважающий массы и тем более народное мнение. Но в данном конкретном случае его взгляды не кажутся чем-то необычным. Ему снова и снова вторит Аристотель: "Граждане не должны жить жизнью ремесленника или торговца"^[112]. "Фермеры и ремесленники, и все элементы рабочего класса должны существовать в городах: но настоящие составляющие города - это военный класс и парламентарии"^[113]. "Самый лучший город не сделает артизана гражданином"^[114]. "Город, где артизанов много, а людей с оружием мало, не может достичь величия"^[115]. Речь Демосфена против Эвбулида наглядно показывает, что в IV веке сомнительные притязания на афинское гражданство можно было разрушить, указав на то, что претендент был мелким торговцем. "Ваш долг, - обращается оратор к присяжным, - соблюдать законы и не считать чужаками людей, которые зарабатывают себе на жизнь трудом (τοὺς ἐργαζομένους)"^[116]. Аристотель и Евбулид согласились бы с Поллуксом^[117], нашим самым ранним лексикографом (второй век н.э.), что тетес - это название свободных людей, которые из-за бедности выполняют работу раба за деньги (ἐπ' ἀργυρίῳ δουλεύοντων).

Греки презирали артизана в основном за отсутствие досуга и слабое телосложение, что, по их мнению, неизбежно предполагало отсутствие культуры и ослабленный интеллект^[118]. Это было основанием для их презрения, и это чувство, очевидно, должно было развиваться, когда требования культуры и промышленности стали требовательными. Это означает, что оно, вероятно, возникло после и в результате промышленного развития эпохи тиранов; эта датировка подтверждается и другими соображениями.

Рост презрения к труду был объяснен Друмманом^[119] как частично обусловленный, по крайней мере, персидскими войнами и последовавшим за ними грабежом, который, должно быть, сделал многих граждан финансово независимыми. Оплата огромных коллегий юристов, которая в Афинах так освободила более бедных граждан от необходимости работать, была конечным результатом персидских войн. Пелопоннесская война, возможно, завершила этот процесс. Она длилась почти тридцать кампаний (431-404 гг. до н. э.) и, должно быть, глубоко дезорганизовала рынок труда. Рабы должны были во всех

направлениях вытеснить свободных мужчин, которых требовали для военной службы, подобно тому как женщины заняли места мужчин в современном аналоге греческой катастрофы^[120]. Постоянные походы, несомненно, оставили у многих сражающихся мужчин отвращение к скучной рутине промышленности^[121]. В "Плуте" Аристофана, опубликованном в 388 г. до н. э., Нищий выступает против равномерного распределения богатства на том основании, что оно уничтожит работоторговлю и заставит свободных людей заниматься ручным трудом в качестве кузнецов, кораблестроителей, портных, колесников, сапожников, кирпичников, прачек, кожевников и пахарей^[122]. Вместо того чтобы вернуться к своему ремеслу, они предпочитали активную службу в дальних странах. Когда в начале четвертого века Агесилай из Спарты вел кампанию в Малой Азии против персидского царя, нам рассказывают, что большинство его войск, кроме его собственных спартанцев, были гончарами, кузнецами, плотниками и тому подобными^[123]. По словам Аристотеля, в его время в некоторых греческих городах механические профессии находились в основном в руках рабов и пришлых людей: "в древности в некоторых городах артизанский элемент (τὸ βάναιον) был подневольным или чужеземным, по этой причине большинство из них таковы и теперь^[124]." Это растущее презрение и неприязнь к ручному труду как таковому, в сочетании со страстью к свободе и независимости, заставляло свободных граждан особенно неохотно становиться рабочими на фабриках, шахтерами или кем-либо еще, что означало работу под началом хозяина за ежедневную плату, получение которой, как правило, рассматривалось как деградация^[125]. Чиккотти^[126] отмечает, что сдельная работа становится гораздо более распространенной в этот период. Он объясняет эту тенденцию абстрактными марксистскими принципами. Изменения могут быть вызваны гораздо более человеческими причинами, такими как растущее желание рабочего работать в свое собственное время и в своем собственном темпе. Работу, которую отказывались выполнять свободные люди, брали на себя растущие массы рабов. В это время на рынке рабов наблюдалось перенасыщение, о чем достаточно свидетельствует тот факт, что в то время как цены на все остальные товары в V и IV веках росли, цены на рабов падали^[127]. Среди неприятных занятий, которые все больше и больше переходили в руки рабов, были горное дело и каменоломня^[128], два занятия, которыми, как мы увидим, чаще всего занимались ранние тираны.

Поэтому если в пятом и четвертом веках ремесленники-граждане работали в основном в небольших индивидуальных предприятиях^[129], то из этого отнюдь не следует, что так же обстояло дело в седьмом и шестом веках. Условия, сложившиеся в более поздний период, были обусловлены причинами, которые начали действовать только в этот период. С другой стороны, промышленность должна была начать организовываться в значительные концерны где-то в начале раннего периода, во время событий, которые, по общему признанию, связаны с зарождением тирании. Каков был статус работников на этих ранних предприятиях, таких как гончарные заводы Коринфа, шахты шестого века в Лауриуме или металлургические и шерстяные заводы на Самосе? Почти единственным прямым свидетельством по этому вопросу является заявление Алексиса^[130] о том, что Поликрат, тиран Самоса, чья связь с саамской промышленностью установлена в главе III, "посылал за квалифицированными ремесленниками за очень высокую плату (μετεστέλλετο τεχνίτας ἐπὶ μισθοῖς μεγίστοις)". Эти высокооплачиваемые артизаны могли быть иностранцами - афинянами, милезийцами или подобными^[131] - но вряд ли они могли быть рабами. Косвенные свидетельства в том же направлении более многочисленны. Например, Периандр, второй тиран Коринфа (около 620-580 гг. до н. э.), как говорят, запретил покупать рабов^[132]. Это постановление выглядит как попытка конце периода тирании в Коринфе остановить приток подневольного труда.

Сомнительно, что рабовладение в больших масштабах существовало в этот период^[133]. Греки пятого и четвертого веков рассматривали рабство в том виде, в котором они его знали, как современное развитие^[134]. Тимей говорит^[135], что до недавнего времени у локрийцев был закон, а также у фокийцев, запрещающий иметь служанок или рабов (οὔτε θεραπαίνας οὔτε οἰκέτας) и что друг Аристотеля Мнасон, приобретший тысячу рабов, был дурноО Мнасоне, друге Аристотеля, который приобрел тысячу рабов, среди фокийцев говорили, что он лишил такое количество граждан хлеба насущного. Поэтому многое можно сказать в пользу мнения, высказанного Клерком^[136], что свободный труд расцвел заново в седьмом и шестом веках до н. э. со свержением аристократии, или, другими словами, в эпоху ранних тиранов. Чиккотти недавно хорошо заметил, что во всей литературе от гимна Деметре до трудов Плутарха рабы не занимают никакого места в картине социальных условий в этот период^[137].

Уже давно Бухсеншутц^[138] признал, что в доклассической Греции ручные ремесла находились в руках свободных людей, но каждый человек был сам себе хозяин, не было ни фабрик, ни разделения труда. В классические времена существовало значительное разделение труда, и были предприятия, на которых работало большое количество рабочих рук, но граждане редко работали в них. Эпоха тиранов находится между двумя только что сформулированными эпохами. Это единственная короткая эпоха в истории Греции, когда, вероятно, существовали значительные промышленные предприятия, на которых использовался труд граждан. Таким образом, это та эпоха в греческой истории, когда, если не принимать во внимание все детали доказательств, существует наибольшая *априорная* возможность того, что отдельный человек получил политическую власть, которая может достаться работодателю организованного свободного труда в больших масштабах^[139].

В наши дни трудно осознать, насколько уникальна ситуация, которая здесь подразумевается. Мы склонны забывать, насколько полностью рабы были исключены из какой бы то ни было роли в жизни государства. Политически их не существовало, и все свободное население было жизненно заинтересовано в том, чтобы они оставались таковыми. Раб был неотъемлемой формой собственности. Ставить под сомнение институт рабства в Древней Греции было все равно что ставить под сомнение фундаментальные требования собственности в современной Европе. Это было объявление войны с ножом против всего установленного порядка вещей. Отдельные рабы могли получить свободу и политические права, но любые организованные усилия по освобождению со стороны самих рабов пресекались с беспощадной суровостью. Когда в 71 году до нашей эры Помпей и Красс подавили восстание рабов Спартака, умеренного и государственного революционера, чье имя в последние дни вновь стало столь известным, шесть тысяч его последователей были распяты на крестах вдоль дороги из Рима в Неаполь. Расстояние составляет около 150 миль. Поэтому во время этого показательного наказания, если бы кому-нибудь довелось проехать по этой дороге, одной из самых посещаемых во всем Римском государстве, он увидел бы на каждой миле своего пути около сорока этих жертв, корчащихся в агонии или висящих мертвыми на кресте. Во всей страшной истории нынешнего века не найти такого тщательного и методичного наказания. Наказание 71 года до н. э. типично для всего отношения древних республик Греции и Рима к восставшим рабам. Неудивительно, что в их истории подневольный труд не играл активной роли^[140].

(е) История государств, где никогда не было тирана,

Некоторые части Греции никогда не были под властью тирана. Самая заметная из них - Спарта^[141]. Спартанцы никогда не чеканили настоящих монет. Железные куски, "тяжелые и

трудно переносимые^[142] ", которые составляли классическую спартанскую валюту, похоже, являются выжившим домонетным средством обмена (). В Спарте также практически отсутствовало городское население^[144] . Возможно, это более чем случайное совпадение, что самое антитираническое государство Греции не имело настоящей монеты и было отсталым в торговле и промышленности.

Другой регион, где ничего не слышно о ранних тиранах, - Фессалия. В Фессалии было много крепостного населения, называемого *πενέοται*, чье положение во многом напоминало положение спартанских гелотов^[145] . И те и другие были в основном сельскохозяйственными рабочими, *asscripti glebae*. Такое население могло служить целям потенциального военного деспота. Павсаний, спартанский генералиссимус в борьбе с персами, имел дело с гелотами, когда пытался сделать себя тираном всей Греции^[146] . Но для торгового тирана они не были бы очень полезным материалом. Другой важный регион, который, похоже, был защищен от тиранов, - Беотия. Естественно связать этот иммунитет с преимущественно сельскохозяйственным характером района, где Гесиод написал свои "Труды и дни"^[147] .

(f) меры, принятые для предотвращения повторения тирании.

Когда тираны были подавлены или изгнаны, или их семьи вымерли, правительство в большинстве случаев либо возвращалось к олигархии, либо превращалось в демократию. Олигархи и демократы (или, по крайней мере, демократические правительства), похоже, были одинаково вдохновлены ненавистью к тирании. Можно ожидать, что шаги, которые они предпринимали, и страхи, которые они демонстрировали под этим влиянием, прольют свет на источник власти тирана. Однако снова придется ограничиться пятым веком, когда представление о тиране еще не претерпело тех больших изменений, которые произошли с ним во времена Дионисия Сиракузского^[148] .

Об олигархических греческих государствах мы знаем сравнительно мало. История не сохранила для нас олигархического аналога той картины демократических Афин, которой мы до сих пор располагаем. Но благодаря "Политике" Аристотеля, этому драгоценному хранилищу случайных высказываний и замечаний, до нас дошел тот факт, что^[149] "во многих олигархиях не разрешается заниматься бизнесом (*χρηματίζεισθαι*, возможно, лучше истолковать как "делание денег"), но есть законы, запрещающие это".

Об антитиранических мерах демократических Афин в течение столетия, последовавшего за изгнанием Писистратидов, мы осведомлены лучше. Так же как и о мерах, принятых в первые дни республиканского Рима для предотвращения восстановления царской власти. Факты свидетельствуют в пользу того, что в обоих случаях установленное правительство в основном боялось богатого человека, обретшего политическую власть благодаря своим богатствам.

Но если эта точка зрения верна, то почему она нигде конкретно не сформулирована в сохранившихся записях?

Доказательства не являются убедительными, но современные документы скудны, и ни один греческий писатель не говорит много об экономических причинах.

Один набор причин уже был случайно указан. Положение вещей, которое могло привести к тирании раннего типа, к моменту персидских войн уходило в прошлое. Плата присяжным сделала ее повторение в Афинах окончательно невозможным. В Спарте всегда были одинаково нежелательны как монеты, так и тираны. То, что не одобряли ни Афины, ни Спарта, имело мало шансов обрести дом в Греции V века. Именно в этот период Геродот и

Фукидид, наши самые ранние греческие историки, написали свои труды. Каждый из них писал историю великой войны. Но даже если бы их темы были более мирными, было бы ошибкой полагать, что их исследования экономических причин были бы более глубокими. Корнфорд в своем интересном исследовании Фукидида^[150] сетует на общую слепоту греков в этом направлении. Вряд ли это справедливо по отношению к грекам. Фукидид и его преемники не были необычайно слепы. Это современные люди необычны в том, как они фиксируют свой взгляд на этом конкретном аспекте истории. Только во времена финансовой и промышленной революции мир в целом отчетливо осознает финансовую и промышленную основу своей социальной и политической организации. Революция, происходящая сейчас на сайте, произвела именно такой эффект. Она заставила современных историков сосредоточиться, возможно, неоправданно, на исследовании экономических причин и условий. С этой современной точки зрения Банк Англии или Standard Oil Company - такой же плодотворный и важный предмет исторического исследования, как политика премьер-министра или стратегия генерала. Но такое отношение необычно. Финансовая революция, связанная с царствами Гигеса и Фидона, была принята всем греческим миром еще до начала персидских войн. Для писателей новой эпохи, начавшейся с Саламины и Платеи, экономические условия должны были казаться неизменным и несколько скучным фактором. Если ранние тираны ранее были финансовыми или промышленными королями, мы не должны ожидать много заявлений или иллюстраций этого факта в Персидских войнах Геродота или Пелопоннесской войне Фукидида. Нас должно удовлетворить, если, как это бывает, все их упоминания о тирании находятся в полном соответствии с этой гипотезой.

Эта точка зрения расходится с высказываниями Платона, Аристотеля и последующих авторов:

Писатели четвертого века представляют собой более серьезную проблему. И Платон, и Аристотель довольно подробно рассматривают вопрос о происхождении тирании, и оба дают объяснения, совершенно отличные от того, которое предлагается здесь. Поскольку эти объяснения легли в основу всех последующих взглядов, необходимо вкратце изложить их суть.

Согласно Платону^[151] "совершенно очевидно, что тирания развивается из демократии".

Когда появляется тиран, корень, из которого он прорастает, - это народный защитник, и никакой другой.... Что же является началом перехода от защитника к тирану?... Народный поборник, обнаружив толпу, готовую следовать за ним... поработает и убивает, намекает на отмену долгов и раздел земли. Когда такой человек ведет себя подобным образом, не обречен ли он впоследствии либо быть уничтоженным своими врагами, либо стать тираном и превратиться из человека в волка? Вот что становится с предводителем восстания против владельцев собственности^[152].

Далее Платон описывает, как тиран либо изгоняется и добивается своего возвращения силой, либо избегает изгнания только благодаря известному приему - требованию телохранителя.

Аристотель рассказывает о том же, но менее жестко, и подчеркивает военный элемент. "В древние времена, когда один и тот же человек становился одновременно демагогом и полководцем, результатом была тирания. Довольно верно утверждение, что большинство ранних тиранов развились из демагогов^[153]." Других тиранов он описывает как утвердившихся в этом качестве после того, как они до этого либо царствовали как цари, либо занимали в течение длительного времени какой-либо важный пост^[154]. К древним временам Аристотель относит пятый век (а возможно, и начало четвертого), о чем свидетельствует его

цитата из Дионисия Сиракузского^[155]. Платон менее историчен, но поскольку он специально исключает возможность какой-либо другой родословной тиранов, кроме той, которую он дает, его рассказ, очевидно, предназначен для всех периодов^[156].

Но их картина роста тирании вступает в противоречие с известными фактами об этом периоде,

Одним словом, и Платон, и Аристотель считают свои рассказы о происхождении тирана общеприменимыми. В этом качестве они всегда принимались, и, на первый взгляд, не без оснований. Платоновско-аристотелевскую родословную (с альтернативой) тирану приписывает уже Геродот: "При демократии невозможно, чтобы коррупция не преобладала..... пока какой-нибудь человек, отстаивающий интересы народа (προσὸς τοῦ δήμου), не превратится в монарха (ρεῖτε μονάρχος = тиран)^[157]." Но что это за факты? Только что описанный процесс приводит к тому, что ранний тиран развивается из демагога, который обычно также является генералом. Возможно, демагоги существовали в Греции до того, как начали создаваться тирании; но свидетельства в пользу их существования чрезвычайно скудны^[158], и весьма сомнительно, что Аристотель пополняет их. Он не пытается изобразить демагога седьмого или шестого века. Демагоги его времени обеспечивали свое влияние за счет конфискаций, осуществляемых через народные суды^[159]. По сути, они являются продуктом полноценной демократии, а дотиранические демократии крайне сомнительны. Афины - особый и лишь частичный случай, и даже там, несмотря на Солона, Геродот^[160] может говорить о Клисфене, свергнувшем тиранию, как о "человеке, установившем демократию". Демагоги, из которых Аристотель выводит своих ранних тиранов, - это в основном военные демагоги: "Тиран, - говорит он, - также склонен к войне^[161]."

Это утверждение вряд ли подтверждается фактами. В целом, несмотря на время, в которое они жили, ранние тираны отличались своими делами не войны, а мира^[162]. Некоторые из них, например, Ортагор и Писистрат, как сообщается, отличились как солдаты еще до того, как стали тиранами. Военные подвиги юного Ортагора рассматриваются ниже^[163]. Он не мог быть действительно склонен к милитаризму, поскольку Аристотель заявляет, что его преемник изменил характер сицилийской тирании, став воинственным^[164]. Ранние военные подвиги Пейсистрата хорошо засвидетельствованы. Естественно, он сделал из них политический капитал. "Он попросил народ дать ему телохранителя, так как ранее отличился в походе против Мегары, когда захватил Нисею и совершил другие великие подвиги^[165]." Но ранее в той же главе Геродот совершенно ясно показал, что Пейсистрат не был военным деспотом. "Задумав тиранию, он воздвиг третью фракцию, собрал партизан и, выдавая себя за защитника хилленов, поступил следующим образом". Именно фракция хилленов, а не мегарейская экспедиция, стала ступенькой к тирании. О том, кем были хиллены, говорится в главе об Афинах. Никогда не предполагалось, что они были военными^[166].

Военный демагог, который делает себя тираном, по сути, является продуктом развитой демократии, которой угрожает вторжение извне. Когда тираны седьмого и шестого веков закрепили свои позиции, не было ни иноземного захватчика за воротами, ни демократии внутри. Аристотель^[168] называет демократию "последним словом тирании" (ἡ τελευταία τυραννίς). С точки зрения исторического развития гораздо ближе к истине обратное, и тирания - это первое слово демократии. [Эволюция тирана, описанная Аристотелем и Платоном, не могла произойти до реформ Клисфена или именно до того периода, когда последний из ранних тиранов был окончательно изгнан из Греции. Эти два философа, а также Геродот в только что процитированном отрывке^[169], должны быть, причисляют к более древним временам положение вещей, которое стало преобладать только незадолго до их собственного^[170]. Слова Геродота вложены в уста Дария. Это означает, что они

действительно не зависят друг от друга и могут находиться под влиянием карьеры современных демагогов, таких как Клеон.

и особенно карьера Дионисия Сиракузского.

Но главный источник ошибок лежит в Платоне и Аристотеле, и он еще более очевиден. Самой выдающейся фигурой в политической истории начала четвертого века был Дионисий Сиракузский. Дионисий, как и тиран Платона в "Республике", является продуктом демократии: как и тиран Аристотеля в "Политике", он начинает свою карьеру как военный демагог. Сходство не случайно. Дионисий стал тираном, когда Платон только достигал зрелости. Платон посетил его двор, и немногие политические эксперименты стали более известными, чем попытка Платона превратить сына тирана в идеального царя-философа^[171]. Аристотель, естественно, разделял интерес своего учителя к знаменитому сиракузянину. Его "Политика" часто свидетельствует об этом. В ней содержится всего восемь упоминаний о тиранах Коринфа и Афин против двадцати о тиранах Сиракуз (одиннадцать - о Дионисии и Дионе, девять - о Дейномениде). Из трех человек, Теагена, Писистрата и Дионисия, выбранных для иллюстрации того, как из военного демагога может получиться тиран, Дионисий - единственный, чья карьера соответствует этому процессу.

Другие философы того периода писали под тем же доминирующим влиянием, в частности Эсхин Сократ и Аристипп, оба из которых оставались с тираном^[172]. Аналогично и с историками IV века: в их представлении тиран - это Дионисий, описанный историком самого этого властителя, его согражданином Филистом.

Все подтверждало эту точку зрения. Величие Дионисия, естественно, привлекало внимание к величию Гело и Иеро, его предшественников в Сиракузах. Гело и Гиеро, как и Дионисий, были военными деспотами. Для последующих поколений они были великими воинами, которые спасли Сицилию от карфагенян и этрусков. Их современник Павсаний пытался возвыситься от генералиссимуса греческой армии до тирана всей Греции^[173]. Эти события все еще были в памяти людей. О более ранних тиранах они имели лишь смутные представления^[174]. Лучше всего запомнились, вероятно, Писистратиды, как из-за их позднего времени, так и из-за того, что они были афинянами. Как уже было замечено, Пейсистрат в начале своей карьеры отличился как солдат. Так случилось, что Поликрат, другой великий тиран второй половины шестого века, также вступил в войну. К ней его вынудили персы. Все свидетельства говорят против того, чтобы считать ее основой его власти. Но военные достижения этих двух правителей, последних и, возможно, самых великих из ранних тиранов, придают красок поспешным обобщениям Аристотеля^[175].

Сам Аристотель, говоря о способах поддержания тирании, отмечает, что "традиционный метод, в соответствии с которым большинство тиранов осуществляют свое правление, как говорят, был в основном введен Периандром из Коринфа^[176] ?". Всего несколькими страницами позже в той же работе^[177] нам говорят, что Периандр отказался от политики своего отца Кипсела и что он сделал это, став воинственным или, другими словами, приблизившись больше к Дионисию Сиракузскому. И снова типичный тиран Аристотеля - это правитель, который отходит от политики типичного основателя ранней тирании.

Для примера победы аристотелевской точки зрения над истиной можно сравнить Геродота, I. 59, где говорится, что Пейсистрат, воевавший против Мегары, стал тираном с помощью фракции Хильменов, с Юстином, II. 8, согласно которому "Писистрат, как будто он завоевал (мегарян) для себя, а не для своей страны, захватил тиранию ремеслом". Юстин извращает отрывок из 14-й главы аристотелевской "Афинской конституции", где говорится, что Писистрат, "имея репутацию большого друга народа и сильно отличившись в войне с

Мегарой", обеспечил себе телохранителя и тиранию. Аристотель неверно интерпретирует Хильмена и преувеличивает значение мегарейской экспедиции. Юстин вообще опускает первую и делает вторую единственной причиной получения тирании Писистратом.

Аристотелевская концепция класса тиранов, основанная в основном на концепции военных демагогов, была воспринята римлянами. В главе о Риме будет показано, как мало эта концепция согласуется с ранней историей самих римлян. Но времена, предшествовавшие великим войнам в Риме (Самнитской, Пирровой, Пунической), похожи на времена, предшествовавшие персидским войнам в Греции. Они принадлежат к другой эпохе, нежели последующие. Позднейшая история Римской республики согласуется с мнением Аристотеля. Гракхи могут быть представлены как демагоги, которые не смогли стать верховными из-за недостатка военной силы^[178]. Марий, Помпей и Цезарь добились успеха в той мере, в какой они реализовали аристотелевскую комбинацию. Таким образом, концепция IV века осталась неоспоримой для римских писателей, тем более что Дионисий, похоже, некоторое время доминировал в римском представлении о греческом тиране^[179]. Однако, к счастью, благодаря небрежной работе римских историков над своим материалом, они оставили нам проблески различных условий, которые когда-то существовали.

Точка зрения, которая была распространена в классической Греции и Риме, естественно, была принята учеными эпохи Возрождения и с тех пор преобладает.

Глава II. Афины

Исключительное положение Афин.

Из всех тиранов седьмого и шестого веков ни один не известен нам так хорошо, как те, что правили в Афинах. Ни один другой город не оставил нам столь ясного представления о положении дел не только во время тирании, но и непосредственно до и после нее. Солон дожил до того времени, когда Писистрат стал верховным правителем. Геродот, родившийся в персидском подданстве около 484 года до н. э., наверняка имел возможность расспросить авторитетов из первых рук о последних годах афинской тирании, а его младший современник Фукидид находился в особенно выгодном положении для получения информации по этому вопросу благодаря своим отношениям с Филаидами, о соперничестве которых с Писистратидами будет повод поговорить позже в этой главе^[180].

Это сравнительное обилие информации является причиной того, что Афины стали отправной точкой данного исследования. Но даже в этом случае наши знания достаточно скудны. И есть особая причина использовать их с осторожностью. До сих пор в мировой истории были только одни Афины. События, происходившие в этом городе в первые два века демократии, не имеют аналогов. Можем ли мы быть уверены, что Афины не были уникальными уже в предшествующий период? Один момент, в котором афинская тирания была исключительной, встречает нас с первого взгляда. [Афины до установления тирании.] За единственным исключением Самоса, все другие известные тирании более раннего типа, по крайней мере в Эгейском регионе, возникли в седьмом веке. Но, кроме этого факта, можно обнаружить, что тирания в Афинах в шестом веке следовала тем же путем, что и в таких местах, как Коринф и Аргос, Сарды и Милет в седьмом. Чем более высокоразвитым является организм, тем больше времени требуется для достижения зрелости. Возможно, именно

поэтому Афины в шестом веке в некоторых отношениях отстают на сто лет от некоторых городов, которые им суждено было затмить.

Афины не были исключительно торговым городом. Большая территория Афин делала их отчасти сельскохозяйственными. Этим можно объяснить ее неспособность конкурировать в седьмом веке в коммерческом отношении с такими городами, как Эгина и Коринф^[181]. Отсюда и позднее возникновение тирании. Она появляется только тогда, когда торгово-промышленный элемент берет верх. Была, правда, попытка Килона, который сговорился сделать себя тираном уже через поколение после первого появления тирании на материковой части Греции^[182]. Но Кайлон потерпел неудачу, потому что, хотя он был богат (ὀλυμπιονίκης) и влиятелен (δυνατός), он не мог быть в Афинах своего времени лидером какой-либо доминирующей организованной коммерческой деятельности. Он был всего лишь честолюбивым представителем аристократии (τῶν πάλαι εὐγενής), связанным с великой группой купеческих князей только браком^[183]. И сама попытка, и ее результат - то, чего можно было ожидать, исходя из положения Афин в то время.

Вскоре после попытки Килона Афины начали соперничать с Коринфом в гончарной торговле, и влияние богатых городских купцов и экспортеров, несомненно, возросло. Но даже в гончарном деле великая мода на аттическую посуду была еще впереди, и меры Солона по поощрению выращивания оливок и экспорта оливкового масла также относятся к этому периоду^[184]: значение земельной аристократии, владевшей оливковыми дворами, должно было возрасти почти в той же степени. Поэтому ни один купец не пытался с помощью накопленного им богатства или труда захватить тиранию. Земельная аристократия тоже была богата и тоже много работала, и так получилось, что лучшая часть Аттической равнины, где лежали их владения, находилась вокруг города, как обнаружил, к своему стыду, Кайлон, когда захватил Акрополь. Тирания была почти невозможна.

Главный человек в Афинах не был простым миллионером, как в более исключительно торговых государствах. Солон действительно имел некоторый опыт торговли^[185], но по сути он был политиком с финансовым даром, а не финансистом или купцом с политическими амбициями. Он стал не тираном, а законодателем.

Пейсистрат делает себя тираном, организуя новую партию.

Солон пытался предусмотреть трудности, которые, по его мнению, возникали из-за существования двух равных партий - землевладельцев на равнине и торговцев на побережье. Тирания возникла в результате политической организации новых интересов Пейсистратом, который, по точной цитате Геродота:

В то время как афинские жители побережья и равнины враждовали между собой, ... замышлив (катаφρονήσας) тиранию, приступил к созданию (ῥύειρε) третьей фракции^[186].

Некоторые античные авторы представляют Писистрата как человека, обязанного своей тиранией ораторским дарованиям или демагогии^[187]. В главе I приводятся причины не принимать эту точку зрения, а также не верить в то, что Пейсистрат добился трона в основном как успешный солдат^[188]. Именно как основатель и лидер "третьей фракции" Геродота Писистрат сделал себя тираном, и, похоже, он в значительной степени укреплял свое влияние на них, оказывая им помощь, несомненно, финансовую^[189].

Чтобы понять положение Пейсистрата и выяснить основу его власти, очевидно, в первую очередь необходимо знать, кто именно составлял эту третью фракцию. К сожалению, на этот вопрос нельзя ответить прямо из дошедшей до нас информации. Поэтому, прежде чем

просеивать свидетельства, относящиеся к этому вопросу, будет хорошо рассмотреть некоторые более поздние и более известные этапы карьеры тирана.

Как Пеисистрат "укоренил" свою власть.

Сообщается, что после того, как тиран впервые утвердился, он был дважды изгнан и дважды восстановлен. После второго восстановления "он приступил к укоренению своей тирании с помощью многочисленных наемников и денежных доходов, часть которых собиралась с родины, часть - с реки Стримон^[190]."

Река Стримон (Струма) протекает через знаменитый горный район, который впоследствии был присоединен Филиппом Македонским и принес ему огромные богатства. Вряд ли можно представить, что доходы Пеисистрата из этого региона поступали из какого-либо другого источника, кроме рудников^[191]. Поэтому Гиро в своем интересном, но трезвом рассказе о древнегреческой промышленности уже высказал предположение, что аттические доходы Писистрата были получены из аналогичного источника, и что он работал на рудниках Лауриума^[192].

Как он добился своей второй реставрации.

Пеисистрат не впервые в своей карьере использовал доходы от рудников, когда приступил к "укоренению своей тирании" описанным выше способом. Он уже использовал те же средства, чтобы добиться своей второй реставрации. Когда его во второй раз изгнали из Афин, он "отправился в окрестности Пангеи, где зарабатывал деньги, и, наняв солдат, вернулся в Эретрию, а в одиннадцатом году предпринял первую попытку восстановить свое положение силой^[193]". Геродот, по-видимому, считает, что весь период изгнания был проведен в Эретрии; но он также утверждает, что он был потрачен на сбор денег (ἔως ... τὰ χρῆματα ἤγειρε). В результате "он теперь надежно удерживал тиранию^[194]". Гора Пангайон - это название большого горнодобывающего района к востоку от нижнего Стримона. Упоминание о нем подтверждает мнение, что Писистрат был лично связан с фракийскими рудниками. Эретрия, расположенная на западном побережье Эвбеи, - очевидное место, откуда можно наброситься на Восточную Аттику, но, с другой стороны, в Эвбее тоже были горнодобывающие районы^[195], а в Эретрии было поселение к востоку от горы Пангайон, если Своронос прав в своем весьма правдоподобном отождествлении современной Каваллы со "Скабалой": место эретрийцев" Стефана Византийского^[196].

О первой реставрации тирана у Геродота есть только рассказ, который сам историк называет "очень глупым делом". Ее рассмотрение лучше отложить до тех пор, пока мы не разберемся с его первоначальным захватом трона. Если для этого раннего этапа его карьеры доказательства менее конкретны, мы не должны удивляться. Как и Август, Писистрат тщательно, особенно вначале, соблюдал внешние формы свергнутой им конституции, чтобы реальное положение дел не стало очевидным для всех^[197].

"Хильмены", через которых Писистрат сделал себя тираном

Партию, через которую Писистрат сделал себя тираном, Геродот называет Ὑπεράκριοι^[198]. Аристотелевская конституция Афин называет их Διάκριοι^[199], Плутарх иногда Διακριεῖς, иногда Ἰακροί^[200]. Английская терминология столь же изменчива. Использовались такие слова, как Hill, Mountain и Upland.

Современные историки в основном объясняют эту партию как состоящую из мелких фермеров, сельскохозяйственных рабочих, пастухов и т. п. и обычно относят их к одному особому району - горному району Северной и Северо-Восточной Аттики^[201]. Но эта точка

зрения, как подробно показано ниже в приложении^[202], основана на неправильном понимании текстов, которые цитируются в ее поддержку, и противоречит всем древним свидетельствам, будь то политические склонности сельскохозяйственных рабочих или состояние культивации аттических гор. Она не принимает во внимание только что приведенные факты о том, как тиран восстановил и сохранил свою власть.

Вероятно, это были рудокопы из района Лаврии.

В работе, которую я опубликовал в 1906 году^[203] эти факты были положены в основу нового объяснения хилменов Пеисистрата. Согласно выдвинутой там точке зрения, наиболее важной частью последователей Пейсистрата были шахтеры, работавшие на знаменитых серебряных рудниках Южной Аттики, и именно как лидер этого шахтерского населения Пейсистрат возвел себя в тираны. В то время эта точка зрения была не более чем предположением, сомнительным с топографической точки зрения. Из двух известных мест, Плотея и Семачида, которые располагались в Стране холмов, Плотея, как показали надгробные камни, находилась где-то между Марафоном и Кефисией^[204], и поскольку этот факт, казалось, подтверждал теорию исключительно Северной Страны холмов, Семачидай, о местоположении которого в пределах трех тритий его племени не было никаких свидетельств, был помещен на севере во внутренних тритиях. Но то, что это местоположение было ошибочным, стало практически несомненным благодаря обнаружению надписи, опубликованной в 1910 году греческим ученым Ойкономосом, которая прямо указывает на этот вопрос. Она датируется 349-8 гг. до н.э. и определяет положение различных горных концессий. Одна из них описывается как расположенная недалеко от Лауриума и ограниченная с юга дорогой, ведущей через Рагон в Лауриум и Семахейон^[205].

Ойкономос убедительно объясняет Семахейон как святилище Семахоса, который дал свое имя дему Семахидай^[206]. Исходя из этого факта, он вполне логично утверждает, что мы должны выбрать для этого дема более южное положение, чем предложенное Мильхгофером и Лопером^[207], "поскольку рудник, к югу от которого лежал Семахидай, находился в окрестностях Лаврии^[208]." Семачидай принадлежал к племени антиохийцев^[209]. В избирательной организации Клисфена береговые тритты племени антиохов занимали западную часть горного округа, включая деревни Амфитроп (Метропис), Беса и Анафлис. Таким образом, выводы Ойкономоса подтверждаются тем, что его Семахейон входит в границы Антиохии. Но если технически этот горный район составлял прибрежную тритти племени, то по свидетельству Филохора, писавшего в начале III века до н. э., о нем говорили как о части Эпакрии или страны холмов^[210].

Насколько подходящим было это название, можно судить по надписи из Семахейона, в которой места добычи трижды определяются ссылкой на хребет или гребень холма (λόφος)^[211].

Как видно из C.I.A. II. 570, Эпакрия 400 г. до н. э. была религиозной организацией^[212], имевшей, по-видимому, лишь местное политическое значение. Этот факт делает вероятным, что название было уже древним, и что Плутарх и "Лексикон Сегерианум" были правы, приравнивая его к Диакрии и Гиперакрии^[213]. Действительно, существует возможность путаницы имен. Но, с другой стороны, названия указывают на общее происхождение. Все они являются соединениями ἄκρον. Любопытно, что в последнее время никто, кажется, не задавался вопросом, какое обычное значение имело слово ἄκρον для афинянина древности^[214]. Кажется, мало сомнений в том, что это было именно так.

В Аттике ἄκρον *par excellence* был Суний. Уже в "Одиссее" Суний - это ἄκρον Ἀθηνῶν^[215]. Эта же фраза вновь встречается у Аристофана^[216]. Страбон называет Суний τὸ τῆς Ἀττικῆς ἄκρον^[217].

Некоторые ранние ученые признавали этот факт. Пальмериус объяснял диакрийцев как людей, живущих между двумя мысами, Суниумом и Киносирой, а гиперакрийцев - как тех, кто жил за Суниумом, причем "за" использовалось предположительно с точки зрения тех, кто прибывал по морю из Афин^[218]. Альбертус считал, что Диакриои назывались так потому, что жили "на мысах Аттики"^[219].

Платон действительно в Критиях^[220] говорит о Πάρνηθος τῶν ἄκρων; но для афинян вершины Парнеса - это ἄκρα с местным уточнением, а не просто τὸ ἄκρον или τὰ ἄκρα; точно так же, как мы в Англии говорим о вершинах Сноудон или Скиддоу, но применяем это слово без оговорок к высотам Дербишира. Безусловное выражение, применяемое к северным высотам Аттики, было "земля горы (ἡ ὄρεϊνὴ)"^[221], а не "земля ἄκρον". Таким образом, название Диакрия, по-видимому, географически происходит не от горы Парнес, а от мыса Суниум^[222].

Геродот, как уже было замечено, дает Сунийскому району другое название. Он называет страну между Суниумом, Ториком и Анафликтом, т. е. Лаврийский горный округ, именем γουνὸς Σουνιακός^[223]. Но поскольку в том же предложении он говорит о ἄκρῃ этого района, его аллюзия представляет меньше трудностей для того, чтобы считать этот район первоначальной Диакрией, чем для ортодоксального мнения, которое отождествляет его с Паралией (Побережьем). Это особенно верно, если мы предположим, что к его временам название Диакрия распространилось на север за пределы шахтерского региона, так что для южной вершины полуострова требовалось новое имя. Это предположение, конечно, лишь отменяет существующую точку зрения, которая распространяет название на неопределенное время на юг от Парнеса.

При обсуждении этих названий иногда забывают, что мы имеем дело с обычными существительными, которые использовались греками с разным значением в разных местах и в разные периоды, подобно английским downs или forest^[224]. Эпакрия, по-видимому, использовалась в нескольких значениях даже в пределах Аттики^[225]. Возможно, название применялось вообще к любому региону ἄκρα. Если мы предпочтем предположить, что оно распространилось из одного района, то баланс вероятностей указывает на то, что название распространилось на север из района вокруг Суниума.

С другой точки зрения, слова Diakria, Hyperakria, Epakria свидетельствуют в пользу шахтерской интерпретации. Жители Эль-Дорадо из греческой легенды, страны Золотого руна, по преданию, занимали ἄκρα Кавказа^[226].

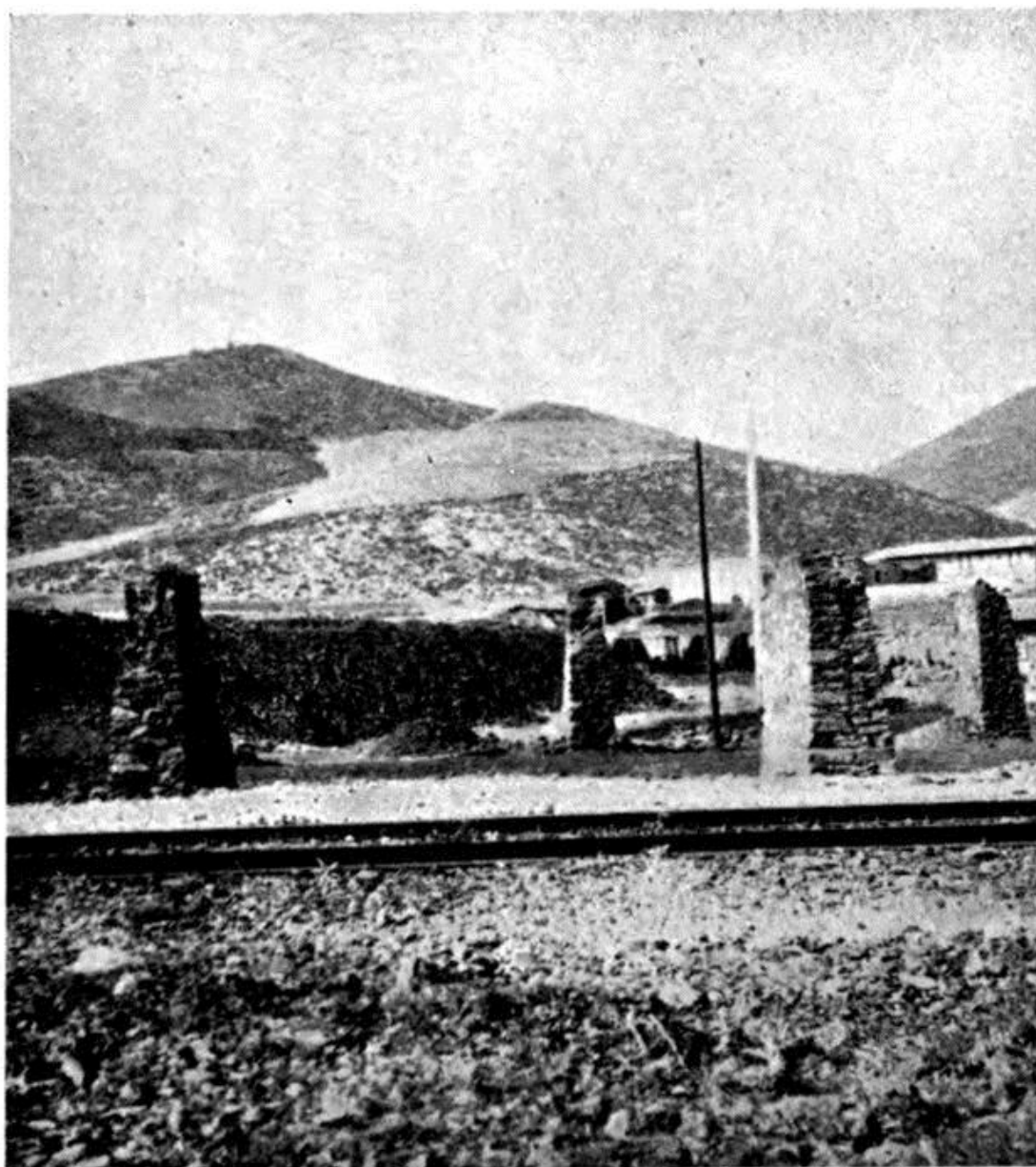

Рис. 1. Лофос Лутру со станции Даскалио.

Рис. 2. На дороге от станции Даскалио до Плаки.

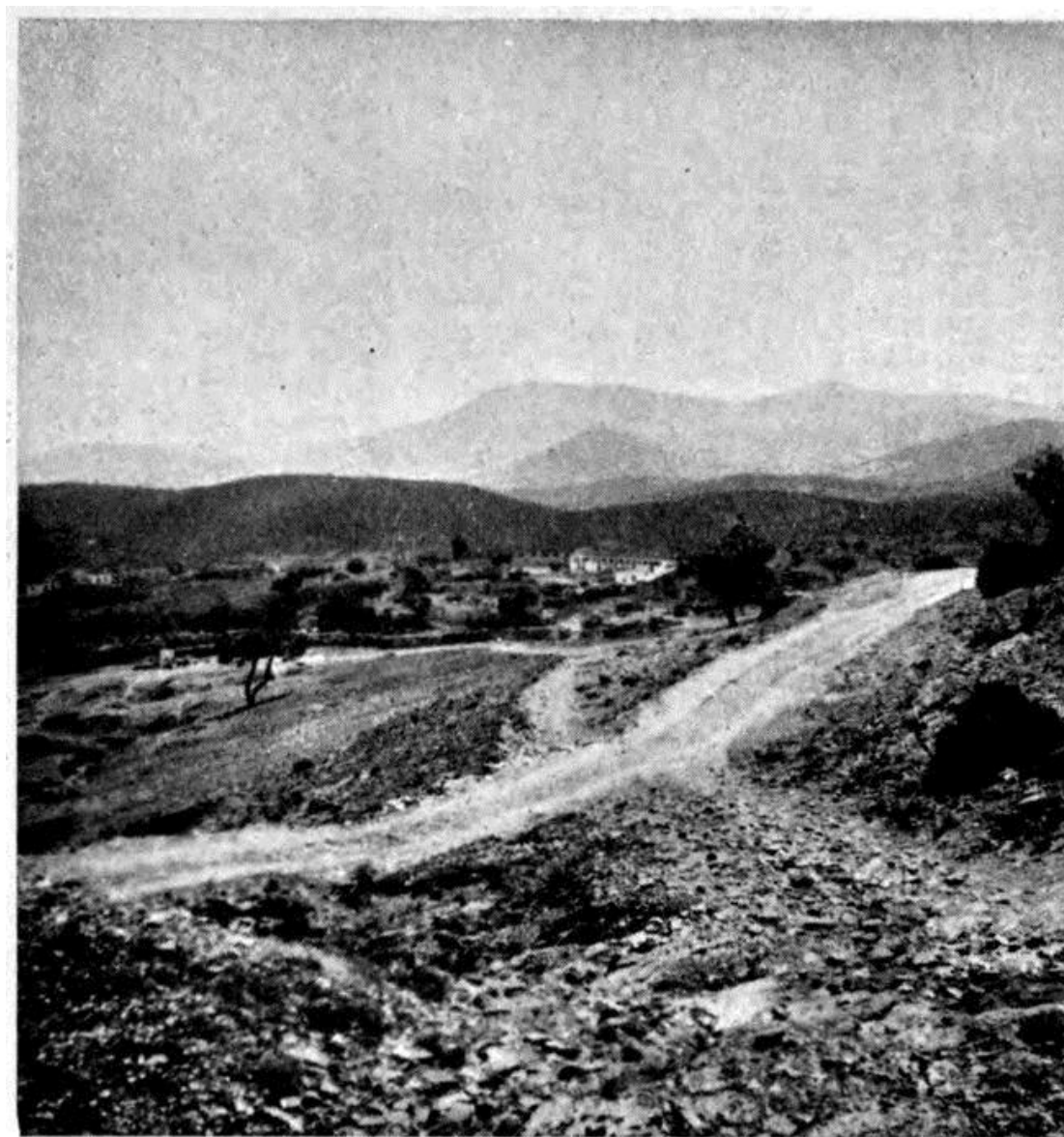

Рис. 3. Камареса.

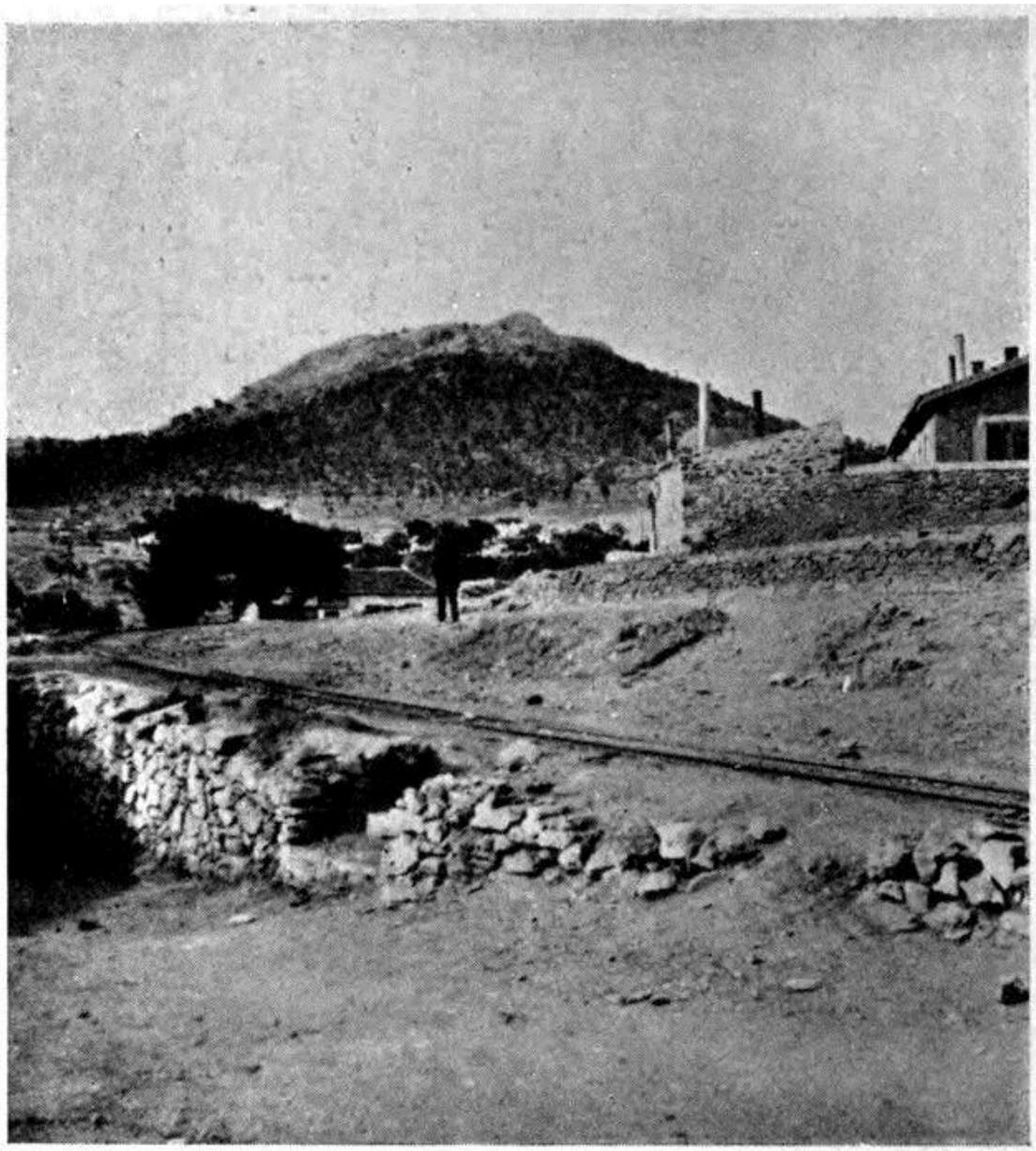

Рис. 4. Кицовуно из Камареса.

Виды в Лаврентьевском горном округе.

Кавказские *ἄκρα* - это, конечно, не мысы, а вершины. Тринакрия же - это страна трех мысов. Важно помнить, что слово *ἄκρον* не имеет эквивалента в английском языке. Оно означает пик или высоту, а также мыс или мыс. Пытаться разделить эти два значения - значит совершить ментальную ошибку в переводе. Хотя Суниум является *ἄκρον par excellence*, весь *Σουνιακὸς γούνοϛ* изобилует *ἄκρα*, или, как их называют в надписях, *λόφοι* (гребни, хребты)^[227]. Бурсиан описывает холмы Лаврии (*Lauriongebirge*) как непрерывную горную цепь и включает ее вместе с Парнесом, Брилессосом и Гиметтосом в число главных хребтов (*größere Gebirgszüge*) Аттики^[228]. Писатель провел несколько дней, гуляя по горному району. Море всегда рядом, и его часто можно увидеть. Но в пейзаже преобладают холмы, а не море. Особенно это касается района, где в шестом веке добывалось больше всего полезных ископаемых, где высота земли варьируется от 170 до 370 метров (550-1200 футов), и она лежит далеко вглубь^[229].

В свете этой вероятности того, что Диакриои занимались горным делом в Аттике, и того факта, что их название означает "люди холмов", интересно отметить, что идайские дактилы, о которых "говорят, что они были первыми горняками", также считались людьми гор^[230], и что в немецком и валлийском языках слова "горняки" (Bergleuten, gwyr y mynyddau) означают буквально "люди холмов".

Греческое слово Diakrioi было бы особенно уместно для шахтеров. Ведь ὄκρον - это именно та часть холма, которая меньше всего нужна фермеру. Шахтеры же предпочитали вести плавильные работы на вершинах холмов, поскольку таким образом обеспечивалась лучшая тяга^[231].

Мильххофер^[232] отмечает, что горный район значительно разбит клистирским делением Аттики на триттии. Расположение триттий в горном округе, предложенное Мильххофером, было убедительно упрощено Лопером^[233], но сам Лопер оставляет рудники разделенными между тремя триттиями трех разных племен. Поэтому мы можем вслед за Мильххофером считать, что Клисфен принял особые меры предосторожности, чтобы разделить этот район. То же самое Мильхгофер отмечает и в отношении округа вокруг Плотеи, северного дема, уже отмеченного как принадлежащий Эпакрии. И здесь русский ученый упростил, но тоже лишь в ограниченной степени. "В подобном разрыве старой горной страны Пеисистратидов" Мильхгофер видит явные признаки "мер, направленных против Пеисистратидов". Теперь, когда у нас есть не меньше оснований видеть холмистую страну Пеисистратов вокруг Лауриума, чем вокруг Плотеи, мы должны либо полностью отвергнуть Мильххофера, либо, что более вероятно, увидеть в обоих районах центры пеисистратского влияния, из которых южный был более важным. Горные работы в древности велись в больших масштабах. Сорок тысяч рабочих были заняты в шахтах близ Карфагена^[234].

Афиней^[235] говорит о десятках тысяч закованных в цепи рабов, работавших на рудниках Лауриума и погибших во время неудачного восстания во время второй войны рабов в Сицилии (103-99 гг. до н. э.). Из 20 000 человек, дезертировавших в Децелею, когда она была занята спартанцами в 413 году до н. э., не исключено, что значительная часть была шахтерами из Лаврии^[236].

Но каково было состояние района Лауриума во времена Писистрата?

В этот период рудники почти наверняка работали в полную силу,

Лаврские рудники не упоминаются в истории до 484 г. до н. э.^[237], когда Фемистокл убедил афинян направить прибыль от них на строительство флота. Афинская конституция говорит об открытии рудников в том же году. Однако это, вероятно, довольно вольная формулировка. Автор говорит "об открытии рудников в Маронее". "Открытие" 484 года до н. э. касалось рудников именно в этой части Лаврийского района, или, скорее всего, необычайно богатой жилы именно в этой части. "Расположение пластов" (в Маронее) "таково, что самыми богатыми являются не те, которые могут быть достигнуты первыми..... Поэтому потребовалось несколько веков поисков и усилий, чтобы заподозрить их существование и достичь их уровня" (т.е. богатых жил, "открытых" в 484 г.)^[238].

Рис. 5. Коринфская терракотовая табличка с изображением шахтера за работой.

Плутарх говорит, что до этого времени афиняне имели привычку распределять доходы от Лаврии между собой, и что Фемистоклу хватило смелости убедить их отказаться от этой привычки^[239]. Это согласуется с Ксенофонтом, где он заявляет, что "никто даже не пытается сказать, с какого периода люди пытались их обрабатывать^[240]". Рудники Лидии, Кипра и Испании были разработаны, по-видимому, в седьмом веке до н.э.^[241]. Сифнийские рудники заработали в полную силу около 525 года до н. э.^[242]. Горные работы изображены на нескольких коринфских глиняных табличках, которые не могут быть позже начала шестого века^[243]. Одна из них воспроизводится здесь (рис. 5).

Геродот ничего не говорит о дате открытия аттических рудников в своем отчете о событиях 484 года до н. э.^[244]. Было бы непохоже, чтобы он умолчал об эпохальном открытии или даже о феноменальном "наплыве", если бы таковой произошел именно в это время. В другом

месте он рассказывает, что сифнийцы уже распределяли между собой деньги от своих рудников примерно в 525 году до н. э.^[245].

Современные авторы склонны говорить о великой "лихорадке" 484 года^[246]. Но против молчания Геродота они могут выставить только упоминание в Афинской конституции об "открытии" в Маронее, о котором уже шла речь. Большое впечатление в это время производила, вероятно, не столько добыча, сколько ее использование для строительства флота. В этом, несомненно, и состоит смысл современной аллюзии в "Персах" Эсхила. Хор персидских старейшин рассказывает персидской царице об афинянах

Фонтан серебра, сокровище земли^[247]

после упоминания о доблести афинского войска и перед тем, как рассказать об оружии, которое оно использует.

Идея, предложенная Фемистоклом в 484 году, не была оригинальной. Семью годами ранее тасийцы использовали доходы от своих рудников для строительства флота против персов^[248]. Несомненно, именно успех афинского флота в условиях жесточайшего кризиса заставил афинян с такой гордостью вспоминать этот триумф добровольной системы.

Поэтому не может быть никаких сомнений в том, что шахты работали в шестом веке^[249]. Но если мы хотим понять позицию лидера шахтерских интересов в тот период, мы должны узнать кое-что об условиях и положении горняков.

А шахтеры - свободные люди, хороший материал для политической фракции.

За спиной лидеров равнины и побережья стояло мощное войско горожан. С другой стороны, на рудниках, по крайней мере со времен Ксенофонта, работали почти исключительно рабы^[250].

В IV веке очень редко бедные граждане работали на своих участках^[251]. Квалифицированные работы, такие как плавка, похоже, всегда выполнялись свободными людьми. Надгробие "Атотеса рудокопа", высеченное буквами второй половины IV века, сообщает, что он был пафлагонцем "из корня Пилаимена, павшего убитым от руки Ахилла", и хвастается своим непревзойденным мастерством^[252]. Но нет ни одного зафиксированного случая, когда гражданин работал бы в шахте за плату^[253]. Однако это не доказывает, что они не делали этого во времена Пеисистрата, когда, как указывалось во вступительной главе, условия труда должны были сильно отличаться от тех, какими они стали в V и IV веках, а промышленное рабство едва ли еще зародилось. Фрагмент Солона свидетельствует о том, что в его времена для граждан было вполне обычным делом работать своими руками, хотя не указано, за плату или за свой счет, и не указаны конкретные профессии^[254].

Примерно через десять лет после принятия закона Солона афиняне решают "в связи с их фракциями избрать десять архонтов, пять от знати (евпатридов), три от земледельцев (агроиков), два от ремесленников (демиургов)"^[255]. Приравнивание этих трех групп архонтов к трем фракциям Равнины, Побережья и Холмов более чем сомнительно^[256]. Земледельцы *par excellence* естественно находятся на равнине: также сомнительно, что Пеисистрат уже "поднял третью фракцию" за двадцать лет до того, как стал тираном, и более чем за пятьдесят до своей смерти. Два разных набора имен сами по себе указывают на две разные группы населения. Четырехкратное деление Солона на пентекосиомедимной, гиппеи, зеугитаи и теты доказывает определенную изменчивость и склонность к перекрестным группировкам. Но в любом случае два ремесленных магистрата доказывают, что ремесленники или артизаны уже были важным элементом свободного населения.

В этом вопросе о свободном труде в такой отрасли, как горное дело, Фригия пятого века, возможно, лучше, чем Аттика Никиаса или Демосфена, отражает положение дел в Аттике в шестом веке. Во Фригии через поколение после саамского тирана Поликрата, умершего около 522 г. до н. э., Питес разрабатывал рудники с помощью труда граждан^[257]. Даже в Афинах в начале правления Перикла, похоже, все еще преобладали прежние условия. "Каждая профессия τέχνη имела свой корпус (свободных) рабочих, организованный (τὸν θητικὸν ὄχλον συντεταγμένον)" для выполнения больших общественных работ, которые финансировались из Делийской казны. Длинный список организованных таким образом профессий заканчивается шахтерами^[258].

Учитывая уже приведенные свидетельства в пользу приравнивания шахтеров шестого века в Лаврии к предположительно свободным диакрийцам, можем ли мы не использовать уже цитированные замечания о последних как о представителях нечистой расы и толпе наемников^[259], и сделать вывод, что в шестом веке на шахтах Лаврии работали свободные люди, частично иностранного происхождения и в основном по найму?

Это, конечно, предположение. Но оно впервые дает представление о Дьякрионе, которое согласуется с рассматриваемыми извещениями. Чужеземные пастухи и чужеземные мелкие фермеры маловероятны в автохтонной Аттике.

С другой стороны, горняки, живущие за пределами страны, всегда были знакомы, где бы ни находились шахты для работы. Когда около тридцати лет назад в Лауриуме возобновились горные работы, в результате сразу же образовалось очень смешанное население, местная рабочая сила пополнялась из Франции, Италии и Турции. Один из древних золотых приисков близ Филипп носил знаменательное название "Убежище". В самом районе Лаврии в древности жители по крайней мере одного дема, Потамиои, славились своей готовностью принимать в гражданство иностранцев^[261]. Потамиои помещен Лопером прямо в центре горного района, далеко от моря^[262], и очень близко к вероятному месту Маронеи^[263]. Член дема Семачидай обнаруживается на одном надгробии с двумя незнакомцами из Синопа^[264]. Мы только что имели случай заметить пафлагонского рудокопа, хотя и более позднего, и через некоторое время увидим, что в шестом веке рудники Лаврии работали в тесной связи с рудниками Фракии. Нет никаких сведений о конкретных фракийцах, работавших на аттических рудниках в шестом веке. Мы знаем только, что сразу после завоевания персами Фракии, в конце правления Гиппия, среди горняков в районе Стримона был большой греческий элемент^[265]. Но в пятом веке мы имеем знаменитый случай, когда фракийский шахтовладелец поселился в Афинах в лице Фукидида, чей отец был фракийцем, и чьи фракийские шахты, вероятно, лишили его командования в афинском флоте и превратили второсортного адмирала в величайшего из историков^[266]. Никиас нанял тысячу рабочих рук, которыми он владел на рудниках, фракийцу Сосиасу^[267].

На этом мы заканчиваем рассмотрение различных шагов, с помощью которых Писистрат стал тираном, осуществил свою вторую реставрацию и окончательно укоренил свою власть. Во всех трех случаях доказательства указывают на то, что секрет власти тирана заключался в его контроле над рудниками в Аттике или Фракии. Для завершения исследования необходимо рассмотреть историю его первой реставрации. Как уже отмечалось, это событие зафиксировано лишь в анекдотической форме. Как независимое свидетельство оно вряд ли заслуживает внимания. Все, на что мы претендуем, это то, что его можно интерпретировать таким образом, чтобы подтвердить уже сделанные выводы.

Странная история первой реставрации Писистрата

Согласно этой истории, Писистрат убедил афинян принять его обратно, нарядив статную женщину по имени Фия в костюм Афины и приказав отозвать его^[268]. По общему мнению, эта история в ее нынешнем виде не подходит. Были предприняты различные попытки объяснить ее^[269], но все они одинаково неубедительны. Возможно, причина в том, что все они основаны на какой-то одной несущественной детали этой истории. Ни одна из них не интерпретирует его в свете более известных частей карьеры тирана, и особенно фактических рассказов о его второй реставрации. Белох, как и русский Гиршензон, считает, что была только одна реставрация, с которой следует связывать историю о Фие и рассказ о возвращении Писистрата из фракийского горного округа^[270]. Он отмечает, что причина изгнания в обоих случаях одна и та же; что хронология подозрительно симметрична; что Полиен объединяет события из двух реставраций; и что Евсевий^[271] и Иероним^[272] оба заставляют Писистрата начать свое второе царствование примерно в то время, когда Геродот начинает свое третье, в то время как ни один из них вообще не упоминает о третьем царствовании. Отметим также, что в первой реставрации Пию соответствует "священная процессия" из храма Афины Палленис, возглавляемая акарнанским прорицателем^[273].

Эти аргументы не являются убедительными. Подобные неправдоподобности, а также повторы и хронологические симметрии часто можно обнаружить в повествованиях самой бесспорной подлинности^[274]. Тот факт, что Полиен объединяет два рассказа, ничего не доказывает, если только мы не считаем его неспособным спутать два похожих события. Далее, Белох вынужден сделать так, чтобы брак Писистрата с дочерью Мегакла предшествовал его первому изгнанию, поскольку он видит, что бездетность этого брака привела к разрыву с Берегом^[275]. В этом он идет наперекор традиции в том пункте, где нет никаких оснований ее подозревать.

Что в аргументах Белоха действительно подчеркивается, так это тот факт, что ситуации во время двух периодов изгнания Писистрата были в некотором роде очень похожи. Одинаковость этих двух ситуаций может быть причиной того, что о предыдущем периоде сохранилось так мало сведений. Возникает вопрос, занимался ли тиран чеканкой и монетным делом во время своей первой ссылки. Нет уверенности, что он делал и то, и другое, но вероятность того, что он делал и то, и другое, велика. Что касается Фракии, мы знаем, что Мильтиад, вероятно, с разрешения и одобрения Писистрата^[276], поселился на Галлиполийском полуострове вскоре после того, как тирания была впервые установлена в Афинах^[277]. Фракия - единственный регион, который, мы можем быть уверены, тиран рассматривал в качестве возможного места изгнания. [Что касается чеканки монет, то, по мнению Бабелона^[278], знаменитая серия с совой на одной стороне и головой Афины на другой (рис. 6), которая на протяжении веков оставалась монетой этого города, была создана в память о помощи, которую тиран, по его словам, получил от своей богини-покровительницы во время своей первой реставрации.

Рис. 6. Монета Афин с Афиной и совой.

Доказательства не являются убедительными. Аргументы за и против этой даты основаны на нескольких литературных упоминаниях, которые слишком расплывчаты, чтобы быть полезными, на моментах стиля и техники, на основании которых, как известно, опасно делать выводы, на сравнении статистики монет и керамики из Наукратиса, которую не менее опасно использовать в качестве доказательства, по кладу, найденному в 1886 году среди доперсидских останков на афинском Акрополе, который, судя по обстоятельствам находки, мог быть потерян или отложен там задолго до катастрофы, и лишь устанавливает *terminus ante quem*, который никто и не подумает оспаривать, и по некоторым союзным монетам (Афины-Лампсак, Афины-Спарта?, Афины и фракийский Херсонес)^[279]. Последние на первый взгляд выглядят более многообещающе, но только афино-лампсакские монеты могут быть датированы с какой-либо уверенностью, а они, к сожалению, очень малы и, возможно, были отчеканены с трудностями, так что нелегко быть уверенным в их хронологическом положении в афинской серии.

Поэтому мы вынуждены вернуться к впечатлениям экспертов, большинство из которых согласны с Бабеленом в том, что совино-афинская серия не может начинаться ни намного раньше, ни намного позже 550 года до н. э.^[280] То есть этот двойной тип, безусловно, был в моде, когда тиран обеспечил свою вторую реставрацию с помощью фракийского серебра^[281], и "укоренил свою тиранию" в доходах, полученных "частично от реки Стримон, частично из дома".

Прозванный (вероятно, примерно в это время) девушкой, девственницей, Палласом.

Плиты с двойным типом иногда в просторечии называли девушками (κόραι), иногда девственницами (παρθέναι), иногда собственным именем богини-девственницы Паллас (Παλλάδες)^[282]. Иногда они получали свое прозвище по обратному типу и назывались совами^[283]. "Дева" используется Еврипидом, "девушка" - Гиперидом, "Паллас" - Эвбулом, "сова" - Аристофаном. "Сова", по словам схолиаста Аристофана, применялась к тетрадрахмам; "девушка" Гиперида - это какая-то более мелкая монета^[284]. Таким образом, в V и IV веках названия птиц и богинь-девственниц, по-видимому, использовались рядом, подобно нашему государю и короне, для обозначения двух разных номиналов. Когда эти имена были впервые использованы, нигде не указано. Вероятнее всего, прозвище появилось в то время, когда сам тип еще не стал новинкой. Если это справедливо для афинских монет,

то прозвища Паллас, дева и девушка относятся ко времени Пейсистрата. Сова уже появлялась на более ранних выпусках, отчеканенная на реверсе простым врезным штампелем^[285], и поэтому в это время она привлекала меньше внимания, чем голова Афины.

Возможно, здесь кроется ключ к разгадке истории о Фие? Подробности о том, что ее нарядили в полные доспехи и посадили на колесницу, не суть важны: все они появляются у Геродота в совершенно другой обстановке, как часть ритуала поклонения Афине в Северной Африке у озера Тритонис^[286]. Вряд ли можно сомневаться в том, что один из этих отрывков является плагиатом другого, и вряд ли можно с меньшей уверенностью утверждать, что Пея обязана ритуалу Тритониса, а не *наоборот*.

Была ли Афина, восстановившая Писистрата, владычицей монет?

Ядро истории о Фие лежит в традиции, согласно которой Пеисистрат был восстановлен женщиной, "как говорит Геродот, из дема паянов, но, как говорят некоторые, фракийской цветочницей из дема Коллитоса^[287]." На самом деле Фия, богиня-человек высотой в четыре локтя, которая, по словам одних, прибыла из Аттики, а других - из Фракии, и которая впервые привела Пейсистрата в Афины, имеет подозрительное сходство с монетами, называемыми то девушками, то богинями, происходящими то из Аттики, то из Фракии, с помощью которых Пейсистрат обеспечил свое второе возвращение и окончательно утвердил свою власть.

Если предположить на время, что они действительно были идентичны, то легко понять, как могла возникнуть история с Фией. Пеисистрат, безусловно, утверждал, что правит по милости Афины. Все согласны с тем, что из истории с Фией следует, что он приписывал свою реставрацию вмешательству богини. После того как граждане исполнили пророчество Солона и "согласились разрушить свой великий город, побуждаемые деньгами^[288]", что может быть более естественным, чем то, что один из противников тирана саркастически согласится, что это действительно Афина восстановила Пейсистрата: на что другой может прокомментировать, что это не девственная богиня Афин восстановила тирана, а инопланетное существо совершенно иного порядка, фракийская цветочница. [(i) детали в рассказе, которые указывают на происхождение от монет,] Название цветочницы (στέφανοπώλις) никогда не применялось к афинским драхмам. Если мы примем раннюю датировку Хеда для типа Афины и предположим пейсистратовскую дату для некоторых афинских монет^[289], на которых богиня причесана κερόπλάστης^[290] в штопорообразные локоны (рис. 7а), что предполагает раннюю дату^[291], и носит гирлянду (στέφανος) из оливковых листьев (рис. 7а, b), которая регулярно появляется на монетах V века, мы могли бы найти в цветочнице (лит. гирлянда продавец, στέφανοπώλις) аллюзию на эту деталь. Продащица гирлянд часто могла рекламировать свои гирлянды, сама надевая одну^[292].

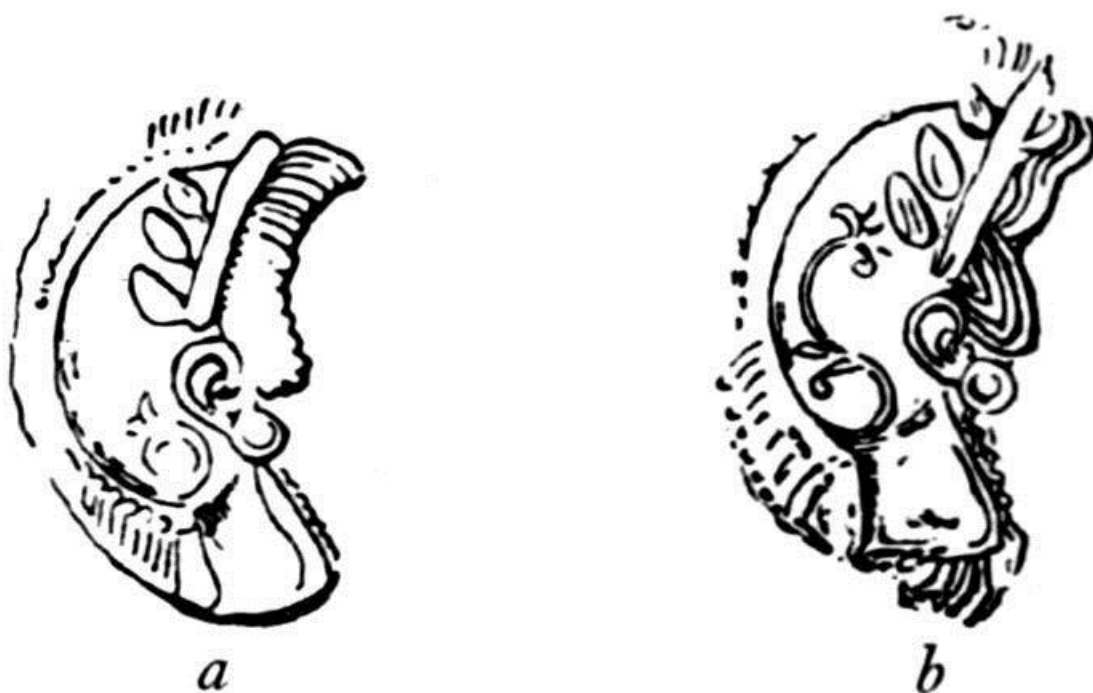

Рис. 7. Афинские монеты: венок на голове Афины.

Однако нумизматы сейчас единодушны в том, что самые ранние $\sigma\tau\epsilon\phi\alpha\nu\omicron\iota$ на афинских монетах появились позже Пейсистрата^[293]. Описывать монеты как цветочницы, однако, было бы достаточно естественно, если предположить, что афинские цветочницы не имели высокой моральной репутации^[294], и далее, возможно, что этот бизнес находился в руках фракийцев, так же, как и изготовление органов в Англии находится в руках италиков. Или, возможно, $\sigma\tau\epsilon\phi\alpha\nu\omicron\pi\omega\lambda\iota\varsigma$ по нашей нынешней гипотезе следует объяснить ссылкой на фразу $\delta\rho\alpha\chi\mu\alpha\iota$ (тоу) $\Sigma\tau\epsilon\phi\alpha\nu\eta\phi\omicron\rho\omicron\upsilon$ (драхмы носителя гирлянды)^[295], применялась в Афинах для монет, только что вышедших из монетного двора, таких, которые, должно быть, были выпущены в обращение в большом количестве, когда Писистрат вернулся после своих денежных операций в районах вокруг горы Пангайон.

Насколько легко для грека гирлянда означала цветочницу, видно из объяснения в *Lexicon Seguerianum* некоего "героя, носящего гирлянду ($\sigma\tau\epsilon\phi\alpha\nu\eta\phi\omicron\rho\omicron\varsigma$ ἥρως)". Он гласит: "Либо потому, что герой так называется, либо по прозвищу, потому что вокруг него было много гирлянд, либо потому, что рядом с ним продавались гирлянды"^[296]. Сами монеты, особенно когда гирлянда была новым элементом, возможно, иногда назывались носителями гирлянд ($\sigma\tau\epsilon\phi\alpha\nu\eta\phi\omicron\rho\omicron\iota$), как показывает аналогия с такими описательными названиями монет, как "носитель груди ($\kappa\iota\sigma\tau\omicron\phi\omicron\rho\omicron\varsigma$)"^[297] и "носитель арфы ($\kappa\iota\theta\alpha\rho\eta\phi\omicron\rho\omicron\varsigma$)"^[298].

(ii) засвидетельствованные случаи использования *Jeu de mot* на типах монет,

Такое горькое шутовство вполне соответствует греческому языку; греки особенно любили приписывать соответствующую жизнь и действия типам живых существ, которые изображались на их монетах^[299].

Рис. 8. Персидский "лучник".

Наиболее известным примером обыгрывания такого прозвища является случай с Агесилаем из Спарты, который жаловался, что его изгнали из Азии тридцать тысяч лучников Великого Царя - разговорное название персидского золотого статера или дарика (рис. 8), образованное от его типа^[300].

В самих Афинах мы находим Еврипида, который во фрагменте "Сцирона" обыгрывает двойное значение слова "девственница", а также "пони" (πῶλος), разговорное название коринфской драхмы, на одной стороне которой изображен крылатый конь Пегас:

Одни будут обеспечены, если вы предложите пони,

других - парой лошадей, а третьих привозят

на четверке лошадей, все из серебра; и любят

девы из Афин, когда их много.

Обратный тип афинской драхмы каламбурит Аристофан, рассказывая о совах Лаврии, которые гнездятся в кошельках афинян и высиживают мелочь^[301]. В 404 году до н. э., во время последних операций против Афин, Гилипп, герой осады Сиракуз, присвоил большую сумму афинских монет и спрятал их под черепицей своей крыши. О краже узнал слуга, который сообщил эфорам, что "под черепицей гнездится множество сов"^[302].

Этих примеров достаточно, чтобы показать, что нет ничего невероятного в предположении о том, что история о Фие выросла из замечания врагов тирана о его серебряных драхмах. Наше объяснение, конечно, является чистой догадкой, и даже в нем есть одно слабое место. Утверждение о том, что Фия была фракийкой, столь важное для нашей интерпретации, не встречается у Геродота, согласно которому она происходила из дема Паянов в Аттике^[303].

Можно ли объяснить это упущение?

Есть анекдот, рассказанный Геродотом совсем по другому поводу^[304], который позволяет предположить, что да.

(iii) история о переодетой женщине

В те дни, когда царь Дарий совершил свои завоевания во Фракии (около 512 года до н. э.), на берегу Стримона жили два брата по имени Пигрес и Мантиес, которые хотели стать тиранами земли, в которой они жили. Для осуществления этой цели "они отправились в Сарды, взяв с собой свою сестру, высокую и красивую". Дождавшись, пока Дарий воссядет в государстве перед городом, нарядив сестру как можно лучше, они послали ее за водой с кувшином на голове, ведя рукой коня и прядя лен. Царь обратил на нее внимание, но в результате отправил в ее страну экспедицию и депортировал ее народ в Азию.

Рудники Стримона и Пангайона в этот период, до экспансии Македонии, естественно, описываются как фракийские^[305]. Но во времена царя Дария, который начал свое правление примерно через пять лет после смерти Писистрата, часть страны вокруг горы Пангайон^[306], а также часть берегов Стримона^[307] были заняты другой расой, называемой пайонцами. Именно к этой последней расе принадлежали Пигрес и Мантий. |Из-за кого Гиппиас потерял свой трон| Им не удалось добиться тирании, к которой они стремились; но экспедиция, посланная Дарием для депортации пайонов в Азию, вероятно, стала причиной потери Гиппиасом своего трона.

в результате потери своих пайонских (фракийских) владений.

Вряд ли может быть случайностью, что тирания в Афинах закончилась почти сразу после удаления одного из двух ее корней - шахт страны фракийцев и пайонов^[308].

Так, восстановление тирании в Афинах и ее отмена приписываются переодеванию высокой красивой женщины^[309]. Вряд ли можно представить себе, что оба эти события были вызваны одним и тем же "примитивным и чрезмерно простым" средством. Пайонское переодевание имеет все шансы быть оригинальным^[310].

Возможно, что вся история о Фие возникла во время пайонского инцидента, подобно тому как хорошие истории о некоторых плохих римских императорах, должно быть, впервые получили распространение только после того, как император перестал править. Когда Гиппий потерял свои фракийские и пайонские рудники, а следовательно, и трон, можно было с полным основанием сказать, что Афина, восстановившая отца, теперь покинула сына^[311].

Если пайонская история современна, как это вполне может быть, не будучи ни правдивой, ни оригинальной, она объясняет появление в рассказе Пейсистрата переодетой женщины. Далее мы отнесли рассказ к тому периоду в истории афинской чеканки, когда гирлянда, возможно, уже впервые появилась на голове Афины^[312], и в этом случае "фракийский продавец гирлянды" становится эффективным описанием типа.

Таким образом, вся история, как она представлена в аристотелевской конституции Афин, была объяснена. В этом, как и в рассказе о втором изгнании Писистрата, автор трактата, похоже, следует лучшему авторитету, чем Геродот. Отступления Геродота выглядят как попытки рационалистического объяснения в лучшем геродотовском стиле. Из рассказа Геродота о втором изгнании Писистрата ясно, что он ничего не знал о связях тирана с Фракией, о которых мы узнаем из аристотелевского трактата. Согласно Геродоту, весь период второго изгнания был проведен на Эвбее. Следовательно, фракийская ссылка должна была быть рационализирована. Но факт, упомянутый Геродотом в другой связи^[313], указывает на то, что Гиппий до конца своего царствования сохранял какое-то положение в Северной Эгее. Когда в 510 году до н. э. он был изгнан, царь Македонии предложил ему дом.

Фракия и Пайония в оригинале могут использоваться по-разному, последнее - более точное название, первое - более популярное. Геродот считает, что пайонцы - это искажение пайонского, а фракийцы - популярный вариант пайонского. То, что сам Геродот был лично ответственен за изменение пайян, становится вероятным благодаря словам Афинской конституции: "Как говорит Геродот, пайянин, как говорят некоторые, фракиец". Геродот^[314] заставляет пайонцев узнавать свое имя в пайане или боевом кличе своих врагов. В анекдоте встречается только глагол, и то в форме παίωνίζω, но Геродот, должно быть, был знаком и с формами на -α-, πααίνίζω, πααίν, и анекдот показывает, насколько он был готов приравнять пайонцев к пайянам. Я имею здесь дело с чистой спекуляцией, но так же поступали и все остальные, кто пытался объяснить это "чрезвычайно глупое дело"^[315]. Только что предложенное объяснение, по крайней мере, согласуется с остальными нашими знаниями как о Писистрате, так и о Фракии.

Греки, несомненно, были способны неправильно понять *jeu de mot*, основанный на типе монеты. Уже упоминалось, как Аристофан призвал "сов Лаврии" свить гнездо в его кошельке^[316]. Схолиаст о рыцарях превратил этих серебряных сов в настоящих птиц. "Сова, - говорит он, - это священная птица Афины, которая обитает в Лаврии в Аттике"^[317].

Тиран Гистий и фракийские рудники.

Какова бы ни была истина этих рассуждений, нет сомнений в том, что греки конца VI века были полностью осведомлены о политических возможностях фракийских рудников. Сразу после персидского завоевания Фракии и Пайонии Гистиею Милетскому, одному из греческих вассалов персидского царя, почти удалось получить от великого царя во владение Мирцин, центр горного дела в том самом районе, откуда Пеисистрат получил большую часть своего богатства^[318]. Он действительно получил этот дар от Дария, которого, однако, дальновидный Мегабаз убедил отозвать его. Персидского государственного деятеля тревожит перспектива того, что такой способный грек, как Гистий, сможет обосноваться в месте, где есть серебряные рудники, леса, пригодные для изготовления корабельной древесины, и многочисленное смешанное население. Он пророчит, что это население быстро станет слугами нового владельца и будет выполнять его приказы день и ночь^[319].

Инцидент с Мирцином связан в повествовании Геродота с историей Пигреса и Мантиеса и их попытками стать тиранами пайонцев^[320]. Геродот определенно говорит, что Гистий не стремился установить тиранию в Мирцине^[321]. Но это утверждение кажется просто выводом из того факта, что Гистий уже был тираном в своем собственном городе Милете. Даже если оно верно, протесты Мегабаза и их влияние на Дария, который сразу же удалил Гистиня в почетный плен в Персию, достаточно показывают, что, по мнению самого Геродота, Мирцин сделал бы Гистиня в глазах Дария и Мегабаза правителем другого и более опасного типа^[322].

Еще сравнительно недавно Писистрат "укоренил" свою власть в Афинах отчасти на доходах от реки Стримон. Когда действия Гистиня у этой реки так сильно встревожили персов, трудно поверить, что они не думали в значительной степени о Пейсистратидах. Таким образом, подтверждается мнение, что фракийские доходы Пеисистратидов были получены от серебряных рудников и многочисленного смешанного населения, которое их обрабатывало.

Труд и торговля в условиях тирании.

После установления власти Пеисистрат, конечно, решил обеспечить контроль над большим количеством рабочей силы с помощью общественных работ, которые он продвигал. Каллиррхоэ (Справедливый источник), лучший источник афинского водоснабжения, был усовершенствован им в Эннеакрунос (Девять фонтанов)^[323]. Здание, в котором находятся

настоящие струи, изображено на черной фигурной вазе^[324]. Как Поликрат и тираны седьмого века, он был великим строителем; группа Афины, убивающей гиганта, раскопанная на Акрополе в восьмидесятых годах прошлого века^[325], вероятно, принадлежит храму, который он построил Афине^[326]; его храм Зевса Олимпийского не был завершен до времен Адриана. Как и Периандр из Коринфа, он сурово пресекал праздность^[327]. Аристофану, писавшему всего через столетие после падения тирании, Афины Гиппия показались городом рабочих^[328].

Белох хорошо подчеркивает острый коммерческий инстинкт Писистрата, который закрепился на побережье Геллеспонта, захватив Сигею^[329]. Гиппий не только до последнего удерживал город и в конце концов удалился туда, но и активно развивал линию политики своего отца, установив тесные личные связи с тиранами Лампсака^[330], и добившись примирения с Филаидами, своими соперниками на европейской стороне пролива^[331].

Финансовые проблемы тирании перед ее свержением.

Согласно псевдоаристотелевской "Экономике", Гиппиас в один из случаев обратил аттическую монету по фиксированной стоимости, а затем повторно выпустил те же деньги^[332]. Некоторые ученые пытаются объяснить это последнее утверждение, предполагая изменение типа^[333]. Но если, как естественно предположить, характер в этом отрывке означает тип, то греческий язык подразумевает, что такого изменения не было. Другие действия Гиппия, описанные в том же отрывке, - это конфискация имущества (входных дверей, выступающих верхних этажей домов и т. д.), проданного вновь, без каких-либо изменений, первоначальным владельцам. Сикс и Бабелон^[334] утверждают, что характер означает номинал, и что Гиппиас дал название дидрахма изделию, которое ранее было драхмой. Они с некоторым эффектом цитируют высказывание Аристотелевской конституции Афин^[335], ἥν ὁ ἀρχαῖος χαρακτήρ διδραχμῶν. Их аргументы, хотя и правдоподобны, не являются решающими: но каким бы ни было объяснение этих конкретных слов, весь отрывок позволяет с уверенностью утверждать, что этот шаг был попыткой предотвратить финансовый кризис путем отчаянных манипуляций с чеканкой монет. Он указывает на серьезную угрозу приближающейся неплатежеспособности, которая должна была стать неизбежным результатом потери фракийских рудников^[336].

Оппозиция Алкмеонидов дому Пейсистрата.

Ни один аспект тирании в Афинах не может быть адекватно рассмотрен без упоминания замечательной семьи, которая с первого до последнего, лишь с одним кратким перерывом, возглавляла оппозицию тирании^[337], а после ее свержения сыграла главную роль в формировании судеб демократии. В начале VI века Алкмеониды чрезвычайно разбогатели. Это следует из истории Алкмеона и лидийского царя, рассказанной Геродотом^[338]. Они стояли во главе фракции берега, и Мейер, вероятно, прав, когда говорит, что их "огромное" богатство было обусловлено торговлей с Лидией^[339]. Падение Лидии должно было означать большие потери для семьи^[340]. Вероятно, не случайно, что Писистрат, по-видимому, "укоренил" свою тиранию только после того, как его соперникам был нанесен этот большой финансовый удар.

Не является чистым совпадением и тот факт, что, как Пейсистраты обеспечили свою власть благодаря сочетанию коммерческой деятельности и политических интриг, так и они были окончательно изгнаны благодаря сочетанию политических интриг и коммерческой деятельности, когда Алкмеониды взяли на себя контракт на восстановление храма в Дельфах^[341].

Афинский информатор Геродота считал это строительство дорогим, но эффективным способом приобретения божественной благосклонности^[342]. Однако Аристотелевская конституция Афин говорит об обратном: "Алкмеониды добились подряда на строительство храма в Дельфах и нажили в результате целое состояние"^[343]. "Возможно, эти две версии не так уж противоречат друг другу, как кажется на первый взгляд. Способ примирить их предлагает Филохор (начало III века до н. э.), который заставляет Алкмеонидов принять договор, заработать деньги, успешно напасть на Писистратидов, а затем принести богатые благодарственные жертвы дельфийскому богу"^[344]. Исократ и Демосфен подтверждают утверждение о том, что Клисфен организовал изгнание Писистратидов на деньги, полученные в Дельфах, но оба рассматривают эти деньги как заем^[345].

Но Дельфы напоминают еще об одной сфере деятельности Алкмеонидов. Согласно официальным дельфийским записям, не Солон^[346], а Алкмеон, дед афинянина Клистена по отцовской линии, был афинским полководцем в "священной" войне, которую в начале VI века вели амфикионики, в частности Афины и Сикион, против жителей дельфийского порта Криса. О значении этой войны мы поговорим ниже, в главе, где подробно рассматривается Сикион. Здесь же достаточно отметить, что Клисфен Афинский был через свою мать внуком своего тезки, тирана Сикиона, принявшего столь заметное участие в этой "священной" войне. Вероятно, он также был его наследником^[347]. Во времена Гиппия Сикион, по-видимому, все еще находился под властью тирана, но не из того дома, к которому принадлежал Клисфен. Его звали Эсхин. De Gubernatis^[348] приводит доказательства в пользу того, что этот Эсхин был союзником Гиппия Афинского. Как мы увидим ниже, когда речь пойдет о Сикионе, его отношение к Дельфам стало поворотным пунктом в политике сикионца Клисфена, а в последние годы его жизни Сикион и Дельфы стали смертельными соперниками. Афины вряд ли могли оставаться в стороне от этой вражды. Мы мало знаем о ходе событий, а история последних лет показывает, насколько опрометчиво было бы полагать, что внутренние революции всегда отражаются на внешней политике. Но мы можем быть уверены, что и в Афинах, и в Сикионе антидельфийская политика имела бы как своих противников, так и своих сторонников^[349]. Вполне возможно, что афинянин Клисфен когда-то поставил своей целью объединение центральной Греции с Афинами, Сикионом и Дельфами в качестве трех главных государств союза и самим Клисфеном в качестве главного государственного деятеля, контролирующего огромные сокровища оракула и основывающего на них тиранию над двумя другими городами, Сикион контролировал торговлю Пелопоннеса и дальнего Запада, в то время как Афины занимались северной торговлей и развивали с Персидской империей те дружеские отношения, в которых подозревали Алкмеонидов во время битвы при Марафоне. Если это все домыслы, то они, по крайней мере, напоминают о том факте, что все полученные сведения о Клисфене сосредоточены на том, что он сделал в Афинах в течение нескольких лет после падения Гиппия. Это действительно практически все, что известно о втором основателе афинской демократии; но, учитывая его разнообразные предшественники и замечательную родословную, стоит задуматься, насколько малой должна была быть эта глава в его, вероятно, долгой^[350], а также насыщенной событиями жизни. Но вернемся к короткой главе, о которой кое-что известно, и узнаем, что Клисфен обеспечил свое положение в борьбе с изгнанным тираном, перебив его. "Он предоставил права многим иностранцам, рабам и метисам"^[351]. "Писистратиды правили Афинами как хозяева. Клисфен, благодаря своему гению, так прекрасно описанному Геродотом, "взял народ в партнерство"^[352]."

Именно это незабываемое партнерство нанесло окончательный удар по делу тирании в Афинах. Цимон, похоже, действительно пытался сделать себя всемогущим в государстве, расточая свои огромные богатства. Но это лишь укрепило партнерство между его

соперником Алкмеонидом и народом. Армия, флот и гражданская служба стали оплачиваемыми профессиями или, по крайней мере, оплачиваемыми занятиями, а государство с Периклом во главе, возможно, самым крупным и популярным работодателем среди свободного населения. Лица, обладавшие выдающимся богатством, все больше и больше удерживались на своем политическом месте благодаря необходимости совершать дорогостоящие литургии. Публичная демонстрация богатства стала опасным делом; любого, кто так поступал, подозревали в стремлении к тирании и расправлялись с ним остракизмом или другими действенными способами.

Глава III. Самос

Самосская торговля и промышленность в седьмом и шестом веках до нашей эры.

Самиане с ранних времен были великими кораблестроителями и мореходами. Они одними из первых среди греков переняли коринфское изобретение триремы, где-то около 700 года до н. э.^[353], и в большинстве морских войн последующих двухсот лет они играют заметную роль^[354]. Еще более важными были достижения их торговых судов. Это был саамский корабль под командованием Колайоса, который, "направляясь в Египет, вышел из Платеи (в Ливии)... и, прижимаясь к египетскому берегу, продолжал плавание, увлекаемый восточным ветром; и так как ветер не стихал, они прошли мимо столбов Геракла и прибыли в Тартесс, наслаждаясь божественным руководством". Этот рынок в то время был еще не открыт (ἀκίρατον)^[355]. "Открытие испанских серебряных рудников через порт Тартесс, библейский Таршиш, было событием первоклассной важности. "По возвращении домой эти саамийцы получили наибольшую прибыль от торговли (φορτίων) из всех эллинов, о которых у нас есть точные сведения, за исключением только Сострата Эгинетского^([355])". Дата саамского путешествия в Таршиш, по-видимому, была около 620 г. до н. э.^[356].

Именно саамиец, по имени Ксанфиас, примерно в это же время привез в Египет "по делу" знаменитую греческую гетеру Родопис^[357]. Когда Амасис, царь Египта с 569 по 526 год до н. э., "проявляя дружелюбие к грекам... и к тем, кто приходил в Египет, дал город Наукратис для проживания^[358]", Самос был одним из трех греческих государств, которые основали там свое собственное учреждение^[359]. Эти заведения были, конечно, коммерческими. "В старые времена Наукратис был единственным рынком в Египте. Другого не было^[360]".

Саамская торговля развивалась бок о бок с саамской промышленностью. С ранних времен островитяне пользовались большой репутацией как мастера по обработке металлов, особенно тонких^[361]. Начало связи с Тартессом в конце седьмого века дает самую позднюю вероятную дату начала этой промышленности. Не менее известны были и саамские шерстяные изделия^[362].

Почему до середины VI века на острове не было установлено тирании.

Однако остров не был исключительно торговым. Здесь существовала могущественная земельная аристократия под названием γεωμόροι^[363], которая, несомненно, владела богатыми саамскими оливковыми дворами^[364]. Поздний срок тирании на Самосе, вероятно, объясняется властью γεωμόροι. В результате получилось нечто очень похожее на то, что произошло при аналогичных обстоятельствах в Афинах. Возможно, были попытки, подобные той, что предпринял в Афинах Кайлон^[365], но ни один тиран, похоже, не утвердился прочно до

прихода к власти Поликрата во второй половине VI века. До этого времени геоморои были достаточно сильны, чтобы сделать тиранию невозможной. Затем, около 545 года до н. э., саамские землевладельцы получили смертельный удар по своей власти, когда греческие города на побережье Малой Азии были завоеваны персами. Эти города, дружественные или враждебные Самосу, все в равной степени были его торговыми конкурентами, и беспорядки, связанные персидским завоеванием, которые затронули их всех, оставив Самос нетронутым, должны были значительно увеличить значение торгового элемента на острове^[366].

Поликрат становится тираном: его тирания и саамская торговля.

Через несколько лет после этих событий Поликрат стал тираном Самоса. Точная дата неизвестна, но, вероятно, это произошло после^[367] персидского завоевания материка и, возможно, отчасти связано с возросшим торговым значением Самоса в результате этого завоевания.

Как бы то ни было, Поликрат, став тираном, контролировал торговую и промышленную деятельность своего государства. На протяжении всего своего правления он был большим моряком и судовладельцем^[368]. Он построил знаменитый волнорез в саамской гавани^[369], и ему приписывают изобретение нового типа лодки, названной "Самайна"^[370] (см. рис. 9).

Войны и "пиратства" Поликрата и их возможный торговый характер.

Общее представление о саамском тиране действительно таково, что он использовал свои корабли в морских и пиратских операциях, а не для мирных торговых целей. Фукидид говорит о нем, что "обладая мощным флотом, он сделал подвластными себе различные острова, в частности, захватил Ренею и посвятил ее Делийскому Аполлону^[371]". Но даже захват Ренеи, который Фукидид, похоже, считает главным военным достижением флота Поликрата, мог иметь важные торговые последствия. Захватив Ренею, Поликрат стал практически хозяином Делоса. Он проводил Делийские игры^[372]. Учитывая непревзойденное положение Делоса, не исключено, что и в VI веке праздник был "коммерческим делом^[373]", каким он был в более поздние века, и таким, какими были и другие великие греческие игры, по-видимому, со времен тиранов^[374]. В таком случае не исключено, что неоднократные очищения Делоса в VI и V веках могли иметь не только религиозное значение, но и цель ограничить коммерческий элемент, который постоянно заявлял о себе.

Нас не должно удивлять, что торговый государь осуществляет свою власть с помощью армии или флота. Война до сих пор в мировой истории всегда стояла в непосредственной близости даже от самой мирной политической власти. В природе капиталистического правительства нет ничего такого, что делало бы его антимилитаристским. Если, как кажется, ранние тираны понимали, как редко война способствует коммерческому процветанию, разве что разрушает его, это говорит лишь о том, что они были людьми необычайно проницательными, как, впрочем, и многие причины считать их таковыми. Если Поликрат был исключением из общего мирного характера ранней тирании, то этот факт можно объяснить его враждебностью к Персии, с которой он, судя по всему, открыто воевал в течение части своего правления^[375].

Наши записи об этой войне содержат явные ошибки в описании смерти Кира, и вся их истинность подвергается сомнению^[376]. Но о враждебности Поликрата к Персии достаточно свидетельствует его дружба с Египтом. Его разрыв с египетским царем Амасисом едва ли может быть чем-то иным, как дезертирством к общему врагу - Персии. Католический характер его пиратства, которое прекращало все морские перевозки, хотя конфисковывало только враждебные суда, не объясняется шуткой, когда он утверждал, что таким образом он

не только наносил ущерб своим врагам, чьи корабли он сохранял, но и обеспечивал благодарность своих друзей, чьи корабли он освобождал. Его действия становятся по-настоящему понятными, только если мы понимаем их как один из самых ранних примеров строгой блокады, явно направленной против великой сухопутной державы на востоке. Пелопоннесская экспедиция против Поликрата показывает, что нейтралы на западе еще не понимали, кто является их настоящим врагом^[377]. Опасность со стороны Персии стала очевидной для европейской Греции только после того, как Дарий вторгся в Скифию и Фракию^[378].

Есть все основания полагать, что Поликрат поддерживал Камбиза полусерьезно и по принуждению. Он перешел на сторону персов только тогда, когда Камбиз собирал силы против Египта^[379], или, другими словами, когда Великий царь наступал на Средиземноморье с подавляющей силой. Он посылал на помощь лишь недовольный контингент, который доставлял ему неприятности и был слаб у себя дома на Самосе^[379]. Он погиб вскоре после этого, пытаясь отделиться от Персии при первой же возможности, как раз в то время, когда Камбис заболел^[380].

Поэтому в целом лучше всего принять как исторический рассказ о войне между Киром и саамитянами, поскольку, хотя он упоминается только у поздних авторов, он так хорошо согласуется со всем, что известно об этом периоде из ранних источников. Она приписывается периоду, когда Самос управлялся волнами^[381], что, как мы уже видели, означает правление Поликрата, и это указание на дату согласуется с утверждением^[381], что война произошла в конце царствования Кира. Это ставит Поликрата в ситуацию, которая как в патристическом, так и в эгоистическом плане предвосхищает отношение Дионисия Сиракузского к Карфагену. Но даже эта война могла быть отчасти попыткой сохранить торговые и промышленные позиции Самоса. С саамской точки зрения война с Персией означала прежде всего борьбу с Милетом. Островной город и его сосед на материке долгое время были соперниками, и превосходство одного из них означало упадок другого. Теперь Милет находился под властью персов и заключил выгодные условия со своими завоевателями. К чему стремился Кир в Анатолии, нам достаточно ясно из описания Геродотом того, как он обращался с покоренными лидийцами. Они должны были воспитывать своих детей, чтобы они просто играли музыку и становились розничными торговцами^[382]. Аналогичный рассказ приводит Зенобий: "говорят, что Кир, победив лидийцев, велел им стать розничными торговцами (καπηλεύειν) и не приобретать оружия^[383]". Зенобий ничего не говорит о музыке. Можно не сомневаться, что главным была торговля. Оба автора говорят, что целью Кира было предотвратить вооруженное восстание лидийцев, и это может быть верно в той мере, в какой это возможно. Но Кир не обращался таким образом со всеми своими мятежными провинциями. Похоже, что он намеревался превратить завоеванный Сардис, полностью посвященный торговле и имеющий за спиной персидскую армию, в торговую столицу своего царства, а Милет - в его главный морской порт. Такая политика, в случае успеха, была бы губительна для торговли Самоса. Не для того ли, чтобы предотвратить это, Поликрат организовал флот и проводил военно-морскую политику, которая принесла ему такую славу и непопулярность? У нас есть пример соперничества между Поликратом и Сардами в "лавре", которую он построил на Самосе, значение которой обсуждается ниже^[384].

В любом случае Поликрат использовал свой флот не только для военных, но и для торговых целей. Он торговал с Египтом^[385], который был единственной восточной страной, которая в течение большей части его правления была независима от Персии и открыта для саамской торговли. Заявление Крита Аристотеля о том, что "Поликрат, тиран саамов, из соображений

роскоши собирал товары из всех стран^[386] ", показывает, что Поликрат был лично заинтересован в транспортной торговле. К сожалению, ничто не указывает на то, что он использовал собственные суда.

Тирания Поликрата и саамская промышленность.

И снова трудно полностью отождествить тирана с саамской промышленностью. Он был покровителем Теодора, который прославился не только как ювелир, но и как изготовитель металлических ваз^[387] . Возможное значение этого факта мы увидим через некоторое время, когда перейдем к рассмотрению утверждений о деятельности Поликрата до того, как он стал тираном. Однако нет никаких доказательств того, что Поликрат сам занимался саамской металлургией во время своего правления. Что касается шерстяной промышленности, то здесь доказательства более веские. Среди вещей, которые Афиней^[388] утверждает, что Поликрат, будучи тираном, ввел на Самос овец из Милета. Здесь Афиней цитирует Клита. Позже в том же отрывке он цитирует другого автора, Алексиса, который утверждает, что тиран ввез овец из Милета и Аттики. Овцы, конечно, ввозились не ради баранины, а ради шерсти: милетская шерсть была особенно знаменита. Во время своего правления Поликрат оказывал поддержку Архезилаю III, царю Киринеи в "овцеводческой Ливии"^[389] " и самому, вероятно, торговому князю^[390] , который, будучи изгнанным из своих владений, искал убежища у саамского тирана^[391] .

Тирания Поликрата и чеканка саамских монет.

Один поступок Поликрата, о котором сообщается, кажется, не соответствует мнению о том, что он был великим торговцем. "Говорят, что Поликрат отчеканил большое количество местных монет из свинца, а затем позолотил их и отдал в уплату^[392] ." Геродот, наш авторитет для этого утверждения, отвергает его как праздное (ματιάτερος). Но оно подтверждается нумизматическими данными^[393] , а причина, указанная в Геродоте, вполне правдоподобна. Поликрат прибег к отчаянному способу избавиться от захватчика. Помимо вопроса об истинности сообщения, оно ценно тем, что указывает на склонность Поликрата, как и его современника Гиппия, к практическим экспериментам с чеканкой монет. Это подтверждает и другое сообщение, цитируемое Суидасом^[394] , согласно которому самайна, якобы изобретенная Поликратом, была не кораблем, а монетой.

Эти два сообщения не обязательно противоречат друг другу. Тиран мог ввести и корабль, и монету, как Анаксилас, тиран Регины, который ввел зайца в своих владениях и в память о своем поступке поместил зайца на свои монеты (рис. 9). Самайна встречается на дошедших до нас саамских монетах (рис. 9), некоторые из которых, по-видимому, обращались на самом Самосе в середине V века, а другие связаны с саамскими беженцами, которые в 494 году до н. э. переехали на дальний Запад и заняли Мессану на Сицилии с помощью Анаксиласа Регийского, подданными которого они стали. Тип не может быть прослежен до времен самого Поликрата, но нумизматические свидетельства недостаточно многочисленны, чтобы сделать этот факт решающим. Насколько это возможно, они даже слегка склоняются в пользу Суидаса. Если тип монеты, использовавшийся беженцами в 494 году до н. э., появляется на монетах самого Самоса позже, то этот факт лучше всего объяснить, предположив, что он уже использовался на Самосе до более ранней даты. Более того, на одной из монет, обычно ассоциирующихся с беженцами, начертаны буквы ΑΙ, которые не имеют очевидной связи с Мессаной или саамитами, ушедшими туда, но, с другой стороны, образуют первый слог имени Аиакс, имени саамского тирана, от которого беженцы бежали в Мессану. Аиакес был племянником Поликрата, так что если монета ΑΙ справедливо приписывается ему, то самайнский тип восходит к семье Поликрата, если не к самому

Поликрату. Аиакес был восстановлен персами на Самосе после поражения греческого флота в битве при Ладе. В той битве саамский флот, за исключением кораблей, на которых служили люди, бежавшие позже на Сицилию, опозорился, дезертировав к персам. Аиакес получил выгоду от их действий, но вряд ли он мог гордиться ими. Если он и чеканил монеты самайнского типа, то, скорее всего, потому, что его дядя сделал это до него, а не из желания увековечить свои собственные подвиги, будь то кораблестроитель или моряк, или подвиги своего дяди, который так успешно бросил вызов персидской державе, которой племянник был обязан своим трон^[395].

Рис. 9. Саамская монета с Самаиной и мессанская монета с зайцем.

Общественные работы Поликрата во время его тирании, включая акведуки и портовый волнорез.

Во внутренней политике Поликрат снискал славу организатора грандиозных общественных работ. "Я дольше всего останавливался на саамах", - говорит Геродот^[396], - "потому что они воздвигли три сооружения, превосходящие все греческие". Речь идет об уже упомянутом портовом волнорезе, огромном храме Геры и подземном акведуке, построенном Евпалином из Мегары^[397]. Сам Геродот не говорит, кто был ответственен за эти работы, но из контекста видно, что историк имеет в виду Самос Поликрата. Первым архитектором храма он называет Розка, партнера Теодора, который работал на Поликрата. На большую инженерную деятельность на Самосе в это время указывает тот факт, что инженер, который вскоре после этого наводил мост через Босфор для Дария, был саамцем^[398]. Волнорез вокруг гавани, естественно, приписывается времени правления саамской талассократии при Поликрате. Поэтому мало сомнений в том, что современные ученые и археологи были правы, отождествляя эти великие сооружения с "поликратовыми работами", упомянутыми Аристотелем^[399] как типичные начинания типичного тирана, тем более что существует множество примеров того, как ранние тираны выполняли именно эти виды работ^[400].

Одна из работ подобного рода, которой Самос обязан Поликрату, заслуживает хотя бы мимолетного упоминания, а именно "лаура", которую он возвел в качестве соперника того, что в Сардах называют Ἀρκῶν γλυκύς^[401]. Этимологически "лаура", вероятно, должна быть связана с "лабиринтом"^[402]. Слово имеет различные значения^[403]. Лаура на Самосе, по-видимому, была местом для купли-продажи^[404], возможно, ранним предшественником

лабиринтов-базаров, которые до сих пор используются в великих городах Ближнего Востока, таких как Смирна, Каир и Константинополь^[405].

Если лавра Поликрата действительно была большим базаром, то легко представить, как она превратилась в слово, обозначающее роскошь^[406] и даже хуже. Описание Клеархом этого места как места дурной славы явно из источника, недоброжелательного к тирану^[407].

Труд, использовавшийся для этих работ, был, по-видимому, в основном свободным.

Какими бы ни были факты о лавре, суммы, которые Поликрат тратил на свои общественные работы в целом, и количество рабочих рук, которые он на них нанимал, должны были быть очень большими. О жизни этих работников мы знаем немного. Аристотель утверждает, что целью работ тирана были "занятость и бедность его подданных"^[408]. Это подразумевает, что работа была плохо оплачиваемой и непопулярной. Однако сомнительно, что Аристотель хорошо понимал социально-экономические условия Самоса шестого века^[409]. С другой стороны, не следует делать никаких выводов о нормальной оплате труда во времена тирана на основании отдельных случаев высоких выплат, сделанных им за исключительную работу^[410]. Однако один факт становится очевидным из изложения в "Политике". Рабочие руки, нанятые Поликратом, должны были быть в основном свободными людьми.

Как и некоторые тиранические работодатели в более поздние времена, Поликрат, по-видимому, признавал ценность того, чтобы его работники были обеспечены развлечениями не слишком возвышенного типа. Праздники и пьянство, похоже, были частым явлением при его режиме⁽¹⁾. Поощрение или разрешение невыгодных развлечений для толпы, конечно, вполне согласуется с большой строгостью в других направлениях^[412], и особенно с подавлением либеральных форм отдыха, популярных среди граждан лучшего класса^[413].

Наемники тирана.

Свою власть он поддерживал с помощью наемников, причем, надо заметить, как отечественных, так и иностранных^[414]. Эти наемники, по всей вероятности, были развитием пятнадцати человек при оружии^[415], с которыми он захватил верховную власть, и, как и первоначальные пятнадцать, они предположительно были свободными людьми^[416].

Его пенсионная программа для матерей погибших солдат.

Говоря о военных достижениях Поликрата, интересно отметить, что он сделал кое-что, чтобы поставить военную службу на прочную финансовую основу, обеспечив матерей солдат, павших на его службе. То, как он это сделал, описывает Дурис, историк с острова, на котором жил Поликрат, родившийся около 340 года до н. э.^[417]. "Он собрал матерей тех, кто пал на войне, и отдал их на содержание богатым гражданам, сказав каждому: "Я даю тебе эту женщину, чтобы она была твоей матерью". О вдовах ничего не сказано, но с точки зрения греков это и не требовалось. Их, естественно, обеспечивали вторые мужья^[418]. Способ финансирования этой популярной меры напоминает афинские литургии. Сама мера указывает на то, что войска тирана были свободными людьми.

Один факт, зафиксированный сразу после падения Поликрата, на первый взгляд, дает основание предположить, что Поликрат опирался на высококвалифицированную подневольную рабочую силу, с которой городу было трудно справиться после его падения. Большое количество рабов приобрело гражданство^[419]. Однако есть и более простое объяснение этого факта. Силосон, брат Поликрата, будучи восстановленным Персией, почти уничтожил свободное население^[420].

Таким образом, можно доказать, что тиран Поликрат принимал некоторое участие в торговой, промышленной и, вероятно, финансовой деятельности города, которым он правил.

Прежде чем стать тираном, Поликрат уже имел отношение к основным отраслям саамской промышленности.

Теперь посмотрим, что известно о его карьере до того, как он стал верховным правителем государства.

До того как стать тираном, он заказывал дорогие покрывала и сосуды для питья и давал их в долг тем, кто устраивал свадьбы или развлечения с особым размахом.

Эти слова принадлежат Афинею^[421]. Едва ли можно более определенно утверждать, что Поликрат был обязан своим тронном богатству покрывалами и сосудами для питья.

Покрывала (στρωμαί) - это, несомненно, промышленные изделия, для изготовления которых Поликрат впоследствии ввел милезийских и аттических овец. Слово, по-видимому, обозначает саамскую специальность. Форма соответствующего глагола (ἔστρωται) используется Феокритом в отрывке, где он упоминает о знаменитых шерстяных изделиях Самоса и Милета^[422].

Кажется вероятным, что брат Поликрата и его партнер по тирании также был торговцем или производителем шерстяных изделий. Во всяком случае, после его изгнания мы видим, как Дарий хочет купить у него плащ (χλαρίς). Согласно Геродоту^[423], это был тот самый, который в данный момент носил Силосон. Инцидент произошел в Египте. Силосон был одним из греков, которые последовали за Камбизом после персидского завоевания. Некоторые из них прибыли как торговцы (κατ' ἐμπορίην), некоторые - как солдаты, некоторые - просто как зрители. Силосон, который в момент просьбы Дария находился на рынке в Мемфисе, ответил ему: "Я не продаю это ни за какую цену, но предлагаю тебе за бесценно". Что именно делал Силосон на рынке, к сожалению, точно не известно. Согласно Гроте^[424], он просто гулял там. Греческое слово ἡύοραζε может означать "часто посещающий рынок", "покупающий" или "продающий на рынке". Инцидент предполагает, скорее, последнее значение, и что Силосон был в Мемфисе как торговец (κατ' ἐμπορίην) плащами (χλαρίδες). Неромантический коммерческий аспект сделки между Силосоном и Дарием, который уже затушеван в рассказе Геродота, полностью исчез в рассказе Страбона^[425], который говорит просто, что Силосон "подарил Дарию одежду, которую он видел на нем и которая ему понравилась..., и получил взамен тиранию".

Сосуды для питья (ποτήρια) почти наверняка были из металла. Ποτήρια из фаянса лишь однажды^[426] упоминаются в отрывках, цитируемых в "Лексиконе" Лидделла и Скотта, в то время как есть множество отрывков, в которых ποτήρια конкретно указывается, что они были из металла^[427]. В рассматриваемом нами случае тот факт, что они давались взаймы и для развлечений особой важности, указывает на металл^[428]. Мы только что видели, что Теодорус, который работал на Поликрата в конце его карьеры, был мастером по изготовлению металлических ποτήρια. Поэтому вполне может быть, что Теодор был для Поликрата чем-то большим, чем просто его ювелир и серебряник^[429].

Саамские серебряники получали материал из Тартесса^[430]. Таким образом, Поликрат должен был, по крайней мере, интересоваться саамским судоходством до своего воцарения. В изложении своих взглядов на происхождение тирании, опубликованном в Journal of Hellenic Studies за 1906 год, я отметил, что нет никаких доказательств того, что Поликрат закупал серебро на своих собственных кораблях. [Отец Поликрата - Аякс, вероятно, тот

самый Аякс, которого саамская надпись связывает с морской торговлей. | Так оно и есть; но любопытно, что всего через несколько недель после этого замечания была опубликована находка из самого Самоса^[431], которая, вместе со знающими и освещающими комментариями ученого, опубликовавшего ее, бросила новый и интересный свет на тесное участие, которое семья Поликрата уже имела в саамском судоходстве в те дни, когда будущий тиран был еще ребенком. Находка представляет собой безголовую сидящую статуэтку^[432] (рис. 10), которая сразу же напоминает фигурки из Бранхид, хранящиеся сейчас в Британском музее^[433]. Стиль как самой фигуры, так и надписи на ней указывает на дату около 550 г. до н. э. Статуя была посвящена Аяксом, сыном Брайсона. Аиакес - не совсем обычное имя. Его носил отец Поликрата. Не исключено, что, как утверждает Л. Курций, Аиакс, посвятивший статую, был не кем иным, как отцом тирана. Дата подходит точно: так же как и надпись, гениально интерпретированная Курцием. На самом деле слова таковы:

Ἀεάκης ἀνέθηκεν ὁ Βρύωνος ὃς τῇ Ἥρῃ

τὴν σύλην ἔπρησεν κατὰ τὴν ἐπίστασιν.

Из контекста трудно вывести ἔπρησεν из πίμπρημι. Также ἐπίστασις не может означать "сон" (посещение ночью), поскольку аналогия κατ' ὄναρ, κατ' ἐνύπνιον показывает, что в этом случае за κατὰ не следует артикль. Поэтому Курций принимает ἔπρησεν за ионическое ἔπρασεν в общем смысле "взысканный", "собранный": для единственного с он сравнивает Τειχιούσης с Τειχιούσσης, которое действительно встречается на одной из фигур из Branchidae. Слово σύλη он объясняет ссылкой на Геродота IV. 152, где рассказывается, как саамийцы, вернувшись из путешествия в Таршиш, "отделили десятину от своих доходов, шесть талантов, и сделали медный котел на манер аргивской чаши для смешивания, и посвятили его в Гереуме^[434]."

Рис. 10. Аиакес, отец Поликрата.

Прибыль из Таршиша, как предполагает Курций, на самом деле могла называться $\sigma\acute{\upsilon}\lambda\eta$, идея которой, по его мнению, распространилась на все прибыли, полученные в результате морских авантур. Имя брата Поликрата Силосона почти наверняка происходит от $\sigma\tilde{\upsilon}\lambda\omicron\nu$ (= $\sigma\acute{\upsilon}\lambda\eta$, см. выше), а $\sigma\tilde{\omega}\nu$ = $\sigma\alpha\tilde{\omega}\nu$ от $\sigma\alpha\tilde{\omega}$ = $\sigma\acute{\omega}\zeta\omega$ (спасать)^[435]. Курций справедливо замечает, что это имя уводит связь рода Поликрата с $\sigma\acute{\upsilon}\lambda\alpha\iota$, морскими волнами, морскими богатствами, назад, к тому времени, когда Силосон получил свое имя, то есть, предположительно, за

поколение или около того до того, как он и два его брата, Пантагнотос и Поликрат, захватили тиранию в своем родном городе.

По словам Геродота, Поликрат был обязан своим падением попытке получить достаточно денег, чтобы править всей Грецией.

Великая волна персидских вторжений в Европу, начавшаяся всего через несколько лет после смерти Поликрата, и подъем Афинской империи после окончательного отпора персам несколько затмили славу саамской талассократии, которая практически синхронизировалась с тиранией Поликрата. Во время своего правления он был, несомненно, самым известным греком во всем греческом мире, а о его необыкновенной череде непрерывных успехов сообщалось и обсуждалось повсюду^[436]. С греческой точки зрения, согласно которой следует избегать любых излишеств, как хороших, так и плохих, он был слишком успешен. Концом могла быть только Немезида или возмездие. Это чувство выражено Геродотом в письме, в котором он заставляет царя Египта посоветовать Поликрату прервать серию, добровольно отказавшись от того, что было ему дороже всего^[437].

Далее рассказывается, как письмо побудило Поликрата выбросить в море самое дорогое, чем он владел, - кольцо, сделанное Теодорусом, как кольцо вернулось к нему в теле рыбы, поданной к царскому столу, и как Амасис "узнал, что невозможно одному человеку спасти другого от события, которое должно постигнуть его"^[438], "и как, соответственно, он разорвал с ним дружбу, "чтобы, когда какое-нибудь великое и ужасное несчастье постигнет Поликрата, он сам не был опечален в сердце мыслью, что оно постигло друга"^[439]."

По всей вероятности, не Амасис порвал с Поликратом, а Поликрат покинул Амасиса, когда персидская опасность стала казаться непреодолимой^[440]. Но сомнительная историчность этого инцидента только повышает его историческую ценность: она показывает, что, насколько история конца Поликрата ложна или неточна с точки зрения фактов, она была изменена в соответствии с требованиями греческой поэтической справедливости, чтобы сделать способ, которым Поликрат потерял трон, достойным возмездием за то, как он завоевал и удерживал его.

Вот история, изложенная Геродотом^[441]. В Сарды был назначен новый персидский сатрап, который, узнав, что Поликрат стремится править "Ионией и всеми островами", подстроил ему ловушку, притворившись, что нуждается в его помощи, и пообещав взамен большие деньги. "Насколько хватит денег", - гласило обещание, - "ты будешь правителем всей Эллады". "Услышав это, Поликрат обрадовался и захотел. И так как ему очень хотелось денег, он сначала послал Меандрия, сына Меандрия, в инспекцию..... Но Орозетес, узнав, что ожидается инспектор, поступил следующим образом. Он наполнил восемь сундуков камнями, за исключением небольшой глубины вокруг верха, где поверх камней он положил золото". Для последующих событий нет необходимости приводить точные слова Геродота. Меандрий был обманут. Поликрат переправился к Оротесу, был схвачен им и распят.

Значение Геродота для Поликрата.

Важно помнить, насколько хороши источники для истории саамской тирании. Знаменитый Анакреон жил при дворе Поликрата^[442], и "вся его поэзия" была "полна упоминаний о нем"^[443]. "Практически все они исчезли, но они были доступны писателям, из которых мы черпаем информацию. Геродот общался со спартанцем Архиасом, чей дед, также по имени Архиас, отличился в спартанской экспедиции против Поликрата, и чьи подвиги привели к постоянной связи между спартанским родом и саамийцами"^[444].

Как уже упоминалось при обсуждении монет с надписью "Самайна", сын брата Поликрата Силосона был восстановлен персами в качестве тирана Самоса после битвы при Ладе в 494 году до н. э. Больше о нем ничего не слышно, а в 480 году до н. э. некий Феоместор "стал тираном Самоса, будучи поставлен персами"^[445] . " Но даже если сын Силосона умер сразу после восстановления, его правление все равно относит нас к временам, хорошо запомнившимся отцу Геродота. При наличии подобных источников весьма вероятно, что основные контуры фактов были сохранены, а там, где они были улучшены или дополнены, изменения или дополнения, сознательные или бессознательные, были сделаны в соответствии с общей историей периода. Так, например, мы должны ожидать, что факты о падении Поликрата будут в основном правильно изложены: но история с письмом Амасиса показывает, что мы можем ожидать добавления штрихов, чтобы подчеркнуть мнение о том, что это было посещение Немезиды, акт возмездия со стороны божественной силы.

В рассказе Геродота говорится, что Поликрат пал, потому что надеялся с помощью безграничных денег стать тираном всей Греции. Примечателен акцент, который делается на деньгах на протяжении всего повествования^[446] . Согласно всем законам греческой психологии, вывод напрашивается сам собой: именно благодаря своему богатству он завоевал и сохранил свою власть.

Глава IV. Египет

Рис. 11. Псамтек I.

Тираны VI века в Афинах и на Самосе с определенной долей вероятности могут рассматриваться как правители, пришедшие к власти благодаря своему богатству. Прежде чем перейти к рассмотрению более ранних греческих тиранов, о происхождении которых свидетельства гораздо более скудны и нерешительны, мы сочтем удобным на некоторое время обратить внимание на Египет и Лидию. В обоих этих государствах мы найдем свидетельства, некоторые из них очень позитивные, что с конца восьмого века и далее цари приобретали и поддерживали свою власть с помощью богатства. С обоими этими государствами греки седьмого века находились в тесном контакте; у них они многому научились и многое позаимствовали, поскольку Египту и Востоку еще было чему их научить. Поэтому история Египта и Лидии в этот период тесно связана с историей греческого мира, к которому они примыкали. Она придает контекст разрозненным фрагментам свидетельств, с которыми придется иметь дело в некоторых последующих главах, и позволяет объединить их в нечто, напоминающее значимое целое.

Развитие торговли и промышленности в Египте седьмого века.

Как и Греция, Египет пережил мрачный период в первые три века первого тысячелетия до н. э. После примерно двух веков правления ливийских правителей (XXII и XXIII династии), чья энергия часто была направлена на борьбу с царями-соперниками, в то время как подданные князья тратили ресурсы страны на междоусобные распри, Египет в восьмом веке попал под власть эфиопской династии, которую она периодически меняла на ассирийскую. Но в начале седьмого века Египет восстановил свое материальное процветание. К середине следующего столетия, как говорят, он был более процветающим, чем когда-либо прежде^[447], и это процветание отражено в законе Амасиса (570-526 гг. до н. э.) против безработицы^[448], а также в организации промышленности в "более или менее четко определенные классы или гильдии"^[449], в улучшении методов ведения бизнеса и механических процессов. Формы юридических и деловых документов стали более точными^[450]; механические искусства литья из бронзы на стержне и формовки фигур и керамики были доведены до высочайшего уровня^[451]. Надписи этой эпохи, найденные в золотодобывающих районах, доказывают, что работа древних царей была взята с новым рвением^[452]. Порты Египта были открыты для торговли всех народов^[453]. Сильные флоты содержались как в Средиземном, так и в Красном морях^[454]. Фараон Нехо (610-594 гг. до н. э.) попытался предвосхитить Суэцкий канал, соединив Нил с Красным морем^[455]; а подвиги Васко да Гамы были предвосхищены финикийским кораблем, который был отправлен тем же фараоном Нехо и обогнул Африку^[456]. В этих действиях Нехо Сайс^[457] видит попытку сделать Египет главной торговой страной мира.

Эти великие события произошли при одной династии, XXVI-й, которая происходила из Саиса на одном из западных рукавов дельты⁽¹⁾. История этой династии прослеживается в Саисе с VIII века до н.э., но первым представителем рода, правившим всем Египтом, был Псамметих (Псамтек), правивший примерно с 664 по 610 год. Нехо, отец этого Псамметиха и дед Нехо, упомянутого выше, был царем или правителем Саиса и Мемфиса при ассирийском царе Ассурбанипале^[459]. Псамметих был вынужден заниматься войной и внешней политикой, чтобы освободить свою страну от иноземных захватчиков. Подробности его военных достижений нас здесь не интересуют. Нам важно проследить, как он добился власти, которая позволила ему их осуществить.

В начале своей карьеры Псамметих, как сообщает нам Геродот^[460], был одним из двенадцати царей, получивших по двенадцатой части страны, чтобы править^[461]. Однажды несколько одетых в бронзу ионийских и карийских вольноотпущенников, согласно Геродоту, с помощью греческих и карийских наемников были загнаны в Египет из-за непогоды. Псамметих "подружился с ионийцами и карийцами и великими обещаниями убедил их присоединиться к нему; убедив их, он затем вместе со своими сторонниками в Египте и наемниками низложил (остальных одиннадцать) царей и стал хозяином всего Египта"^[462].

Человек, который среди двенадцати или более соперников^[463] добился монополии на греческих и карийских наемников, должен был обладать выдающимся богатством. Но это не все наши сведения о нем. Более полный рассказ о нем сохранился у Диодора^[464]:

Согласно Диодору, он торговал с финикийцами и греками.

Когда двенадцать правили Египтом в течение пятнадцати лет, случилось так, что царство перешло в руки одного из них по следующим причинам. Псамметих Саисский, один из двенадцати царей и правитель приморских областей, снабжал грузами (φορτία) купцов, особенно финикийцев и греков; таким образом он выгодно распоряжался продуктами своей земли и получал долю продуктов других народов, и пользовался не только большим богатством (εὐπορίαν), но и дружбой с народами и князьями.

Можно ли сказать яснее, что Псамметих был обязан своим тронном богатству, а богатством - торговле?

Значение этих утверждений Геродота и Диодора.

Торговое происхождение власти Псамметиха можно поставить под сомнение, лишь усомнившись в ценности наших авторитетов. Остальная часть этой главы будет посвящена тому, чтобы показать, что для этого нет никаких оснований, в то время как многое подтверждает только что процитированные отрывки.

Геродот и Диодор^[465] оба посетили Египет и являются одними наших лучших авторитетов. На первый взгляд, они действительно не совсем согласны друг с другом. Но история, которую они рассказывают, по сути, одна и та же. Разница заключается в расстановке акцентов. Геродот останавливается на одном инциденте и делает акцент на описании ионийцев и карийцев как людей из бронзы. Этот момент стоило подчеркнуть, ведь с военной точки зрения первое появление тяжеловооруженного гоплита в египетской истории ознаменовало эпоху^[466]. Диодор противоречит Геродоту только в том, что Псамметих не случайно нанял этих иноземных гоплитов^[467]. Остальная часть его повествования лишь дополняет Геродота, и молчание Геродота не дает оснований думать, что поздний историк не опирался на хорошие и ранние источники^[468]. Даже Геродот не мог включить в свою историю каждый клочок знаний, которыми он обладал, а для Египта седьмого века вполне могли существовать современные документы, к которым не обращался Геродот, но обращался Диодор. Рассказ Диодора фактически был принят значительным числом современных ученых^[469]. [Ср. Страбон о форте милезийцев] Они указывают, что он согласуется с утверждением Страбона о форте милезийцев^[470], что "во времена Псамметиха милезийцы приплыли на 30 кораблях и вошли в устье Болбитины, а высадившись, построили только что упомянутый фундамент".

В этом отрывке Страбона есть одна трудность. Псамметих описывается в нем как современник Киаксара, царя мидийцев, правившего с 624 по 584 год до н. э., так что Псамметих, о котором идет речь, мог быть Псамметихом II (594-589). Но Псамметих у Страбона, по-видимому, всегда означает первого и самого значительного царя с таким именем. Да и Киаксарес, судя по его дате и национальности, является странным человеком для греческого писателя, чтобы цитировать его для указания даты египетского царя^[471]. Поэтому Хиршфельд, вероятно, прав, отвергая эту скобку как эрудированную, но неинтеллектуальную глоссу^[472].

Болбитинское устье Нила находится рядом с большим озером и болотами Бурлос^[473]. Геродот сообщает, что Псамметих I, прежде чем одолеть своих соперников в Нижнем Египте,^[474] провел период изгнания в болотах, а болота, как показывает контекст, находились недалеко от моря^[475]. Таким образом, не считая Диодора, просто сравнивая Геродота и Страбона, можно сделать вывод, что прибытие бронзовых людей из Ионии было не случайным событием, как это выставляет Геродот, а было тесно связано с фортом милезийцев.

и Ассурбанипалом на помощь, посланную Псамметиху Гигесом Лидийским.

О том, что Псамметих проводил свою политику, направленную на развитие "дружбы с народами и князьями"^[476] в Малой Азии, достаточно свидетельствует знаменитый глиняный цилиндр Ассурбанипала, царя Ассирии (около 668-626 гг. до н.э.), в котором говорится^[477], что

Гигес, царь Лидии, области, которая находится за морем^[478], отдаленного места, о котором цари, отцы мои, не слышали, чтобы говорили его название... свои войска на помощь Псамметиху^[479] Египта, который сбросил иго моего владычества, он послал.

Войска, посланные Гигесом, вполне могли быть не кем иным, как ионийскими наемниками, которые сделали Псамметиха хозяином всего Египта^[480]. Союз Псамметиха с Гигесом увеличивает вероятность того, что египтянин был ответственен за основание и развитие милезского поселения в своей стране, поскольку мы знаем, что Гигес позволил милезийцам основать эллиспонтский Абидос на территории, которая тогда была лидийской^[481].

История предшественников Псамметиха:

Если торговля и богатство вознесли Псамметиха к верховной власти около 664 г. до н. э., то их влияние, вероятно, сказывалось в египетской политике по крайней мере за некоторое время до этой даты. Это значительно укрепит доверие к Диодору в отношении ранней истории Псамметиха, если удастся доказать, что так оно и было на самом деле.

(i) В 701 г. до н. э. Сетон опирался на "плутов, ремесленников и торговцев".

В 701 году до н. э. Сеннахериб совершил свой знаменитый поход на Палестину и Египет, которые были спасены только благодаря чуме, посланной на ассирийское войско Ангелом Господним^[482]. Согласно египетской версии, записанной у Геродота, царем Египта в это время был Сетон или Сетос, жрец Гефеста. Когда царь-жрец готовился защищать свою страну от ассирийцев, "за ним не последовало никого из воинского сословия, а были только торговцы, ремесленники и торговцы^[483]." Ни один царь по имени Сетон не известен ни в египетских памятниках, ни в греческих и латинских списках царей Египта: его личность была предметом долгих споров. Позже в этой главе будут приведены причины считать, что он был князем того же города и, возможно, того же дома, что и Псамтек. Здесь же следует подчеркнуть появление именно в этот период фараона, опирающегося в своей власти на поддержку торгового и промышленного классов.

(ii) Царь Бокхорис (ум. 715 г. до н. э.) и его торговое законодательство.

Незадолго до дней Сетона другой египетский царь завоевал большую славу благодаря признанию коммерческих тенденций своей эпохи. Это был Бокхорис Законодатель, одинокий представитель XXIV династии, который, по-видимому, некоторое время был признан царем Египта, пока в 715 году до н. э. не был схвачен и сожжен или зарублен заживо своим преемником Сабакхом, первым царем эфиопской (XXV) династии^[484]. Диодор говорит, что законы, касающиеся договоров, были приписаны Бокхорису и что он привнес большую точность в вопрос о договорах. Эти утверждения замечательно иллюстрируются реальными деловыми документами, дошедшими до нас с тех времен^[485].

Фаянсовая ваза (рис. 12) с египетскими сценами и именем Бокхорис была найдена в этрусском городе Тарквинии (Корнето)^[486]. По мнению Масперо и В. Биссинга, это чисто египетская работа^[487]. До его обнаружения единственным свидетельством того, что Бокхорис имел дело с Европой, было упоминание в Плутархе^[488], где Бокхорис выступает судьей в деле с участием греческой гетеры по имени Тонис. Отрывок из Плутарха - сомнительное свидетельство, но ваза из Корнето позволяет предположить, что уже в правление Бокхориса египтяне и, возможно, сам царь уже имели дело с торговыми народами Севера. Это хорошо согласуется с тем фактом, что Бокхорис, вероятно, был предшественником царя, чье окружение состояло из торговцев, ремесленников и торговцев. Сам Бокхорис, по словам Диодора, считался самым жадным до денег человеком^[489].

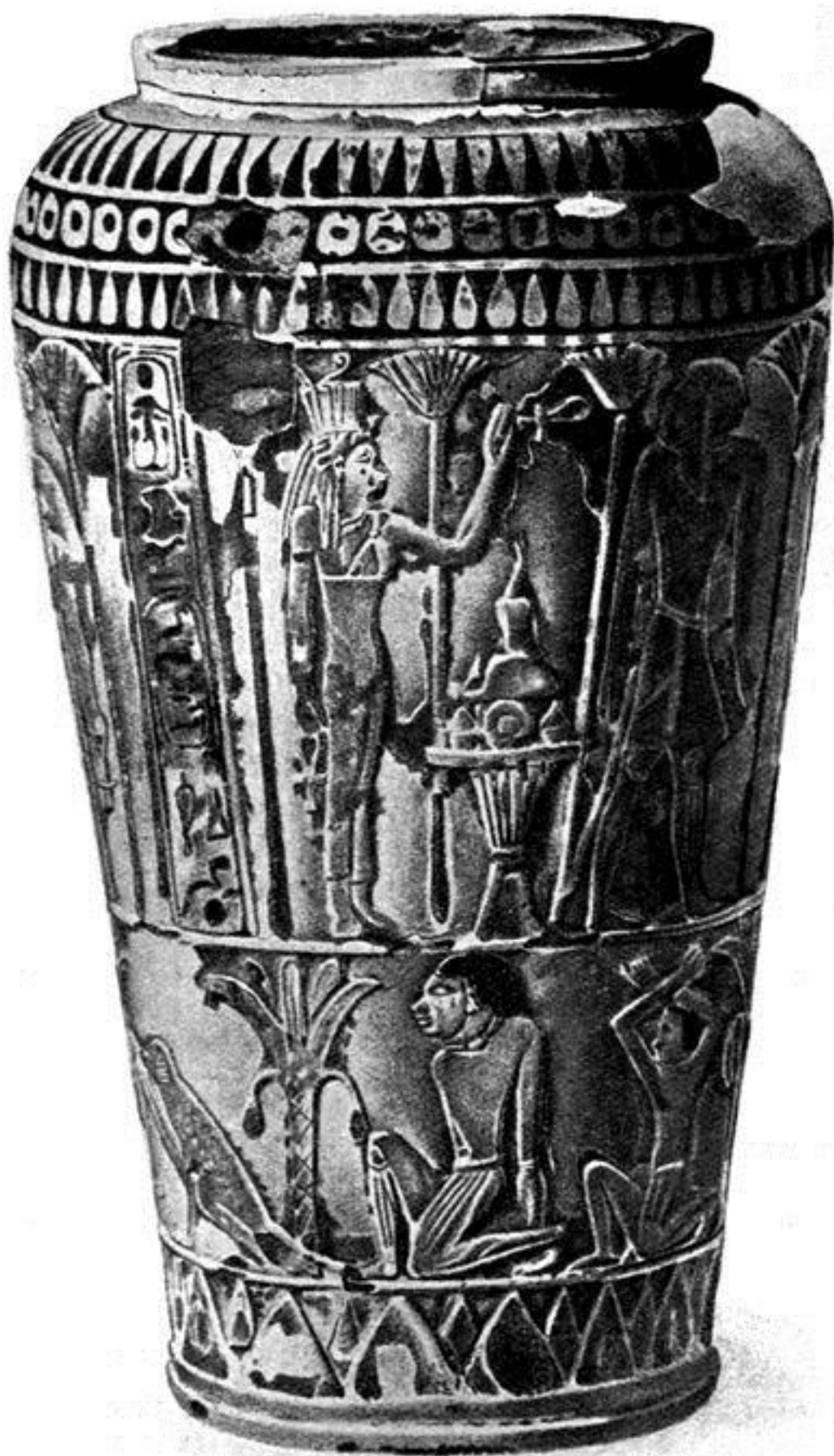

Рис. 12. Ваза с картушем Бокхориса, найденная в Тарквиниях.

(iii) Тафнехт, отец Бокхориса, противостоял эфиопам, очевидно, благодаря своему владению морем.

Отец Бокхориса Тафнехт^[490], первый из саитских принцев (749-721 гг. до н. э.), не имел никаких коммерческих интересов или связей. Он больше всего запомнился своей борьбой с Пианхи, первым эфиопским правителем, претендовавшим на трон фараонов. Об этой борьбе у нас есть собственная версия Пианхи, сохранившаяся в знаменитой стеле Пианхи. Пока партизаны Тафнехта удерживали Мемфис против эфиопов, мы слышим о привлечении артизанов и мастеров-каменщиков в качестве солдат^[491]. Однако говорится, что отряд был небольшим, и не совсем ясно, на чьей стороне он сражался. Тафнехт, когда борьба пошла против него, удалился на "морские острова", откуда он смог вести переговоры с Пианхи в полной безопасности. Сам Тафнехт не без такта описал ситуацию в письме к Пианхи: "В какой бы город ты ни обратил лицо свое, ты не нашел там раба твоего, пока я не достиг островов морских, трепеща перед могуществом твоим и говоря: "Пламя его враждебно мне"". В конце концов он подчинился эфиопам, но подчинение это, похоже, было не более чем номинальным. О Пианхи после ее получения больше ничего не слышно в Дельте, а Тафнехт, судя по положению, которое занял после него его сын Бокхорис, должен был вернуть себе значительную власть.

Возможно, ее основой было морское превосходство. В древнем списке талассократий, или государств, последовательно управлявших волнами, дошедшем до нас от Синцелла, Евсевия и Иеронима, талассократия Египта приходится примерно на этот период. Единственный список, в котором указана точная дата, принадлежит Иерониму, который помещает ее между 783 и 748 годами до н. э. Но в списках приводится продолжительность правления каждой талассократии, а также абсолютные даты, и, как отмечает Дж. Майрес, если вместо того, чтобы следовать датам в годах от Авраама, мы будем исходить из продолжительности правления различных талассократий, работая назад от периода персидских войн, то конец египетского господства приходится не на 748, а на 725 год^[492]. Такая датировка делает Тафнехта талассократом^[493], и объясняет, как он смог противостоять Эфиопии и сравнительно небольшой урон, который он понес, несмотря на свои военные неудачи. В 715 году в Дельту вторгается еще один эфиоп. Новый принц Саиса, Бокхорис, предположительно не имел неприступной военно-морской базы. Он был пойман эфиопским Сабакхом и сожжен или сожжен заживо^[494]. Только когда Псамтек заключил союз с морской державой, пришедшей на смену Египту, саитские князья полностью вернули себе трон фараонов. На этот раз их власть имела более прочную финансовую основу. Она продержалась почти полтора века, а затем была внезапно разрушена в зените непреодолимыми силами извне. По отсчету, который заканчивает египетское военно-морское господство в 725 году до н. э., морское командование, когда Псамтек наращивал свою мощь, находилось в руках карийцев. Именно карийцы, наряду с милезийцами (которые по той же системе отсчета были талассократами с 725 по 707 год до н.э.), как утверждают все наши древние авторитеты, были основой власти Псамтека^[495].

Если царь, правивший Египтом в 700 г. до н. э., опирался на торговые и промышленные классы, а царь, правивший двадцатью годами раньше, составил первый торговый кодекс Египта, а при предшественнике этого последнего царя Египет был верховным на море, то к 670 г. до н. э. условия вполне могли быть благоприятны для коммерческой деятельности принца Псамметиха, как это описано Диодором. [Тафнехт и, возможно, Бокхорис и Сетон были (не царями всего Египта, а) князьями Саиса, города Псамметиха, и принадлежали, возможно, к той же семье, что и Псамметих.] Но это было бы еще более верно, если бы, как кажется вероятным, и Сетон, и Бокхорис были саитскими князьями из того же дома, что и сам

Псамметих. Доказательства слабы и неубедительны, и по этой причине их трудно кратко обобщить. Но выводы, на которые они указывают, достаточно важны, чтобы сделать эту попытку стоящей.

Один момент представляется вполне определенным. Сетон не был именем завоевателя ассирийцев. Гораздо более вероятно, что это был его титул, грецизированная форма священнического титула *stm, stne, setmi* или *satni*^[496]. Если его настоящее имя все еще вызывает сомнения, то это не из-за отсутствия предположений. Сетон был отождествлен с (а) Хамоисом, сыном Рамсеса II^[497], (б) Шабаккой, первым царем эфиопской династии^[498], (в) Шабатакой, преемником Шабаки^[499], (г) Тахаркой, библейским Тирхакой^[500].

Все эти идентификации несостоятельны: первые две - из-за их датировки, остальные - потому что они делают Сетона эфиопом. Класс воинов, отказавшихся поддержать Сетона, был эфиопским по симпатиям и вряд ли дезертировал бы из Эфиопии^[501]. История Сетона прославляет мемфисского бога Птаха (Гефеста), в то время как эфиопская династия была посвящена Амону из Фив^[502]. Гриффит действительно предполагает, что Тахарка, ставший царем Эфиопии и Египта после 700 г. до н. э., мог во время поражения Сеннахериба представлять правящего царя Шабатака в Нижнем Египте, возможно, с титулом жреца Птаха в Мемфисе^[503]. Но доказательств тому нет, и изображение Тахарки как царя, не имеющего за спиной ни одного настоящего воина, нелегко объяснить. Напротив, как уже давно отметил Лепсиус^[504], библейский рассказ^[505], похоже, различает фараона, царя Египта, которого он называет сломанным тростником, и Тирхака, царя Эфиопии. Аналогичным образом ассирийские цилиндры отличают царей Египта от царя Милухи = Мероэ = Эфиопии^[506]. Цари Египта, которые, таким образом, упоминаются во множественном числе^[507], очевидно, являются правителями, которые в тот период разделили между собой земли Дельты. Все факты указывают на то, что Сетон был одним из этих вождей Дельты, предположительно одним из самых важных из них, который признал, когда его принудили к сюзеренитету Эфиопии или Ассирии, в зависимости от обстоятельств, но сделал все возможное, чтобы держаться подальше от обеих великих держав.

Не исключено, что Сетон принадлежал к той же семье, что и Псамметих, или, во всяком случае, был одним из его предшественников на троне Саиса. В качестве отправной точки для его идентификации у нас есть два факта. Он был верховным жрецом Птаха и был жив в 701 году до н. э. Поколением раньше титул Сема Птаха носил Тафнехт, вождь Саиса примерно с 749 по 721 год до н. э.^[508], который возглавил Дельту в борьбе с эфиопскими пианками^[509]. Через поколение после Сетона ассирийские цилиндры^[510] описывают Нехо I (672-664 гг. до н. э.), отца Псамметиха I, как царя не только Саиса, но и Мемфиса, родины традиции Сетона. Целая линия саитских правителей может быть прослежена от Тафнехта и далее до Псамметиха I^[511]. Все эти цари, похоже, были чем-то большим, чем просто местными правителями. Стела из Пианхи ясно показывает, что Тафнехт стремился стать царем, по крайней мере, всего Нижнего Египта. Бокхорис, одинокий царь XXIV династии, уже обсуждался. Стефинат, Нехепсус и Нехо I фигурируют в "Африканусе"^[512] как первые три царя XXVI династии, Псамметих I идет четвертым в списке. Это утверждение не опровергается тем фактом, что другие авторы^[513] начинают династию с Псамметиха, а Евсевий^[514] ставит Стефината вторым, после Аммериса Эфиопского. Эти три версии не должны быть взаимоисключающими. Псамметих, несомненно, был первым из саитов, завоевавшим для своего дома неоспоримое царствование во всем Египте. Отсюда и положение, которое обычно приписывают ему. В другом смысле он также представлял собой новый династический шаг. Он, по-видимому, имел родственные связи с Эфиопией и последовательно стремился к сближению с эфиопским царским домом^[515], который,

возможно, первоначально оставил ему свободу действий в Дельте из желания создать буферное государство между Эфиопией и Ассирией. Аммерис, по-видимому, является греческой формой имени (Та) Нут-Амен, Руд-Амен или Амен-Руд, как по-разному называют последнего из эфиопских царей^[516]. Его появление во главе XXVI династии свидетельствует о ее эфиопских связях в это время^[517]. С другой стороны, Африкан, следуя Мането, который сам был египтянином, записывает происхождение Псамтека по прямой линии и рассматривает его, а не каких-либо эфиопских или ассирийских завоевателей, как законного царя всей страны^[518].

Теперь мы находимся в более выгодном положении, чтобы попытаться идентифицировать Сетона из Геродота. Эта саитская династия, вероятно, была представлена во время нашествия Сеннахериба Стефинатом. У Африкана его правление в качестве первого царя XXVI династии начинается позже, около 685 г. до н. э. Но это оставляет пробел в 30 лет, когда не было зафиксировано правителей Саиса и Мемфиса. Объяснение Петри этого перерыва может быть правильным. Он считает, что Стефинат, вероятно, был сыном и преемником Бокхориса, но после того, как Бокхорис был разбит и сожжен эфиопами в 715 году до н. э., Саисская держава еще некоторое время оставалась очень сломанной тростинкой. Поэтому маловероятно, что Стефинат из Манефо - это Сетон из Геродота. Ни один принц с таким именем не встречается на египетских памятниках, но Петри^[519] правдоподобно предположил, что Стефинат - это другой Тафнехт, возможно, с сигмой, перенесенной греческим переписчиком с какого-то слова перед его именем. Не можем ли мы предположить, что это было за слово? Первый Тафнехт называл себя Семом Птаха. История Сатни Хамоиса^[520] показывает, что титул мог быть префиксом к личному имени. Не является ли странная форма Stephinates просто греческим исправлением Satni Tafnekht или, как иногда транскрибируют это имя, Tefnakhte^[521]?

Родственную связь между Бокхорисом и поздними саитами установить сложнее. В пользу этого говорят следующие факты: среди чиновников Псамтека I появляется самтави Тафнехт; а поскольку имя Тафнехт носил отец и предшественник Бокхориса^[522], этот самтави Тафнехт был признан Петри^[523] "несомненно братом или двоюродным братом царя". Само имя Бакенранф носит другой чиновник Псамтека^[524], который вполне может быть Бокхорисом, сыном Неохабиса (Некаубы), упомянутого Афинеем^[525], в таком случае он был бы дядей царствующего царя^[526]. Прямая связь между XXIV и XXVI династиями действительно часто подозревалась^[527]. Они могут стоять друг перед другом, как английские Ланкастеры перед Тюдорами, разделенные периодом затмения и союзом с их соперниками, который был заключен в каждом случае в период реставрации^[528].

Популярны рассказы о Сатни Хамуа, которые, вероятно, отражают атмосферу, царившую в Саисе при Сетоне,

Вероятно, именно в этот период затмения два народных рассказа более раннего времени были пересмотрены и получили ту форму, в которой они дошли до нас^[529], и в которой они также, весьма возможно, имеют отношение к истории геродотовского Сетона. Их герой - Сатни Хамоис, сын Рамзеса II, который защищает царя-отца не силой оружия, а обучением и магией.

И Сатни, и Сетон спасают свою страну там, где не справились военные. "Стояли перед ним (фараоном Усимаресом) военачальники главных египтян, каждый в соответствии со своим придворным званием", когда пришел эфиоп и с угрозой "сообщил о неполноценности Египта в его стране, стране негров". И как военачальники и придворные оказались беспомощны против ассирийцев во времена Сетона, так и против эфиопов во времена Сатни. Это и есть

связующее звено. Ценность рассказа Сатни для истории Сетона заключается в том, что он, вероятно, передает атмосферу периода Сетона, а значит, помогает показать, что Сетон уже во многом проводил саитскую политику. Гриффит, например, заметил, что Сатни представлен не в самом героическом свете. Но и никто из поздних саитов не принимал героической позы. Ничто не может быть менее похоже на великого монарха, чем Псамтек, изображенный на рельефе в Британском музее (выше рис. 11)^[530] или Амасис, изображенный на страницах Геродота^[531]. [Вспомните по тону те рассказы об Амасисе, последнем великом саитском фараоне.] Такую же картину Амасиса представляют нам популярные египетские истории. "Неужели, - спрашивают его придворные, - если случается, что царь пьян больше всех на свете, ни один человек в мире не может подойти к нему по делу^[532] ?"

Амасис, который был практически последним из саитов, по преданию, был человеком из народа^[533]. Во времена Сетона (Сатни Тафнехте), который, возможно, возглавляет династию, в одном из рассказов цикла Сатни Хамоис повествуется о том, как этот царственный принц лично посетил царство мертвых, чтобы усвоить урок Дивеса и Лазаря^[534].

Выводы относительно ранней истории династии Саитов.

На этом мы завершаем рассмотрение истории ранних саитов. Она указывает на последовательную политику, проводимую с удивительным сочетанием настойчивости и разносторонности чередой правителей, которые, возможно, принадлежали к одной семье и, несомненно, унаследовали в непрерывной преемственности одни и те же цели и один и тот же основной метод их достижения, который был отмечен для них местом и эпохой, в которой они жили. Власть саитов стала верховной в Египте, в то время как эфиопы и ассирийцы боролись за землю. В силу обстоятельств Саис должен был стать военной державой. Но своей победой над соперниками в период с 721 по 670 год до н. э. город был обязан прежде всего тому, что лежал в стороне от основных путей войны. Как всегда, когда Египет втягивается в большую войну, именно восточная граница сталкивается с главным врагом. Саис не всегда мог сохранять нейтралитет, но, лежа прямо на западе, он смог, по крайней мере, сохранить и даже развить свою торговлю. Он воспользовался своей возможностью и сделал это. Торговый кодекс Бокхориса, торговцы, ремесленники и торговцы Сетона, грузы Псамметиха - это три больших этапа в развитии, в конце которых, по словам Масперо, "долина Нила превращается в огромную мастерскую, где работа велась с беспрецедентной активностью^[535]."

Все эти соображения придают повествованию Диодора общую правдоподобность. Однако они не подтверждают специально его утверждения о торговле Псамтека с греками. [Греция и Саис: основание Наукратиса:] Греческая торговля в Египте во времена Саитов связана с именем Наукратиса. "В давние времена, - говорит Геродот^[536], - Наукратис был единственной империей в Египте. Другого не было". Это преувеличение, происхождение которого мы увидим, когда будем рассматривать Амасиса, предпоследнего из саитских фараонов. Но из него следует, что Наукратис затмил по значимости все остальные греческие торговые станции в стране. Поэтому нам необходимо выяснить, каково было положение Наукратиса во времена Псамметиха. Этот вопрос вызывает много споров, особенно с восьмидесятых годов прошлого века, когда место раскопок было раскопано Петри и Эрнестом Гарднером, и был опубликован отчет о городе, составленный Петри^[537] на основе литературных источников и результатов раскопок. Поскольку, однако, некоторые археологические выводы раскопщиков были оспорены во многих кругах, а также некоторые важные археологические свидетельства

стали известны лишь недавно, возможно, стоит вкратце подытожить весь имеющийся материал.

(а) литературные свидетельства;

С. Иероним под датой Olymp. VII 4 (= 749 г. до н. э.) говорит, что "милезийцы удерживали море в течение восемнадцати лет и построили в Египте город Наукратис^[538]". Это утверждение согласуется со Стефаном Византийским^[539], который называет Наукратис "городом в Египте от милезийцев, которые в то время были верховными на море". Иероним и Стефан согласны с Полихармом^[540], который упоминает некоего Герострата, жившего в Наукратисе, торговавшего там и совершавшего дальние плавания в XXIII Олимпиаде. (688 Г. ДО Н.Э.). Но есть и другие авторы, которые относят это основание к более позднему времени. Страбон в отрывке, на который уже ссылался^[541], описав основание милезийского форта во времена Псамметиха, продолжает: "и в конце концов они приплыли в Саитское царство и, победив Инароса в морском сражении, основали город Наукратис". Наконец, Геродот^[542] сообщает, что царь Амасис (570- 526 гг. до н. э.) "отдал город Наукратис грекам, пришедшим в Египет, для проживания", - утверждение, которое само по себе может означать, что Наукратис был основан в 570 г. до н. э. или позже.^[543]

Остается привести еще одно свидетельство. Сапфо написала поэму, в которой упрекала своего брата Хараксосу в преданности наукратийской гетере по имени Дориче, в которую он влюбился, когда привозил лесбийское вино в Наукратис по торговым делам^[544]. Среди папирусов, обнаруженных Гренфеллом и Хантом в Оксиринхе, есть фрагмент, содержащий шестнадцать изуродованных сапфических строк, которые почти наверняка являются частью этой самой поэмы^[545]. Это означает, что во времена Сапфо Наукратис уже превратился в город удовольствий. К сожалению, ее даты не являются абсолютно точными. Недавняя ересь отнесла ее к царствованию Амасиса, но ее флоруит обычно относят к концу седьмого века, и, кажется, нет достаточных причин не принимать эту дату.

Таковы литературные свидетельства. Ни одно из них не является решающим в пользу ранней эпохи. Те, которые определены, могут быть поставлены под сомнение по факту. Сапфо, чье свидетельство само по себе не может быть подвергнуто сомнению, возможно, писала после 570 года. Однако в совокупности они делают вероятным, что Наукратис приобрел значение до времен Амасиса, и что Геродот либо перепутал основание города с основанием Эллады^[546], либо не хотел, чтобы его слова "отдал город грекам, пришедшим в Египет, для проживания" подразумевали, что милезийцы не были там в силе до предоставления этой концессии^[547]. Тем не менее, если бы мы ограничились этими литературными источниками, мы не могли бы быть уверены, что там, где Диодор, как кажется, дополняет своих предшественников, он не просто добавляет детали, которые они, как кажется, подразумевают. Именно такой точки зрения на его повествование придерживаются некоторые современные ученые^[548]. Даже если бы это было так, его дополнения все равно имели бы определенную ценность. Если Диодор, писавший в I веке до н. э., прочел между строк Геродота те же самые невысказанные следствия, которые были прочитаны там в новейшее время, то совпадение указывает на вероятность того, что это прочтение не совсем неверно^[549].

(б) археологические свидетельства:

На этом тексты не заканчиваются. В поисках дальнейшего света мы должны обратиться к археологии. Новый свет начал усиливать недоумение. Петри и Гарднер утверждали, что их

раскопки в Наукратисе доказывают, что он был важным греческим городом с середины седьмого века. Но вскоре было показано, что их основные аргументы ошибочны, и, естественно, стало предполагаться, что они должны быть неправы в своих выводах.

(i) раскопки Петри, который датировал Наукратис временем Псамметиха I;

Петри^[550] основывал свои аргументы на следующих наблюдениях. В южной части города он наткнулся на то, что он описал как фабрику скарабеев. Там было множество скарабеев Псамтека I, несколько Псамтека II и несколько, вероятно, Априса, но ни одного Амасиса. Это позволяет датировать фабрику периодом до 610 года и после 589 года. В двух футах под фабрикой находился обожженный слой простых горшков, который должен отнести нас еще дальше, по крайней мере к 650 г. до н. э., а возможно, и раньше. Скарабеи имитируют египетские, а Петри считает их греческими. Далее к югу, но также в пределах области сгоревшего слоя, находится большой загон, который он описывает как окруженный мощной кирпичной стеной. Он отождествляет его с Эллиниумом, где, по словам Геродота, девять греческих городов имели кварталы, отведенные им Амасисом. Размеры кирпичей указывают на ранний саитский период.

(ii) Дальнейшие раскопки Хогарта опровергли аргументы Петри;

Но в 1899 и 1903 годах Хогарт провел дополнительные работы в Наукратисе, которые привели его к следующим выводам. Эллиниум Петри определен неверно: он не является обнесенным стеной: то, что Петри принял за стены, - это просто обломки домов^[551]. Настоящий Эллиниум находится в том месте, которое Петри назвал Северным Теменосом^[552]. Все доказательства Петри в пользу Наукратиса седьмого века исходят из его фабрики скарабеев и его "Большого Теменоса", оба в южной части города, которая отмечена появлением там сгоревшего слоя, уже упомянутого, и, как показывают находки, была египетским кварталом города^[553]. Греки, естественно, имели отдельные кварталы и занимали северную приморскую часть города^[554]. Скарабей, как утверждается, вполне может быть финикийского производства^[555].

(iii) аргументы из надписей на вазах показаны как нерешительные.

Эрнест Гарднер считал, что раннее прибытие греков в Наукратис подтверждается многочисленными надписями, некоторые из которых нарисованы, но большинство (около 700) вырезаны, на керамике с этого места^[556]. Его аргументы были раскритикованы Хиршфельдом и Кирхгоффом^[557] и не получили широкой поддержки^[558]. На некоторых из них надписи кажутся очень грубыми и примитивными, но это может быть связано с тем, что они нацарапаны поспешными и неумелыми руками. По внешнему виду они не более архаичны, чем некоторые граффити на вазах из Рицоны (Микалессоса) в Беотии, самые ранние из которых следует датировать серединой VI века, а другие современны тонко написанным подписям Тейсиаса, процветавшего в конце VI века^[559]. Гарднер, конечно, ошибается, полагая, что шрифт любой из его надписей доказывает дату седьмого века. Но, с другой стороны, как хорошо заметил Эдгар^[560], все, что доказали его критики, это то, что ни одна из надписей не *обязательно* является столь ранней. Из этого ни в коем случае не следует, что они *обязательно* не являются таковыми. Но даже если предположить, что все наукратитские граффити относятся к шестому веку, из этого не следует, что греческий Наукратис до этого времени не имел никакого значения. Как Гарднер и его критики, так и Маллет^[561] обсуждают надписи, слишком мало обращаясь к конкретным черепкам, на которых они нанесены. Тридцать лет назад, когда изучение архаичной греческой керамики было еще в зачаточном состоянии, это было, возможно, неизбежно. Но при нынешнем состоянии наших знаний стиль горшков был бы естественной отправной точкой для датировки граффити. К сожалению, информация по этому вопросу, предоставленная Гарднером, недостаточна, а

находки наукратитов были настолько разрозненны, что задача сопоставления черепков и граффити теперь должна ждать того, кто сможет посвятить ей свое безраздельное время и внимание^[562].

В этих условиях лучшее, что можно сделать, - это обратиться к какому-нибудь более недавно раскопанному месту. В Рицоне граффити не так многочисленны, как в Наукратисе. Тем не менее, они достаточно многочисленны, чтобы оправдать некоторые наблюдения. Было найдено около 50 примеров^[563]. Все они находятся на вазах шестого века. Ни один не встречается на многочисленных вазах седьмого века, также найденных на сайте^[564].

Очевидно, что в Беотии мода выцарапывать надписи на керамике стала распространенной^[565] только в шестом веке. Поэтому само по себе отсутствие греческих граффити седьмого века из Наукратиса не больше доказывает отсутствие греческих поклонников седьмого века^[566], чем соответствующее отсутствие из Рицоны доказывает отсутствие могил седьмого века. На другом конце периода Эдгар уже заметил, что "практика посвящения ваз в храмах, похоже, почти угасла в Наукратисе до середины пятого века^[567]." Эдгар делает это замечание в конце своего обсуждения надписей, найденных в 1899 году. Он, очевидно, имеет в виду надписи-посвящения. В другом месте, обсуждая керамику, найденную во время тех же раскопок, он упоминает позднюю красную посуду (*т.е.* около 450 г. до н.э. и далее) как многочисленную, а черную глазурованную керамику со штампованным орнаментом внутри как особенно распространенную. Эта последняя посуда датируется примерно серединой пятого века, но основная ее мода приходится на более позднее время^[568]. К сожалению, ни один образец этой последней посуды из Наукратиса не был опубликован, и ни слова не говорится о ее распространении на территории поселения. На Рицоне ее обычно приносили в жертву мертвым. Вполне возможно, что ее приносили в жертву богам в Наукратисе^[569]. Конечно, нет необходимости предполагать, что мода на надписи на вазах появилась и исчезла одновременно в Наукратисе и Микалессосе. Беотия часто отставала от времени, а ионийцы седьмого и шестого веков вообще опережали их. Но беотийские свидетельства показывают, насколько осторожно следует использовать наукратийские граффити для определения даты первого греческого поселения.

(iv) Отсутствие протокоринфской керамики мало что доказывает.

Против датировки седьмым веком не говорит и отсутствие протокоринфской керамики^[570], которая так распространена на материке в Греции седьмого века. Эдгар действительно^[571] делает вывод из этого отсутствия, что ткань должна была устареть к тому времени, когда греки пришли в Наукратис. Этот аргумент не может быть поддержан. Кинч отмечает, что в часовне, которую он раскопал в Врулии на Родосе и в которой он нашел большое количество греческой керамики седьмого века, ничего подобного нет^[572]. В протокоринфской сфере влияния стиль продержался бок о бок со своими преемниками до шестого века^[573]. Отсутствие этой поздней протокоринфской посуды в Наукратисе также бросается в глаза. Если довести аргумент Эдгара до логического конца, то придется усомниться в существовании Наукратиса во времена самого Амасиса^[574]. Из двенадцати греческих городов, имевших кварталы в Наукратисе во времена Амасиса, только один, Эгина, принадлежал Европейской Греции. Для малоизвестной истории этого эгинского поселения отсутствие протокоринфского языка может иметь значение. Но не более того.

Пока что доказано лишь то, что и Петри, и Гарднер частично опирались на неверный материал для решения вопроса о том, был ли Наукратис греческим городом, имевшим важное значение во времена Псамметиха I. И даже здесь по одному важному пункту критика в их адрес была показана необоснованной. Эдгар сомневался в греческом характере фабрики скарабеев: но не только типы на некоторых скарабеех греческого происхождения,

но и фаянсовый фрагмент из этого места показывает фрагменты греческой надписи, нанесенной на него до глазури вазы^[575], факт, который вряд ли можно объяснить иначе, как предположением о греческом изготовителе.

Большой прогресс был достигнут Принцем, чья монография *Funde aus Naukratis* стала первым адекватным исследованием керамики. Предыдущие споры о датировке Наукратиса мало привлекали внимание к горшкам, которые, судя по их количеству, представляют собой наиболее ценное свидетельство, полученное на этом месте. [(v) Положительные доказательства раннего основания исходят из найденной керамики, а именно:] Эдгар действительно заметил в 1905 году^[576], что

кажется очень сомнительным, что все фрагменты из наукратитских храмов могут относиться к периоду до 570 года. По крайней мере, существует вероятность того, что некоторые из храмов, особенно храм милезийского Аполлона, относятся к более раннему [т.е. египетскому] периоду существования города.

Но, по-видимому, этот вопрос все еще рассматривался как "прежде всего вопрос исторической критики"^[577]. "После появления монографии Принца керамика заняла первое место в дискуссии, и теперь она окончательно подтвердила прежнюю датировку.

Милезианская (?) (рис. 13),

Большая часть керамики относится к хорошо выраженному стилю, известному как родосский или милезийский^[578] (рис. 13), который был в моде в седьмом веке и в первой половине шестого^[579]. Однако для нашего непосредственного исследования решающим моментом является то, как долго этот стиль мог сохраняться. Когда Принц заявляет^[580], что трудно представить, что стиль сохранился в качестве конкурента развитого стиля черных фигур (т.е. шестого века), он ступает на опасную почву. Более ранняя посуда имеет свой собственный шарм. Раскопки в Рицоне показывают, что, во всяком случае, в Греции, старые стили керамики часто сохранялись долгое время после появления нового стиля, и что белая грунтовая посуда без человеческих фигур^[581] сохраняла себя на протяжении всего шестого века. Против любого такого выживания обсуждаемой ткани говорит тот факт, что в Березани на юге России она не встречается с аттическими черными фигурами того стиля, который распространился по всему греческому миру к середине шестого века^[582]. В самом Наукратисе она, как говорят, не была найдена в эллиниуме, возведенном вскоре после 570 г. до н.э., что указывает на то, что ее мода закончилась примерно к этой дате^[583]. С другой стороны, фрагменты, в основном более поздней фазы, были найдены на Самосе на кладбище, которое вряд ли может восходить к середине шестого века^[584]. Однако саамский материал скуден^[585] и вряд ли требует изменения выводов, сделанных на основании остальных свидетельств.

Рис. 13. Родосская или (?) милезийская ваза, найденная в Наукратисе.

Хотя в целом эта посуда известна как родосская, она, вероятно, была изготовлена в Милете^[586]. Она является доминирующей в архаическом Милете^[587] и была найдена по всей милетской сфере влияния, включая восточное побережье Эгейского моря, Родос, Ренею, Черное море, и в некоторой степени Сицилию и Италию (через Сибарис?). За его пределами он встречается редко, почти не зафиксировано ни одного случая из самой Греции. Находки в Наукратисе большого количества милезской керамики, вероятно, седьмого века, однозначно свидетельствуют в пользу милезской оккупации в период правления Псамметиха^[588].

Фикеллура (Самиан?) (рис. 14),

Еще одна ткань конца седьмого века и начала шестого, которая хорошо представлена в Наукратисе, - это так называемая фикеллура^[589]. Эта посуда похожа на поздние фазы "милезийской", которые демонстрируют полные силуэты, насечки и сравнительное отсутствие заполняющего орнамента. Ее отличительной чертой является зона серповидного орнамента, который никогда не встречается в "милезийском" стиле. Ее датировка в достаточной степени определяется ее появлением в Дафнее^[590], греческий гарнизон которого был удален Амасисом, почти наверняка в связи с концентрацией греков в Наукратисе^[591]. Бёлау относит эту посуду к Самосу^[592], но Перро^[593] хорошо замечает, насколько опрометчиво делать широкие общие выводы на основании скудных находок, опубликованных в книге Бёлау "Aus ionischen und italischen Nekropolen".

Коринфский (рис. 22, 34),

Коринфские черепки также довольно часто встречаются в Наукратисе^[594]. Эта посуда преобладала в седьмом веке и начале шестого и сохранилась до конца шестого века в определенных стереотипных формах. Некоторые примеры из Наукратиса, по-видимому, довольно ранние; *например*, арибаллы с четырьмя воинами^[595] относятся к типу, который был очень распространен около 600 г. до н. э., но угас до появления Черной фигуры^[596].

Рис. 14. Фикеллурская или (?) саамская ваза, найденная в Дафнах (Дефенне).

Аттика (рис. 41)

Самые ранние образцы аттической керамики из Наукратиса^[597] также относятся к самому началу VI века. Они принадлежат к серии амфор, названных амфорами Нетоса по имени кентавра, написанному на одной из них аттическим шрифтом. Их общий архаичный вид и сохранившийся орнамент заполнения показывают, что они должны быть значительно более ранними, чем ваза Франсуа или самые ранние панафинейские амфоры, которые датируются примерно 565 годом до н. э. Принц относит их примерно к 600 году.

и наукратита (рис. 15),

Для датировки греческого поселения в Наукратисе эта, вероятно, импортная посуда имеет меньшее значение, чем очень характерный стиль расписной керамики^[598], которая была

найдена там в гораздо больших количествах, чем любая из только что упомянутых тканей, и почти наверняка была изготовлена греками в самом Наукратисе^[599].

Для датировки этой керамики Наукратис не предоставил никаких определенных данных. Решающим доказательством служат наукратисские вазы, недавно найденные в трех других местах - Врулии на Родосе, Рицоне (Микалессос) в Беотии и Березани в Южной России. Врулия была раскопана Кинчем в 1907 и 1908 годах. Находки были полностью и роскошно опубликованы в 1914 году. Они привели его к выводу, что место было занято только с первой трети седьмого века до нашей эры до примерно 570-560^[600]. Среди них были фрагменты девяти наукратитских кубков, ни один из которых не является особенно ранним примером этого стиля, и одна ваза, которая, по-видимому, является поздним развитием этого стиля. Более того, декор наукратита из Врулии, похоже, соответствует одной из ранних фаз милезийской (?) керамики из того же места.

Свидетельства Врулии подтверждаются наукратитской чашей (рис. 15), найденной в Рицоне как раз в то время, когда Врулия была раскопана Кинчем. Ваза, почти полная, относится к поздней фазе стиля^[601]. Орнаменты заполнения почти исчезли. Для проработки деталей обильно использовались красный цвет и насечки. Ваза была найдена вместе с несколькими сотнями других в одном погребении, которое не может быть датировано значительно позже 550 года, а возможно, и немного раньше^[602]. Наукратитовая ваза не могла быть сделана на заказ для беотийских похорон. Сам по себе рицонский потир делает практически несомненным тот факт, что изготовление наукратитовой посуды в Наукратисе началось задолго до воцарения Амасиса.

Наконец, в Березани на Черном море русские раскопки сообщают, что в 1909 году наукратитская керамика была найдена вместе с родосской (= милезийской), фикеллурской и клазоменской посудой в самом нижнем слое раскопок, который они датируют седьмым-шестым веком, тогда как аттическая керамика середины шестого века (особенно килики Клейнмейстера) впервые появляется в более высоком слое (шестой-пятый век до н.э.)^[603].

Рис. 15. Наукратитовая ваза, найденная в Рицоне в Беотии.

Все они указывают на основание в седьмом веке.

Перед лицом всех этих свидетельств становится весьма вероятным, что наукратитская керамика начала производиться до конца седьмого века^[604]. Против всякой вероятности предположить, что первое, что сделало греческое поселение в Наукратисе, - это основало большую гончарную мастерскую, которая сразу же приступила к изготовлению весьма оригинальной посуды. На самом деле, мы видели, что находки включают в себя большое количество керамики более раннего стиля, которая возвращает нас далеко назад в эпоху правления Псамтека. Мы также видели, что эта керамика, которая является одной из отправных точек наукратитского стиля, вероятно, милезийская.

Доказательства в пользу Наукратиса основаны на различиях, наблюдаемых в разных частях сайта, а именно (α) теменос милезийцев,

Остается упомянуть еще одно доказательство раннего милезийского влияния в Наукратисе. В одном месте раскопок были найдены буквально сотни ваз с вырезанными посвящениями Аполлону^[605]. Около десяти из них говорят о милезийском Аполлоне, боге, которому Нехо, сын Псамметиха, сделал подношение после победы над Иосией в Мегиддо^[606]. Милезийские черепки, которые естественно отнести к седьмому веку, происходят в основном из этого

места. Геродот говорит нам, что милезийцы не имели кварталов в Элладе, а занимали отдельный теменос. Место, где были найдены эти черепки и надписи, несомненно, является местом этого теменоса. Что касается того, почему милезийцы держались отдельно, то можно не сомневаться, что Петри дает правильное объяснение. Это означает, что они появились здесь раньше, чем города, разделявшие Элладу^[607]. Находки показывают, что до конца VII века их заселение уже было в значительных масштабах.

(β) теменос саамов,

Еще два города имели отдельные темены, а именно Самос и Эгина^[608]. Самианский был идентифицирован по находке черепков, посвященных саамской богине Гере. Но из этого теменоса нет массы керамики, которая бы отнесла нас к первой половине VI или второй половине VII века, как из Милезии. "Фикеллурская посуда, которая, очень возможно, является саамской^[609] и может датироваться примерно 600 г. до н.э., действительно была найдена, но не в таких количествах, как милезийская^[610]. Скудность находок может быть связана с арабскими фермерами, которые убрали много земли из саамского теменоса до начала раскопок^[611]. Но находки в том виде, в котором они есть, с неадекватным описанием точных мест, из которых они происходят, вряд ли позволяют утверждать, что саамский теменос был ранним сооружением^[612]. Правда, Геродот^[613] рассказывает о саамском корабле, отправившемся в Египет между 643 и 640 гг. до н. э. Но он по ошибке попал в Испанию, что говорит о несовершенном знании маршрута, по которому он хотел плыть. Саамская нимфа появляется во фрагменте "Основания Наукратиса" Аполлония Родия^[614]. Но мы знаем только, что однажды она отправилась на праздник в Милет и там была унесена Аполлоном.

(γ) теменос эгинетян,

От эгинетских теменосов не осталось и следа. Можно предположить, что у эгинетян не было привычки писать свои посвящения. Но отсутствие протокоринфских находок говорит в пользу того, что этот теменос не был раскопан. Поэтому не имеет смысла рассуждать о его дате и значении^[615].

В любом случае, у нас есть все основания интерпретировать письменные тексты в том смысле, что в период правления Псамметиха форт милезийцев уступил место греческому Наукратису. Это исторически важно. Форт милезийцев мог быть укрепленной торговой станцией^[616]; но он никогда не имел такого коммерческого значения, как Наукратис. Если, как мы только что убедились, греческий Наукратис был значительным городом еще до смерти Псамтека и обязан этим фактом самому Псамтеку, то возрастает вероятность того, что Диодор прав, когда говорит, что Псамтек был обязан своим тронным коммерческим сделкам с торговцами из-за моря.

(δ) Египетский квартал с ранним храмом Афродиты

Есть еще два момента, когда раскопки в Наукратисе подтверждают тексты, поддерживающие эту точку зрения. Хогарт показал, что Южный Наукратис был египетским кварталом, и что он восходит, вероятно, к периоду до правления царя Псамтека. Мы также видели, что еще в 688 году до н. э. греческий купец Герострат совершил в Наукратисе жертвоприношения в храм Афродиты. В Наукратисе есть только одно место, сравнимое с милезийским теменосом по количеству ранних греческих находок, и это место отмечено длинной серией посвящений Афродите^[617], вырезанных или иногда нарисованных на керамике, которая включает милезийскую, наукратийскую, ионийскую буфо-черную и другую посуду седьмого и шестого веков. Место, где находится этот теменос, имеет

значение, которое, кажется, не было учтено. Он находится как раз на границах^[618] области черных слоев, которая, по-видимому, обозначает границы первоначального египетского города. Когда раскопки возобновились в 1899 году, в северной части города было обнаружено второе святилище Афродиты, являющееся своего рода боковой часовней к настоящему Эллину^[619]. Самые ранние находки из этого северного святилища Афродиты относятся к началу пятого века^[620]. Не может ли положение более раннего и более южного святилища быть связано с тем, что оно было основано до того, как обитатели милезийского форта перебрались в Наукратис и основали там греческий квартал? Иными словами, не видим ли мы в этом подтверждение Полихарма^[621], когда он говорит о греке, принесшем изображение Афродиты в храм этой богини в Наукратисе в 688 году до н.э.? Тот факт, что место Афродиты не было сожжено, не является доказательством того, что оно не было частью самого раннего поселения. Люди из милезийского форта, победившие Инарос, вполне могли пощадить греческое святилище, когда сжигали все остальное.

И статуэтки богини, найденные на месте храма.

Путешествие Герострата запомнилось в Наукратисе статуэткой Афродиты, которую он поставил в ее храме в благодарность за то, что она спасла его во время шторма. Статуэтка была длиной в пролет, архаичной работы и куплена им в Пафосе во время плавания. Когда поднялась буря, люди на корабле прильнули к эйкону и молили его спасти их. Богиня услышала их молитвы и дала им знак, внезапно наполнив корабль самыми ароматными духами. Эта история обсуждается Гарднером^[622] в его главе о статуэтках из теменоса Афродиты, среди которых есть несколько, которые могут изображать пафийскую богиню. Но он не упоминает статуэтку, которая, вероятно, имеет самое близкое отношение к этой истории. Верхняя половина статуэтки представляет собой обычный женский тип с драпировкой, а нижняя - просто форму алебастрона. В целом это ваза для духов^[623]. Этот конкретный пример (рис. 16) не может быть более ранним, чем конец VI века. Однако по стилю и контексту других примеров тип относится к седьмому веку, а возможно, и к более ранней его части. Родиной этого типа, по мнению Поульсена^[624], является Кипр. Предмет, сочетающий в себе функции эйкона и ароматической бутылки, действительно мог творить чудеса во время шторма. Заманчиво предположить, что именно такой образ спас Герострата. Чудо происходит как раз в тот период, когда этот тип статуэток начал использоваться. Если мы правильно соотносим эти два явления, то у нас появляется дополнительное основание думать, что Полихарм мог иметь серьезные основания для своей датировки, а также для остальной части своего рассказа.

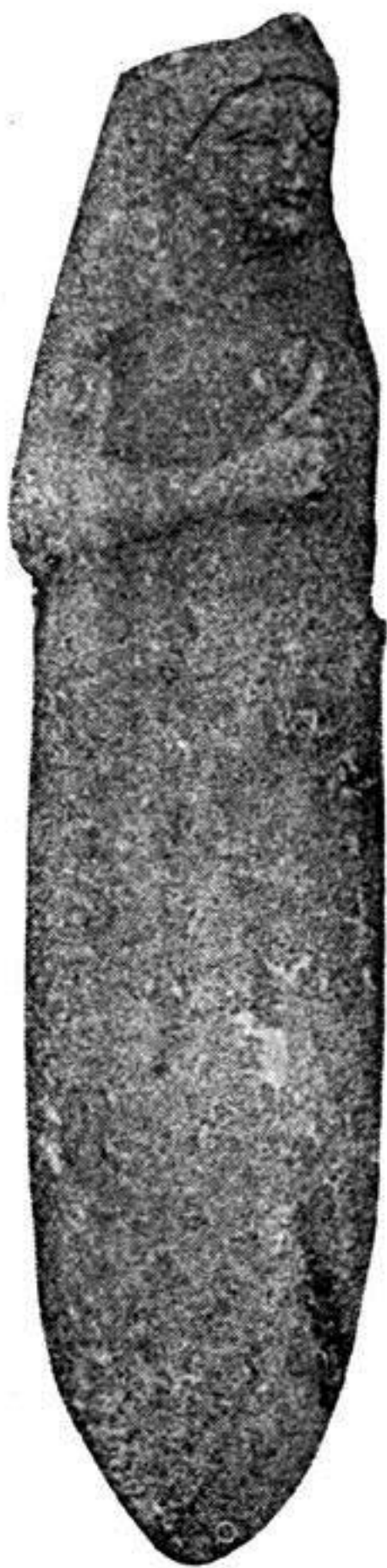

Рис. 16. Ваза для духов, найденная в Наукратисе.

Свидетельства использования больших кувшинов для товаров.

Другой момент касается больших простых кувшинов, которые были найдены на сайте^[625]. Многие из них имеют египетские формы. Но другие, один из которых показан на рис. 17, несомненно, греческие. Этот кувшин был найден в сожженном отложении в южной части города, которое представляет собой более раннее египетское поселение на этом месте^[626]. Эти большие кувшины использовались греками для перевозки вина, масла и тому подобного^[627]. В таких кувшинах брат Сафо, должно быть, привозил в Наукратис вина с Лесбоса, и они, должно быть, составляли значительную часть грузов, которые греки и финикийцы^[628] привозили Псамтеку в обмен на грузы, которые они получали от Псамтека в те дни, когда он наращивал свою мощь^[629].

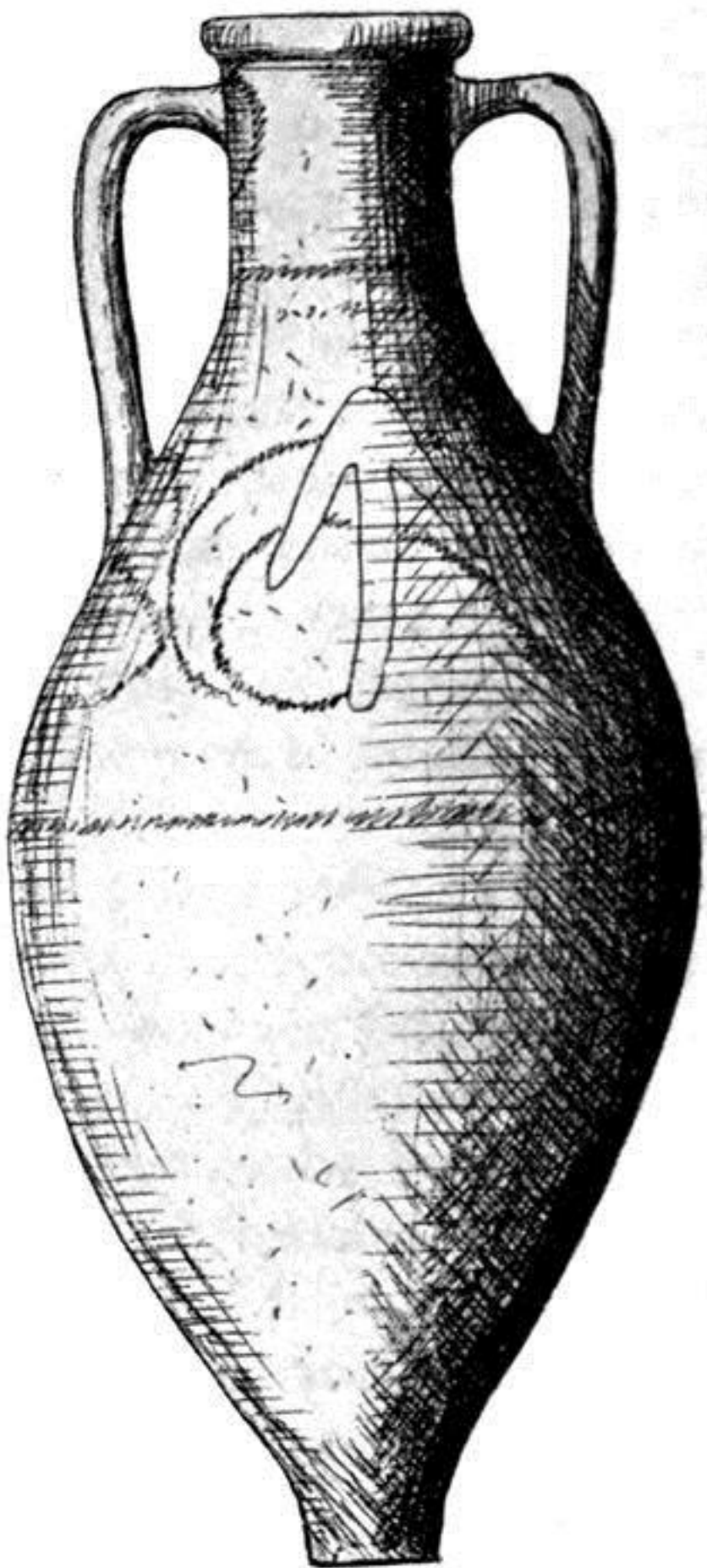

Рис. 17. Греческий кувшин для вина, найденный в Наукратисе.

Выводы о раннем Наукратисе.

Подведем итог нашим выводам о Наукратисе: тексты и раскопки подтверждают и дополняют друг друга в том, что египетское поселение существовало с начала седьмого века, что греческие торговцы нашли туда путь почти с самого начала, и что примерно в середине седьмого века греческое торговое поселение приобрело значительное значение^[630] благодаря перемещению в него обитателей милезийского форта^[631]. Наконец, около 569 г. до н.э. в городе сосредоточились все греческие торговцы в Египте.

Положение Наукратиса при Амасисе

Амасис сосредоточил греческих торговцев в Наукратисе в качестве уступки египтянам, с которыми они становились все более и более непопулярными из-за своего влияния и успеха. Амасис пришел к власти как лидер антигреческой агитации^[632], и, как отметил Петри^[633], концентрация была антигреческим шагом^[634]. Но Амасис ловко придумал, что она должна быть не непопулярной, а даже наоборот, у греков. Наукратис как монополярный город пользовался огромной репутацией во время долгого и процветающего царствования Амасиса. Но традиция Амасиса не может скрыть того факта, что время, когда греческие торговцы получили самый свободный прием в Египте, было временем Псамметиха, когда греческие гопплиты использовались для установления династии Саитов в качестве правителей всего Египта.

Дафни и греческие наемники

В первые дни правления Псамметиха, когда он свергал додекархию, его греческие купцы и греческие солдаты, вероятно, имели совместный штаб в форте Милесиан. В Наукратисе военный элемент не появляется. Примерно с 650 года до н. э. и вскоре после воцарения Амасиса в 570 году греческие наемники располагались в месте под названием Лагерь в Дафнее на самом восточном (Пелусийском) рукаве Нила^[635]. История перехода от форта милезийцев к Дафне неясна^[636]; но в широком смысле можно не сомневаться, что форт был таким же родителем лагеря в Дафне, как и эмпорарий в Наукратисе. Наукратис и Дафни, греческий город и греческий лагерь, были одинаково важны для саитских фараонов, и оба они, очевидно, далеко продвинулись в своем развитии и организации в начале правления Псамтеха.

И египетская каста воинов.

Насколько тесно они были связаны между собой, можно понять по последовательному отношению саитских фараонов к другому элементу населения. Ионические и карийские бронзовые люди были не первыми наемниками, составлявшими основу власти фараона. XXII и XXIII династии (ок. 943-735 гг. до н. э.) опирались в своей власти на наемников из Ливии. Эти ливийские наемники превратились в касту профессиональных солдат и до сих пор находятся на земле^[637]. Примечательно, что ни один саит, за одним возможным исключением, спустя почти 100 лет после воцарения Псамтека, никогда не пытался использовать их ни для обеспечения, ни для поддержания своей власти. Маллет отмечает, что за время до Псамметиха в памятниках часто встречаются командиры ливийских наемников с высокими титулами, но начиная с его правления подобных случаев нет^[638].

Мейер^[639], вероятно, прав, подозревая, что этот класс воинов (μάχιμοι) составлял самых злейших противников Псамтека. В конце концов большая их часть дезертировала и перешла на службу к царю Эфиопии, и Псамтек, похоже, не предпринял решительных усилий, чтобы помешать им^[640]. Единственный исключительный случай, когда ливийский класс воинов,

возможно, посадил на трон саита, - это случай Амасиса (570-526 гг. до н. э.)^[641], который сверг своего предшественника Априса (589-570 гг.) , возглавив туземное население против греческих наемников^[642]. Но, как рассказывает Геродот, вскоре он был вынужден "стать филэллином"^[643]. " Петри считает, что Амасис был обращен под давлением персидской опасности, и в поддержку этой точки зрения приводит союз Амасиса с Крезом^[644], Поликратом^[645], и греком Баттусом из Кириной^[646], а также его дружбу с Дельфами^[647].

Этот пункт внешней политики, несомненно, имел свой вес в те годы, когда Кир возвысился и сверг Медия в 549 г. до н.э., Лидию в 546 г., Вавилон в 538 г. (?). Но это не было причиной его обращения. Амасис стал фараоном в 570 году. На шестом году своего правления он издал указ, в котором были следующие слова: "Пусть уининцам (= ионийцам) будет предоставлено место жительства в землях нома Саис. Пусть они берут в свое пользование корабли и дрова. Пусть они принесут своих богов"^[648]. " Таким образом, задолго до возвышения Персии Амасис понял, что невозможно сохранить свое положение иначе, чем договорившись с греческими купцами и греческими наемниками. Филэллизм фактически был неотъемлемой частью саитской политики. Нехо (610-594 гг. до н. э.), сын и преемник Псамметиха I, отправил подношения Аполлону в Бранхиде (Милет) после победы над Иосией Иудейским и сирийским флотом^[649]. Псамметих II (594-589) умер, вероятно, в детстве: к его правлению, вероятно, следует отнести надписи Абу-Симбела^[650], нацарапанные греческими солдатами на памятниках далеко вверх по реке у Элефантины. Говорят, что жители Элиды обратились к нему или его правительству по вопросу об Олимпийских играх^[651]. Априс (589-570 гг.), который не справился со своими греческими войсками, имел под оружием 30 000 ионийцев и карийцев^[652]. На небольшой греческой вазе, найденной в Коринфе^[653], есть картуш Априса. Он выполнен в виде головы в шлеме (рис. 18). Ваза сделана из фаянса (так называемого). Она, вероятно, была изготовлена в Наукратисе, возможно, на фабрике скарабеев Петри, и дает нам современное изображение одного из греческих наемников Априса или, по крайней мере, верхней части его снаряжения.

Рис. 18. Коринфская ваза с картушем Априса.

Амасис, соответственно, стал другом греков и оставался им до самой смерти. Греки отвечали ему взаимностью. Чувства торговцев-наукратитов по отношению к нему достаточно ясно отражены на страницах Геродота^[654]. Греческие наемники преданно поддерживали его до конца его долгого правления, и, несмотря на предательство своего командира Фанеса, они галантно сражались при Пелусии в 525 г. до н. э., когда Псамметих III, последний из саитов, был свергнут персами. Под военной властью Персии ливийский класс воинов восстановил свое прежнее положение^[655].

Личные отношения между саитскими государями и греческими тиранами.

Таким образом, мы видим, что династия саитов пришла к власти с помощью греческих товаров и греческих наемников и сохранила свою власть с помощью тех же средств. Ее общая политика повторяет политику тираний, возникших в это время по всему греческому миру. Геродот со свойственной ему проницательностью признал этот факт, когда включил в

свою историю рассказ о дружбе Амасиса с саамским тираном Поликратом. Амасис, вероятно, был не первым из саитов, кто имел в друзьях греческого тирана. О теплых отношениях с Фрасибулом, тираном Милета, свидетельствуют подношения Нехо милетскому Аполлону, а друг Фрасибула, должно быть, был также другом коринфского тирана Периандра. Часто предполагалось, и не без оснований, что преемника Периандра звали Псамметихом из-за какой-то личной связи с владыкой Саиса.

Имя Псамметих.

Псамметих I - первый известный человек, носивший это имя. Поэтому не исключено, что оно могло иметь какое-то особое отношение к его собственной карьере или карьере его отца^[656]. Одна из наиболее вероятных интерпретаций имени - "человек (продавец) мисок для смешивания". Выбор, по-видимому, лежит между этим толкованием и "человек (продавец) смешанного вина" (*т. е.* вина, смешанного с пряностями и т. д.). Какой из этих вариантов предпочесть, зависит от интерпретации корня *mtk*^[657]. В иератическом письме за фонетическими символами иногда следует "детерминативный" символ или пиктограмма, помещенная в конце, чтобы предотвратить недопонимание. Детерминативом для *mtk* является изображение вазы, как, например, в Демотических папирусах библиотеки Райландса, стр. 201. Ваза имеет бочкообразное или грушевидное тулово, узкое горлышко и

широкое плоское устье, . На конкретной форме не стоит настаивать, и изображение может обозначать не вазу, а ее содержимое. Но оно должно означать одно или другое^[658]. Гриффит считает, что оно обозначает содержимое, его доводы таковы^[659]: *mtk* - коптский корень, означающий "смешивать" и имеющий древнееврейский эквивалент, означающий "смесь" (вино, смешанное). Это значение "кажется подходящим для всех требований^[660]", *т. е.* оно подходит для истории о возлиянии, благодаря которому Псамметих стал царем^[661], а также для рассказов о низком и библейском (φιλοπότης) происхождении Амасиса^[662]. Интерпретация Гриффита в конечном счете опирается на филологический момент и на предположение, что корень в египетском языке должен иметь точно такое же значение, как в коптском и иврите. Я обязан самому писателю за информацию о том, что это не всегда так. Помимо филологии, "смешанное вино" может отвечать всем требованиям^[663]: но подходит ли оно так же хорошо, как "миска для смешивания"? Весь смысл истории о возлиянии Псамметиха зависит не от вина, а от его сосуда. Однако при любом толковании достаточно примечательно, что правитель, который, как говорят, пришел к власти благодаря торговле, должен был носить столь меркантильное имя. Гриффит не забывает о возможности того, что это имя могло послужить источником историй^[664]. Эти две возможности не являются взаимоисключающими. Принц-купец может гордиться своим происхождением: но этот факт не всегда помешает другим людям рассказывать хорошие неофициальные истории о его ранних днях.

Глава V. Лидия

"Да, готовые деньги - это лампа Аладдина" - Байрон.

Считается, что тирания и чеканка монет имеют лидийское происхождение.

В исследовании связей между новой формой правления и новой формой богатства, которые возникли в начале классической эпохи, Лидия представляет особый интерес и имеет особое

значение по той причине, что и чеканка монет, и тирания, как утверждают авторитетные источники, были лидийского происхождения. Учитывая, насколько Лидия была тогда на заднем плане греческого мира, этот факт сам по себе наводит на размышления. Становится важным определить даты и связи, если таковые имеются, первого лидийского тирана и первых лидийских монет. Следует сразу сказать, что изобретение монеты не приписывается ни одному лидийскому правителю, и на основании имеющегося материала нельзя сделать никаких однозначных выводов. Однако имеющиеся свидетельства достаточно убедительны, чтобы заслужить тщательное изучение.

Рис. 19. Монеты (а) Гигеса (?), (б) Креза.

Датировка самых ранних монет.

Дата и место окончательной эволюции металлической чеканки являются предметом многочисленных споров. Среди авторов поколения или более давних лет вопрос о дате был в основном предметом спекуляций относительно того, насколько большой интервал должен быть между самыми ранними серебряными монетами с рельефным типом на обеих сторонах, которые на основании стиля, эпиграфики и обстоятельств находки можно с достаточной точностью датировать примерно серединой VI века, и примитивными электрумами, пробитыми с одной стороны и полосатыми с другой (рис. 19. а), которые, вероятно, относятся к самым ранним выпускам Лидии. Большинство ведущих нумизматов допускали возможность перехода через три-четыре поколения и относили самые ранние монеты к началу седьмого века^[665]. Но совсем недавно стали известны факты, указывающие на возможность более ранней и, возможно, значительно более ранней даты. Сэр Артур Эванс нашел круглый кусок серебра весом 3-654 грамма в Кноссе в слое, который, по его словам, не может быть датирован позже двенадцатого века до нашей эры, а два таких же куска золота весом 4-723 и 4-678 граммов и третий кусок продолговатой формы весом 8-601 были найдены во время раскопок Британского музея в Энкоми на Кипре, месте, которое, по мнению Эванса, должно быть датировано столь же рано^[666]. Эти несколько критских и кипрских находок не являются аргументом против массы материалов, указывающих на большое развитие нумизматики в период, не очень далекий от 700 г. до н. э. Но они смещают баланс вероятности назад и делают дату в восьмом веке столь же вероятной, как и в седьмом. К такому же выводу приводят недавние британские раскопки знаменитого храма Артемиды в Эфесе^[667]. Там, под храмом, возведенным во времена Креза, которому он подарил скульптурную колонну, хранящуюся сейчас в Британском музее, раскопщики обнаружили остатки трех более ранних построек. При расчистке этих ранних построек они нашли 87 монет из электрума. Двадцать из них были извлечены между плитами самого раннего из трех зданий, пять (в том числе четыре львиного типа) - из-под фундамента второго здания, и все они лежали низко в пределах территории этих трех ранних построек. Суммарные данные указывают на то, что все 87 монет относятся ко времени не позднее первого из трех зданий, то есть задолго до времени правления Креза. Серия начинается с полосатого типа (выше рис. 19. а), который обычно считается самым примитивным из всех, в

то время как самым распространенным типом (42 монеты) является львиная голова в стиле, обычно приписываемом Аляттесу^[668].

От самого позднего здания до самой ранней монеты - значительный период, который вполне может вернуть нас в VIII век. Однако общие исторические соображения не позволяют заглянуть слишком далеко в восьмой век. Только в течение этого века разбойничество и пиратство уступили место торговле и коммерции, и можно обнаружить первые следы великого возрождения, которое привело к классической Греции. Если самые ранние монеты чеканились в Лидии, то они, скорее всего, были выпущены во второй половине века, а не в первой, поскольку создание второй Ассирийской империи в 745 году до н. э., вероятно, дало большой толчок лидийской торговле. Это, однако, если исходить из претензий Лидии на "изобретение". Они часто оспаривались, и прежде чем продолжить, необходимо кратко рассмотреть их.

Доказательства приписывания их Лидии.

Лидийцы - лишь один из нескольких народов и городов, которым древние приписывали изобретение монет. Такая неопределенность была неизбежна. Монетное дело не изобреталось, а развивалось^[669]. Но вполне вероятно, что на заключительном этапе эволюции какое-то одно государство немного опередило остальные, и в таком виде лидийцы имеют все шансы претендовать на изобретение. В их пользу говорят два наших лучших и древнейших свидетеля, Ксенофан и Геродот^[670], последний из которых признает их выдающееся положение как торговцев и явно видит в этом объяснение их ведущей позиции в эволюции монетных денег^[671]. Факты, насколько они нам известны, подтверждают эти авторитеты. В Лидии находятся горы Тмолус и Сипилус, а также река Пактолус - основные источники поступления металла, из которого чеканились самые примитивные монеты. Вероятно, именно в этот период начали разрабатывать лидийские шахты^[672], а сардский электр приобрел ту славу, которой он пользовался еще во времена Софокла^[673]. Цари Лидии с начала седьмого века и далее славились своим богатством^[674]. Камень, использовавшийся древними для пробы драгоценных металлов, происходил также с горы Тмолус и назывался "лидийским камнем"^[675]. Кроме того, лидийцы занимали уникальное положение для целей торговли. Сарды, их столица, были местом, где проходил великий торговый путь с Дальнего Востока, "царская дорога", как называет ее Геродот^[676], разветвлявшаяся, чтобы достичь различных греческих городов на побережье^[677].

Перед лицом этих доказательств вряд ли стоит подробно рассматривать аргументы современных скептиков, оспаривающих утверждение Лидии. Во многих случаях они исходят из необоснованного предположения, что столь замечательное изобретение не может не быть заслугой быстро соображающих греков^[678]. Правда, самые ранние монеты из электрума, как говорят, были найдены в основном на восточном берегу Эгейского моря, но из этого не следует, что именно там они и были отчеканены. Золотые монеты были достаточно распространены в Греции в первой половине IV века до н. э., но почти все они были отчеканены в Персии. 30 000 дариков (рис. 8) были распространены среди греков агентами Великого царя в один-единственный год^[679]. Два золотых статера, которые каждый из дельфийцев получил от царя Креза^[680], несомненно, были Кресеидами^[681].

Опять же, современный рынок античных монет в основном ограничивается побережьем. Из того, что монета была куплена в Смирне, не следует, что она была найдена именно там. О самом Сардисе мы знаем еще слишком мало, чтобы говорить с уверенностью^[682]. Но отсутствие находок даже в Сардах не будет иметь решающего значения, поскольку по теории Радета лидийская чеканка предназначалась в основном для экспорта, как это, по-видимому,

позднее произошло с серебряными тетрадрахмами Смирны, Мирины, Кима, Лебедоса, Магнесии и Гераклеи Ионийской, которые редко находят вблизи места их происхождения, но за редким исключением привозят из разных частей Сирии^[683].

Более серьезными являются критические замечания, которые не отвергают Ксенофана полностью, но объясняют его с помощью интерпретации Геродота I. 94, впервые выдвинутой Дж. П. Сиксом и позднее развитой Бабелом^[684]. Сикс утверждал, что когда Геродот говорит, что лидийцы первыми начали чеканить и использовать монеты из золота и серебра, речь идет об одновременном выпуске монет из двух отдельных металлов, или, другими словами, о чеканке монет Креза (рис. 19. b), который, по общему признанию, первым отказался от электрума в пользу раздельного выпуска золота и серебра. Но хотя верно, что "монеты из золота и серебра" не могут означать "монеты из электрума", из этого отнюдь не следует, что Геродот имеет в виду зарождение не монетного дела, а биметаллизма. Бабелон прав, настаивая на точности слов, использованных Геродотом, но в своей интерпретации он, возможно, слишком мало учитывает тип фактов, обычно фиксируемых историком. Что Геродот скорее всего даст нам? Неточную версию такого фундаментального факта, как изобретение чеканных денег? Или педантично точное заявление об эксперименте по биметаллизму, который, в конце концов, имел весьма второстепенное значение? При прочих равных условиях мы, конечно, всегда должны предпочесть интерпретацию, которая дает нам первое, и ничто не мешает нам сделать это в данном случае. Если предположить, что Ксенофан имеет в виду то, что говорит, и что его высказывание отражает распространенную традицию, то легко понять, как Геродот использовал именно те слова, которые он использовал.

"Лидийцы", - начинает он, - "первыми начали чеканить и использовать монеты". Мы должны помнить, для кого он писал. Его читателей можно было найти в основном в свободных городах европейской Греции. Вплоть до того времени, когда он закончил свою историю, эти европейские греки чеканили монеты почти исключительно из серебра. С другой стороны, монеты Лидии и других персидских сатрапий Малой Азии состояли из золотых дариков и серебряных сиклей, и люди в тех краях, несомненно, помнили, что чеканка этих двух металлов восходит к временам лидийских царей. Основополагающий принцип нашего историка - никогда не опускать ни одного факта, который он может вставить. В данном случае дополнительный факт можно вставить в три слова, χρυσοῦ καὶ ἀργύρου, и почти неизбежно эти слова попадают в текст. Возможно, он на время забыл о примитивных кусочках электрума: не менее вероятно, что точность была принесена в жертву полноте информации. Другой способ решить проблему Бабелона подсказывает статья самого Бабелона. Принято считать, что первые монеты в Малой Азии были изготовлены из электрума, и что позднее электрум уступил место золоту и серебру. Но Бабелон^[685] приводит пример того, что обычно считается самым ранним типом лидийского электрума (об. полосатый, об. три маленьких штемпеля, как на серебряных ложках), который, судя по его удельному весу, содержит 98 процентов серебра и весит 10-81 грамм. Это последняя единица так называемого вавилонского стандарта, который используется почти исключительно для серебра, единственным исключением является золотой выпуск Креза. Правда, монета имеет желтый оттенок и может содержать более 2 процентов золота, если малый удельный вес частично объясняется присутствием меди^[686]. Есть также случаи, когда, казалось бы, бесспорные монеты из электрума содержат очень низкий процент золота, например, Brit. Mus. Cat. Coins of Ionia, p. 47, nos. 2, 3, эфесские трети нормального финикийского стандарта, одна из которых содержит всего 14 процентов золота, если судить по удельному весу, а другая - всего 5 процентов. Но совокупность данных о весе и удельном весе дает весомую поддержку мнению Бабелона о том, что монета должна была быть

предназначена для сдачи в качестве серебра^[687]. Бабелон относит эту монету к Милету, но без достаточных оснований. Как он сам указывает^[688], вес в точности соответствует весу серебряных монет Креза, весу, который в Ионии преобладал только в Колофоне и Эритрее в V веке и в Милете в III^[689], и в этих трех случаях был заимствован из персидского сиглоса (сикля), который был прямым наследником серебряных монет Креза. Самые ранние серебряные монеты, отнесенные Хедом к Милету, отчеканены по эгинетскому стандарту (185 зерен)^[690]. Короче говоря, если кажется вероятным, что эта вещь серебряная, то *a fortiori* вероятно, что она лидийская, и если, как показывают все доказательства, это так, то важность этой вещи сразу становится очевидной. Это означает, что с самого раннего периода своей монетной чеканки лидийцы чеканили не только из электрума, но и из серебра. Для Геродота электрум был лишь разновидностью золота. Он называет его "белым золотом" (λευκὸς χρυσός) и, похоже, рассматривает его как золото определенного качества, подобно тому, как Бонакossi рассматривает золото Китая, описывая его как "pâle, mou et ductile"^[691].

Поэтому, когда Геродот говорит о лидийцах как о первых, кто начал чеканить золото и серебро, он вполне может иметь в виду белое золото и серебро и, подобно Ксенофану, ссылаться на первоначальное "изобретение" чеканных денег. Но даже если Бабелон прав, все равно нет решающей причины, по которой мы не должны приписывать лидийцам как первоначальное "изобретение", так и первую биметаллическую разработку. Таким образом, можно считать, что Ксенофан и Геродот указывают на Лидию как на первую страну, где начали чеканить монеты, и, в конце концов, они были в достаточно хорошем положении для установления фактов^[692]. Определенность, возможно, вряд ли достижима. Но это не оправдывает полностью скептическое отношение. Относиться к эпохе, освещенной множеством полусветов, как к полной темноте - это, наоборот, научно. Самый безопасный курс в таком случае - оперировать вероятностями.

Происхождение титула "тиран".

Утверждение о том, что Лидия была изначальной родиной тирании, основано на аналогичных доказательствах, которые необходимо использовать аналогичным образом. Самым ранним авторитетом для него является Евфорион (III век до н. э.), который говорит, что первым правителем, которого называли тираном, был Гигес, который начал править в XVIII Олимпиаду (708-704 гг. до н. э.)^[693]. Это утверждение подвергается сомнению, поскольку, возможно, является лишь выводом из Гомера и Архилоха, сделанным более поздними авторами^[694]. Гомер не использует слово τύραννος. Впервые оно появляется у Архилоха, и, очевидно, тираном, которого имел в виду Архилох, был его современник^[695] Гигес:

Я не забочусь о золотом Гигесе.....

Я не жажду великой тирании^[696].

Но даже если это лишь вывод из данного источника, утверждение все равно может иметь определенную ценность. Слово "тиран" не греческое и может быть лидийским^[697]. Новый титул не обязательно подразумевает новую форму правления; но если есть независимые доказательства того, что новая форма правления возникла именно в это время, то эти доказательства будут подтверждены появлением нового титула; а если этот титул имеет конкретное местное происхождение, то становится особенно интересно изучить историю правителей региона, в котором возникли изменения.

Поскольку наши данные не позволяют точно определить, был ли Гигес первым правителем своего рода, появившимся в Лидии, или просто первым, кто занял видное место в греческой

литературе, и поскольку далее мы находим необычные шаги по обеспечению трона, приписываемые лидийским правителям примерно середины восьмого века, будет хорошо начать с этой более ранней даты.

Как Спермос и Ардис стали царями Лидии.

Согласно истории, рассказанной Николаем Дамаскиным^[698], Дамонно, жена Кадиса, чье правление относят к середине восьмого века^[699], после смерти царственного мужа покорила своим богатством большое количество лидийцев, изгнала своего шурина Ардиса, а затем вышла замуж за своего любовника Спермоса и провозгласила его царем. Изгнанный Спермосом и Дамонно, Ардис занимается в Киме строительством повозок (ἀμαξοπηγῶν) и содержит там гостиницу (πανδοκεύων), когда его снова призывают на сардийский престол. Его возвращает трактирщик или розничный торговец (κάπηλος) по имени Тиессос^[700], который в качестве вознаграждения попросил и получил, чтобы этот трактир или лавка (καπηλεῖον) был освобожден от уплаты пошлин (ἀτελής), и через некоторое время разбогател от своей лавки (καπηλεύειν), в результате чего основал рядом с ней рынок и святилище Гермеса^[701]. Роль, которую играют в этой истории трактирщики, на первый взгляд, может показаться странной. Но, как отмечает Раде^[702] при обсуждении слова κάπηλος, трактирщик, вероятно, был синонимом купца во времена Ардиса (766-730 гг. до н. э.)^[703], когда Лидия уже стала большой торговой магистралью между Передней Азией и Эгейским морем^[704]. Лидийские купцы того периода, должно быть, видели преимущество в обеспечении пищей и кровом членов караванов, с которыми они торговали. Строительство повозок, которое было одним из занятий изгнанного Ардиса^[705], является частью той же деятельности, связанной со знаменитой дорогой, которая сделала столько же для состояния древней Лидии, сколько железные дороги когда-нибудь сделают для ее возрождения в будущем.

Если верить повествованию Николая, то, как признал некоторое время назад Гельцер^[706], лидийские лидеры того периода предстают как великие купцы и деловые люди, и более того, именно в качестве таковых правители обеспечивают себе трон, и напрашивается небезосновательный вывод, что именно распространение этого нового типа князя-купца из Лидии на запад по греческому миру стало причиной распространения в то же время лидийского титула. Нет ничего невероятного в предположении, что лидийская история этого периода сохранилась в достаточно достоверной форме. Правда, дошедшие до нас источники поздние и неопределенные, а история Спермоса, возможно, имеет чрезмерное сходство с историей Гигеса и жены его предшественника Кандаула^[707]. В обоих случаях узурпатор женится на жене своего предшественника и обязан ей своим трон. Тесные отношения между Ардисом и греческим Кимом напоминают отношения между домом Гигеса и домом тирана Меласа в Эфесе, которые Радет^[708] весьма правдоподобно объясняет как основанные на общих деловых интересах. Но это сходство не доказывает, что оба повествования не являются правдой. Обе королевы могли одинаково реагировать на схожее полуматриархальное окружение, а два принца нашли схожие решения для одной и той же коммерческой проблемы. Если история Дамонно Ардиса не является историей, то у нас нет лидийской истории той эпохи. Но даже в этом случае она представляет ценность как отражение условий, преобладавших в начале седьмого века и, возможно, восходящих к периоду, к которому приписывается эта история.

В хронологическом плане нам следует разобраться с самим Гигесом. К сожалению, его история, и особенно та часть, которая рассказывает о том, как он завоевал трон, была сильно

затуманена легендой. Мы рассмотрим ее с большей вероятностью, чтобы откопать факты, если сначала проанализируем некоторые более поздние события лидийской истории.

Поздние правители Лидии.

Век, последовавший за Гигесом, не слишком интересен для этой цели. Большая его часть занята национальной борьбой с киммерийскими захватчиками. Цари дома Гигеса, похоже, хорошо руководили этой борьбой, и, как естественный результат, их власть редко подвергалась сомнению. Лишь перед восшествием на престол последнего царя из этой линии, Креза, были предприняты активные шаги для обеспечения безопасности трона. Причиной тому было не антимонархическое движение, а соперничество между двумя сыновьями или, возможно, внуками старого и, возможно, дряхлого царя Аляттеса. Тем не менее, шаги, предпринятые соперниками, не лишены значения. [Финансовые дела Креза до того, как он стал царем.] Рассказывают^[709], что незадолго до смерти Алятта Крез, впоследствии успешный соперник, занял большую сумму у очень богатого человека^[710] в Эфесе, чтобы предстать перед старым царем с налогом. Прежде чем обратиться к богатому эфесцу, Крез обратился к некоему "купцу Садиятту, самому богатому человеку в Лидии", который отказал ему в займе по той причине, что, как выяснилось впоследствии, он поддерживал другого претендента на трон, сводного брата Креза, полугрека Панталеона^[711]. Бедность Креза, как нам сообщают, была вызвана его расточительными привычками. Но сомнительно, что его щедрость в этот период была просто юношеским распутством, а не частью систематической политики.

Всего несколько лет спустя Пейсисрат Афинский "укоренил свою тиранию" на доходах от рудников. Выше^[712] были приведены причины считать, что он уже пытался это сделать. Не могли Крез придерживаться аналогичного курса? Позднее, когда он хотел завоевать особое расположение Дельф, "он послал в Пифо, выяснил число дельфийцев и подарил каждому из них по две статуэтки из золота^[713]." Статеры Креза (выше рис. 19. b) были одними из самых известных монет античности^[714]. В *Mirabiles Auscultationes* упоминаются золотые рудники, на которых он работал^[715]. Его богатство было пресловутым^[716]. Большую часть его он унаследовал от своего предшественника^[717]: но мудрый старый Аляттес знал, что это корень его власти, и держался за него до самой смерти. Для соперников вопрос в том, кто первым сможет его получить, а пока лучше обходиться без него. Оба пытаются взять в долг в княжеских масштабах, и, судя по результату, Крез оказался успешнее. "В результате этой операции он одержал верх над своими клеветниками^[718]." Он стал царем, и его правительство описывается Раде^[719] как "могущественная монархия, правящая благодаря своей силе".

Это все предположения, но они подтверждаются как поведением самого Креза, так и советами Киру, вложенными в его уста после того, как он стал пленником и советником персидского царя.

Первое, что сделал Крез, завладев трон, - предал смерти Садиятта и конфисковал его имущество^[720]. Само по себе это может быть воспринято просто как часть чего-то, соответствующего обычному процессу наложения взыскания. Но инцидент с Садияттесом следует рассматривать в свете совета, который Крез впоследствии дал Киру, суть которого заключается в том, что Кир должен прежде всего остерегаться самых богатых из своих подданных^[721]. [Крез велит Киру подозревать соперника в самом богатом из своих подданных.] Эта речь, конечно, чистый вымысел: так же, возможно, как и вся история близости между Крезом и его завоевателем^[722]. Но в любом случае Крез - это воплощение Геродотом мудрого и опытного правителя VI века, века, в котором отец историка родился

всего лишь в нескольких шагах от границ царства Креза. Если на страницах Геродота его заставляют рассматривать богатство как основу политической власти, то это должно быть потому, что историк считал, что так оно и было на самом деле. Из доказательств, которые могли привести его, и с полным основанием, к такому убеждению, один пункт мог быть получен из колоссальной гробницы предшественника Креза - Алятта, которая, согласно рассказу Геродота, была построена торговцами, ремесленниками и проститутками (οἱ ἄγοραί οἱ ἄνθρωποι καὶ οἱ χειρῶνακτες καὶ αἱ ἐνεργαζόμεναι παιδίσκαι)^[723]. Гробница отца Креза была возведена торговцами, ремесленниками и "рабочими девушками". Предположительно, эти были теми классами, которые больше всего выиграли или, по крайней мере, больше всего пострадали от правления Алятта, и от поддержки которых он в основном зависел^[724]. Геродот утверждает, что большая часть гробницы была построена "рабочими девушками" (= проститутками), но не стоит уделять слишком много внимания этому типичному случаю геродотовского "злодейства". Сообщение Страбона о том, что гробница, по мнению некоторых, принадлежала блуднице (πόρνῆς), не менее подозрительно. Возможно, оно возникло из-за непристойных символов, появившихся на различных частях памятника, включая его вершину. Возможно, строители гробницы ошиблись с ее обитателем. Обратный процесс менее вероятен, так как в этом случае остаются неучтенными торговцы и ремесленники^[725].

Восстание Кира из Пактиса, у которого было все золото из Сард.

В соответствии с политикой, которую Геродот вкладывает в уста Креза, Кир перед возвращением из Лидии в Персию позаботился о том, чтобы разделить политическую и финансовую власть в своем новом завоевании:

Сарды он поручил Табалосу, персидскому господину, а золото Креза и других лидийцев отдал на хранение Пактису, человеку из Лидии (κορίζειν)..... Но когда Кир отошел от Сард, Пактис заставил лидийцев восстать против Табалоса и Кира и, спустившись к морю, что было вполне естественно, поскольку у него было все золото из Сард, стал нанимать наемников и уговаривать население у моря присоединиться к его экспедиции^[726].

Ксеркс и богатый лидиец Питис.

Во времена Ксеркса самым богатым из всех лидийцев был Питис, сын Атиса. После самого Ксеркса Питис был самым богатым человеком, которого знали персы того времени. Его богатство составляло 2000 талантов серебра и 3 993 000 золотых дариков^[727]. Он находился под властью Великого царя в Келайнае во Фригии и своим огромным богатством был обязан рудникам, на которых вынуждены были трудиться жители его владений. Когда Ксеркс достиг Келайная, собираясь вторгнуться в Грецию, Пифий предложил преподнести царю всю эту огромную сумму^[728]. Столь грандиозный подарок требует особого объяснения. Он не похож на "золотой платан и виноградную лозу", которые Пифий ранее подарил царю Дарию. Это выглядит так, словно он вдруг с особой тревогой обнаружил, что Ксеркс, как и Кир до него, ничего так не боится, как человека с необычайным богатством, и словно этот подарок был отчаянной попыткой рассеять подозрения великого царя. Отец Пифея носил то же имя, что и один из сыновей Креза, а сам Пифей, как считают некоторые современные ученые, был внуком Креза^[729]. Имя Pytheus (Pythes) может быть связано с отношениями Креза с Дельфами^[730].

Приведенные до сих пор доказательства позволяют сделать следующие выводы: чеканка металлических монет достигла своего окончательного развития в Лидии, вероятно, во второй половине VIII века до н. э.; титул тирана попал в Грецию из Лидии, вероятно, в начале VII века; с середины VIII века и до конца эпохи тиранов все правители или потенциальные правители

Лидии, о которых у нас есть хоть какая-то соответствующая информация, рассматривали деньги как основу политической власти. [Перед лицом этих фактов неудивительно, что Радет, ученый, который в последние годы уделял наибольшее внимание этому периоду лидийской истории, высказал мнение, что самые ранние тираны были и первыми монетчиками^[731] .

Остальная часть этой главы будет посвящена рассмотрению и очень осторожному развитию этого предположения.

Раде приписывал самые ранние монеты Гигесу и представлял их как изготовленные, когда Гигес уже был на троне^[732] . Однако он писал до того, как Энкоми, Кносс и Эфес предположили возможность более ранней даты для самых ранних монет, и он не рассматривает возможность того, что это мог быть не только случай, когда монеты сделали тирана, но и тиран сделал монеты. В этом вопросе не стоит искать уверенности, но для того, чтобы прийти к максимально возможной вероятности, будет полезно на мгновение обратиться к блестящему и убедительному рассказу о последних этапах эволюции металлической чеканки, опубликованному Ленормантом и развитому Бабелом. Рассказ Ленорманта об обстоятельствах, при которых штампованные куски драгоценного металла определенного веса впервые вошли в обращение, нельзя передать лучше, чем его собственные слова:

Ленорман, что это были частные выпуски.

Для торговли, в которой они служат привычным средством обмена, мы придаем этим лингам точный вес... от ½ до 10 таэлей в ор, от ½ до 100 таэлей в аргенте. Но их обращение и принятие не имеют никакого законного и обязательного характера. Государственная власть не имеет права вмешиваться и не дает никаких гарантий. Эти лингтоны не имеют никакого значения, если в некоторых случаях речь не идет об индивидуальном указателе, простом знаке происхождения и изготовления, который, к тому же, внушает достаточно доверия для проведения проверки титула металла, если речь идет об одном из известных предпринимателей. Легкость, с которой принимается лингто в том или ином виде, в полной мере относится к кредитному персоналу того, кто его маркировал^[733] .

Только что процитированный отрывок описывает не теорию Ленорманта, а реальную практику Китайской империи^[734] . Аналогичная валюта из слитков, отчеканенных купцами или банкирами, использовалась во многих других частях света, *например*, в Японии^[735] , на Яве^[736] , в Индии^[737] и России^[738] . Возвраты к практике частной чеканки монет были частыми в Америке^[739] ; "долгое время медная валюта Англии состояла в основном из жетонов торговцев", которые использовались в основном производителями для выплаты зарплаты своим рабочим^[740] . Самые ранние монеты Малой Азии рассматриваются французскими учеными как частные выпуски, схожие с теми, что только что были процитированы. Маленькие штемпели, несколько из которых часто появляются на монетах из раннего электрума (*например*, на рис. 19. а справа), рассматриваются ими как знаки или контрзнаки банкиров или купцов. Бабелон^[741] указывает, что эти клейма не могут быть идентифицированы как типы городов или царей; что в одном случае не менее шести из них встречаются на одной монете^[742] ; и что их продолжают помещать на государственную чеканку Дария. Таким образом, аргументы в пользу Лидии во многом опираются на аналогии, а аналогии никогда не могут быть окончательными. Некоторые из них даже следует использовать с осторожностью, *например*, из России и Меровингской Франции, где трудно быть уверенным, что они не представляют собой стадию упадка, а не развития. Но декаданс часто называют возвращением к типу, а некоторые из уже приведенных примеров, *например*, из Китая и Индии, достаточно отдалены, чтобы им можно было доверять. Общий

эффект от доказательств, собранных Ленормантом и Бабелом, впечатляет, и, безусловно, ни одна другая точка зрения не предлагает столь удовлетворительного объяснения отличительных особенностей самых ранних греческих монет. Их мнение уже получило частичное признание^[743]. Конечно, в доказательствах есть пробелы, особенно в отношении обстоятельств национализации монетного дела. Но это не очень удивительно, если, как следует из историй Дамонно и Ардиса, именно в череде финансовой борьбы за трон контроль над монетным двором постепенно стал синонимом королевской власти. Когда эти два понятия были окончательно уравнены, можно только догадываться. Возможно, главную роль в этом процессе сыграл король-торговец Ардис, но в целом кажется вероятным, что именно Гигес завершил эволюцию металлической чеканки, сделав ее прерогативой государства после того, как он впервые использовал ее для получения верховной власти. |Его карьера начинается достаточно рано, чтобы это стало возможным^[744], а золото Гигеса приобрело известность^[745].

Геродот действительно, кажется, отвергает мнение, что Гигес когда-либо был купцом или банкиром, поскольку он описывает его как служившего стражником αἰχμοφόρος, δוריφόρος при его предшественнике Кандауле^[746]. Но Шуберт^[747], вероятно, прав, доверяя этой части нашего рассказа о его карьере, которая, как он показывает, была получена из Дельф, лишь в ограниченной степени. Он даже предполагает^[748], что Гигес купил Дельфы раньше, с целью своего воцарения, подобно тому, как Крез пытался купить благосклонность Аполлона перед попыткой завоевания Персии^[749]. Если в этом правдоподобном предположении есть доля истины, то часть истории о стражнике вполне могла быть полуправдой, призванной скрыть коммерческое происхождение Гигеса, и Гигес мог получить трон в основном благодаря своему богатству.

Правда, Гигес как тиран боролся с киммерийцами, которые в это время проносились по Малой Азии, и что позже в свое правление он восстал против Ассирии^[750]. Время от времени он вторгался в греческие города на побережье. Возможно, он даже предпринял военные меры, чтобы обеспечить себе трон, если, как утверждает Раде^[751], его воцарение означало свержение маэонийского господства и замену его лидийским. Однако все это не является доказательством особого милитаризма. Войны с киммерийцами носили оборонительный характер. Восстание из Ассирии было косвенным результатом киммерийских войн. Если Гигес предпринял агрессивные действия против греков^[752], его мотив, вероятно, был коммерческим. Он хотел "обеспечить лидийским караванам свободный и надежный выход для их товаров^[753]". Греческие войны редко доходили до крайностей^[754]. Что касается боевых действий, в результате которых он, как говорят, захватил трон, то следует отметить, что его войска, по крайней мере частично, были карийскими наемниками^[755].

Сразу же после утверждения своего положения такими насильственными методами Гигес "послал за своими различными друзьями и врагами. С теми, кто, как он думал, мог бы ему противостоять, он покончил; остальным же он дал подарки и сделал их наемниками^[756]".

Кольцо Гигеса

Подтверждение этой точки зрения о происхождении власти Гигеса, возможно, можно найти в истории о Гигесе и его кольце. В этой знаменитой истории, рассказанной Платоном^[757], Гигес был пастухом, обнаружившим в земле волшебное золотое кольцо, которое дало ему силу невидимости и позволило проникнуть во дворец, убить царя и добиться своего воцарения. Как это часто бывает, когда история из "Арабских ночей" прикладывается к историческому персонажу, сразу же возникает проблема выяснить не происхождение

истории, а те моменты в историческом персонаже, которые привели к тому, что история привязалась к нему. Для начала можно отбросить пастушество, поскольку Гигес принадлежал к древнему и княжескому роду^[758].

Факт или факты, из-за которых Гигес стал ассоциироваться с этой историей, вероятно, были как-то связаны с волшебным кольцом и его обнаружением на земле. Например, было высказано предположение, что настоящая магия кольца Гигеса заключалась в печатке, которая служила паспортом и раскрывала или скрывала личность человека в зависимости от того, как он ее носил. Раде^[759] представляет Гигеса как своего рода главного domestica Кандаула, а кольцо - как эмблему его власти. Подобные объяснения не лишены правдоподобия; они правы в том, что обращают внимание на печатку^[760]; но они игнорируют одну существенную деталь истории, а именно чудесное обнаружение кольца, и не доходят до сути дела, если, как ясно подразумевает история, кольцо Гигеса должно быть приравнено к реальному источнику его власти. С этой последней точки зрения становится вероятным, что Раде гораздо ближе к истине в другом отрывке, где он говорит: "Gygès et ses successeurs ont possédé un merveilleux talisman: la science économique^[761]." | объясненное Раде как "экономическая наука". Есть один момент в истории о кольце, который говорит в пользу некоторого объяснения в соответствии с этим вторым предложением Раде. Героем истории не всегда является Гигес: у Плиния^[762] это фригийский царь Мидас, которого киммерийцы свергли за поколение до того, как они свергли Гигеса^[763]. Конечно, возможно, что Плиний просто ошибся в имени. Но не менее вероятно, что подлинная традиция приписывает кольцо Мидасу. У Мидаса много общего с Гигесом, и эти сходства заслуживают внимания. Его царство, как и царство Гигеса, славилось своими драгоценными металлами^[764]. Как и Лидия, оно занимало важную часть великого караванного пути^[765]. Мидас был золотым царем еще больше, чем Гигес. Его прикосновение превращало все вещи в золото, пока он не освободился от этой губительной силы, искупавшись в Пактоле, реке, из которой лидийцы получали так много своего электрума^[766]. Согласно одному из рассказов, монеты впервые стали чеканить "Демодика из Кима, дочь Агамемнона, царя киммеев, после ее брака с фригийцем Мидасом^[767]". Мидас, как и Гигес, посылал богатые подарки (взятки?) в Дельфы^[768]. Короче говоря, главное сходство Мидаса с Гигесом заключается в его огромном богатстве и способах, которыми он, как представляется, приобрел и использовал его^[769]. Возможно, это подразумевало обладание волшебным кольцом^[770].

С историей о находке кольца связаны рассказы о находках в шахтерских районах.

Обстоятельства находки напоминают два анекдота из *Mirabiles Auscultationes*^[771], расположенных один в Пайонии, другой в Пиерии, в которых, как и в истории с Гигесом, есть дожди, пропасти, находка золота и доставка его во дворец. По крайней мере, в одном из этих двух случаев находка является сокровищем, как кольцо Гигеса. Но следует отметить, что и Пайония, и Пиерия находятся в знаменитом горнодобывающем районе, сыгравшем столь значительную роль в истории Афин и Македонии. Учитывая славу лидийских шахт, естественно спросить, не сыграли ли они свою роль в развитии истории о кольце. Истории о людях, похороненных в шахтах Лидии, действительно существовали. Одна из них, рассказанная в *Mirabiles Auscultationes*, показывает, что в Лидии, как и в районе горы Пангайон и реки Стримон, пропасти, содержащие скелеты и золото, вряд ли могли быть шахтами, а власть, обеспеченная их открывателем, - просто властью внезапно и, возможно, тайно приобретенного богатства.

О дате начала добычи золота в Тмолусе ничего не известно, кроме того, что выработки были заброшены во времена Страбона^[772]. Вполне возможно, что она разрабатывалась с самых ранних дней Гигеса, если, как это вероятно, он добывал руду в Пергаме и дальше^[773].

Лидийцы, занимавшиеся добычей полезных ископаемых в этих регионах, вряд ли пренебрегали бы рудниками, расположенными так близко от их собственной столицы, тем более что они были бы направлены к ним, следуя золотому потоку Пактола^[774].

Перед лицом этих фактов возникает соблазн пойти на шаг дальше Раде, когда он объясняет талисман Гигеса как экономическую науку. |Кольца как деньги.| Мы вспоминаем описание Байроном самого мощного из талисманов:

Да, готовые деньги - это лампа Аладдина^[775].

Гигес, правда, обнаружил кольцо, а не лампу, но особая форма его талисмана только добавляет смысла байронической интерпретации. Примерно до того времени, о котором идет речь в рассказе, кольца, вероятно, были готовыми деньгами в прямом смысле этого слова^[776]. Во многих частях света до введения регулярной чеканки монет торговля велась в основном с помощью колец определенного веса^[777].

Большая часть свидетельств такого использования относится ко второму тысячелетию. Некоторые из тех мест, где, как известно, этот метод был распространен раньше всего, были связаны с Лидией в это время. Египет был союзником Гигеса, хетты были предшественниками лидийцев на земле Лидии. Троя, вероятно, входила в состав владений Гигеса^[778]. В книге Бытия кольцевые деньги ассоциируются с караванами^[779]. Поэтому вполне вероятно, что кольца обращались в самой Лидии до тех пор, пока их не вытеснили новые штемпельные монеты, форма которых, возможно, была обусловлена удобством их чеканки. |В Аргосе, согласно традиции, которая будет защищена в следующей главе, чеканке штемпелей предшествовала валюта из металлических слюней (ниже, рис. 21): если верить традиции, эти слюни навсегда остались связаны с именем тирана, который вытеснил их чеканными деньгами. Есть ли у нас параллель в случае с историей Гигеса? Является ли ее герой изобретателем новой чеканки, и стало ли его имя ассоциироваться с кольцами, которые он вытеснил? Вполне возможно, что поначалу новые монеты рассматривались как драгоценные металлы стоимостью в несколько колец. Название νόμισμα подразумевает, что штемпельная монета получила всеобщее признание; конечно, оно было бы вполне уместно в отношении валюты в кольцах, чайниках или коровах; но нет никаких свидетельств его использования до введения чеканки из штемпельного металла, и, вероятно, именно всеобщее признание этой последней и привело к появлению этого слова. Называть самые ранние лидийские монеты кольцами (δακτύλιοι) было бы точно так же, как называть самые ранние афинские монеты вертелами (ὀβελοί) или связками вертелов (δραχμαί) или самые ранние римские монеты слитками (ассаи). Если обол и драхма сохранились, а δακτύλιος - нет, то этот факт достаточно объясняется историей Афин, Рима и Лидии.

Но если это так, то почему кольцо является перстнем-печаткой?

Только что предложенное объяснение кольца Гигеса опускает одну деталь, которая является существенной для истории, рассказанной Платоном. Кольцо Платона - это печатка, и именно печать (σφραγίς) творит магию. Бабелон считает, что изготовители печатей (δακτυλιογλύφοι) того периода, вероятно, были и чеканщиками монет. Но если следовать мнению одного из наших ведущих нумизматов, Г. Макдональда, связь между печатью и монетой была более тесной. Изначально, по его словам^[780], монеты были просто кусками запечатанного металла.

"Монеты - это куски запечатанного металла".

Чеканка денег в ее самой примитивной форме заключалась в наложении печати на куски электрума, которые предварительно взвешивались и приводились в соответствие с

установленным стандартом: чрезмерная редкость монет, имеющих только полосатую поверхность на аверсе, доказывает, что эта примитивная стадия была недолгой^[781].

Греческие печати обычно прикреплялись к кольцам^[782]. Определение монеты как куска запечатанного металла было начато Бургоном, который использовал его как аргумент в пользу религиозного характера монетных типов и описал печать как "оттиск символа божества-хранителя города"^[783]. Макдональд совершенно справедливо отвергает теорию, столь широко распространенную до появления "Металлической валюты" Риджуэя, о том, что все монетные типы имеют религиозное происхождение. Но сам он продолжает придерживаться собственных взглядов на теорию печати, которые столь же несостоятельны, по крайней мере, в той огульной форме, в которой он их излагает. Он предполагает, что печать всегда должна быть печатью государства, короля или магистрата, и что устройство обычно геральдическое. Последний пункт нас здесь не касается^[784]: первый - да, поскольку он несовместим с мнением Бабелона и Ленорманта о том, что самые ранние монеты не были государственными. Но теория печатей не зависит от природы ни печатей, ни их исполнителей. Нет причин, по которым мы не должны принимать мнение Бабелона и Ленорманта о частном характере ранних монет одновременно с мнением Бургона и Макдональда о том, что первые типы монет были просто печатями. Действительно, некоторые доказательства, собранные Макдональдом, положительно свидетельствуют о том, что мы должны это сделать. В пятом и четвертом веках до н. э. в Афинах государственное имущество клеймилось государственной печатью, τῷ δημοσίῳ σφιδάντρῳ^[785]. Той же практике в V веке следовали на Самосе^[786], и, возможно, в Сиракузах^[787]. Такое использование государственных печатей для клеймения общественной собственности предполагает, что аналогичным образом использовались и частные печати. На этом этапе литературные свидетельства нас подводят, но на помощь приходят археологические документы.

Металл был не единственным материалом, на котором древние ставили подобные печати. Подобным образом штамповали кувшины для вина, кирпичи и черепицу. До нас дошли тысячи таких печатей, на многих из них изображены символы города и имя магистрата. Но часто на них также написано имя изготовителя, и датский ученый Нильссон^[788], который провел их тщательное исследование, склонен считать их по сути печатями частных производителей. Имя магистрата может просто указывать на дату: государственный символ может означать, что получателем было государство, или что производитель пользовался какой-то государственной защитой, или подвергался государственному налогообложению и контролю.

Если такова была история клейм на кирпичях и кувшинах для вина, то у нас есть еще один повод думать, что клейма на драгоценных металлах, возможно, изначально ставились частными владельцами. Не кроется ли здесь истинное объяснение чудесной печати на кольце Гигеса? Не был ли владелец этого перстня первым человеком, который использовал свою печатку для штамповки металлических монет, и не является ли этот факт источником историй о ее чудесной силе?

Был ли этим человеком Гигес - другой вопрос. Его притязания на перстень не вызывают сомнений. Мы уже видели, что его иногда приписывают Мидасу. Даже в истории, рассказанной Платоном, MSS. делают героя "предком Гигеса", а не самим Гигесом, и тот факт, что у других авторов и в другом месте в Республике^[789] кольцо называется кольцом Гигеса, сам по себе не является решающим. И кольцо, и его магическая сила могли переходить из рук в руки. Но если свидетельства и мнения, приведенные в этой главе, имеют

какую-либо ценность, наша интерпретация истории о кольце не зависит от установления Гигеса как первоначального владельца.

Давайте вернемся на мгновение к освещающей теорию Бабелона, согласно которой чеканка монет сначала была частным делом купцов, шахтеров или банкиров, и что последний шаг в развитии чеканки золотых и серебряных монет был достигнут только тогда, когда этот бизнес по чеканке и выпуску монет перешел в руки государства. У нас нет никаких сведений о фактическом переходе, который подразумевает эта теория. Бабелон предполагает, что правительство создало монополию. В этой главе предлагается модификация взглядов Бабелона в одном важном пункте, а именно: не правительство создало монополию, а монополия создала правительство. Как и в случае с основным тезисом самого Бабелона, мы вынуждены во многом доверять аналогиям. Но аналогии поразительны, причем в двух направлениях. Во-первых, у нас есть торговые или финансовые предшественники правителей этого периода как в Лидии, так и в различных греческих государствах: во-вторых, мы имеем историю более поздних лидийских правителей и претендентов на престол, в частности, Креза и Садиятта, Кира и Пактиса, Ксеркса и Питеса. Мораль их историй такова: ни один правитель не мог чувствовать себя в безопасности в Сардах, пока не обеспечил себе некое финансовое господство. Если учесть, что Гигес славился своим золотом^[790], и что о его золоте и тирании Архилох говорит, вероятно, на одном дыхании, то, помимо спекулятивных интерпретаций истории о кольце, существует, по крайней мере, явная вероятность того, что монополистическая политика Креза и его преемников восходит, по крайней мере, к Гигесу, а возможно, и на поколение или около того раньше, к какому-нибудь правителю вроде Ардиса или Спермоса, и что именно монополия на штампованные куски электрума привела первого тирана в царский дворец и посадила его на трон^[791].

Глава VI. *Арэос*

τὰν ἀρετὰν καὶ τὰν σοφίαν νικῶντι χελῶναι.

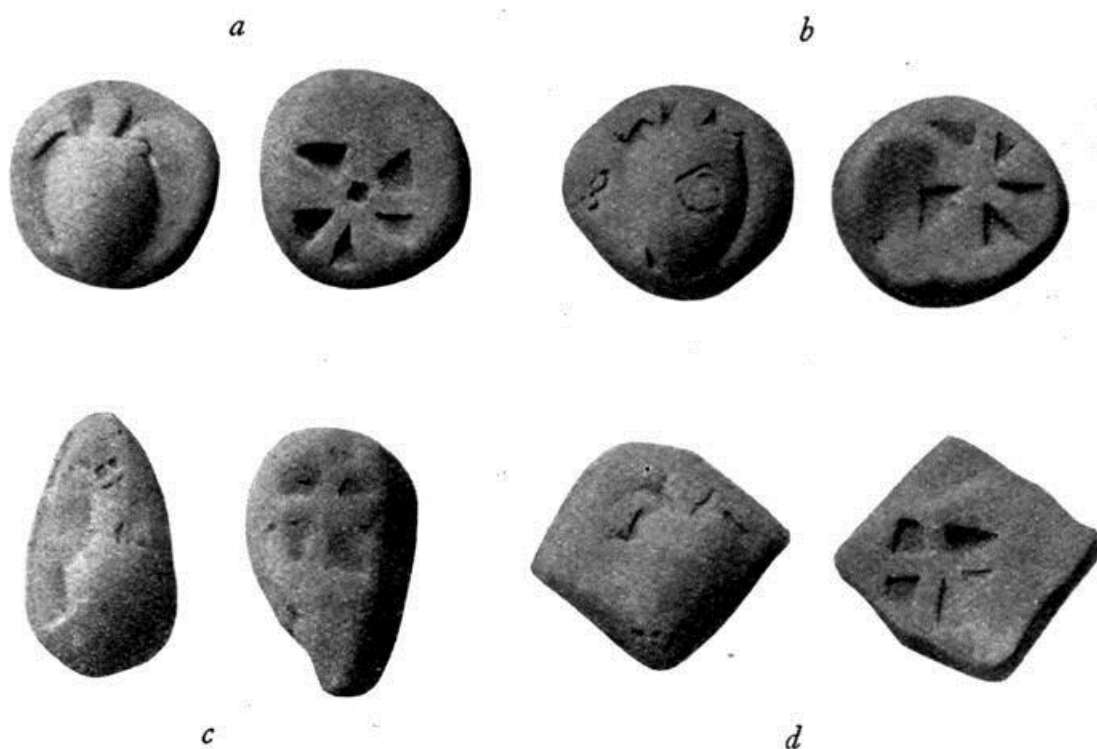

Рис. 20. Ранние эгинетские "черепахи".

"Тирания" законного государя Фидона, "который создал для пелопоннесцев их меры" (Геродот),

Самый ранний рассказ о тиране Аргоса содержится у Геродота и звучит следующим образом: "а из Пелопоннеса прибыл Леокед, сын Фидона, тирана аргивян, того Фидона, который создал для пелопоннесцев их меры и вел себя самым возмутительным образом из всех греков, который, сместив элейских распорядителей игр, сам руководил играми в Олимпии^[792]". Фидон принадлежал к царскому дому Теменоса^[793], и, судя по всему, унаследовал наследственный трон обычным путем. Тем не менее Аристотель намеренно относит его к типичным тиранам^[794].

Несколько лет назад я предположил, что именно "изобретение" мер Фидоном, а не его возмутительное поведение или военные достижения стали причиной того, что его стали считать правителем, отличным от своих предков, - тираном, а не царем^[795].

а также, по словам Эфора, отчеканил в Эгине первые серебряные монеты.

Геродот говорит о нем просто как о человеке, который изготовил для пелопоннесцев их меры. Но Эфор и более поздние авторы утверждают, что Фидон изобрел систему весов и мер, и, что самое важное, что серебро было впервые отчеканено им в Эгине^[796]. Правление Фидона, вероятно, охватывает первую треть седьмого века. Таким образом, в Греции, как и в Малой Азии, есть основания приписывать самые ранние монеты самому раннему тирану. Если аргивские свидетельства имеют какой-то вес, то они взаимно подтверждают друг друга, и становится явно маловероятным, что ассоциация чеканки монет и тирании была простой случайностью.

Доказательства в пользу Фидона являются спорными. Эта глава посвящена поддержанию их достоверности.

К сожалению, все свидетельства в отношении Фидона очень спорны. Поэтому большая часть этой главы будет посвящена изучению их достоверности и попытке показать, что сомнения, которые на них возлагаются, не имеют под собой оснований, что, по наиболее вероятным данным, правление Фидона открывает эпоху, известную как век тиранов, что Фидон жил как раз в то время, когда на Эгине были выпущены первые монеты, и что введение эгинской системы веса было прямым результатом аргивской оккупации острова.

Датировка самых ранних эгинетских монет.

Для начала можно принять один или два момента за общепризнанные. Эгинетские "черепашки" (рис. 20) были первыми монетами, выпущенными в Европейской Греции^[797], и впервые они были выпущены довольно рано в седьмом веке^[798]. Больше всего споров вызывает дата правления Фидона и его связь с Эгиной и эгинетской чеканкой.

[Доказательства в пользу даты Фидона:] Именно дата является настоящим центром спора, и лучше всего будет рассмотреть ее первой, начав с краткого напоминания о доказательствах и аргументах.

(1) Из генеалогий:

(i) Поздние генеалогии^[799], которые делают Фидона седьмым от Теменоса и одиннадцатым от Геракла и таким образом помещают его в начало девятого века, были показаны Бузольтом^[800] как результат фальсификаций четвертого века в родословной царского дома Македонии. Приписывая основание Македонской династии некоему Караносу, который, согласно Теопомпу, был сыном Фидона, а согласно Сатиру - сыном отца Фидона^[801], они находились под влиянием неизлечимой греческой веры в симметрию, которая требовала, чтобы македонский царский род был таким же древним, как и род его великих соперников - медов, который они, следуя Ктесию, датировали 884 годом до нашей эры. ДОН. Э.^[802]

(ii) Генеалогия, которая делает Фидона десятым от Теменоса и таким образом относит его к середине восьмого века, может быть прослежена только до Эфора^[803]. Другими словами, как уже отмечал Бьюри^[804], его достоверность в значительной степени зависит от автора, который также является нашим самым ранним авторитетом для утверждения, что Фидон отчеканил монету в Эгине^[805].

(iii) Третье утверждение о семье Фидона принадлежит Геродоту^[806]. Согласно Геродоту, Леокед, сын Фидона, был одним из женихов Агаристы в Сикионе в начале шестого века. Это утверждение происходит в явно романтической обстановке, и не следует заходить слишком далеко. Однако его можно справедливо утверждать как аргумент против даты 750 года. Даже если допустить возможность того, что παῖς (сын) в единственном числе может свободно использоваться для обозначения ἀπόγονος (потомка)^[807], все же остается крайне маловероятным, что Геродот вообще упомянул бы Фидона в связи с Леокедом, если бы считал, что их разделяет более 150 лет^[808].

Леманн-Хаупт^[809], который, несмотря на все только что изложенные трудности, датирует Фидона восьмой Олимпиадой (748 г. до н. э.)^[810], представляет себе неизвестного Фидона, отца Леокеда, и формулирует как характерную для Геродота практику приписывания деяний знаменитых людей неизвестным тезкам. Кроме Фидона он цитирует только Филокипроса, тирана Соли и друга Солона, которого он, в прямом противоречии с Геродотом^[811], отличает от отца Аристокипроса, павшего во время ионийского восстания. Его мнение дискредитируется единственной иллюстрацией, которую он приводит в свою поддержку. Молодой друг Солон не обязательно должен был родиться раньше 608 г. до н. э., а сын человека, родившегося в этом году, вполне мог быть жив в 498 г. до н. э. Даже если Геродот

ошибается в этом вопросе, его ошибка лишь иллюстрирует сравнительно узкий предел погрешности, которым ограничиваются его анахронизмы в подобных вопросах.

Есть еще одна группа утверждений, касающихся родословной Фидона. Павсаний говорит, что последним царем Аргоса был Мелтас, сын Лакедеса^[812]. Последний приравнивается Белохом^[813] к Леокеду Геродота^[814]. По словам Павсания, Мелтас был десятым по происхождению от Медона, внука Теменоса. Фидон, как уже отмечалось, описывается Страбоном как десятый по происхождению от самого Теменоса. Таким образом, Страбон, Павсаний и Геродот могут рассматриваться как взаимно подтверждающие друг друга, если мы примем Геродота буквально и сделаем Фидона отцом Леокеда и, следовательно, дедом Мелтаса. Поскольку в 484 году до н. э. в Аргосе все еще был царь^[815], и ничто не указывает на то, что этот пост не сохранился и после этой даты, аргумент Белоха относит Фидона далеко в шестой век. Но поскольку он допускает только двенадцать поколений от дорийского вторжения при Теменосе до неопределенной даты после 480 г. до н. э., когда царская власть была полностью упразднена, он лишь помогает подчеркнуть тот факт, что аргивские царские родословные не являются надежным руководством для определения даты правления Фидона^[816].

(2) от его вмешательства в Олимпийские игры.

Утверждение Павсания^[817], что Фидон вмешался в восьмое празднование Олимпийских игр, не может быть согласовано с датой седьмого века. Но серьезные сомнения вызывает датировка Павсания, на которую, вполне возможно, повлияли македонские генеалогии, и в этом случае она не подтверждает дату, полученную путем отсчета Фидона десятым от Теменоса. Аргументы в пользу замены восьмого на двадцать восьмое весомы^[818]. У Павсания точно сказано, что "на восьмом олимпийском празднике пизанцы призвали Фейдона... и праздновали игры вместе с Фейдоном^[819]". Но Страбон считает "более вероятным (ἐγγυτέρω τῆς πίστεως), что с первой Олимпиады до двадцать шестой председательство как в храме, так и на играх принадлежало элейцам^[820]". Юлий Африкан также ничего не знает о беспорядках на восьмой Олимпиаде, но сообщает о таковых на двадцать восьмой.

Трудности с принятием двадцать восьмой Олимпиады, изложенные Унгером^[821], не очень впечатляют. Он утверждает, что на двадцать восьмой Олимпиаде у элейцев было оружие^[822], тогда как Фейдон совершил нападение, "когда элейцы были без оружия^[823]", и что, поскольку пизанцы праздновали двадцать седьмую Олимпиаду, Фейдон на двадцать восьмой вытеснил бы не элейцев, а пизанцев. Но когда Страбон говорит, что элейцы были без оружия, он или его источник могут иметь в виду, что в результате димейской войны они оказались не готовы к обороне дома. Если предположить, что это так и что они были заняты своей димейской войной как в 672 году до н. э., так и в 668 году до н. э., то вся ситуация легко объясняется. На двадцать седьмом празднике пизанцы без посторонней помощи могли получить пост президента путем внезапного нападения. На следующем празднике, когда элейцы были предупреждены, пизанцам понадобилась бы помощь Фейдона, чтобы сместить их в Олимпию. Еще слабее аргумент Унгера о том, что сообщение о Фейдоне могло выпасть у Евсевия под Olymp. VIII, как в той же хронике об императоре Калигуле.

Мы действительно можем вместе с Махаффи^[824] и Бузольтом^[825] сомневаться в том, что эти ранние части списков олимпийских победителей являются современными записями. Но легко быть излишне скептическим. Махаффи, например, склонен утверждать, что олимпийские списки не могли существовать в V веке, потому что тогда они не использовались для целей датировки. Он предполагает, что Гиппиас, составивший свою редакцию списка в 370 году до н. э., мог иметь в своем распоряжении не больше свидетельств, чем Павсаний, живший

более пятисот лет спустя. Плутарх^[826], которого он цитирует как дискредитирующий список, просто выражает мнение, которое не более окончательно, чем мнение самого Махаффи. Если наши хронологические данные не заслуживают доверия, то для определения датировки мы вынуждены опираться на достижения Фидона, чего уже давно придерживается К. Мюллер^[827]. Считая факт неопределенной даты вмешательством Фидона в дела Олимпии, более вероятно, что о нем помнили, если оно не было сделано так рано, как в конце VIII века, когда фестиваль еще не приобрел своей последующей репутации^[828].

Фидон, вероятно, современник самых ранних эгинских монет.

Таким образом, свидетельства о дате правления Фидона вполне согласуются с утверждением, что он первым начал чеканить монеты в Эгине. Ведь если допустить, что он мог жить в первой половине седьмого века, то не будет ничего уникального в том, что он разместил свой монетный двор вдали от столицы, в отдаленной, но коммерчески важной части своего владения. Риджуэй и Сворнос уже сравнивали римлян, которые чеканили свои первые монеты в Кампании^[829], и Птолемеев, которые чеканили в основном на Кипре^[830].

Он ли их чеканил?

Но имел ли Фидон какое-либо отношение к Эгине и ее чеканке? Против утверждений Эфора и более поздних авторов следует поставить молчание Геродота, который не упоминает ни монет, ни Эгины в своем рассказе о Фидоне. Это упущение в сочетании с разнообразием мнений относительно даты Фидона привело к общему недоверию к Эфору, настолько, что большинство наиболее компетентных авторитетов являются либо агностиками^[831], либо абсолютными неверующими^[832].

Молчание Геродота само по себе не является серьезным аргументом для отказа от дополнений более поздних историков. Следует помнить, что весь его рассказ о Фидоне в VI. 127 занимает всего четыре строки. Вряд ли можно ожидать, что за столь короткий срок он полностью изложит даже основные факты о столь важной личности. Утверждать, как это было сделано недавно^[833], что Геродот ничего не *знал* о чеканке монет, выпущенных Фидоном, значит ставить вопрос ребром.

Для греков V века, для которых писал Геродот, происхождение системы весов, на которых чеканились эгинетские монеты, могло представлять больший интерес, чем более отдаленный вопрос об изобретении, которое, несомненно, все они считали само собой разумеющимся. Пелопоннесские гири и меры означали отсутствие стандартизации во всех метрических вопросах, от которого Геродот и его слушатели, должно быть, страдали ежедневно.

Нет необходимости подробно разбирать эти критические замечания. Они начинаются с различных предположений относительно датировки Фидона. Некоторые из них окажутся взаимоуничтожающими. Почти все они переоценивают трудности, возникающие из-за очевидного отсутствия подтверждения Эфора у более ранних авторов. Ни в коем случае нельзя с уверенностью утверждать, что его заявления о связи Фидона с эгинетской чеканкой монет должны быть причудливым расширением Геродота VI. 127. На самом деле есть две линии доказательств, которые указывают в совершенно противоположном направлении. Одна из них опирается на сообщения об аргивском Герае, дополненные недавними находками на этом месте; другая основана на новой интерпретации отрывка из пятой книги Геродота. Необходимо подробно рассмотреть доказательства из этих двух источников.

А. Свидетельства из аргивского Гераклеи.

В знаменитом храме Геры, Аргивском Герауме, расположенном между Аргосом и Микенами, сохранилось посвящение, которое, как говорят, было сделано Фидоном в честь чеканки его монет. Надпись сохранилась только в средневековом Etymologicum Magnum. Она гласит: "Фидон Аргивянин был первым из всех людей, кто чеканил монету в Эгине, и из-за этой чеканки он вызвал косы (ὀβελίσκοι) и посвятил их Гере Аргосской". В этом замечании нет ничего подозрительного. Слово "драхма" означает горсть, и, согласно Плутарху, драхма - это горсть обол (плевков или гвоздей), которые в ранние времена использовались в качестве денег^[834]. В современную эпоху гвозди, как говорят, служили монетой и в Шотландии, и во Франции^[835]. В древности можно найти множество свидетельств о подношениях богам вышедших из употребления предметов^[836]. Конечным источником для утверждения Etymologicum Magnum вполне может быть официальный гид в самом Герае. Храмовые традиции не всегда вне подозрений. Тем не менее, указания на традицию Фидона, сохранившуюся в аргивском Герае, ценны, поскольку показывают, что источник, из которого Эфор вполне мог дополнить Геродота, гораздо древнее и ценнее, чем его собственное воображение.

Рис. 21. Связка вертелов, найденная в Аргивском Герае.

Однако на этом свидетельства об Аргивском Герае не заканчиваются. Около тридцати лет назад здесь проводились раскопки Американской археологической школой в Афинах. Среди находок была связка железных спиц или прутьев длиной около четырех футов (рис. 21), которую Сворнос^[837] правдоподобно связал с ὀβελίσκοι из Etymologicum Magnum.

Американцы приписывали основание Гераклеи микенскому периоду, так что посвящение вертелов можно было отнести к трем векам, которые составляют предел споров о дате Фидона. Но совсем недавно немцы, раскопавшие Тиринс, показали, что эта датировка ошибочна. Целые серии миниатюрных сосудов, которые раскопщики Аргивского Герая считали микенскими, были отнесены раскопщиками Тирина к седьмому веку или позже, а когда один из них, Фрикенхаус, посетил Аргивский Герай, он обнаружил фрагменты геометрической и протокоринфской керамики в местах, которые доказывали, что эти черепки старше фундамента храма. На основании этого факта он убедительно доказывает, что обильная серия посвящений в Герае начинается в седьмом веке. Таким образом, ὀβελίσκοι Фидона не могут быть более древними, чем этот^[838]. Микенские предметы из аргивского Гераклеи, должно быть, происходят из небольшого светского поселения, которое предшествовало храму. Последнее становится, возможно, современником самого Фидона.

Этот факт имеет важное значение. Он предполагает, что Герай мог быть религиозным центром имперской политики Фейдона, своего рода религиозной федеральной столицей, тщательно размещенной вдали от главных городов Арголиды, подобно тому, как федеральная столица Австралии была размещена вдали от столиц различных австралийских штатов. На самом деле, похоже, что аналогия могла быть еще более близкой, и что именно Фидон был строителем своей федеральной столицы. Если это так, то его дата - некоторое время, вероятно, начало седьмого века.

В. Свежие свидетельства Геродота.

На этом доказательство Гереума заканчивается, и я перехожу к самому важному разделу моей аргументации. Мы только что увидели, как мало оснований не доверять Эфору только потому, что он не совсем точно воспроизводит Геродота. Тем не менее, более ранний автор, конечно, более надежен. Рассказ о чеканке монет Фидоном в Эгине приобрел бы огромную достоверность, если бы на страницах Геродота можно было найти хоть какое-то подтверждение этому. Современные авторы без исключения считают само собой разумеющимся, что таких свидетельств не найти. В этом, на мой взгляд, они ошибаются. В пятой книге есть отрывок, в котором, хотя и не упоминается имя Фидона, я считаю, что он описывает завоевание им Эгины и учреждение в результате этого завоевания весового стандарта, на котором чеканились самые ранние эгинетские монеты. Если мое объяснение не было предвосхищено, то нет причин для удивления. В этом отрывке есть упоминания о керамике, кораблях, одежде и украшениях, и моя интерпретация основана на археологических данных, большая часть которых стала доступна совсем недавно.

Геродот, V. 82 f., описывает аргивскую интервенцию в Эгину,

В отрывке пятой книги, который мы сейчас рассмотрим, Геродот^[839] объясняет происхождение ненависти, существовавшей между Афинами и Эгиной в 500 году до н. э. Когда-то Эгина подчинялась Эпидавру^[840]. Тогда эгинцы, построив триремы и став хозяевами моря^[841], подняли восстание. Своим восстанием они сблизились с афинянами, у которых в то время были очень тесные отношения с Эпидавром. По предложению эпидавров афиняне отплыли против Эгины. Эгинцы обратились к Аргосу и с помощью аргивского войска, переправившегося незамеченным из Эпидавра, нанесли афинянам полное поражение в сухопутном сражении на острове. Различные меры^[842], принятые совместно эгинетянами и

аргивянами сразу после войны, позволяют предположить, что Эгина, восставшая из Эпидавра, стала в некотором роде конфедератом, а возможно, и подданным Аргоса^[843]. Можно также предположить, что в ходе войны Аргос получил некий контроль над Эпидавром. Иначе немыслимо, чтобы аргивское войско отправилось из Эпидавра с двойной целью - помочь восставшим подданным Эпидавра и напасть на тех самых афинян, экспедицию которых на остров предложили сами эпидавры^[844]. Сокрушительное поражение, которое потерпели афиняне, возможно, было связано с крахом эпидаврских союзников.

Следует отметить еще один момент, связанный с рассказом Геродота. В нем нет ничего, что позволило бы предположить, что в момент восстания эгинетян от эпидавров кто-то из них зависел от Аргоса. Повествование скорее указывает на предшествующую конфедерацию или владычество, в котором главными городами были Эпидавр, Эгина и не Аргос, а Афины. Есть ли какие-либо указания на то, когда все это произошло?

Речь идет о времени, значительно^[845] предшествующем 500 г. до н. э. Макан считает, что наиболее вероятная дата экспедиции в Эгину относится к периоду жизни Солона или Пейсистрата^[846]. Он указывает на различные обстоятельства, которые, безусловно, могли привести к столкновению между Афинами и Эгиной в этот период^[847]. В то же время трудно принять дату в этих пределах. Эгинетяне вряд ли^[848] зависели от Эпидавра после его завоевания Периандром, около 600 года до н. э.^[849] Если, таким образом, восстание из Эпидавра и афинское вторжение являются инцидентами в одной и той же борьбе, то оба должны относиться к седьмому веку. Макан предпочитает предполагать большой промежуток между этими двумя событиями. Но Геродот не дает ни малейшего намека на него. Напротив, его повествование прекрасно сочетается как описание последовательных и взаимосвязанных инцидентов в одной борьбе. Мало того, даже если отделить вторжение от восстания, трудно поверить, что оно произошло после 590 года. Столь сокрушительное поражение афинян, которые сами признали, что только один из них вернулся в Аттику^[850], вряд ли могло произойти во времена Солона или Пейсистрата, не будучи связанным с их именами. В конце концов, об Афинах шестого века известно достаточно много. В них нет никаких следов ни такого масштабного бедствия, ни неизбежного отката назад, который бы за ним последовал. Отношения Афин с Аргосом в этот период, похоже, были скорее дружескими, чем наоборот. У Писистрата были аргивские наемники, не говоря уже об аргивской жене^[851]. Поддержка Писистрата аргивянами, конечно, вполне согласуется с враждебностью к правительству, которое Писистрат сверг. Действительно, было высказано предположение^[852], что экспедиция Эгинета состоялась, когда Писистрат находился в изгнании. Но, помимо полного отсутствия доказательств и всех прочих трудностей, связанных с датой шестого века, это предположение означает, что Писистрат искал телохранителя и жену в самом непопулярном квартале, какой только можно себе представить, что вряд ли было бы вероятным поступком со стороны правителя, столь тактичного и популярного, каким, должно быть, был Писистрат.

Дата конца седьмого века становится маловероятной из-за того, что известно о Прокле Эпидавском^[853], теще Периандра, который правил Эпидавром в последней части седьмого века^[854], очевидно, как зависимый от коринфского тирана, которым он был в конечном итоге свергнут. К. Мюллер действительно^[855] утверждает, что Эгина принадлежала Проклу, но только на основании более чем сомнительного рассказа Плутарха, в котором говорится, как Прокл однажды использовал "эгинского незнакомца", чтобы избавиться от трупа человека, которого он убил за свои деньги^[856].

но более вероятно датировать его началом седьмого, как показывают археологические данные об аллюзиях в повествовании:

В целом повествование лучше всего укладывается в первую половину седьмого века. Именно это время лучше всего соответствует военно-морской ситуации во время войны и тому влиянию, которое она, как утверждается, оказала на костюм, орнамент и керамику. Поскольку археологические свидетельства по всем этим пунктам в значительной степени основаны на свидетельствах керамики, лучше всего будет сначала рассмотреть керамику.

(i) керамика,

В храме Дамии и Авксесии на Эгине после войны стало принято (*vóμος*) "не вносить в храм ничего другого, ни аттического, ни гончарного, но пить там отныне только из родных кувшинов^[857]." Геродот упоминает об этом запрете на аттическую керамику только применительно к одному храму на Эгине^[858]. Но он утверждает, что оно соблюдалось как аргивянами, так и эгинянами, что указывает на возможность того, что эта практика преобладала как в Аргосе, так и на Эгине. Макан заходит так далеко, что предполагает, что это "преуменьшение и псевдо-объяснение меры или обычая для защиты местной посуды от аттической конкуренции^[859]." Другие меры, зафиксированные в этой связи, - изменения в аттической одежде и в пелопоннесских брошах - подтверждают предположение Макана. Но в вопросе датировки он следует за более ранними авторами, которые, используя очень неадекватный материал, пришли к выводам, которые теперь можно показать как неправдоподобные. Они датируют это эмбарго серединой шестого века. Но в Эгину, во всяком случае, аттическая керамика продолжала ввозиться на протяжении всей второй половины шестого века, а в Аргосе, где свидетельства менее убедительны и многочисленны, нет никаких признаков прекращения аттического импорта около 550 года до н. э. С другой стороны, и в Аргосе, и в Эгине, похоже, произошло резкое прекращение аттического импорта в начале седьмого века. Кроме того, общая история греческой керамики показывает, что аргивско-эгинетское эмбарго на аттическую керамику имело бы сильные коммерческие мотивы в начале седьмого века, а не в середине шестого, поэтому можно предположить, что эмбарго было наложено не в середине шестого века, а где-то в начале седьмого. Подробное рассмотрение археологических данных увело бы нас слишком далеко от нашей основной темы. Полностью они представлены в приложении^[860].

(ii) Морская мощь и корабли,

Война стала большой катастрофой для афинской морской мощи. Периодом наибольшего затмения для Афин с этой точки зрения стал седьмой век. На протяжении всего этого периода нет никаких признаков военно-морской деятельности Афин, за исключением возможной войны с Митиленой. Но даже она должна быть отнесена к 600 году до н. э. и рассматриваться как начало новой эпохи активности в шестом веке^[861]; и против нее должна быть поставлена неудача в борьбе с Мегарой за Саламин^[862]. Ранее военно-морское положение Афин не было таким. В темные века она, судя по всему, была значительной морской державой. По традиции, сохраненной Плутархом, Афины сменили Крит в управлении морем^[863]: Морская мощь подразумевается в экспедиции Тесея на Крит; поэма Вакхилида^[864], которая иллюстрируется вазовой картиной Эвфрония^[865], рассказывает, как Тесей отправился в глубины моря, чтобы достать кольцо Миноса, и эта история была приведена S. Рейнахом в связь с такими кольцами, как кольца Поликрата и дождей Венеции, и объясняется как символ завоевания Тесеем моря, которое ранее было невестой Миноса^[866].

Не стоит нажимать на дату этих событий. Очевидно, что период этого морского могущества приходится на темную эпоху, последовавшую за распадом критской и микенской

цивилизации. Это период керамики, известной как геометрическая, а афинская геометрия, дипилонская посуда, снова и снова демонстрирует изображения кораблей. Торр приводит тридцать девять примеров^[867], достаточно, как отмечает Хельбиг^[868], чтобы доказать важную роль, которую играл афинский флот в жизни Афин той эпохи. Дипилонские корабли, как отмечал двадцать лет назад Хельбиг^[869], показывают, что уже в восьмом веке Афины готовились основать свое могущество на флоте. Требуется какое-то катастрофическое объяснение, как только что было предложено, чтобы объяснить ее полный откат назад в седьмом.

(iii) Платье.

Одним из результатов обратного события в Эгине в Афинах, как утверждает Геродот, стала революция в одежде афинских женщин, которые отказались от дорического костюма, сшитого из шерсти и скрепленного булавками, и приняли вместо него ионический, состоявший из сшитых из льна одежд. Этот отрывок является *классическим* местом среди авторов, пишущих о греческой одежде, и сразу же следует признать, что почти все они принимают дату конца первой половины шестого века^[870]. Столь поздняя дата кажется мне несостоятельной. Она не согласуется ни с высказываниями Фукидида по поводу афинской одежды^[871], ни со свидетельствами дошедших до нас памятников^[872]. Суммарные законы о женской одежде, принятые Солоном в 594 г. до н.э.^[873], были явно направлены против ионийского костюма. Они показывают, что он должен был достичь Афин примерно к 600 году до н.э., и не дают никаких доказательств того, что он не сделал этого значительно раньше. Бьюри датирует введение ионийской одежды в Афинах "ок. 650 (?)"^[874].

После войны аргивяне и эгиняне делают свои броши "снова вдвое меньше".

Среди эгинетян и аргивян в результате победы над Афинами произошло изменение того, что Геродот называет "мерой" (μέτρον) эгинетских и аргивских брошей (πέρωνα). Геродот утверждает, что это изменение повлияло как на посвящения в храме Дамии и Авксесии^[875], так и на общее изготовление и использование. То, как он рассказывает эту историю, объясняет, почему он выходит за пределы храма, говоря о булавках, но не делает этого в случае с керамикой. Исключение аттической керамики из Эгинетского храма, или, скорее, использование для храмовых целей исключительно местной посуды, было во времена Геродота ритуальным выживанием. Крупные броши, напротив, продолжали использоваться повсеместно. "Теперь женщины Аргоса и Эгины даже до моих дней носили броши увеличенного размера". Возможно, Геродот и сам обратил на них внимание. Именно рассказ об этом изменении "меры" эгинетских и аргивских брошей подтверждает связь Фидона с происхождением эгинетской чеканки.

По словам Геродота, новая практика заключалась в том, чтобы: "делать броши в два раза меньше по сравнению с установленной тогда мерой". Вероятно, важно, что и до, и после изменений броши имеют стандартную "меру". Тенденция ювелирных изделий раннего периода иметь фиксированный вес хорошо известна. Многочисленные примеры приводятся в книге Риджуэя "Происхождение металлической валюты"^[876]. И не только это, но и то, что эти фиксированные веса неоднократно обнаруживаются соответствующими или предвосхищающими монетные стандарты тех мест, к которым они относятся.

Могут возразить, что слово μέτρον не означает вес. Это так, когда его противопоставляют слову σταθμός^[877]; но, по-видимому, оно использовалось и в более широком смысле^[878]. Афинский μέτρον^[879], должно быть, проверял как гири, так и меры. μέτρον, предположительно, применяется к обоим, и для грека пятого века не было бы сомнений в том, что он обозначает что-то, кроме веса, когда применяется к драгоценностям^[880].

Эгинетская драхма была в два раза меньше аттической.

Аргивяне и эгиняне, изгнав афинян из Эгины, изменили "меру" своих брошей, сделав ее в два раза меньше прежней. Примерно таково соотношение веса самых ранних эгинетских драхм и самых ранних драхм, выбитых на эвбейском стандарте. Позже, во времена Геродота, относительный вес составлял четыре к трем. Но самые ранние эгинетские драхмы весили немного больше, чем драхмы более поздних выпусков^[881]. С другой стороны, как утверждает Перси Гарднер^[882] при обсуждении "увеличения" афинских монет Солоном, самые ранние аттические или, скорее, эвбейские драхмы^[883] весили меньше, чем послесолоновские. Вес эгинетской драхмы, определенный по ранним дидрахмам, цитированным выше (стр. 171, № 6), составляет чуть более шести граммов, по сравнению с 5-85 граммами более поздних выпусков, в то время как вес самой ранней аттической эвбейской драхмы, определенный по монетам из стр. 171, № 8, составляет чуть более четырех граммов, по сравнению с 4-26 граммами более поздних выпусков^[884].

Таким образом, первоначальная эгинетская драхма, по-видимому, была в два раза тяжелее, чем ранние аттические^[885]. Это соотношение принимает Риджуэй^[886], который считает, что десять серебряников стоили один золотой, когда золото было в пятнадцать раз дороже серебра, а позже, когда серебро стало стоить 3/40 от его веса в золоте, вес серебряников немного уменьшили, чтобы десять из них все еще были эквивалентны одному золотому^[887].

Резюме свидетельств Геродота.

Вернемся к единственному отрывку Геродота, в котором он упоминает аргивского тирана по имени.

В этом отрывке он говорит о Фидоне как о "человеке, который сделал их меры для пелопоннесцев^[888]". Сила определенного артикля, который предшествует греческому *μέτρα*, не всегда была достаточно подчеркнута. Не один из недавних авторов начинает обсуждение этого отрывка с перевода *τὰ μέτρα* "система мер". Последующая аргументация, естественно, пострадала. *τὰ μέτρα* не может быть иной мерой, чем та, что ассоциировалась с Пелопоннесом во времена самого Геродота, а именно мерой знаменитого эгинетского стандарта, использовавшегося, в частности, для чеканки монет острова^[889]. Другие ученые считают, что утверждение о том, что первые монеты в Эгине чеканил Фидон, является лишь усилением этих слов более поздними авторами. Они утверждают, что "меры" явно означают эгинский стандарт, и таким образом предполагают знаменитую эгинскую чеканку. Эта последняя точка зрения, конечно, предполагает, что усиления Эфора не встречаются у самого Геродота. Но каковы же факты? Об установлении эгинетских мер в Пелопоннесе Геродот упоминает не только в отрывке об аргивском тиране в VI книге, но и, возможно, в отрывке из V книги, где описывается ранняя аргивская экспедиция в Эгину. В этом последнем отрывке говорится, что меры были результатом экспедиции. И экспедиция, и тиран, вероятно, должны быть датированы началом седьмого века. К этому же времени нумизматы обычно относят первые драхмы, отчеканенные в Эгине, причем отчеканенные на стандарте, который, как и у наших брошей, был вдвое меньше ранее использовавшегося.

Трудно избежать вывода, что когда авторы IV века говорят о том, что Фидон чеканил монету в Эгине, они достоверно передают подлинную традицию.

Скептические мнения об этих главах Геродота и ответы на них.

Действительно, утверждалось, что весь геродотовский рассказ о ранних отношениях Аргоса, Эгины и Афин неисторичен^[890]. В поддержку этой разрушительной точки зрения выдвигаются следующие аргументы: (i) что этот эпизод вневременной и его вневременность должна быть обусловлена его неисторическим характером, (ii) что он должен быть неисторическим, потому что он не может, как утверждает Геродот, быть причиной войны 487 г. до н.э., которая должна была быть вызвана естественным соперничеством двух соседних государств. Что касается первого из этих двух аргументов, то предыдущие страницы, как мы надеемся, показали, что этот эпизод не является вневременным: что касается второго, то достаточно указать, что он предполагает, что война не может породить войну, что война не может быть вызвана двумя причинами, и что инцидент не может быть историческим, если он якобы привел к результатам, которые он на самом деле не мог вызвать. Тот факт, что подобные аргументы были приняты к публикации в периодическом издании с высокой репутацией менее чем поколение назад, показывает, насколько весь ученый мир был заражен духом некритичного скептицизма, который в некоторых кругах оставил свой след на современной эпохе.

Другие, как, например, Виламовиц^[891], считают рассказ Геродота V. 82-88 просто рефлексией назад на положение дел, существовавшее в 487 г. до н. э.^[892], когда Афины напали на Эгину, а эгинцы "призвали на помощь тот же народ, что и раньше, аргивян^[893]". Они утверждают, что (i) эта история - единственное свидетельство ненависти между Афинами и Эгиной задолго до 506 г. до н.э., (ii) аргивско-эгинетские броши по сравнению с афинским костюмом без броши^[894], запрет на аттическую керамику в эгинском храме и поза коленопреклоненных статуй (мольба перед афинскими захватчиками) могли быть отнесены во времена Геродота к существующей ненависти и недавним войнам между Афинами и Эгиной, (iii) Геродот переносит афинскую катастрофу во вневременной период, потому что чудо и смена костюма требуют ранней даты, а история не соответствует войне 487 г. до н.э.С., так как знаменитый Софанес^[895], сражавшийся в ней, дожил до 464 года. Геродот, говорят они, не рассказывает о катастрофе афинского флота в 487 году, потому что он использовал его для этой ранней рефлексии.

На эти вопросы (i) отвечает вся эта глава, (ii) и (iii) отпадают вместе с (i), кроме того, (ii) содержит много неправдоподобностей, *например*, что керамика в эгинетском храме без исторических причин должна была навести греков V века на мысль о ранней войне с Афинами, а (iii) предполагает афинскую катастрофу в 487 году до н. э., тогда как Фукидид заявляет, что Афины были успешны в этой войне^[896].

Нет ничего подозрительного в том, что эгинетяне дважды за двести лет достигали своего рода талассократии и в обоих случаях вступали в столкновение с Афинами. Совершенно естественно, что во второй раз эгинетяне обращаются к союзникам, которые ранее помогали им так эффективно и с такой выгодой для себя. Макан^[897] замечает, что на геродотовский рассказ о вражде между Афинами и Эгиной удивительно мало влияют современная политика и интересы. Он предлагает^[898] отнести подчинение Эгины Эпидавру к правлению Фидона, а восстание острова из Эпидавра - к моменту падения Фидона. Но почему в таком случае речь идет о восстании из Эпидавра, если на самом деле это было восстание от знаменитой аргивской тирании? Все повествование более уместно рассматривать как одну из глав истории самого Фидона.

Почему Фидон не упоминается в них.

Только почему в данном случае имя Фидона нигде не упоминается? Одно дело - опустить детали в биографии длиной в четыре строки. Совсем другое - опустить столь значимое имя в

повествовании, которое длится целых семь глав. Но это упущение, хотя и удивительное на первый взгляд, можно объяснить. Геродотова история, по-видимому, происходит из храма Дамии и Авксесии^[899]. Она была рассказана Геродотом не в связи с каким-либо царским памятником, а чтобы объяснить некоторые подношения керамики и украшений, которые он видел в храме. Во всем повествовании не встречается ни одного личного имени, и нет никаких особых причин для этого. Возможно, на самом деле были мотивы не вводить их. В рассказе Геродота о событиях в эгинетском храме Дамии и Авксесии, естественно, не подчеркивается роль аргивского тирана. Афинская версия, на которую также ссылается Геродот, имела бы еще больше оснований для того, чтобы постараться забыть имя Фидона. Если моя интерпретация этих событий не совсем ошибочна, Фидон нанес афинянам, вероятно, самый сокрушительный удар, который они когда-либо получали до тех пор, пока Геродот не написал свою историю. Личное имя может быть опущено из тех же побуждений, которые заставили афинян говорить об эгинетской драхме как о "жирной" драхме, что они, как говорят, и сделали, "отказавшись называть ее эгинетской из ненависти к эгинетянам^[900]". Спарта снова выступила против Фидона в Олимпии^[901], и не была бы заинтересована в увековечивании имени человека, который почти преградил им путь к гегемонии на Пелопоннесе.

Рассказ Эфора о завоеваниях и изобретениях Фидона не заимствован ни из аттических, ни из эгинетских источников. Как уже отмечалось^[902], источником его рассказа о том, что Фейдон чеканил монету в Эгине, скорее всего, был аргивский Герай. Геродот утверждает, что использует аргивские источники, но для него война - это прежде всего дело между афинянами и эгинянами, чью последующую ненависть друг к другу он и должен объяснить. Таким образом, мы имеем три соперничающих или даже враждебных традиции, подтверждающих друг друга, так что разнообразие источников реально повышает достоверность итогового повествования.

Фидон и Эгина, дальнейшие свидетельства Эфора: Фидон вернул себе участок Теменоса, в который входила Эгина.

Извещения о чеканке монет - не единственное свидетельство, позволяющее ассоциировать Фидона с Эгиной. По словам Эфора, "он полностью восстановил лот Теменоса, который ранее был разделен на несколько частей^[903]". Теменос фигурирует в генеалогиях как правнук Геракла и основатель дорийской династии в Аргосе^[904]. Он, его сыновья и зятья между собой представляют как захвативших большую часть северо-восточного Пелопоннеса. Эгина досталась его зятю Деиофону, который отправился на остров из Эпидавра^[905].

Описанные в Геродоте V. 82-88 действия, в результате которых аргивяне переправились из Эпидавра, изгнали афинян из Эгины и положили конец подчинению эпидавров Афинам^[906], почти без сомнения, следует отождествлять с возвращением Аргосу части участка Теменоса, который был закреплен за Дейофоном.

Следы этого возвращения в других отрывках Геродота.

Правда, впервые этот рассказ о возвращении жребия Теменоса определенно встречается у Страбона, чьим авторитетом является только Эфор четвертого века. Но есть намеки на то, что Эфору здесь можно доверять. Есть свидетельство Геродота о том, что с неуказанной более ранней даты и примерно до 550 года до н. э. аргивяне владели всем восточным побережьем Пелопоннеса и "островом Китерой и остальными островами^[907]". Наиболее вероятным периодом приобретения Аргосом этой территории является правление Фидона. Фидон, по словам Страбона^[908], "лишил спартанцев гегемонии на Пелопоннесе", и именно спартанцы незадолго до того, как Крез обратился к ним за помощью, отвоевали у аргивян "Китеру и

остальные острова". Около 668 г. до н. э., *т. е.*, вероятно, в царствование Фидона, аргивяне победили спартанцев в битве при Гисее, которая решила вопрос о владении полосой прибрежных земель к югу от Арголиды^[909].

Эгина в этих событиях не упоминается, но К. Мюллер может быть прав, включив ее в число "остальных островов"^[910]. "Гисийская кампания примерно соответствует второй Мессенской войне, в которой Аргос участвовал против спартанцев^[911], и в которой она, возможно, была одним из эпизодов. В этой войне саамийцы участвовали на море против аргивян^[912], и естественно связать эти действия с их неоднократными нападениями на Эгину во времена саамского царя Амфикрата, в какой-то неопределенный период до царствования Поликрата. В первой половине седьмого века саамийцы, безусловно, были морской державой. Четыре триремы, построенные для них в 704 году до н. э., озаменовали для Фукидида эпоху в военно-морской истории^[913]. Около 668 года до н. э. Колайос Самиан совершил свое знаменитое путешествие за Гибралтарский пролив к испанскому порту Тартесс - путешествие, которое подразумевает много предыдущих морских предприятий со стороны саамианцев. Соперничество с Эгиной, вероятно, было коммерческим. Колайос и его команда вернулись из "серебряных потоков" реки Тартесс^[914], "получив наибольшую прибыль от грузов из всех греков, о которых у нас есть точные сведения, за исключением Сострата Эгинетянина: ведь никто другой не может соперничать с ним^[915]". Таким образом, нападения саамитян на Эгину с особой вероятностью происходили примерно во время второй Мессенской войны.

Столетие назад К. Мюллер^[916] утверждал, что то или иное событие, связывающее Самос с Эгиной, должно быть тесно связано с восстанием Эгины из Эпидавра, поскольку это восстание описано в "Истории Самоса" саамского историка Дуриса (родился около 340 г. до н. э.)^[917]. Исходя из этого, он утверждает, что восстание произошло незадолго до войны между Самосом и Эгиной 520 года до н. э. Аргументы, основанные на законах отступления, соблюдаемых писателем, чьи произведения известны нам лишь в нескольких фрагментах, следует использовать с осторожностью. Если Дурис и указывает на дату восстания, то он оставляет возможность выбора между временем войны 520 г. до н.э. и временем правления царя Амфикрата; а между этими двумя событиями есть свидетельства, что первое вероятно, а второе - почти невозможно.

В качестве независимых доказательств эти намеки не имеют почти никакой ценности. Но как подтверждение определенного, но спорного утверждения они имеют большую ценность.

Краткое описание деятельности Фидона согласно Страбону (= Эфору).

Возвращение родовых владений - излюбленный эвфемизм военных завоевателей для обозначения политики аннексий. Хронология, как относительная, так и абсолютная, в кратком изложении Страбоном карьеры Фидона имеет все признаки достоверности. Сначала Фидон отвоевывает удел Теменоса, затем "изобретает" свои меры и монету, после чего пытается расшириться на восток и на юг, чтобы закрепить за собой все наследство Геракла, или, другими словами, стремится к сюзеренитету всего Пелопоннеса, и с этой целью празднует Олимпийские игры. Это последнее событие, вероятно, следует датировать 668 годом до н. э. Чеканка монет должна быть отнесена на неопределенное время раньше его правления, что является вполне обоснованной датой с точки зрения нумизматики и истории, а восстановление партии Теменоса - еще на несколько лет раньше.

Выбранная таким образом дата подтверждается историями двух других ведущих городов этой части Пелопоннеса, Сикиона и Коринфа.

Фидон и другие части доли Теменоса: (i) Сикион.

Сикион входил в состав участка Теменоса и принадлежал его сыну Фалксу^[918]. Около 670 года до н. э. город попал под тиранию влиятельного и могущественного рода Ортагоров, чья политика отличалась крайней враждебностью к Аргосу^[919]. Очевидно, что Фидон не мог иметь опоры в Сикионе во время правления Ортагоридов. Но необычная стабильность и популярность тирании в Сикионе часто объяснялась, и не без оснований, как обусловленная популярной антидорийской политикой. Во время второй Мессенской войны, которую Павсаний датирует 686-668 гг. до н. э.^[920], так что возвышение Ортагора совпадает с ее окончанием, сикионцы, по-видимому, действовали в тесном сотрудничестве с аргивянами^[921]. Положение и политика сицилийских тиранов становятся особенно понятными, если они пришли к власти как предводители расового восстания, положившего конец дорийскому господству в городе, которое восходит к временам Теменоса^[922] и было возрождено Фидоном^[923].

(ii) Коринф.

Входил ли Коринф в состав участка Теменоса, точно не известно. Вероятно, да. Страбон и Птолемей исключают этот город из Арголиды^[924]. Но, с другой стороны, Гомер говорит о нем как о находящемся "в углу коноводческого Аргоса"^[925], а Павсаний утверждает, что "район Коринфа является частью Арголиды"^[926], и что он считает, что так было в гомеровские времена^[927]. Противоречивые заявления этих замечательных авторитетов лучше всего согласовать, предположив, что они относятся к разным периодам. Если это так, и если, что вполне возможно, все владения гомеровского Аргоса перешли к его первому дорийскому владыке, то Коринф составлял часть удела Теменоса. Возможно, на теменидский Коринф намекает Аполлдор^[928], где Теменос, два сына Аристодема и Кресфонт, "завоевав Пелопоннес, установили три алтаря Зевсу Патросу, принесли на них жертвы и бросили жребий городам. Первый жребий выпал Аргосу, второй - Спарте, третий - Мессене".

Для связи между Фидоном и Коринфом у нас есть только история, рассказанная Плутархом и схолиастом Аполлонием Родином^[929], основными моментами которой являются: (а) Фидон пытается присоединить Коринф; (б) Вакхиады и Архиас - проаргивская партия; (в) падение Вакхиадов (которое привело к возвышению тирана Кипсела) означало уничтожение аргивского влияния.

Пока что эта история выглядит вполне логично и подтверждает мнение о том, что одновременное утверждение Кипсела в Коринфе и Ортагора в Сикионе могло быть отчасти причиной, а отчасти результатом падения Фидона и повторного распада партии Теменоса. Такое предположение хорошо согласуется с дружбой, существовавшей между коринфскими и сикионскими тиранами^[930].

Однако в такой интерпретации истории о Фидоне Архиасе есть хронологические трудности. В рассказе (i) падение Вакхидов приурочено к основанию Сиракуз, то есть, предположительно, должно быть датировано примерно 734 годом до н. э.^[931]; (ii) Фидон помещен на сайт за некоторое время до этого события, его современник Хаброн был дедом любимца Архиаса Актеона: мрамор Парий вводит Фидона раньше Архиаса.

В таком романтическом повествовании, как повествование об Архиасе и Актеоне, в последнюю очередь следует искать надежную и точную хронологию. Невозможные даты могут означать невозможные утверждения; с другой стороны, они могут означать просто

путаницу фактов, относящихся к разным датам, или, опять же, факты могут быть последовательными, а даты просто неверными.

В данном случае, за исключением относительной датировки Архиаса и Фидона, исторический фон вполне связный, если отнести события к началу седьмого века. Если принять дату 750 года для Фидона, то он оказывается прав по отношению к Архиасу, но остальная часть истории остается в воздухе. Действительно, всегда есть возможность предположить двойное изгнание Вакхидов. Но идея двойного изгнания, следы которого могут быть легко обнаружены дублирующей школой историков, вызывает заслуженное подозрение и, возможно, возникла из-за двойной датировки Фидона. Если изгнаний действительно было два, то история больше подходит ко второму.

Ни Плутарх, ни Схолиаст об Аполлонии не дают абсолютных дат, а те, что дает Парийский мрамор, невозможны. Мрамор датирует Фидона 895 годом до н. э., а Архия - 758 годом. Фидон также действительно считается современником афинянина, который, согласно Кастору, занимал пост царя с 864 по 846 год до н.э. С 846 по 758 год - это возможный, хотя и невероятно долгий промежуток между Фидоном и Архием, если, как рассказывает история, у последнего в фаворитах был внук одного из современников Фидона; но даже в этом случае датировка настолько неудовлетворительна, что последний редактор Парийского мрамора^[933] предложил переставить Архия и Фидона. Но, не считая других трудностей, полученная ранняя дата для Архиаса полностью противоречит доказательствам. Нет необходимости переносить его в девятый век только потому, что не исключено, что греки в этот период уже пробирались в Сицилию. Датировка Фидона уже была учтена, и, судя по всему, он взял Архея с собой на часть пути.

Датировка Архиаса в любом случае представляет собой проблему. Но несложно предложить возможную хронологию. Падение Фидона^[934] было, вероятно, быстрым (доказательство его высокомерия). Его взлет, вероятно, был медленным. Будучи наследственным монархом, он вполне мог править в течение пятидесяти лет, примерно с 715 по 665 год до н. э. Уже в начале своей карьеры он начал осуществлять свои планы в отношении Коринфа. Архиас, основавший Сиракузы в 734 году, оказал ему поддержку. Нам не сообщают никаких подробностей, но союзы периода второй Мессенской войны и морская борьба в Сароническом заливе должны были предоставить множество мотивов и побуждений. Управление Вакхидами под защитой аргивян продолжалось до падения Фидона, что означало и падение самих Вакхидов. Они отступили на крайний запад. Демарат проник вплоть до Тарквиний. Большое их число, несомненно, осело в Сиракузах. Только что изложенный порядок событий полностью совпадает с дошедшими до нас повествованиями, за исключением одного вопроса о Сиракузах, и здесь расхождения очень понятны. Основатель Сиракуз поддерживал Фидона. Падение Фидона привело к большому притоку проаргивских коринфян в Сиракузы и отбросило Архия полностью в его сицилийскую колонию. Если все так и было на самом деле, то неудивительно, что падение Фидона стало считаться причиной основания Сиракуз.

Фидон Коринфский: идентичен ли он Аргиву?

Однако главное сомнение в исторической достоверности вмешательства аргивского тирана в дела Коринфа вызывают некоторые упоминания о коринфском Фидоне, описанном Аристотелем как "один из самых ранних законоучителей"^[935]. "Когда в коринфской истории фигурирует аргивянин Фидон, не является ли это ошибкой, вызванной смешением двух отдельных личностей? Если их было два, то они, несомненно, были спутаны. Схолиаст Пиндара говорит, что "некий Фидон, житель Коринфа, изобрел меры и веса"^[936]."

Но есть и альтернативная возможность. Коринфский Фидон может быть лишь одним из аспектов аргивянина: на это намекает схолиаст Пиндара далее в той же оде, где он говорит, что "Фидон, который первым выбил для коринфян их меры (κόψας τὸ μέτρον), был аргивянином^[937] ." Не следует придавать слишком большое значение таким весьма путаным заявлениям^[938] . В лучшем случае они могут лишь подтвердить другие и лучшие свидетельства. Однако в них нет недостатка. Когда Каранос, родственник Фидона, отправился в Македонию и занял Эдессу и земли аргеадов^[939] , Вакхиады из Коринфа поселились неподалеку среди линкестаев^[940] .

Законодатель, который был "одним из самых ранних", мог появиться в Коринфе только до установления тирании в 657 г. до н. э. С другой стороны, законодатели, похоже, были в основном явлением седьмого века в Греции, и наиболее естественное время для назначения одного из них в Коринфе - когда вакхическая знать теряла свое господство, процесс, который можно представить себе как начавшийся в начале седьмого века или в конце восьмого. Плутарх описывает замыслы Фидона в отношении Коринфа как сформировавшиеся в начале его карьеры. Все указывает на то, что правление аргивского тирана было долгим. Нет ничего невероятного в предположении, что соперничающие группировки в Коринфе пригласили в качестве своего законодателя молодого государя с необычными способностями, который управлял городом с большими традициями, но в то время не особенно могущественным^[941] . Я уже предположил, как развивались события в Коринфе после того, как Фидон закрепился в городе. Остается привести один отрывок, который делает еще более вероятным как то, что коринфским законодателем был аргивский тиран, так и то, что события в Коринфе развивались примерно так, как я предположил. Согласно Николаю Дамасскому^[942] , Фидон из дружбы пришел на помощь коринфянам во время гражданской войны: на него напали его сторонники, и он был убит^[943] . Тесная связь с самого начала его карьеры с великим торговым и производственным городом на Перешейке объясняет коммерческую и финансовую изобретательность, которая была отличительной чертой этого царственного тирана^[944] .

Глава VII. Коринф

ἡ μὲν δὴ πόλις ἡ τῶν Κορινθίων μεγάλη τε καὶ πλουσία διὰ παντὸς ὑπῆρξεν, ἀνδράν τε ἡπόρησεν ἀγαθῶν εἰς τε τὰ πολιτικά καὶ εἰς τὰς τέχνας τὰς δημιουργικάς. Strabo VIII. 382.

Развитие торгового и морского дела в Коринфе, цитируемое Фукидидом для иллюстрации условий, которые привели к возникновению тираний.

В отрывке Фукидида^[945] , в котором он связывает возникновение тирании с приобретением богатства, упоминается еще одно событие, характерное для той эпохи. "Греция стала снаряжать флоты и больше выходить в море".

Если взгляды, высказанные в последней главе, не совсем ошибочны, то в Греции Пропер самые ранние фазы всех этих событий, в политике, в промышленности, в торговле на суше и на море, следует связывать с Фидоном Аргосским. Но, с другой стороны, Фейдон был человеком, родившимся раньше своего времени и не совсем в правильном месте.

Городом, отмеченным своим положением^[946] для наиболее полного развития новых тенденций, был Коринф, и именно из Коринфа Фукидид черпает свои иллюстрации, упоминая в связи с этим кораблестроение коринфских Амейноклов около 704 года до н.э.до

н. э. и морское сражение между Коринфом и Корсирой около 664 года до н. э.^[947] Он ничего не говорит о коринфских тиранах, но описание ситуации в Коринфе - это просто пересказ общей ситуации, которая приводит к тираниям^[948]. Коринф выбран для примера нормального хода вещей в греческом городе седьмого века, и можно считать, что Фукидид рассматривает тиранию в Коринфе как результат меркантильных и морских событий, описанных в только что процитированном отрывке.

Вот только каково было личное отношение тиранов к новым событиям?

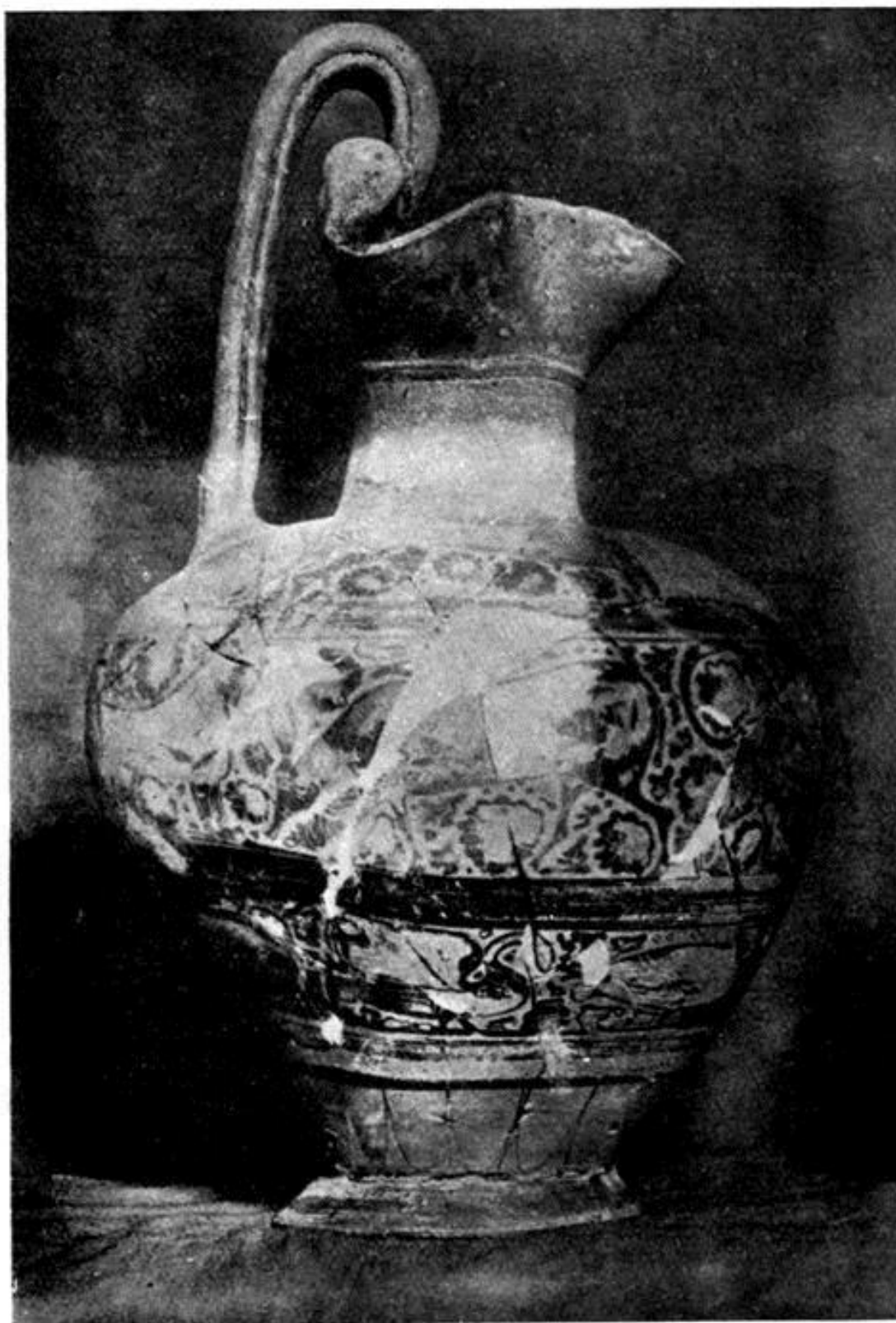

Рис. 22. Коринфская ваза, найденная в Коринфе.

Рис. 23. Коринфская терракотовая табличка с изображением гончара за кругом.

Рис. 24. Коринфская терракотовая табличка с изображением внутренней части печи.

Коринф седьмого века также был крупным промышленным центром, особенно в области гончарного производства.

Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, можно сделать одно важное дополнение к картине Фукидида о положении дел в городе, когда возникла тирания. Коринф занимался не только торговлей и судоходством. Он также был крупным промышленным центром. В главе об Аргосе были приведены основания считать, что тиран Фидон процветал как раз в то

время, когда керамика стиля, называемого за неимением лучшего названия протокоринфским, пользовалась большой популярностью в значительной части греческого мира, что большая часть этой посуды, по крайней мере, производилась во владениях Фидона и что Фидон принимал политические меры, чтобы подавить или покарать конкурирующие центры. К середине седьмого века протокоринфская посуда была вытеснена новым стилем, который с полным основанием был назван коринфским^[949]. Этот новый стиль стал настолько популярным, что изобретение гончарного круга было приписано коринфскому^[950]. Коринфские вазы этого периода демонстрируют один из самых декоративных и самобытных стилей керамики, который когда-либо был изобретен. Стиль декора несколько напоминает восточные ковры, и уже давно было высказано правдоподобное предположение, что именно восточные ковры или гобелены послужили образцами для художников коринфских ваз^[951]. Два кувшина в этом стиле, один из самого Коринфа^[952], другой из Корнето (Тарквинии), показаны на рис. 22 и 34. В Коринфе были найдены votive tablets VI века до н. э., на которых изображены различные этапы изготовления. Две из них воспроизводятся здесь (рис. 23, 24). Эта очень своеобразная керамика проделала путь через большую часть греческого мира^[953]. Она была найдена в больших количествах по всей Сицилии, Южной Италии и Этрурии, во многих частях собственно Греции и во многих местах дальше на восток^[954].

Кипсел становится тираном в самый разгар этих событий.

Кипсел стал тираном в 657 г. до н. э., в период расцвета коринфской промышленности, торговли и судоходства. Бусольт^[955] заметил, что 657 год - это также год завоевания Сард киммерийцами. Беспорядки в Малой Азии могли усилить значение западной торговли, в которой Коринф был особенно заинтересован^[956]. Возможно, они устранили, по крайней мере на время, очень сильного коммерческого конкурента, поскольку Коринф и Лидия, похоже, занимались во многом одними и теми же отраслями, а именно ткачеством, крашением, металлургией, разведением лошадей и изготовлением мазей, помимо гончарного дела, что вряд ли могло быть случайным^[957], и указывает на то, что Коринф находился под влиянием Лидии. Как до, так и после киммерийского нашествия Лидия и Коринф, по-видимому, были в прекрасных отношениях^[958]: но это не мешало коринфским купцам стать более процветающими благодаря бедам Лидии^[959].

Кипсел и начало коринфской чеканки монет.

Вопрос о том, связано ли возвышение Кипсела с началом чеканки коринфских монет, является предметом спора. Бузольт^[960] датирует самые ранние выпуски примерно на полвека позже установления тирании. Хед^[961], с другой стороны, считает, что чеканка монет и тирания начинаются примерно вместе, и его поддерживает Перси Гарднер^[962], который датирует самые ранние монеты Коринфа началом седьмого века, но после 665 года до н.э.

Рис. 25. Монеты Коринфа.

Если, как кажется вероятным, английские нумизматы ближе к истине, чем немецкие, то первые выпуски "жеребят", как в народе называли монеты из-за крылатого коня, который на них изображался, могли сыграть свою роль в помощи Кипселу в тирании. Следы лидийского влияния подтверждают эту точку зрения. Но с другой стороны, Коринф, чья торговля велась преимущественно с западом, возможно, как и его колония Корсира, почувствовал необходимость в чеканке монет лишь сравнительно поздно. Когда основные факты столь туманны, а конкретные сведения полностью отсутствуют, не имеет смысла строить догадки.

За доказательствами личного отношения Кипсела к коммерческим событиям его эпохи мы должны обратиться к другим источникам. Некоторые современные авторы уже отчаялись восстановить какую-либо картину личной истории правителя, которого наши лучшие авторитеты описывают как мягко правившего^[963] и с кровожадной суровостью^[964]. |Его личное отношение, когда он был тираном, к коммерческим достижениям его эпохи.| Это отношение совершенно излишне. Оба высказывания сами по себе вполне заслуживают доверия как современные рассказы об одном и том же режиме с разных точек зрения. Тем не менее, сами по себе они не ведут нас очень далеко. К счастью, мы лучше информированы в других направлениях.

Из коринфских колоний в Западной Греции, через которые пролегал торговый путь в Сицилию, Италию и на самый дальний Запад, Леукас, Амбракия и Анакторион были основаны Кипселом^[965]. Леукас был превращен им из полуострова в остров для большего удобства навигации^[966].

Говорят, что Кипсел облагал своих подданных высокими налогами. Это утверждение взято из псевдоаристотелевской "Экономики"^[967], работы, не имеющей большого авторитета для нашего раннего периода. Суидас связывает налог^[968] с посвящением колосса из битого золота, который, по словам Дидима, был сделан Периандром (а не Кипселем) "для того, чтобы сдержать коринфян в их роскоши и высокомерии". Теофраст, как утверждает и Суидас, называл статую колоссом не Кипсела, а сыновей Кипсела (Κιψελίδων). Поэтому к утверждению Оесопотиса следует относиться с осторожностью. Но в рассказе о тяжелом налогообложении Кипсела говорится также, что тиран заставлял своих подданных работать, процветать и быть способными платить налоги^[969].

Личные отношения его сына Периандра к этим же событиям.

Какой бы ни была правда о колоссе, факт остается фактом: слава Кипсела была в значительной степени затмлена славой его сына и преемника Периандра, которого некоторые авторы называют одним из семи мудрецов ранней Греции^[970]. Это прискорбно, когда мы ищем истоки, поскольку Периандр, как говорят, изменил характер суверенитета^[971]. Даже если авторитеты, сделавшие это заявление, не особенно хороши, все же его следует считать отчасти правдивым. Сын, рожденный в пурпуре, никогда не сможет в точности повторить положение отца, основавшего дом. Однако, к счастью, нам рассказали о характере перемен, произошедших с Периандром. Он считал себя воином и стремился сделать Коринф великой военной державой, в то время как Кипсел был человеком мира и проводил миролюбивую политику^[972]. Поэтому, поскольку политика Периандра не была прямо или косвенно военной, нет необходимости предполагать разрыв с политикой его отца.

Он поддерживал и расширял колониальную империю города^[973]. Что касается коринфской торговли при Периандре, нам говорят, что все его государственные доходы были получены от ее налогообложения^[974]: но все показывает, что он не следовал за Вакхиадами и не облагал ее безжалостными налогами. Скорее, он стремился увеличить свои доходы за счет развития торговли. Коринфское судоходство, с которым была неразрывно связана торговля города, несомненно, во многом обязано ему. "Он построил триремы и бороздил оба моря"^[975]. Последнее утверждение, по-видимому, призвано противопоставить Периандра его отцу, чья деятельность протекала в основном на западе. С другой стороны, Периандр действует в тесном сотрудничестве с тираном Милета Фрасибулом^[976]. Его подозревали в работорговле с Лидией^[977], и он выступал в качестве арбитра между этим государством и Милетом^[978]. У него был племянник, носивший имя египетского царя^[979]. Говорят, что для того, чтобы лучше "бороздить оба моря", он хотел пробить канал через Коринфский перешеек^[980]. И здесь он пошел по стопам своего отца, который "велел" Леукасу.

Поэтому интересно обратить внимание на акцент, сделанный на богатстве Периандра^[981], и вспомнить социальное законодательство, приписываемое ему Николаем Дамаскиным, согласно которому тиран "запрещал гражданам приобретать рабов и жить в праздности и постоянно находил им какое-нибудь занятие"^[982]. "Гераклид^[983] и Диоген Лаэртский (цитируя Эфора и Аристотеля)^[984] утверждают, что он не позволял жить в городе всем и каждому. Их утверждение можно интерпретировать по-разному. Оно может означать, что Периандр стремился контролировать рабочую силу в городе или не позволять сельскому населению покидать землю ради более привлекательной жизни в большом промышленном центре.

Короче говоря, от начала до конца видно, что тирания в Коринфе принимает активное участие в руководстве промышленной, торговой и морской деятельностью города^[985]. Однако именно этого можно было ожидать от любого способного правительства того периода, и никто никогда не сомневался в способностях Кипселидов. Предыдущее

правительство, принадлежавшее аристократии Вакхидов, "безнаказанно эксплуатировало рынок^[986]", и очень возможно, что эта недалёковидная политика ускорила и помогла их падению^[987].

До того, как стать тираном, Кипсел, вероятно, был полемархом,

Но как именно они были свергнуты? Какова была карьера Кипсела до того, как он получил тиранию?

Согласно Николаю Дамаскину, который во многом опирался на Эфора IV века^[988], Лабда, мать Кипсела, принадлежала к вакхической аристократии, но из-за личного уродства^[989] вышла замуж за человека ниже себя. Ее муж, Этион, по разным данным, происходил от доэллинических лапитов из Фессалии^[990] и от не дорийского рода из Гонусы над Сикионом^[991]. В любом случае, как отмечают Хау и Уэллс^[992], Этион принадлежал к дорийскому "эолийскому" населению Коринфа^[993]. Аристократия Вакхиад была чрезвычайно эксклюзивной. Ее члены заключали браки только между собой. Поэтому официальные оракулы пророчили зло от этого союза, а когда от него родился сын, правительство послало агентов, чтобы уничтожить ребенка. Но младенец растопил сердца своих потенциальных убийц, и вместо того, чтобы убить его, они вернулись и сообщили, что сделали это. Родители отправили младенца в Олимпию, где он воспитывался сначала там, а затем в Клеоне. Воодушевленный дельфийским оракулом, Кипсел вернулся в Коринф, стал очень популярен, был избран полемархом и еще более популярен тем, что отказывался заключать граждан в тюрьму и во всех случаях отменял свою часть штрафов. В конце концов он возглавил восстание против непопулярных Вакхидов, убил Патроклида, который в то время был царем, и стал вместо него. Он правил мягко, не держа телохранителей и не теряя благосклонности народа^[994].

Таков рассказ Николая Дамасского. Для большей его части у нас нет более ранних авторитетов. Но мы снова должны быть начеку, чтобы не поддаваться поспешному скептицизму. Эфор, который, по общему мнению, является источником этого рассказа, был не дальше от Кипсела, чем нынешний век от Кромвеля. Кипсел был самым выдающимся человеком своей эпохи во всей Греции. Мы должны очень скептически относиться к таким скептикам, как Бузольт^[995], который утверждает, что Кипсел не мог быть полемархом до того, как стал тираном, потому что если бы его происхождение не было известно, он не имел бы права, а если бы оно было известно, он не был бы избран^[996]. Как отмечал много лет назад Вилиш^[997], подобные аргументы опасны, когда применяются к временам, о которых известно так мало. Аристократия, павшая в 657 году до н. э., могла начать расшатываться несколько раньше. Учитывая необходимые пробелы в наших знаниях, аргументация Бузольта может быть с равным успехом использована для дискредитации принятой традиции о Викторианской эпохе в Англии на том основании, что она содержит крайне невероятное утверждение о том, что лидером аристократической партии был итальянский еврей.

Эфор, по-видимому, использовался Аристотелем^[998]. Было бы опрометчиво следовать за Бузольтом^[999] и соглашаться с тем, что такой источник еще может оказаться бесполезным. К Аристотелю нельзя относиться подобным образом. Весь характер его работ заставляет нас исходить из предположения, что он имел некоторое представление о разнице между мифом и исторической традицией. Мы всегда знаем причины, по которым современные ученые иногда склонны дискредитировать его. Мы не всегда знаем причины, побудившие Аристотеля принять в качестве фактов то, что он так принимает. Мы знаем только то, что материал, на котором он основывал свои утверждения, был гораздо более обширным, чем тот, который сейчас находится в нашем распоряжении. Даже для такого сравнительно далекого от него периода, как седьмой век до н. э., Аристотель должен был собрать

множество свидетельств того или иного рода, подтверждающих как его сомнения, так и его убеждения^[1000].

Для Коринфа VIII века Аристотель и его современники, вероятно,^[1001] располагали поэмами коринфянина Эвмелоса, ποιητὴς ἱστορικός^[1002], который процветал около 750 года до н. э. и написал среди прочих произведений эпос под названием Κορινθιακά. Ему также приписывается прозаическая история Коринфа (Κορινθία συγγραφή). Павсаний^[1003] не без оснований сомневается в этом приписывании, но, тем не менее, это мог быть документ определенной ценности и древности. То же самое можно сказать и о "дидактической поэме в две тысячи строк", которую Диоген Лаэртский приписывает самому Периандру^[1004]. Мы учимся принимать наши древние записи за чистую монету, как это делали наши деды в девятнадцатом веке. Классические историки, используя это слово в самом широком смысле, все еще страдают от реакции против доктрины словесного вдохновения.

Историю о младенце Кипселе Плутарх^[1005] вкладывает в уста некоего "поэта Херсиаса", который во время пира, устроенного Периандром, "упомянул других, чьи жизни были спасены, когда они отчаялись, и в частности Кипсела, отца Периандра". Один из скептиков^[1006] недавно принял этого Херсиаса за исторического и вообразил, что Плутарх использует здесь свою поэму, которую он объясняет как вымысел, придуманный, чтобы придать видимость законности Кипселидам. Объяснение совершенно беспричинно. Правда, Диоген Лаэртский^[1007] говорит о Периандре как о "представителе рода Гераклидов". Но Херсиас у Плутарха не упоминает даже родителей Кипсела, не говоря уже о его отдаленных предках, и нет никаких доказательств, что он имел их в виду^[1008]. Сама поэма - сомнительная вещь. Единственный вывод, который можно сделать из слов Плутарха, заключается в том, что его читателям стихотворение (если предположить его существование), вероятно, показалось соответствующим сцене. Однако следует напомнить, что даже у Плутарха было гораздо больше литературного материала для этого раннего периода, чем у современников.

Поэтому в целом самым безопасным отношением к повествованию Николая будет благожелательный агностицизм. Несомненно, он был склонен рационализировать полумифические или полностью мифические истории. Не исключено, что он в какой-то степени делал это в своем рассказе о младенце Кипселе, с которым мы можем сравнить версию Геродота. Но когда он делает простое заявление об общеизвестном факте, как, например, о том, что Кипсел был полемархом, прежде чем стал тираном, самый благоразумный и самый критический курс - принять его как вероятно правдивый^[1009]. Причину, по которой запись об этом факте была сохранена, искать далеко не надо. Историки IV века ухватились за это имя как за доказательство того, что Кипсел был на самом деле и по имени правителем того же порядка, что и Дионисий, который начал свою карьеру как военный демагог. [Но это не доказательство военной власти. Кипсел не мог быть военным деспотом.] Но контекст показывает, что полемарх в данном случае не был военным офицером^[1010], и мы знаем, что Кипсел не был воинственным человеком, так как запись о том, как Периандр изменил характер правления, говорит о том, что он *стал*^[1011] воинственным. И, как давно заметил Шубринг^[1012], если пребывание в полемархии является историческим, то все же оно не было средством, с помощью которого Кипсел достиг тирании, а скорее, как убийство вакхиада Патроклида, знаком и признаком того, что он уже был в состоянии овладеть ею. [На чем же основывалась его власть? Единственное возможное доказательство можно найти в рассказе] Николаус, таким образом, мало приближает нас к пониманию основ власти будущего тирана. Единственная надежда на это - Геродот, который рассказывает историю младенца Кипсела с некоторыми деталями, опущенными Николаем,

но, вероятно, содержащими суть истории. Согласно Геродоту^[1013], Кипселус был ребенком из кипсела, в котором еще младенцем его мать спрятала его от потенциальных убийц. [Если верить Плутарху, то история о кипселе еще в его времена могла восходить к временам Периандра^[1014]. Легко заметить^[1015], что мы имеем дело с широко распространенной историей, различные версии которой были приписаны таким разным именам, как Саргон Аккадский (ок. 3800 г. до н. э.^[1016]), Моисей, Ромул и Кир^[1017]. Но даже если мы признаем общее происхождение всех этих историй, мы не очень-то продвинулись дальше. Нам еще предстоит определить, почему и как Кипселус занял свое место в этом ряду. [Что такое кипсель? Вопреки мнению некоторых древних и современных авторитетов, это не ковчег и не деревянный сундук.] Но не следует слишком поспешно предполагать, что кипсель Кипсела имеет хоть какое-то отношение к ковчегу, который дочь фараона нашла на берегу Нила^[1018] или к "алуэю", обнаруженному пастухом Фаустулом на берегу Тибра. В обоих случаях^[1019] судно могло плавать и было обнаружено на берегу реки. Кипселус не был обнаружен. В этом и заключается вся суть истории. Он не был выброшен в реку или море, как Ромул или Персей. И более чем сомнительно, что кипсель имеет какое-либо отношение к алуэю или ковчегу. Правда, наши античные авторитеты их более или менее отождествляют. Павсаний^[1020], написавший свой путеводитель по Греции во втором веке нашей эры, утверждал, что видел в Олимпии тот самый кипсель, в котором был спрятан Кипсел и от которого, как говорят, он получил свое имя. Это был сундук (λάβραξ) из дерева и слоновой кости, искусно украшенный резьбой. Описание не оставляет сомнений в том, что он был архаичной коринфской работы времен тиранов или не намного позже^[1021]. Но крайне сомнительно, что этот резной ящик был кипселом или имел какое-то первоначальное отношение к истории кипсела. Платон^[1022], Аристотель^[1023], Плутарх^[1024] упоминают о посвящениях дома Кипсела, не упоминая об этом предмете. Геродот ничего не говорит о том, что кипсела была посвящена. Для Страбона^[1025] главным посвящением Кипсела был "Зевс с золотым молотом". Дио Хризостом^[1026] (около 100 г. н.э.) упоминает то, что Павсаний называет кипселом Кипсела, но описывает его просто как "деревянный ящик (ξύλινη κιβωτός), посвященный Кипселом". Из слов самого Павсания ясно, что этот предмет отнюдь не был тем, что греки его времени понимали под кипселом. Его заявление^[1027] о том, что древние коринфяне называли сундук кипселей, вызывает подозрение, что никто больше так не делал. Возможно, это лишь умозаключение, сделанное путешественником на основании того, что именно этот сундук так называли гиды в Олимпии^[1028].

Значения слова "кипсель", которые давали древние.

Олимпийский ларнакс совершенно не соответствует картине кипсела, предложенной древними заметками на эту тему, которые, помимо света, который они, возможно, бросают на Кипсела, заслуживают более детального изучения, чем они до сих пор^[1029].

Древние давали следующие значения этого слова:

- (1) Сосуд для вина^[1030],
- (2) Сосуд для приема пшеницы или ячменя^[1031],
- (3) Часть печи^[1032],
- (4) Улей^[1033],
- (5) Сосуды для сладких приправ^[1034], или сосуды для таких сосудов^[1035],
- (6) Отверстие уха^[1036],

(7) Воск в ушах^[1037] .

Ср. монеты Кипселы.

Это литературное свидетельство может быть дополнено нумизматическим источником. На некоторых монетах фракийской Кипселы IV века до н. э.^[1038] изображен более или менее цилиндрический сосуд с двумя небольшими вертикальными ручками^[1039] . Похожий сосуд, опирающийся на то, что, вероятно, является зерном кукурузы, изображен на других монетах того же века и из того же района^[1040] . Этот сосуд с большой долей вероятности может быть идентифицирован как кипсель.

Рис. 26. Монеты Кипсела.

Выводы относительно размера, формы и материала.

На первый взгляд, различные употребления этого слова кажутся довольно разнородными, особенно если включить в них (6) и (7). Но (6) и (7) не обязательно приводить. Это поздние употребления, образованные от (4)^[1041] . Значение (5), вероятно, следует исключить на тех же основаниях. Таким образом, остаются значения (1) - (4), все они - сосуды большого размера, что подразумевается в легенде о Кипселе и подтверждается античными лексикографами^[1042] .

Для материала о кипселах в значениях (1) - (5) единственное письменное свидетельство содержится в (i) schol. Aristoph. Pax 631, где говорится, что "кипселы были не только тканые

(πλεκταί), но и гончарные (κεραμεαῖ)", (ii) схолии к Лукиану, Lexiphanes, 1, где кипсела объясняется как (a) "узкогорлый неказистый сосуд из керамики", (b) глиняный сосуд, (c) [addit. C] "название также дается своего рода плетенному сосуду", (iii) Гесихий, который объясняет кипселу как плетеный улей.

Эти утверждения вполне соответствуют перечню применений. Что касается двух упомянутых материалов, то в схолиасте Аристофана создается впечатление, что в обиходе были плетеные изделия или корзины. Но в схолиасте Лукиана плетеные изделия - это лишь послесловие, добавленное более поздней рукой. Лукианский схолиаст, вероятно, более корректен. Керамика - естественный материал для всех видов кипселей. Кипселы (1) и (3) никогда не могли быть плетеными, а для (5) это самый маловероятный материал, хотя мы слишком мало знаем о древних сосудах для специй, чтобы говорить с уверенностью. Для (2) он вполне подходит, но кипселы с фракийских монет, на которых эмблема кукурузного зерна показывает, что они, вероятно, были кукурузными кувшинами, указывают в другую сторону. Их форма подходит для терракоты или металла, но не для плетеных изделий. Вероятное использование практически исключает металл^[1043]. (4) - это, согласно Гесихию, "плетеный улей", *то есть* улей из прутьев, и это утверждение принимает М. Потье^[1044]. Несомненно, это было правдой в то время, когда оно было сделано. Но так ли уж точно, что самые ранние кипсельские ульи были плетеными? Первое упоминание об ульях содержится в "Одиссее", где описываются каменные ульи в форме ваз (κρητῆρες и ἀμφιφοῖτες)^[1045]. Эти гомеровские ульи, должно быть, были либо прототипами, либо прославлениями ульев из глиняной посуды^[1046], и заманчиво классифицировать эти последние с кипселой, особенно в свете кипселы на фракийских монетах, которая имеет форму чаши для смешивания, за исключением того, что ручки относятся к типу, более часто встречающемуся на амфоре. Эти монеты относятся к первой половине четвертого века. Все наши литературные источники гораздо более поздние. Большинство из них упоминают глиняные ульи только для того, чтобы осудить их^[1047]. Предположительно, они вышли из моды. О плетеных ульях^[1048], напротив, говорится без осуждения. Поэтому, когда они определяют кипсельный улей как плетеный, они практически имеют в виду круглый или вазообразный улей, подобный "маленькой кастрюльке, в которой пчела перегоняет свой сладкий поток" Антифила^[1049], в отличие от прямоугольной формы, которая также была в большом употреблении^[1050].

Это при условии, что кипселы никогда не были прямоугольными, но предположение кажется достаточно надежным. Ни плетение, ни керамика не приспособиваются к прямоугольным формам. Сосуды для вина обычно не бывают квадратными. Кипсела монет не прямоугольная.

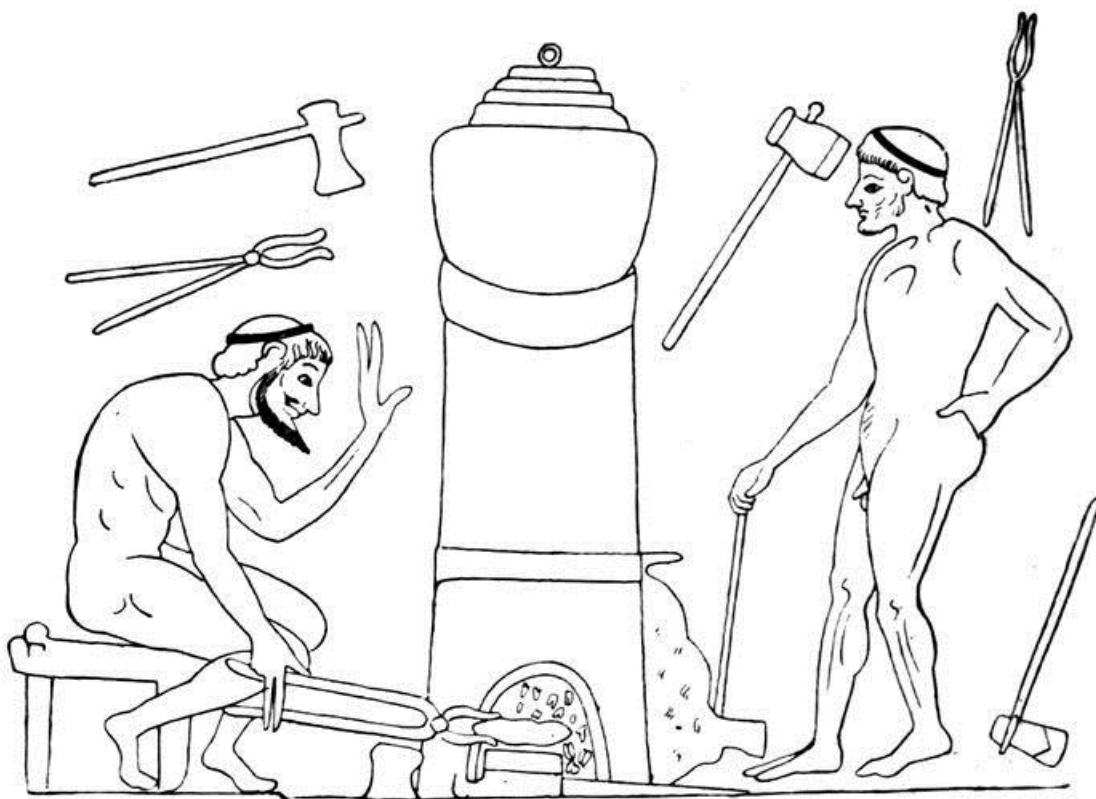

Рис. 27. Аттическая вазовая роспись, возможно, изображающая кипсель.

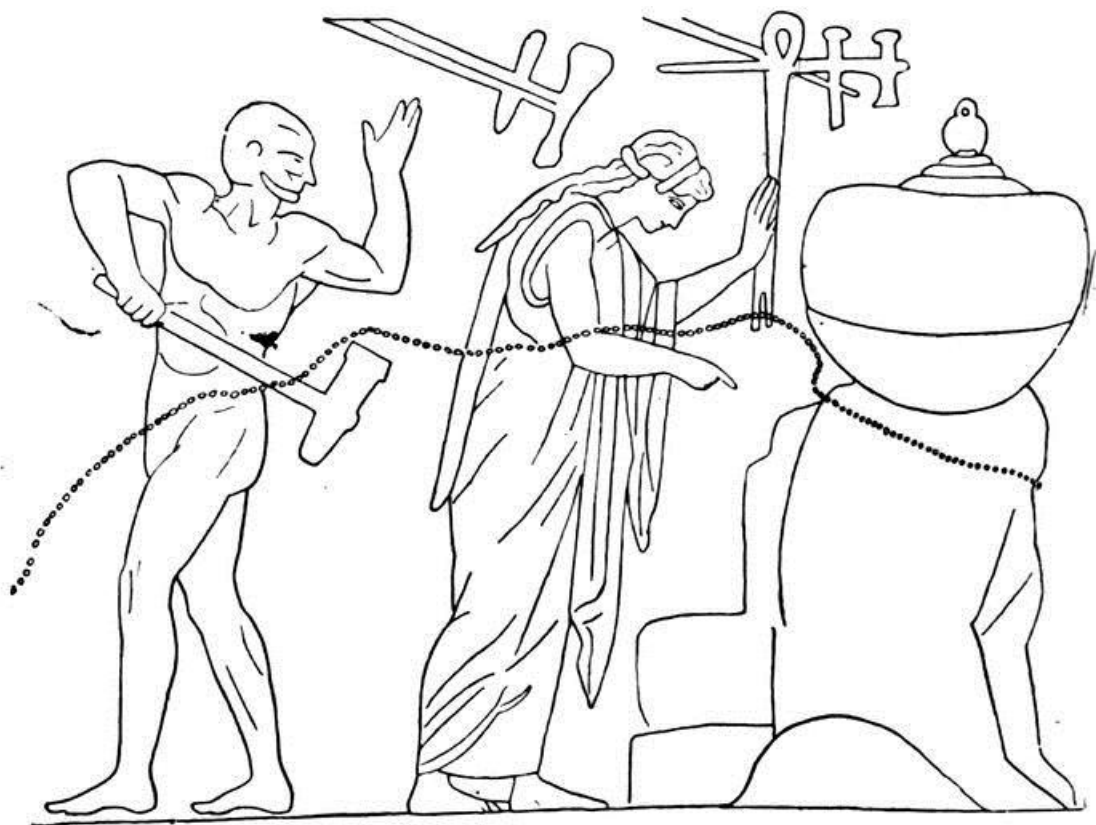

Рис. 28. Аттическая вазовая роспись, возможно, изображающая кипсель.

Остается "некая часть печи", о которой упоминает Гесихий. Что бы это ни было, очень маловероятно, что была прямоугольной по той простой причине, что древнегреческие печи, судя по сохранившимся изображениям, не имели прямоугольных частей, которые можно

было бы так определить. Изображения древнегреческих печей многочисленны, и удивительно, что ни на одном из них не было предпринято попытки обнаружить кипсель, поскольку не исключено, что на некоторых из них он действительно изображен, и в таком случае они показывают нам самую раннюю форму предмета, о которой у нас есть точные сведения.

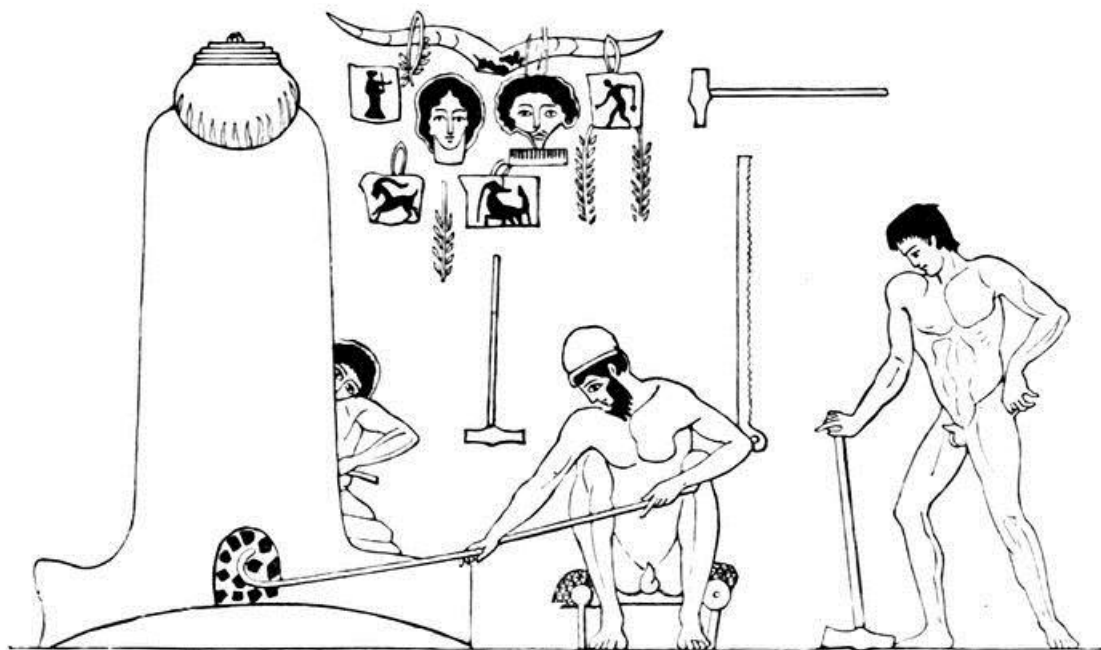

Рис. 29. Аттическая вазовая роспись, возможно, изображающая кипселу.

Вероятные изображения кипсела на аттических вазах VI века, изображающие его в виде большой терракотовой вазы.

В "Словаре древностей" Саглио, s.v. Fer, figs. 2964, 2965, (здесь рис. 27, 28), воспроизведены изображения с двух черных фигурных vaz, на которых изображены печи, используемые, по всей вероятности, для обработки железа^[1051]. На вершине одной из печей изображено то, что де Лонэ описывает как "своего рода вазу, без сомнения, из куска земли"^[1052]. Похожая ваза изображена там же, в разделе Caelatura, рис. 937^[1053] (здесь рис. 29) на вершине того, что, судя по контексту, является печью бронзолитейного завода^[1054]. Последнее изображение находится на ранней красной фигурной вазе^[1055]. Во всех трех случаях "разновидность вазы" очень велика, что видно из сравнения ее размеров с человеческими фигурами на картинке. Короче говоря, и по размеру, и по форме, и по использованию, и, возможно, по материалу она соответствует письменным описаниям одной из разновидностей кипсела. А вот с чем она не так хорошо согласуется, так это с вазой, изображенной на монетах Кипсела, которая имеет высокую цилиндрическую форму и две вертикальные ручки. К счастью, между этими двумя формами есть связующее звено. В Берлинском музее хранится настоящая плита из терракоты, найденная в море у Ясоса (побережье Малой Азии)^[1056]. Она имеет высоту около -50 м и достаточно распространенный тип^[1057], хотя редко удается найти такую хорошо сохранившуюся^[1058]. Однако важность иасосскому примеру придает найденная вместе с ним ваза -13 м высотой и -192 диаметром, из той же темно-коричневой слюдяной глины, что и сама плита, которая так хорошо прилегает к ней, что, несомненно, являлась частью целого изделия^[1059]. Здесь мы имеем вазу значительного размера, которая по форме напоминает вазы на монетах Кипсела, но своими выпуклыми боками отклоняется от них в сторону предполагаемых нами кипселей вазовой живописи. По положению и использованию в качестве сосуда для нагреваемого материала

она соответствует последним. Хотя он сравнительно большой, остается сомнительным, достаточно ли он велик, чтобы быть кипселей. Но в любом случае он помогает связать вазы с монет Кипсела с "частью печи" на вазовых картинах и сделать вероятным, что последняя была сделана из керамики и что обе они справедливо идентифицируются как кипсели. Предметы на вазовых картинах отличаются от всех других наших гипотетических кипселей тем, что у них нет ручек; даже пчелиный улей-кипель был связан с кратерами и амфорами, которые обычно имеют две ручки. Но название вазы так же часто определяется ее использованием, как и формой, и с точки зрения использования иасосская ваза, вероятно, должна быть классифицирована с вазой, изображенной на греческом погребальном рельефе (рис. 31)^[1060]. Здесь мы имеем предмет, очень похожий по форме на наши предполагаемые кипсели из вазовых росписей, покоящийся на том, что Дюмон^[1061] назвал решетом. О его размерах можно судить, сравнив его с человеческой головой с того же рельефа. Нет никаких *априорных* причин, по которым древний кипсель, подобно современному стакану, бутылке, чашке или кружке, не должен отличаться большим разнообразием ручек и вообще форм. Собранные факты свидетельствуют о том, что так оно и было на самом деле, и это становится еще более вероятным, если вспомнить, что мы имеем дело с периодом в несколько столетий. Монеты Кипсела датируются только четвертым веком. Переносные печи иасосского типа относятся к более позднему времени^[1062]. Погребальный рельеф с вазой и решетом Дюмон датирует первым веком нашей эры^[1063].

Рис. 30. Ваза на плите, найденная в Иасосе.

Рис. 31. Рельеф, возможно, изображающий небольшой кипсель.

С другой стороны, вазы с изображением кипсела, являющегося частью печи^[1064], относятся к пятому или шестому веку до нашей эры и, таким образом, приближают нас к самому Кипселу^[1065]. Кипсель такого описания был бы восхитительным укрытием для ребенка, если бы он был, с технической точки зрения, хорошим ребенком, не склонным к плачу^[1066]. В конце концов, как мы уже видели, победила коробочная версия истории: но с греческой точки зрения не было ничего невозможного в версии, которая прятала ребенка в глиняном кувшине. Эврисфей^[1067] искал спасения от Геракла в πίθος или кувшине. В седьмом и шестом веках младенцев обычно хоронили в больших терракотовых вазах, не похожих на те, которые мы здесь рассматриваем. В V веке Аристофан изображает мнимого ребенка, внесенного в дом в глиняном горшке^[1068].

Короче говоря, все указывает на то, что кипсель Кипсела был большим глиняным сосудом. Может быть, Геродот все же прав, когда говорит, что тиран получил свое имя от кипсела? История о попытке убийства и десяти плохих людях может быть старше Кипсела. Но если это так, то мы должны объяснить, как она оказалась связанной с коринфским тираном. [Был ли Кипселус (ребенок из кипсела) гончаром, получившим свое имя по роду занятий?] Не может ли быть, что оно было дано ему как ἐκ τῶν κιψελῶν (подобно тому, как позднее о демагоге Гиперболе, который провел свои ранние дни на фабрике ламп, говорили как о человеке из ламп, οὐκ τῶν λύχνων^[1069]) или, другими словами, чтобы обозначить его связь с коринфскими гончарными заводами, которые в этот период снабжали большую часть цивилизованного мира?

Доказательства правдоподобности этого предположения. (i) Такие имена действительно встречаются, особенно среди гончаров.

Гипербола не единственная аналогия для этого предположения и даже не самая близкая. В главе о Риме^[1070], прослеживая источник власти Тарквинов, мы будем иметь случай рассмотреть историю коринфских гончаров Эвхеира и Эвграммуса, которые жили как раз в этот период и чьи имена, означающие "искусный в работе руками" и "искусный в живописи", явно вытекают из их занятий^[1071].

Возможно, Кипселус принял или унаследовал от основателя фирмы кипсель в качестве своего значка или эмблемы, и это могло послужить непосредственным источником его имени. Эти личные или семейные значки или гербы были широко распространены в Древней Греции. Среди множества найденных на гераклеийских таблицах^[1072] κίβωτιον (ящик) встречается три раза. κίβωτιον - это не кипсель, но это похожий предмет, и он показывает, что кипсель мог использоваться подобным образом. Как правило, эмблемы кажутся совершенно произвольными и не связанными с именем или родом занятий их носителя. Но слово κίβωτος (в оригинальной недиминутивной форме) стало прозвищем Апамеи во Фригии из-за того, что в этом крупном центре торговли производилось так много упаковки^[1073].

(ii) Агатокл, тиран Сиракуз, как говорят, был гончаром,

Если Кипсел изначально был гончаром, то его можно сравнить с Агатоклом, тираном в конце четвертого века Сиракуз, великого дочернего города Коринфа. Агафокл, как говорят, был сыном гончара^[1074]. Согласно Диодору Сикулусу, дельфийский оракул предсказал младенцу Агатоклу (как и Кипселу), что "он станет причиной великих несчастий" для его страны: в результате пророчества было решено избавиться от ребенка, которого, однако, спасла мать. В конце концов отцу сообщили о спасении ребенка, он забрал его к себе и, "будучи бедным, обучил Агафокла гончарному ремеслу (τὴν κεραμευτικὴν τέχνην), пока тот был еще мальчиком". Эта история, вероятно, восходит к Тимею, которого цитирует Полибий^[1075] для утверждения, что Агафокл был горшечником, и является единственным источником Диодора, активно враждебным тирану, которым он был изгнан из Сицилии^[1076].

в том, что, вероятно, является вымыслом, призванным навести на мысль о сравнении с Кипселом.

Очевидно, что по крайней мере в значительной части история молодого Агафокла - это злонамеренный вымысел. Каков же ее прототип? Я не могу не подозревать, что это сам Кипсел. Правда, в этой истории нет ни кипсела, ни ларнакса, и Бауэр^[1077] связывает ее с легендами о юном Кире и младенце Ромуле. Но нет и животного, которое сосало бы младенца, что, по мнению специалистов, является существенной чертой цикла Кир-Ромул^[1078]. И оракул, и спасение матери - оба основных эпизода истории о Кипселе. В истории о Кире мы имеем дело со снами и их толкованием магами, что не является столь близкой аналогией. Сны тоже указывают лишь на величие ребенка, который должен родиться. История Кипсела, как и история Агафокла, указывает на вред, который принесет ребенок^[1079]. Агатокл рос в те времена, когда на Сицилии великим именем было имя коринфянина Тимолеона. Все помыслы сицилийцев были обращены к Коринфу, и мы находим отражение этого сближения на сиракузских монетах того периода, на которых изображены коринфские типы головы богини в шлеме и Пегаса^[1080]. Что может быть естественнее, особенно для изгнанного Тимея, чем сравнение Агафокла с Кипселом^[1081]? Не исключено, что из этой подстрекательской аналогии выросла история о том, что Агафокл был сыном гончара^[1082]. Альтернативный вариант - принять раннюю связь Агафокла с "колесом, глиной и дымом"^[1083] гончарного дела как исторический факт: но это менее вероятно. Сам

Полибий предостерегает нас от принятия "Тимея об Агафокле" за правдивую историю и, кажется, сам подозревает свою цитату о том, что тиран был гончаром в ранние годы. Старший брат Агафокла был видным государственным деятелем и воином в Сиракузах в начале своей карьеры, еще до того, как младший брат вззошел на престол тирана: Сам Агатокл, судя по всему, в начале своей карьеры достиг высокого положения в армии и жил в близких отношениях с некоторыми представителями сиракузской знати^[1084]. Отец тирана был изгнан из Регия в те времена, когда этот город находился под властью Дионисия Сиракузского, из чего Белох^[1085] обоснованно делает вывод, что он был выдающейся личностью. Белох предполагает, что Агатокл унаследовал большое гончарное дело. Если эта точка зрения верна, то гончарное дело, похоже, не сильно помогло будущему тирану в его государственной карьере, которая от начала и до конца была в основном военной. Тем не менее, хотя капиталистические тираны уже ушли в прошлое в самой Греции, Сицилия была в некотором смысле моложе материнской страны, и не исключено, что Агатокл владел гончарным делом и что оно сыграло определенную, хотя и не главную, роль в его восхождении на трон. Агатокл был современником римлянина Аппия, чья предполагаемая попытка финансовой деспотии рассматривается в главе о Риме. До своего воцарения он, по описаниям, был очень богат: но его богатство приписывают его браку^[1086]. Свидетельства о ранней карьере Агафокла не являются решающими. Но при любом толковании оно придает правдоподобие мнению о том, что Кипселус начал свою жизнь как гончар.

Кипселус как существительное общего рода.

Во всей этой длинной дискуссии о том, как Кипсел получил свое имя, предполагалось, что Геродот был прав, заявляя, что он получил его непосредственно от *cypsele*. Тот факт, что существует общее существительное *cypselus*, вряд ли влияет на это предположение. Действительно, *ципселус* - это птица, но птица, о которой идет речь, как показывает рассказ Аристотеля^[1087], это либо домовый мартен^[1088], либо какой-то похожий вид^[1089], получивший свое название от гнезда, построенного из глины. На самом деле *Ципселус* - это птица-гончар.

Царь Кипселус из Аркадии.

Но правы ли мы в нашем главном предположении? Конечно, существует альтернативная возможность. История о младенце Кипселе могла быть связана с ним только для того, чтобы объяснить его необычное имя. Приведенные Шубрингом примеры историй, которые, по его мнению, возникли подобным образом, сами по себе не убедительны и не совсем аналогичны^[1090]. Но есть один факт, который дает более веские основания не принимать Кипсела как имя, полученное тираном в связи с его родом деятельности. Ранний царь Аркадии Кипселус упоминается Павсанием^[1091].

Это настоящая трудность. Но есть несколько путей ее решения. Например, вполне можно допустить, что два разных человека независимо друг от друга получили одно и то же прозвище. Имя не обязательно должно было использоваться в одном и том же смысле в обоих случаях. *Ципселус* - это не только птица-горшечник. Это также один из самых заметных мигрантов^[1092]. Возможно, именно с этой точки зрения это имя было сочтено подходящим для царя периода великих миграций.

Если это покажется маловероятным, мы можем взять пример со скептиков и усомниться в историческом существовании Аркадия. Мы можем объяснить его одноименным героем аркадской Кипселы^[1093]. Или, опять же, можно указать на то, что он, по преданию, был предком невестки своего коринфского тезки, Мелиссы, жены Периандра^[1094]. В таком случае

аркадского Кипсела можно считать порождением родословия того периода, когда состоялся брак между Мелиссой и Периандром^[1095].

Третий тиран Коринфа, которого Аристотель называет Псамметихом,

В родословной коринфских тиранов есть еще одно имя, на основании которого часто делаются исторические выводы. Согласно Аристотелю, третьего и последнего из тиранов (587-584 гг. до н. э.) звали Псамметих, имя, которое, как мы уже видели, носил первый фараон Саитской (двадцать шестой) династии, которая, судя по всему, основывала свою власть в основном на иностранных наемниках и внешней торговле, причем в основном греческой^[1096]. Египетское имя коринфского тирана справедливо считается основанием для установления некой связи между двумя государствами в эпоху тиранов. Часто предполагалось^[1097], что Псамметих Коринфский получил свое имя непосредственно от египетской царской семьи. В этом вопросе нет никакой уверенности. Имя, хотя и неизвестное до времен Псамметиха I, похоже, стало распространенным во времена двадцать шестой династии^[1098]. Греческий наемник по имени Псамметих, сын Феокла, командовал экспедицией, оставившей нам граффити Абу-Симбела^[1099]. Имя и должность сына Феокла показывают, что коринфский тиран мог получить свое египетское имя через греческого посредника. Но, с другой стороны, существует достаточная вероятность того, что правительства Коринфа и Египта в этот период поддерживали связь друг с другом либо напрямую, либо через своего общего друга Милет^[1100].

египетское имя, означающее, вероятно, "продавец чаш".

Но действительно любопытный момент в том, что Cypselid называли Psammetichus, заключается в значении этого имени, которое, как видно из приведенного выше^[1101], скорее всего, следует толковать как "человек (продавец) мисок для смешивания". Если это толкование верно, то Psammetichus и Cypselus - синонимы. Современные историки в целом следуют Аристотелю^[1102], и называют имя последнего тирана Коринфа Псамметихом. [Но другой наш древний авторитет, Николай Дамасский^[1103], утверждает, что Периандра сменил второй Кипсел, "который пришел из Коркиры и стал тираном Коринфа, пока некоторые из коринфян, объединившись, не убили его... и не освободили город". Псамметих назван Аристотелем сыном Горгоса, Кипсел II описан Николаем как сын брата Периандра Горгоса^[1104]. Псамметих, сын Горгоса, упоминается Николаем как посланный Периандром в Коркиру. Тот же автор заставляет Кипсела II прибыть из Корсиры, чтобы сменить Периандра на троне Коринфа. Трудно избежать вывода, к которому пришел Бузольт^[1105], что Кипсел II и Псамметих - одно и то же лицо. Но нужно ли нам следовать за Бузольтом дальше^[1106] и предполагать, что Псамметих сменил свое имя на Кипселус при своем воцарении? Псамметих I Египетский в ранние годы своего правления, когда он был вассалом Ассирии, похоже, получил от своего повелителя ассирийское имя Небосхазбан^[1107]. Возможно, поэтому египетский царь мог воспринять как комплимент, если бы грек принял египетское имя. Но даже это сомнительно. Саиты не очень-то стремились следовать практике Ассирии и Вавилона: греки не очень-то охотно меняли свои имена. С другой стороны, греки любили находить эквиваленты между греческими именами и египетскими, как мы видим на примере их обращения с греческими и египетскими богами^[1108], и героями^[1109], а также с египетскими географическими названиями^[1110]. [Это позволяет предположить, что оба имени рассматривались их носителями как синонимы, означающие "продавец горшков".] Не является ли поэтому более вероятным, что от начала до конца последний из коринфских тиранов носил имя своего деда, согласно известному греческому обычаю, и что Кипсел и Псамметих были использованы сознательно как греческая и египетская формы одного и того же имени^[1111], оба одинаково означающие "человек с горшками".

Конечно, это может быть случайностью, что из трех имен, которые носили три тирана греческих горшечников, два должны быть образованы от слов, обозначающих какой-то вид горшков: но если это так, то это очень любопытно.

Глава VIII. Рим

"Все исторические труды, потраченные на первые века Рима, в целом окажутся напрасными" - Сэр Джордж Корнуолл Льюис, "О достоверности ранней римской истории" (1855), т. II. с. 556.

I. Рассказ о том, как Тарквины, как говорят, получили, удержали и потеряли трон.

Ко времени рождения Геродота, которое произошло около 484 года до н. э., Поликрат, Писистрат и Крез были мертвы менее пятидесяти лет, а в Коринфе и Сикионе тирания была подавлена не более чем за столетие. Историк наверняка встречал людей, которые помнили тиранов Самоса и Афин: возможно, он беседовал со стариками из городов на перешейке, чьи отцы рассказывали им о личном опыте правления Клизфена или Периандра.

С Тарквинами, царями-тиранами Рима, дело обстоит совсем иначе. Нет ничего даже близко похожего на современные литературные свидетельства их истории или даже их существования. В последнее время все их претензии на то, чтобы считаться историческими, оспариваются. Поэтому может показаться, что это нечто вроде упущения вопроса - сразу же приступить к сбору доказательств в пользу этого повествования, прежде чем обсуждать его подлинность. Однако есть две причины следовать этому курсу. Первая заключается в том, что вопрос о подлинности легче обсуждать после того, как о нем вспомнили. Другая причина заключается в том, что ценность рассказа для этого расследования не полностью зависит от историчности Тарквинов^[1112].

Согласно сохранившимся рассказам^[1113], царь Тарквиний Приск был сыном коринфянина Демарата, поселившегося в этруском городе Тарквинии, современном Корнето, примерно в пятидесяти милях к северу от Рима. [Тарквиний Приск, сын богатого коринфского торговца Демарата, поселился в Риме и с помощью своего богатства обеспечил себе трон.] В самом полном из этих рассказов, у Дионисия, Демарат плывет в Италию, "намереваясь торговать, на частном торговом судне и с собственным грузом: распорядившись своим грузом в городах этрусков.....и приобретя большие доходы, ...он продолжал бороздить то же море, доставляя греческие грузы этрускам и доставляя этруские товары в Грецию, и стал обладателем очень большого богатства... и когда установилась тирания Кипсела... он покинул Коринф и устроил дом в Тарквиниях, которые были тогда большим и процветающим городом". Все это имущество Демарат оставил своему сыну Лукумо, будущему Луцию Тарквинию, "который, получив большое богатство отца, решил заняться политикой, принять участие в общественной жизни и стать одним из передовых людей своего города^[1114]". Он описывается как переселившийся в Рим по той конкретной причине, что там, казалось, было больше перспектив, что его богатство приведет к высокой политической власти, и как нашедший там возможность, которую он искал. "В Риме", - говорит Ливий^[1115], - "его богатство принесло ему известность". Дионисий^[1116]: "Он очень скоро подружился с царем (Анком Марцием), делал ему подарки и снабжал его средствами для военных нужд... он также расположил к себе многих патрициев своими благодеяниями и завоевал расположение простого народа своими учтивыми приветствиями, очарованием своих речей и денежными пожертвованиями".

Аналогично Аврелий Виктор^[1117] : "Своими деньгами и промышленностью он добился высокого положения". Диодор^[1118] , говоря о возвышении Тарквина в Риме, отмечает: "будучи очень богатым, он помогал многим беднякам, раздавая им деньги". Еще более древний наш авторитет Полибий^[1119] говорит: "Луций, сын Демарата Коринфского, отправился в Рим, полагаясь на себя и свои деньги".

Этих отрывков достаточно, чтобы показать, что, согласно всем нашим лучшим дошедшим до нас авторитетам, а значит, предположительно, согласно какому-то более раннему общему источнику, Тарквиний Приск был обязан своим тронном своему предыдущему богатству. Только что процитированные авторы, очевидно, представляли Тарквиния как царского фаворита, который использовал свое огромное богатство и способности, чтобы проложить во дворце путь к собственному престолонаследию^[1120] , или, возможно, как просто богатого демагога^[1121] , но в дошедших до нас свидетельствах есть указания на то, что власть Тарквиния могла иметь несколько иную основу.

Демарат и Приск были большими работодателями.

Когда Демарат делал^[1122] свое состояние в Этрурии, он, вероятно, если эта история имеет под собой историческую основу, был большим работодателем. Страбон говорит о "большом количестве квалифицированных рабочих", которые сопровождали его из Коринфа^[1123] . Плиний говорит о том, что коринфянина сопровождали гончары (fictores) Эвкейр и Эвграммус^[1124] . Поскольку и Ливий^[1125] , и Дионисий^[1126] считают Тарквина наследником всех владений своего отца, можно считать, что полученные сведения подразумевают, что он также был хозяином "большого числа квалифицированных рабочих". О том, что именно так и было задумано в нашем повествовании, свидетельствует рассказ Дионисия о переселении Лукумо, как тогда называли последующего Тарквиния, из Тарквиний в Рим. "Он решил отправиться туда, собрав все свои деньги... и взяв всех желающих из своих друзей и родственников: и было много желающих отправиться с ним^[1127] ." По прибытии в Рим царь "распределил его и этрусков, приехавших с ним, по племенам и куриям (φυλῆν τε καὶ φράτριαν)".

Их работники, вероятно, были свободными людьми.

Все это описание подразумевает, что соотечественники Лукумо были свободными людьми: ничего не говорится об их занятиях. С другой стороны, в рассказах о переселении его отца в Тарквинию не говорится о том, были ли сопровождавшие его "квалифицированные работники" свободными людьми или рабами. Но соблазн приравнять эти две группы очень велик. Позднее, когда Тарквинии оказываются на троне, их представляют как широкомасштабно использующих свободный квалифицированный труд. Ливий утверждает, что целью многочисленных общественных работ первого Тарквина было то, "чтобы люди были заняты дома в той же степени, что и в армии^[1128] ." В римской армии не было рабов.

О Тарквинах как крупных работодателях бесплатной рабочей силы мы найдем более точные и значимые высказывания, когда будем обсуждать историю Суперба. Но в рассказах о Приске есть еще одно утверждение, которое тесно связывает его с торговлей Рима. "Тот же царь, - говорит Ливий^[1129] , говоря о Приске, - выделил частным лицам участки вокруг форума для строительства, возвел аркады и магазины". Дионисий^[1130] : "он украсил форум, окружив его мастерскими и аркадами (ἐργαστηρίοις καὶ παστάσι)". Конечно, несколько примечательно, что царь Таркин ассоциируется со строительством мастерских.

Приска сменил Сервий Туллий, который, как говорят, первым в Риме начал чеканить монеты.

Между первым и последним Тарквиниями наши источники единодушно помещают Сервия Туллия. Ливий и Дионисий^[1131] делают его зятем Приска. Сервий, которого таким образом относят и к периоду, и к роду Тарквиниев, по утверждению нескольких авторов, первым выпустил монеты в Риме. Варро^[1132], например, сообщает нам, что "говорят, что серебряная монета была впервые отчеканена (*flatum*) Сервием Туллеем". Плиний^[1133]: "Царь Сервий первым отчеканил (*signavit*) бронзу"; и снова Кассиодор^[1134]: "Говорят, что царь Сервий первым отчеканил монету (*impressisse monetam*) из бронзы".

Возможная историческая основа для этого утверждения.

Эти утверждения не могут быть приняты в том виде, в котором они существуют. Серебряные монеты были впервые отчеканены в Риме в 268 году до н. э., а первые круглые медные монеты, большие *aes graue* с головой Януса на одной стороне и корабельным носом на другой, теперь единодушно относят к середине четвертого века^[1135]. Однако ничто не исключает возможности важных монетных нововведений или реформ, проведенных римским царем шестого века. Медь была найдена в Центральной Италии в различных формах, которые указывают на существование медной валюты до введения круглого *aes graue*. Есть грубые изделия, известные как *aes rude*, предметы различных простых форм, но полностью лишенные украшений, известные как *aes formatum*, и изделия прямоугольной формы, помеченные типом, известным как *aes signatum*^[1136]. Хотя сохранившиеся образцы *aes signatum* по стилистическим соображениям явно должны быть отнесены к периоду после царской эпохи, и хотя предметы, обнаруженные вместе с находками *aes rude*, не указывают на очень раннюю дату^[1137], было бы опрометчиво утверждать, что либо *aes rude*, либо *aes signatum*, либо, тем более, *aes formatum* не были раннего происхождения, начиная с VI века^[1138]. Виллерс^[1139] датирует использование *aes rude* с 1000 г. до н.э. по IV век и предполагает некоторые изменения в этот период, одно из которых, например, *kuchenförmig* (булкообразная) разновидность *aes formatum* или "бруски с различными узорами", возможно, обязано Сервию. Если Сервия следует ассоциировать с *aes formatum*, то "колобообразные" изделия, возможно, не так хороши, как те, которым Хаберлин^[1140] дает название *tortenförmig* (что-то вроде плоских круглых гирь с фланцем, которые делаются так, чтобы вставляться друг в друга), поскольку эти последние, судя по полным данным, собранным Хаберлином, характерны для S. Этрурии: они были найдены в основном в Каэре, Тарквиниях и Кастельнуово ди Порто (между Римом и Фалериями), то есть в значительной части в местах, с которыми Рим имел особенно тесные связи.

Но ни "*kuchenförmig*", ни "*tortenförmig*" *aes formatum* не подходят к литературным свидетельствам так хорошо, как "полосы с различными узорами" Виллерса. Они, по-видимому, представляют собой наиболее примитивную форму *aes signatum*. Точный рассказ Плиния^[1141] о нововведении Сервия состоит в том, что он ввел *aes signatum* вместо прежнего *aes rude*. Плиний действительно продолжает говорить, что деньги Сервия "*signatum est nota pecudum*"^[1142]. Среди сохранившихся образцов это описание применимо только к некоторым полностью развитым примерам четырехугольного *aes signatum*^[1143], которые, как уже отмечалось, должны быть отнесены к более позднему времени: но если утверждение Плиния о Сервии и *aes signatum* основано на Тимее (Сицилия, III век до н.э.), то совершенно неясно, следует ли отнести замечание о "*nota pecudum*" к тому же уважаемому авторитету. Сам Плиний говорит следующее: "*Seruius rex primus signavit aes. antea rudi usos Romae Timaeus tradit. signatum est nota pecudum*".

Рис. 32. Aes signatum.

Если предположить историческую основу для рассказов о связи Сервия с римской валютой^[1144], то мотив его деятельности в этом направлении искать далеко не придется. Как раз в период, к которому относится его правление, в Этрурию стали проникать греческие монеты. Они принадлежат главным образом Фокее и фокейским колониям^[1145]. Теперь "во времена царя Тарквиния", как рассказывает Юстин^[1146], "фокейцы из Азии вошли в устье Тибра и завязали дружбу с римлянами". Чеканка фокейских монет вполне могла привести к некоторой реформе или регулированию национальной валюты, хотя утверждение Аврелия Виктора^[1147] о том, что "он (то есть Сервий) установил веса и меры", возможно, ближе к истине, чем более подробные утверждения о чеканке монет, которые уже были процитированы. Даже если это было все, что сделал Сервий, этого достаточно, чтобы выделить его как коммерчески мыслящего государственного деятеля, поскольку он представлен как первый правитель в Риме, который регулировал единицы обмена^[1148].

Главным позитивным возражением против датировки шестым веком даже самой примитивной формы металлической валюты является тот факт, что вплоть до XII таблиц (450 г. до н.э.) все штрафы выплачивались в коровах и овцах^[1149]. Однако подобным свидетельствам можно придать слишком большое значение. Как отмечает Риджуэй^[1150], "даже в таком большом торговом греческом городе, как Сиракузы, корова составляла основу оценки в правление Дионисия (405-367 гг. до н.э.)". Сиракузы чеканили шедевры серебряной чеканки за некоторое время до рождения Дионисия.

Было сказано достаточно, чтобы указать на возможное значение рассказов о царе Сервии и его медных монетах. О самом царе и валюте шестого века известно слишком мало, чтобы основываться на их предполагаемой связи. Для нашего исследования этот вопрос не имеет первостепенного значения. Не может быть и речи о революции в денежном обращении, подобной той, которую есть основания приписывать Гигесу, Фидону, Пейсистрату и, вероятно, другим ранним греческим тиранам^[1151].

Перепись Сервия.

Реформы или нововведения в денежном обращении вполне согласуются с другими действиями, приписываемыми Сервию. Шаг, который чаще всего связывают с его именем, - это учреждение переписи населения, "ex quo belli pacisque munia non uiritim, ut antea, sed pro habitu pecuniarum fierent"^[1152] ."

Сервий и коллегиум опификум.

Еще одно учреждение, которое приписывают Сервию, - это collegia opificum, или союзы рабочих^[1153] . Ранняя история этих коллегий неясна: Плутарх приписывает восемь самых ранних из них (плотников, гончаров, кожевников, красильщиков, медников, золотых дел мастеров, флейтистов) Нуме^[1154] . Обе версии могут иметь историческую основу, если предположить, что коллегии как частные корпорации восходят к раннему царскому периоду, а затем переходят под контроль государства^[1155] . Эта точка зрения, конечно, не может быть доказана. Факты ограничивают нас предположениями^[1156] . Но один момент представляется достаточно определенным. Коллегии, должно быть, утратили свое значение, когда стал широко использоваться рабский труд^[1157] .

Сервия постоянно обвиняют в том, что он заручился поддержкой бедняков с помощью подарков и благодеяний^[1158] , и особо упоминаются его раздачи кукурузы и земли плебеям^[1159] . | В общем, царь Сервий, если рассматривать его как историческую личность, похоже, унаследовал политику и положение своего предшественника, а его насильственное пришествие и не менее насильственный конец были вызваны в основном междоусобицами внутри дворца. | Такой же вывод естественнее всего сделать из его этрусского имени Мастарна^[1160] , не считая этимологической ценности предположения Гардтхаузена^[1161] о том, что имя Мастарна является префиксальной формой Тарквина.

Тарквиний Супербус обеспечивает себе трон, скупая бедняков. Став царем, он нанимает этрусков и римских граждан в большом количестве в качестве артизанов и каменоломен.

В конце концов Сервий был свергнут Тарквинием Супербом, который, как говорят, обеспечил себе трон, "скупая беднейших из простых людей"^[1162] . " Именно в рассказе о его правлении мы находим наиболее полные сведения об отношениях Тарквиниев к труду в бытность их царями Рима. Ничто не может быть более ясным, чем заявление Ливия по этому поводу:

Он созвал кузнецов со всех концов Этрурии и использовал для этого (*то есть* для строительства храма Юпитера на Тарпейской горе) не только государственные средства, но и *рабочих из числа плебеев*^[1163] .

Утверждение о том, что работники Тарквина были в основном плебеями (а не рабами), повторяется Ливием позже в той же книге. В этом втором отрывке Брут, выступая против положения дел, существовавшего при Тарквинах, заявляет, что "римские люди из солдат превратились в артизанов и каменоломен"^[1164] ."

Дионисий выражается так же прямо и более подробно^[1165] :

Он не удовлетворился тем, что оскорбил плебеев только таким образом. Он взял в армию всех плебеев, которые были верны ему и годились для военных нужд, а остальных заставил найти работу на общественных работах в городе, считая, что для монархов очень велика опасность, когда худшие и беднейшие из граждан остаются без работы: в то же время он стремился во время своего правления завершить работы, оставленные наполовину его дедом - каналы для отвода воды ... и ... амфитеатр на гипподроме..... На этих работах были заняты все бедняки, получавшие от него умеренную плату: одни добывали^[1166] , другие кололи дерево, одни вели повозки, перевозившие этот материал, другие несли бремя на своих плечах; третьи снова рыли подземные

погреба, лепили в них своды и возводили коридоры: в подчинении у занятых таким образом ремесленников были медники, плотники и каменщики, которых удалили из их частных мастерских и держали занятыми для общественных нужд.

Так в той же книге^[1167] :

Таркин после этого достижения (Габии) дал людям отдохнуть от походов и войн и занялся строительством храмов..... Он поручил всем ремесленникам работать над этими делами.

А чуть позже^[1168] Брут вынужден рассказать римлянам, что Таркин "заставляет их, как купленных рабов, трудиться в каменоломне, рубить лес и носить тяжести"^[1169] .

Нигде прямо не сказано, что именно этому контролю над свободной рабочей силой города Тарквинии обязаны своим могуществом. Напротив, согласно Ливию, жители города помогли выгнать Суперба именно потому, что он принудил их к этой банусной жизни. "Они были возмущены тем, что царь так долго заставлял их работать кузнецами и выполнять работу рабов"^[1170] . Само по себе это, конечно, говорит о том, что Тарквинии использовали свою царскую власть, чтобы превратить свободных людей Рима в ремесленников и каменоломен, а не свою армию работников, чтобы превратить капиталиста в царя. Но кузнецы, вызванные из Этрурии и связанные с римскими плебеями, напоминают о "большом количестве квалифицированных рабочих", которые, по словам Страбона, работали на Демарата в Тарквиниях, и позволяют предположить, что здесь мы имеем продолжение деятельности, которая сделала состояние семьи Тарквиниев еще в Этрурии^[1171] .

Он теряет трон, когда не может больше платить этим работникам.

В той же главе Ливия есть еще одно высказывание, которое, безусловно, лучше согласуется с этой последней альтернативой. В то время, когда плебеи внезапно обнаружили унижительный характер своих занятий, не без помощи более умных представителей знати, Ливий сообщает нам, что у царя закончились деньги, "истощенные великолепием его общественных работ". Точно так же Дионисий заставляет Брута убеждать своих товарищей по заговору, что сейчас самое время для осуществления их заговора, когда вооруженные граждане "уже не управляются подарками (Тарквина), как раньше"^[1172] . То, что режим Тарквина был режимом пота и жалованья, но никак не крови и железа, подтверждает Цицерон, который замечает, что "мы никогда не слышали, чтобы Тарквиний предавал римских граждан смерти"^[1173] .

Более поздние авторы говорят о Супербе как о широкомасштабном применении каторжного труда и различных форм пыток и запугивания^[1174] . Но эти утверждения, явно имеющие общее происхождение, являются не менее явными вышивками на аристократических искажениях трудовой политики Тарквиниев. Истина выражена Флором: "in senatum caedibus, in omnes superbia, quae crudelitate grauior est bonis, grassatus"^[1175] . Другими словами, Супербус был суровым и непопулярным работодателем^[1176] . Эта личная непопулярность, должно быть, наряду с истощением королевской казны, способствовала примирению простых людей с республиканским режимом, который для них, несомненно, стал началом эры угнетения и страданий, поскольку они потеряли в короле своего естественного защитника^[1177] .

Предполагаемые попытки восстановления царской власти:

Если власть Тарквиниев действительно имела торговое происхождение и если рассказ о ней у писателей эпохи Ливия в основных чертах историчен, то следует найти факты, влияющие на историю ранней республики и, в частности, меры, предпринятые аристократами для предотвращения восстановления монархии. Что же на самом деле представляет собой ситуация, наиболее тревожная для них с этой точки зрения?

Коллатин, его богатство и "благодаяния";

Первое указание на направление их опасений можно найти в рассказе об изгнании Коллатина, записанном Ливием как произошедшее в первый год республики. Согласно Ливию^[1178], причиной его изгнания стало просто ненавистное имя Тарквина. Коллатин не хотел уходить: он сделал это только из опасения, что позже, когда он уже не будет консулом, его может постигнуть та же участь с потерей имущества в сделке-cum bonorum amissione. Ливий не всегда достаточно работает над своим материалом, чтобы он полностью соответствовал его собственной интерпретации. Создается впечатление, что именно bona, богатство Коллатина, привело к его изгнанию. Хотя это, очевидно, не самое сильное влияние в Риме в то время, оно могло быть достаточно сильным, чтобы быть постоянной угрозой для аристократического правительства. Именно "primores ciuitatis" настаивают на его отзыве. Если в Дионисии^[1179] по другому поводу Коллатину приходится доказывать, "что городу вредили не деньги тиранов, а их личности", то протест лишь показывает, что были и другие, не разделявшие эту точку зрения, а считавшие, как и Марк Валерий из Дионисия, что существует опасность, чтобы народ, "обольщенный благодеяниями тирана..... поможет вернуть Тарквина на трон"^[1180]. "Та же точка зрения содержится в речи, вложенной Дионисием^[1181] в уста одного из народных вождей во время первого отделения. Он напоминает своим слушателям, что "народ никогда не был поставлен в невыгодное положение царями, и менее всего последними": он вспоминает случай, когда царь "раздал каждому по пять мин серебра", и напоминает патрициям, как плебеи отвергли большие подарки, которые изгнанные Тарквины предложили им в качестве побуждения к разрыву с патрицианским правительством.

Вполне возможно, что именно из подобных опасений в следующем году остатки имущества Тарквинов были распределены между народом: "(bona regia) deripienda plebi sunt data"^[1182]. "Несколькими главами позже Ливий сообщает, что пока был жив изгнанный Тарквиний, народ получал от сената "multa blandimenta"^[1183]. "Дионисий описывает вельмож как "принимающих множество мер, дружественных к беднякам, чтобы они не перешли на сторону тиранов, не были покорены соображениями личной выгоды и не предали содружество"^[1184]. "Сенат, похоже, сражался с Тарквиниями их же оружием. Blandimenta, которая удержала Суперба от трона, вполне могла быть синонимом benignitas, благодаря которой на него взошел Приск.

После смерти Тарквина при дворе греческого тирана в Кумах было три выдающихся римлянина, которых справедливо или несправедливо подозревали в стремлении к царской власти. Возможно, стоит рассмотреть в каждом из трех случаев обстоятельства, которые, как говорят, дали повод для этих подозрений.

Кассий и его исключительное финансовое положение;

О Спурии Кассии^[1185] не говорится, что он был лично очень богат, и наши авторы в своих рассказах о нем не приводят ничего, что могло бы подтвердить обвинение в том, что он стремился к свержению существующего правительства. Они оставляют возможность представить его как конституционного реформатора, который, будучи консулом, пытался облегчить широко распространенное бедствие путем раздачи земли^[1186] и, возможно, кукурузы^[1187] и взяв государственные финансы в свои руки^[1188]. Возмущение против него исходит в основном от землевладельцев, которые опасаются, что его предложения могут коснуться их собственных карманов. Поскольку они думают о конституции, именно финансовое положение, которое создал для себя консул, является главным основанием для их тревоги. "Раздавая деньги, консул воздвигал власть, опасную для свободы: ... прокладывался путь к монархии". Позже мы видим, как Кассий ведет денежные дела с народом. Он предлагает вернуть им суммы, которые они заплатили правительству за кукурузу, привезенную из Сицилии во время голода: "но плебеи посмотрели на это как на денежную плату за трон и отказались". Хотя ничто не показывает, что

Кассий Ливия и Дионисия имел желание или реальные возможности повторить карьеру Тарквиния Приска, рассказ о нем не менее актуален. В нем ранний республиканец изображен глубоко встревоженным любым человеком, который добивается какого-либо финансового преобладания в государстве. Возможно, именно этим чувством объясняется показная демонстрация бедности, которой так часто предавались раннереспубликанские вельможи^[1189].

Маэлий с его исключительным богатством и организованным кругом клиентов.

В случае со Спурием Маэлием таких сложностей нет. Если верить Ливию и Дионисию, политика Маэлия не угрожала имуществу ни одного из вельмож. Опасения, что он восстановит царскую власть, могли быть ошибочными, но почти наверняка были искренними. Есть ли какое-нибудь сходство между сохранившимися рассказами о карьере Маэлия и предположениями о ранней истории первого Тарквина? Сходство не только есть, но и поразительное. Маэлий был чрезвычайно богат: не просто dives, а praedives^[1190]. Когда он взялся избавить Рим от голода, то смог сделать это не только за свой счет, но и благодаря своим клиентам и связям: "скупая кукурузу за свой счет через посредство своих друзей (hospitum) и клиентов^[1191]".

Манлий.

Марк Манлий, третий из тех, кто был приговорен к смерти за покушение на трон, не должен нас задерживать. Он, как и его современник Дионисий Сиракузский^[1192], по сути, является военным персонажем.

Республиканское правительство превращает артизанов Тарквина в солдат и делает войну оплачиваемой (и в конечном итоге оплачиваемой) профессией:

Но настоящим оплотом республики V века, как она предстает на страницах наших авторов, является не правая рука Сервилия Ахала. Речь идет о фундаментальных переменах, которые произошли в низших слоях свободного населения. В уже цитировавшемся отрывке из Ливия Брут обвиняет Тарквинов в том, что они превратили римлян из солдат в ремесленников и каменотесов (орifices ac lapicidas). Брут только что совершил революцию в Риме. Представить революцию как возвращение к античности было для римлян так же естественно, как и для нас^[1193]. Возможно, хотя и маловероятно, что Тарквины превратили плебеев из солдат в артизанов. Ситуация, четко обозначенная Брутом, заключается в том, что он и его товарищи по знати превращают их из артизанов в солдат. Не только в речах, вложенных Ливием и Дионисием в уста Брута и его соратников, мы видим, что установление республики связано с реорганизацией государства на военной основе. Развитие comitia centuriata как основной организации граждан Рима для политических целей связано с зарождением республики: веки изначально и в основе своей были военной организацией^[1194].

Аграрные меры, которые так рано появляются в повествованиях историков, не должны вводить нас в заблуждение. В той мере, в какой они достоверны, они должны были быть либо неискренними, либо идеалистическими^[1195]. Республиканская аристократия с самого начала рисуется как учительница бедствующего плебса, который должен искать не ферм и наделов, а войн и призовых денег. Картина превращения плебеев в солдат завершается в рассказе об осаде Вейи (406-396 гг. до н. э.), когда вводится плата за военную службу^[1196] и война становится главным средством заработка^[1197].

Короче говоря, похоже, что дворяне перестали бояться восстановления монархии иначе, чем с помощью вооруженной силы, тогда и только тогда, когда их правительство стало главным и самым популярным работодателем в государстве.

например, Афины V века.

Алкмеониды в Афинах положили конец возможности возрождения тирании (и, кстати, всякому уважению к конструктивному ручному труду), введя государственные выплаты за работу в качестве присяжных, матросов на военных кораблях и т. п. Условия жизни в Риме в некоторых отношениях сильно отличались от афинских. Но римские вельможи, похоже, стремились добиться того же результата, что и афиняне, используя очень похожие средства. Насколько эта параллель уместна, по крайней мере, в том, что касается дошедших до нас рассказов, можно проиллюстрировать на примере истории семьи, занимавшей ведущее место в ранней Римской республике.

Ранние Клавдии и их антитираническая политика.

Роль, которую играет Брут в этом повествовании, с политической точки зрения столь же незначительна, как и роль Гармодия в свержении тирании в Афинах. Все политические гении ранней Римской республики принадлежат к великому дому Клавдиев^[1198]. По нашим сведениям, семья впервые прибыла в Рим на шестом году республики. Глава семьи в это время описывается Дионисием как "знатного происхождения и влиятельный благодаря своему богатству"^[1199]. Он прибывает, "ведя с собой большое хозяйство и многочисленных друзей и приверженцев". Моммзен^[1200] дает веские основания полагать, что семья не могла впервые приехать в Рим в столь позднее время. Но прибытие вполне могло быть возвращением из изгнания, как у Алкмеонидов в Афины после падения Гиппия. Аналогии между Клавдиями и Алкмеонидами заслуживают внимания, тем более что на них, похоже, не повлияло никакое древнее признание их существования. Похоже, что богатые Клавдии, как и богатые Алкмеониды, "взяли общины в партнерство"^[1201]. Моммзен обратил внимание^[1202] на то, как много "хорошо известных черт античного тирана" встречается в образе децемвира Аппия. Его современника Перикла называли новым Пейсistrатом. Если есть такие веские основания для приравнивания ранних Клавдиев, чье историческое существование вряд ли можно подвергнуть серьезному сомнению, к современным Алкмеонидам, то становится все более вероятным, что история Рима и Афин в VI веке шла параллельными путями.

Одно из существенных различий между Римом пятого века и Афинами пятого века заключалось в том, что Афины имели собственную чеканку с самого начала шестого века, тогда как Рим, как уже упоминалось, выпустил свои первые монеты около 338 года до н. э. Ни одно знаменитое имя не связано с этими самыми ранними монетами. | Аппий Клавдий Цеций (цензор 312 г. до н. э.): | Самым выдающимся человеком в Риме в первом поколении после 338 г. был другой Клавдий, цензор Аппий Клавдий Цеций. Его величайшим достижением стала эпохальная Виа Аппиа, первая из великой серии дорог, связавших воедино Римскую империю. | Его общественным работам город обязан также своим первым акведуком. На эти великие общественные работы он потратил без санкции сената деньги, накопленные в казне^[1203]. Потраченные таким образом суммы должны были представлять собой первое крупное накопление новой римской валюты.

Рис. 33. *Aes graue* с колесом.

Его вероятная связь с римской чеканкой монет,

Связь Аппия с ранней чеканкой римских монет, вероятно, не ограничивалась их тратой. Вторая серия римских *aes graue* была отчеканена в Кампании и имеет на реверсе колесо (рис. 33). Нумизматы давно связывают появление этого колеса со строительством Аппиева пути, который вел из Рима в кампанскую столицу^[1204].

его многочисленных клиентов,

Для полноты картины потенциального тирана раннегреческого типа, изображенного во всех разделах этого тома, нужна только одна деталь, и эта деталь появляется в Валерии Максиме. Согласно этому писателю^[1205], процветавшему в начале I века н. э., Аппий обладал "многочисленной клиентурой".

и предположение Моммзена о том, что он стремился к тирании.

Все это придает дополнительную значимость в свете наших исследований блестящей догадке Моммзена^[1206] о том, что Аппий действительно пытался сделать себя тираном. Моммзен опирается главным образом на фразу Суетония^[1207], которая гласит: "Клавдий Друз, после того как на Аппиевом форуме ему поставили коронованную статую, попытался с помощью своих

клиентов (*clientelas*) захватить Италию". Контекст датирует это событие периодом между децемвиратом и первой Пунической войной. Возможный период ограничивается еще и тем, что Аппий Форум был основан только Аппием Клавдием Цеком. Суэтоний называет будущего тирана Клавдием Друзом, но это имя, как показывает Моммзен, должно быть искаженным. Упоминание *Appi Forum* определенно указывает на *Appius Claudius Caecus*, единственного человека, чье имя связано с этим местом. В другом отрывке своей истории^[1208] Моммзен сам замечает, как Аппий проявляет дух Тарквиниев.

"Сецессии".

Если посмотреть на историю ранней республики с плебейской точки зрения, то в дошедших до нас повествованиях есть по крайней мере одна важная особенность, которая подтверждает наши основные выводы. Самое заметное оружие, которое плебеи пятого века используют против знати, - это "сецессия". Первый случай зафиксирован в год консульства Спурия Кассия, когда люди, которых Таркин обвинил в превращении в "артизанов и каменотесов", отправились в полном составе на "*mons sacer*" за город и отказались возвращаться и возобновлять работу, пока их недовольство не будет рассмотрено. Сходство сецессии с современной забастовкой уже было признано^[1209]. Возможно, это случайность, но если это так, то примечательно, что главным оружием класса, на который опиралась власть Тарквиния, должно было быть то, которое вновь появляется в истории с организацией промышленных классов в современную эпоху.

Прежде чем мы перейдем к обсуждению ценности процитированных нами рассказов, в них есть еще несколько замечаний, которые должны занять место в этой дискуссии, хотя они касаются не Рима, а других городов Центральной Италии.

Роль, которую сыграли в Ардее в 440 году до н. э. представители рабочего класса.

В 440 г. до н. э. плебеи Ардеи, города в 20 милях к югу от Рима, описаны Ливием^[1210] как вовлеченные в борьбу с оптиматами и одержавшие в ней верх. После этого проигравшая сторона, "совершенно не похожая на римский плебс, ... приготовилась осадить город (*т.е.* Ардею) с толпой рабочих (*orificum*), привлеченных перспективой грабежа". Латынь оставляет возможность того, что под толпой рабочих (*orificum*), с которыми плебс Ардеи готовился осаждать свой город, следует понимать отдельное тело, возможно, метисов или рабов. В Вейях в 400 г. до н. э. артефакты, как говорят, были рабами^[1211]. Но если в Этрурии в 400 году до н. э. это, возможно, было обычным делом, то в латинской Ардее за сорок лет до этого мы вполне можем иметь условия, не похожие на те, что были предположены выше для Рима шестого века. Даже если под опификами в Ардее понимать рабов, объединенное тело плебеев и опификов, действующих в оппозиции к оптиматам, ближе к описанию Брутом ситуации в Риме при Тарквинах, чем к тому, что можно найти в картинах наших историков о Риме V века. Ливий имеет в виду римских плебеев раннереспубликанского периода, а не опификов и лапицидов эпохи Тарквиниев, когда говорит, что плебс Ардеи был совершенно не похож на римский плебс^[1212].

Богатый венецианский работодатель, ставший царем своего города в 400 г. до н.э.

В 400 году до н. э., согласно Ливию, жители Вейи, "*taedio annuae ambitionis, regem creauere*"^[1213]. Ливий ничего не говорит о чувствах и партиях в самом Вейе, кроме утверждения, что им надоели ежегодные выборы. Ливий упоминает лишь о том, как это назначение было воспринято в других частях Этрурии. Это событие, по его словам, вызвало обиду у этрусских народов. Их ненависть к царской власти была не больше той, которую они испытывали к царю лично. Он и раньше был непопулярен своим богатством и высокомерием (*oribus superbiaque*). Однажды он довел торжественное празднование игр до бурного завершения: возмущенный тем, что голоса двенадцати народов были отвергнуты в пользу другого кандидата в жрецы, он внезапно, в

середине представления, удалил рабочих (artifices), значительную часть которых составляли его собственные рабы^[1214].

По словам Ливия, богатство венецианца привело к тому, что он стал непопулярен. Но из повествования Ливия можно сделать разумный вывод, что он был непопулярен только среди аристократов, которые продолжали контролировать правительство в других городах Этрурии. Его воцарение вряд ли могло не понравиться венедам, которые сделали его царем.

Как уже отмечалось выше, до того как стать царем, он также был нанимателем и фактически владельцем значительной части "искусников" города. Нигде не говорится о том, что артикулы помогли сделать его царем в Вейях, как они помогли сделать его непопулярным в остальной Этрурии: но важная роль, которую сыграли артикулы в Ардее за поколение до этого, предполагает, что это вполне могло быть так. Если события происходили так, как описано, трудно поверить, что не было какой-то связи между царской властью вейентинца и его прежними богатствами и контролем над квалифицированным трудом в городе^[1215].

II. Достоверность повествования.

До сих пор мы исходили из того, что дошедшие до нас рассказы о Тарквинах имеют историческую основу. Это предположение, как уже отмечалось, ни в коем случае не является бесспорным. До сих пор в этой главе не приводилось ни одного утверждения, которое в течение последнего столетия не было бы признано исторически несостоятельным. Однако в последнее время наблюдается движение за то, чтобы относиться к этому повествованию с гораздо большим уважением, чем это было принято поколение назад. Новое отношение - это не просто реакция на чрезмерный скептицизм XIX века. В значительной степени оно основано на новых свидетельствах, главным образом археологических. Надписи показывают, что в те ранние времена письменность в Риме не была чем-то экстраординарным. Раскопки разграбленных городов делают маловероятным тот факт, что разграбление Рима в 390 году до н. э. означало полное уничтожение городских записей. Перед лицом подобных фактов теперь большее значение придается тем местам, где наши авторитеты в истории Рима шестого и пятого веков ссылаются на более или менее современные записи, будь то римские или греческие. Доказательства фальсификаций и выдумок действительно значительны, но сейчас в большинстве своем мы понимаем, что критики XIX века сильно переоценили их применение. Достоверность ранней римской истории - слишком большая тема для того, чтобы адекватно рассматривать ее в подобной работе. Однако необходимо более подробно рассмотреть те части повествования, которые в большей степени касаются данного исследования.

Историческое существование Тарквинов отрицалось, *например*, Паисом.

До сих пор встречаются ученые, которые *полностью* оспаривают историческое существование Тарквинов. Из этой ультраскептической школы самым последним и объемным выразителем является профессор Паис из Неаполя^[1216]. Паис принимает почти все взгляды почти всех скептиков в той мере, в какой они носят чисто разрушительный характер. Но главным стимулом его неверия является не эта разрушительная критика, а легкость, с которой он находит, что может объяснить рост наших повествований, исходя из предположения, что они ложны^[1217]. В случае с Тарквинами Паис сначала указывает обычным способом на несоответствия, невозможности и повторы^[1218] в повествовании, а также на неопределенность, которая нависла над ним в целом. Затем, отвергнув его как историю, он объясняет его как миф. Он филологически приравнивает Тарквиния к Тарпею^[1219]. Тарпейская скала - это склон римского Капитолия, на который сбрасывали осужденных преступников, чтобы они встретили свою судьбу. У Варро и в других местах есть отрывки, позволяющие предположить, что весь Капитолий когда-то назывался Тарпейской горой^[1220]. На их основании Тарквиний объясняется как Тарпей, первоначальное

божество-хранитель римской цитадели. Все истории, рассказанные о Тарквинии, по мнению Паиса, являются попытками объяснить обычаи, здания и природные особенности, связанные с Тарпейской горой. Отсюда его связь с храмом на вершине Капитолия и с каменоломнями по бокам. Отсюда и рассказы о его жестокости и насильственной смерти. Отсюда и законы Тарквиния: это всего лишь законы, принятые на Монсе Тарпее или санкционированные богом Тарпеем^[1221].

Я не предлагаю подробно разбирать эти критические замечания. Мне кажется, они в этом не нуждаются. Очень многие бесспорно исторические персонажи поддались бы обработке Паиса.

Аргументы Паиса проверяются путем применения их к Альфреду Великому.

Представьте на минуту, что "Англосаксонская хроника" никогда не распространялась, а оригинал погиб во время датского набега. Представьте также, что жизнь Альфреда, написанная Ассером, постигла та же участь. Оба несчастья вполне могли произойти, и если бы они произошли, то от короля Альфреда избавились бы так же легко, как и от самого Тарквина.

Альфред не сделал ничего из того, что приписывает ему традиция. Он не вводил суд присяжных и не делил Англию на графства. Он не был основателем ни Университетского колледжа в Оксфорде, ни британского флота. Истории о его победах над датчанами крайне сомнительны с виду^[1222]. Альфред не побеждал своих врагов: он просто обращал их в свою веру. Легенда допускает, что его штаб-квартира находилась в непроходимом болоте, а страной правили покоренные датчане. Дважды за два столетия датские захватчики проникают в Англию после смерти короля Этельреда. Оба раза кампания проходит на Беркширских даунах. Решающее сражение происходит в первом случае в Эшдауне, во втором - в Эссендуне, который, очевидно, является лишь вариацией одного и того же названия. В каждом случае завоевание сменяется правлением саксонского Эдуарда. Второй Эдуард, по преданию, был меньше озабочен королевской властью, чем религией^[1223]. Вскоре будет показано, что первый был сыном бога. Старший в применении к первому Эдуарду не более и не менее подозрителен, чем Приск в применении к Тарквину. Этот простой прием дублирования, вероятно, объясняет историю Альфреда в Ательни. Это обратная рефлексия на историю, возможно, историческую, о подвигах Хереварда в аналогичных болотистых местах Эли.

Единственная легенда, которая по-прежнему неразрывно связана с Альфредом, - это легенда о пирогах. О беглеце Альфреде в его арикийской роже^[1224] в Ательни его последователи узнают только после сожжения пирогов. Вывод очевиден. Альфред - божество растительности того же порядка, что и Деметра, странствующая богиня, которую хозяйка дома, где она искала убежища, нашла сжигающей не лепешки, а самого бога кукурузы Триптолема^[1225]. Хозяйка дома появляется и в мифе об Альфреде. Но в других отношениях, особенно в сцене признания, история явно подверглась христианскому влиянию^[1226].

Таким образом, далеко не всегда история с пирогом исключается из истории Альфреда, мы видим, что она является самой сутью легенды. На самом деле, когда мы вспоминаем о таких божествах, как Дионис Ботрис, Дионис Виноградный, у нас возникает соблазн задаться вопросом, не являются ли король Альфред и его пирожные одним и тем же божеством.

Греческий Демарат считался греческой выдумкой:

Введение греческого Демарата в историю о Тарквине иногда рассматривалось с крайним подозрением. Для покойного профессора Пелхэма это, похоже, было доказательством того, что Таркин - это просто Геродот, переведенный на латынь. Он использует его в качестве такового в справочнике по римской истории^[1227]. Даже если рассматривать только литературные записи, вывод Пелама если и не необоснован, то уж точно опрометчив. Рассказ о путешествии Демарата

стоит на совершенно иной основе, чем длинная речь, вложенная Дионисием в уста Брута, в которой основателя Римской республики заставляют цитировать двойное царствование в Спарте как прецедент двойного консульства^[1228]. | Но в этом рассказе нет ничего неправдоподобного, | речь Брута - явный вымысел. С другой стороны, история Демарата действительно могла быть заимствована из рассказа Филиппа, сына Бутацита, который в последней четверти VI века бежал из Кротона "со своей триремой и командой из своих работников"^[1229] и отплыл сначала в Кириену, а затем вместе со спартанцем Дорием в Сицилию, где они попытались основать поселение, но были убиты финикийцами и эгестейцами. Но если по другим, независимым основаниям мы находим причины думать, что рассказ о путешествии Демарата в седьмом веке^[1230] в основных чертах историчен, то мы можем с полным основанием найти ему подтверждение в хорошо засвидетельствованных фактах о приключениях Филиппа в следующем веке, в утверждении^[1231], что Каэр, южный сосед Тарквиний, содержал греческий элемент во времена Тарквинов^[1232], и далее в том факте, что Демарат вынужден покинуть Коринф в то время, когда мы имеем авторитет Геродота^[1233], чтобы верить, что многие видные коринфяне были вынуждены покинуть свой город. Переселение Тарквинов из Тарквиний в Рим соответствует этрусско-карфагенскому союзу против греков, о котором лучше всего помнит последующая катастрофа, постигшая фокейцев на Корсике в 536 году до н. э. Когда Тарквинов изгоняют из Рима, они бегут в греческий город Кумы, а изгнавшие их римляне заключают союз с Карфагеном^[1234]. На протяжении всего повествования о Тарквинах мы можем проследить строго исторический фон, который полностью объясняет их приходы и уходы. То же самое, конечно, можно сказать и о бесчисленных героях современных исторических романов. Но в этих исторических романах вымышленные персонажи редко играют ту ведущую политическую роль, которую играют короли-тираны из династии Тарквинов.

Доказательства институтов также склоняются скорее против скептиков. Цицерон отмечает, что организация, которую Тарквиний Приск, как говорят, ввел для содержания римской кавалерии, была в принципе такой же, как и та, что когда-то преобладала в Коринфе^[1235]. Скептики, конечно, могут возразить, что коринфский характер римской практики был причиной того, что она была приписана сыну Демарата. Но эта линия аргументации основывается на чистом предположении и оставляет за ее сторонником обязанность объяснять сходство между институтами Коринфа и Рима.

На самом деле сейчас есть еще один источник доказательств, который значительно меняет баланс вероятностей. Цицерон, в конце концов, может быть прав, когда говорит |что подтверждается| "influxit non tenuis quidam e Graecia riuulus in hanc urbem, sed abundantissimus amnis illarum disciplinarum et artium"^[1236], " и сразу же переходит к иллюстрации своего заявления на примере карьеры Демарата.

Рис. 34. Коринфская ваза, найденная в Тарквиниях.

Рис. 35. Коринфская терракотовая табличка с изображением экспорта ваз.

находкой в Тарквиниях коринфской керамики VII-VI веков,

В то время, когда по сюжету Демарат отправляется из Коринфа в Этрурию, Коринф, вероятно, был главным промышленным государством Греции. Ее главной отраслью было гончарное дело. Коринфская керамика этого периода была найдена во многих частях греческого мира, включая главные города Этрурии^[1237]. В Корнето (Тарквинии), городе, из которого, по преданию, Тарквиний Приск перебрался в Рим, в музее можно увидеть множество образцов из некрополя древнего города. Один из примеров показан на рис. 34^[1238]. Если коринфская керамика, найденная в таких отдаленных регионах, как Этрурия, не имеет ярко выраженных местных особенностей, принято считать, что она была привезена из Греции. Коринф, несомненно, экспортировал керамику. До нас дошла коринфская терракотовая табличка (см. рис. 35)^[1239], на которой изображен корабль, возвышающийся над рядом ваз, которые могут представлять только

груз. Широкий ареал распространения и большое количество объектов, на которых они были найдены, указывают на экспорт из одного центра. С другой стороны, крупный экспорт из одного главного центра вполне согласуется с наличием филиалов. Если коринфские гончары отправились в Этрурию, то трудно понять, как отличить вазы, которые они сделали до отъезда домой, от тех, которые они изготовили после. Вопрос о том, можно ли найти характерную бледную глину для коринфской керамики в Центральной Италии, не возникает. Сырье можно было бы импортировать так же легко, как и готовый продукт. Но есть и другие археологические свидетельства, которые ведут нас дальше и делают не только возможным, но и вероятным, что греческие гончары, а также греческая керамика попали в Этрурию в период, к которому следует отнести историю Демарата, если она историческая, то *есть* примерно в середине седьмого века^[1240]. Я намеренно воздерживаюсь от собственных выводов и ограничиваюсь мнениями и высказываниями археологов, которые уделили особое внимание рассматриваемому материалу.

В Центральной Италии найдено множество предметов VII и VI веков, выполненных в греческом стиле, но местного производства.

В могилах седьмого века, которые были найдены во многих городах Этрурии, помимо предметов, которые вполне могли быть привезены из Греции, встречаются и многие другие, которые по своей сути являются греческими, но демонстрируют местные особенности. Например, в Каере, которая была так тесно связана с Тарквиниями и Римом, в знаменитой гробнице, раскопанной в 1836 году генералом Галасси и протоиереем Регулини, было найдено множество металлических изделий такого рода. Недавно гробница была вновь открыта, а ее содержимое подробно рассмотрено Г. Пинца^[1241]. О некоторых вазах очень знакомого греческого типа, найденных в той же могиле, Пинца замечает, что "грубая глина позволяет нам предположить, что они сделаны из местной ткани"^[1242].

Когда мы переходим к среднеитальянским находкам, датируемым VI веком, греческих предметов, которые есть все основания считать местными, становится положительно много. Среди них вазы и бронзы, архитектурные терракоты и гробничные фрески^[1243]. Такая масса материала снова указывает на большое количество греческих или обученных грекам рабочих в Центральной Италии во время их производства, и хотя это время довольно позднее, чем время Демарата, и предметы ионические, а не коринфские, все же это увеличивает правдоподобность истории Демарата, тем более что переход от коринфского к ионическому отражает политику, приписываемую нашими древними литературными авторитетами Сервию Туллию^[1244].

Имена греческих рабочих Демарата не являются (по *выражению* Риццо) "явно вымышленными".

Те, кто отрицает историческое существование Демарата, естественно, отрицают и существование его греческих рабочих Евхеира и Евграммуса. Даже Риццо, который допускает историческую основу для рассказа о Демарате, заявляет, что эти имена "явно вымышлены"^[1245].

Пятно ультраскептической школы все еще сохраняется. Иначе зачем бы соотечественнику Тинторетто говорить, что Эвкейра и Эуграммус - "явно вымышленные" имена? Несмотря на очевидную вымышленность, имя Эвхейрос действительно носил греческий гончар, несколько ваз которого дошли до нас с подписью "Эвхейрос сделал меня сыном Эрготимоса"^[1246]. Этот Эвхейрос, сын Эрготимоса (само по себе хорошее производственное имя), жил не в седьмом, а в шестом веке: кроме того, он был не коринфянином, а афинянином. Но даже если мы воздержимся от подчеркивания фамильной гордости, которую демонстрирует его подпись по сравнению с подписями большинства гончаров, подписывающихся только своими именами, и воздержимся от напоминания о том, что греки очень часто носили имена своих дедов и что гончары, подобные Амасису, почти наверняка перебрались в Афины в середине VI в., когда Афины вытеснили Афины, когда Афины вытеснили остальную Грецию и особенно Коринф в гончарном

деле, тем не менее, афинянин VI века Эвкейрос полностью опровергает "очевидную вымышленность" одной детали истории Демарата. Коринфский Евхеир отнюдь не является очевидной выдумкой, он имеет все признаки исторической реальности. Также как и его предполагаемая связь с основателем династии Тарквинов в Риме. Если первый тиран Коринфа получил свое имя от горшка и, вполне возможно, был обязан своей тиранией коринфским гончарам, то неудивительно, если коринфский эмигрант в Италию взял с собой гончаров и использовал их для создания положения, которое позволило ему стать тираном в городе своего усыновления^[1247]. В обоих случаях мы имеем дело с предположениями, но можно с полным основанием утверждать, что оба предположения оказывают друг другу взаимную поддержку.

Сервий и Греция: повествование связывает его не с Коринфом, а с Ионией.

Нет никаких традиций, связывающих Сервия с Коринфом: те сведения, которые мы имеем о его отношениях с греками, связывают его с Ионией. Ливий^[1248] и Дионисий^[1249], а также Аврелий Виктор^[1250] утверждают, что Сервий построил храм Артемиды и сделал его центром латинской лиги, подражая храму Артемиды в Эфесе, который был местом встречи ионийской лиги. На сайте уже высказывалось предположение, что денежные реформы Сервия могут иметь историческую основу и быть обусловлены общением с фокейцами, которые основали Марсель в 600 г. до н. э. Город Фокея, хотя и находился на территории Эолии, считался ионийским^[1251].

Ионийское влияние в Центральной Италии в предполагаемый период Сервия подтверждается археологическими находками.

Считается, что ионизирующий Сервий правил с 578 по 534 год до н. э. В середине шестого века, или, другими словами, как раз в тот же период, происходит соответствующее изменение в археологических находках, в которых эксперты согласны признать ионийское влияние, если не ионийское мастерство. Среди предметов, демонстрирующих новый стиль, - вазы, известные как керетские гидрии^[1252] и понтийские амфоры^[1253], а также группа, отнесенная к последним изделиям Клазоменей^[1254], и группа бронз из Перуджи^[1255]. Из примеров знаменитых фресок VI века, украшающих или обезображивающих камерные гробницы Этрурии, некоторые были приписаны ионийским художникам^[1256], как и архитектурные терракоты того же периода, найденные в Лациуме в Конке (древний Сатрикум)^[1257] и Веллетри^[1258].

Рим и Кумы.

Рассматривая архитектурные терракоты из Конки, Риццо предполагает^[1259], что гончары, работавшие там, были родом из Кумы или какого-то другого греческого города в Кампании. В связи с этим он отмечает^[1260], что пока следы сношений между Римом и Кампанией в первые два века существования города (*т.е.* 750-550 гг. до н.э.) кажутся довольно скудными. Он объясняет это пробелами в раскопках. И снова он, кажется, не замечает, что негативные археологические свидетельства гармонируют с литературной традицией. Кумы, должно быть, оказывали сильное влияние на Рим в самые ранние времена, когда римляне заимствовали кумейский алфавит. Но затем наступает период, когда Кумы затмеваются Коринфом^[1261]. Кумы начинают восстанавливать свое влияние на римском направлении только тогда, когда влияние Коринфа идет на убыль. История Тарквинов начинается в Коринфе: она заканчивается в Кумах, где Супербус, изгнанный из Рима, по преданию, искал убежища^[1262] у Аристодема, который, возможно, был последним греческим тираном старого торгового типа^[1263].

Самые ранние магазины Форума (судя по могилам на месте) и большой сток (судя по его кирпичной кладке) были датированы после царского периода: но

Утверждается, что никто не мог строить магазины на Форуме во времена Тарквинов, поскольку недавние раскопки показали, что до сравнительно позднего времени Форум использовался как кладбище: что, кроме того, аркады и магазины должны были быть невозможны на Форуме, пока он не был осушен; и что строительство главного стока, *cloaca maxima*, приписываемое Тарквину Ливием, как показали раскопки, относится к гораздо более позднему периоду.

Дренаж не может быть датирован по его кирпичной облицовке,

Что касается главного стока, то археология действительно показала, что он был замурован и сводчатый в поздние времена; но нет никаких оснований считать, что он начал свое существование с той кладки, которая сейчас его окружает. Лондонский флот и Тайберн свидетельствуют об обратном. Самый последний том, посвященный этой теме, категоричен в этом вопросе. "Самая ранняя римская канализация, несомненно, представляла собой естественный водоток, русло которого расширялось и углублялось^[1264] ." "Нет сомнений, что первые попытки искусственного водоотвода относятся к царскому периоду. Первой частью города, которая была осушена, стала долина Форума^[1265] ."

а могилы на Форуме свидетельствуют лишь о том (*pace Pais*), что кладбище было секуляризовано не позднее конца царского периода.

Те, кто придерживается пост-регальной даты строительства Форума, основывают свои аргументы на находках керамики в могилах Форума. Находок было много, и их свидетельства очень ценны, поэтому необходимо кратко рассмотреть их. Самый поздний стиль керамики, найденный в этих могилах, - протокоринфский. Эта очень характерная и широко распространенная керамика^[1266] вызывает много споров относительно места своего происхождения, но ее хронология хорошо установлена. Она расцвела в седьмом веке: в шестом она сохранилась в нескольких стереотипных формах, из которых, по крайней мере, две^[1267] продолжали существовать в деградированном виде в пятом. Вазы этого стиля, цитируемые Бони^[1268] как происходящие из двух самых поздних могил на Форуме, проиллюстрированы в *Notizie degli Scavi*^[1269] (рис. 36). Обе проиллюстрированные вазы вполне могут относиться к седьмому веку. В Ричоне в Беотии типы были полностью устаревшими к середине шестого века, ни один пример не встречается среди 2500 ваз, раскопанных из могил второй половины века. Эта масса керамики включает около 150 протокоринфских ваз, но их количество делится примерно поровну между кофонами, как J.H.S. XXXI. p. 75, рис. 4, и маленькими скифоидами, как J.H.S. XXIX. p. 319, рис. 7, № 9, с двумя или тремя пиксидами, как J.H.S. XXIX. p. 312, рис. 2, № 8.

В могилах Форума есть некоторое количество ваз других стилей, которые не могут быть датированы так точно, как протокоринфские, но по стилистическим признакам предполагают несколько более позднюю дату. Однако ни одна из них, естественно, не может быть отнесена к концу VI века, и лишь немногие - к этому времени^[1270]. Случайные захоронения более позднего времени могли бы свидетельствовать о более позднем превращении кладбища в Форум только в том случае, если бы внутригородские захоронения были неизвестны в Риме. На самом деле есть явные свидетельства того, что они имели место^[1271].

Рис. 36. Протокоринфская ваза, найденная на римском Форуме.

Мнения об историчности Сервия Туллия.

После того, что было сказано о Тарквиниях и Риме VI века в целом, вряд ли стоит подробно обсуждать историчность Сервия Туллия. Репрезентативные современные взгляды на него см. у Мюллера-Дееккес^[1272] (Сервий символизирует верховенство Вольсиния, Тарквины - Тарквиния); De Sanctis^[1273] (Сервий - этрусский захватчик, изгнавший Тарквинов); Gardthausen^[1274] (Сервий - римский аналог греческого тирана, Тарквины - законные цари, предводители богатых и знатных). Вся эта глава - опровержение мнения Гардтхаузена о Тарквинах: остальные предложения совпадают с моими собственными. Этрурия вполне могла оказать такое же сильное влияние на тиранию в Риме VI века, как Персия на тиранию в Ионии VI века.

Pais^[1275] причудливо объясняет Сервия как бога-жреца, *seruus rex*, из Ариция, который был завезен в Рим в 338 году до н.э., хорошо известного английским читателям как

Жрец, который убил убийцу

И сам будет убит.

Мастарна отличают от Сервия^[1276] и говорят, что его историческим прототипом является Мезенций, враг Энея. Моя критика Паиса в отношении Тарквинов в равной степени применима и здесь.

Рис. 37. Ионический терракотовый антефикс, найденный в Риме.

Рим и Афины.

В ранний период Римской республики главным греческим влиянием, судя по повествованиям, были Афины и Алкмеониды^[1277]. И снова мы видим, что письменные документы и археологические свидетельства согласуются. Во второй половине VI века аттический импорт приобретает в Центральной Италии значительный перевес^[1278].

Рис. 38. Аналогичный антефикс, найденный на Самосе.

Таким образом, начиная со времени, когда греческий Демарат, как говорят, поселился в Тарквиниях, и до того момента, когда последний римский Тарквиний, как говорят, искал убежища в греческих Кумах, ряд греческих связей, подразумеваемых в нашем повествовании, находит отражение в результатах раскопок. Мы основываем наши выводы на массе материалов из различных мест, разбросанных по всей Центральной Италии. | Находки из самого Рима подтверждают повествование, показывая сначала коринфское влияние, затем ионийское, а потом аттическое. | Свидетельства из самого Рима не могли быть основой для обсуждения. Они недостаточно многочисленны. Однако его скудость не должна вызывать опасений. Оно в достаточной степени объясняется непрерывными эпохами многолюдной оккупации, которые отличают Рим от окружающих городов. Находки из Рима, насколько это возможно, подтверждают другие свидетельства, показывая, что сначала Коринф, затем Иония и, наконец, Афины действительно оказывали влияние на Рим в период правления последней царской династии. Коринфские вазы время от времени находили в городе^[1279], хотя, надо заметить, не на кладбище Форума^[1280]. Влияние Ионии в VI веке прослеживается в таких предметах, как серия кубков^[1281], близко напоминающих "поздние ионические вазы" из мюнхенского каталога^[1282], или снова в бородатом антефиксе (рис. 37), найденном возле церкви Св. Антония и сравненном Пинцей^[1283] с примерами, опубликованными Бёлау в его "Aus ionischen Nekropolen"^[1284] (рис. 38), или еще раз в архаичной терракотовой голове (рис. 39), найденной в 1876 году у церкви Аракоэли на Капитолии^[1285], которая очень похожа на каменную голову (рис. 40) из афинского Акрополя, описанную Диккенсом как "несомненно ранний пример импортного киотского искусства"^[1286].

Амфора в стиле аттических черных фигур (рис. 41) была найдена на Квиринале^[1287]. О "самой изысканной ранней аттической" сообщает Бони с Палатина^[1288]. Аттическое ионическое влияние прослеживается в капитолийской волчице (рис. 42), которую Петерсен считает памятником изгнания царей и сравнивает со статуей львицы, установленной в Афинах в память о Леине, любовнице тираноубийцы Аристогейтона^[1289].

Рис. 39. Терракотовая голова, найденная на римском Капитолии.

Рис. 40. Каменная голова, найденная на Акрополе в Афинах.

Рис. 41. Ваза в стиле аттических черных фигур, найденная на Квиринале.

Рис. 42. Капитолийская волчица.

Выводы по вопросу достоверности.

На этом доказательства достоверности нашего повествования^[1290] заканчиваются. Оно не является окончательным. Археологический материал, на который нам пришлось в значительной степени опираться, хотя и отражает различные греческие влияния, которые, как говорят, повлияли на их историю, не устанавливает, например, Демарата как исторического персонажа. Но он полностью устанавливает его как историческую возможность. Это располагает нас к тому, чтобы придавать гораздо большее значение, чем это было принято поколение назад, высказываниям и аллюзиям, которые подтверждают историческую основу наших повествований. Мы больше не упускаем возможность того, что Демарат мог быть живым прототипом Филиппа, сына Бутаида^[1291], а не просто вымыслом, основанным на карьере авантюрного кротонца. В свете чрезвычайно богатой коллекции греческой керамики из Каэры^[1292], детская история, рассказанная Страбоном^[1293] о том, как Каэра получила свое название от греческого $\chi\alpha\iota\rho\epsilon$, больше не противоречит его другому утверждению в том же отрывке, что в ранние времена город имел сокровищницу в Дельфах, Это утверждение подтверждает Геродот^[1294], который говорит нам, что жители Каэры обращались к дельфийскому оракулу около 540 года до н.э. Короче говоря, есть все шансы, что Таркин в Риме мог сознательно иметь перед глазами карьеру Кипсела в Коринфе. Предложенные здесь версии Тарквиния и коринфских тиранов, безусловно, носят предположительный характер: но когда два таких предположения, основанные на независимых свидетельствах, так хорошо согласуются друг с другом и с общим объяснением повествований, с которыми они связаны, можно с полным основанием утверждать, что они оказывают друг другу взаимную поддержку.

Если Таркин - это греческий вымысел, то в нем сохранилось раннегреческое представление о типичном раннем тиране как о великом капиталисте.

Но давайте на время примем позицию скептиков и предположим, что вся история Тарквинов ложна. В таком случае многочисленные греческие элементы можно объяснить только как плагиат с соответствующих фигур в греческой истории, тиранов седьмого и шестого веков. Но греческий элемент включает в себя историю Демарата, его коринфских рабочих и его богатства, а также ту роль, которую они сыграли в событиях, приведших к тому, что его сын Тарквиний Приск стал царем Рима. Иными словами, для гипотетических авторов этого гипотетического вымысла типичный раннегреческий тиран был великим капиталистом и крупным работодателем^[1295].

Глава IX. Сикион, Мегара, Милет, Эфес, Леонтины, Агригентум, Кумы

"Ne perdons rien du passé. Не иначе, как с прошлым мы создаем будущее".

Анатоль Франс.

Сицион.

Тирания в Сикионе длилась дольше, чем в любом другом греческом государстве^[1296]. Она началась примерно в то же время, что и тирания Кипсела в Коринфе, и продолжалась в той же семье около столетия. Тираны опирались на поддержку дорийского населения своего города, и установление тирании, вероятно, в значительной степени было расовым движением, представлявшим собой восстание дорийской прослойки населения против дорийских завоевателей.

Как семья тиранов обеспечила себе власть - это уже другой вопрос. До недавнего времени единственной нашей информацией на эту тему было то, что основателем династии был повар или мясник (μάγειρος)^[1297], которому помог прийти к власти дельфийский оракул^[1298]. Однако благодаря папирусу, недавно раскопанному оксфордскими учеными Гренфеллом и Хантом и опубликованному ими в 1915 году, мы имеем теперь значительные фрагменты подробного рассказа об основателе династии^[1299].

Фрагмент подтверждает утверждение о том, что тираны Сикиона произошли от мясника, и разрешает спорный вопрос о родстве Андреаса и Ортагора (двух самых ранних известных членов семьи), показывая, что Ортагор был первым тираном, а Андреас - отцом Ортагора. В ней также показано, что сам Ортагор был воспитан как мясник. Но в основном она посвящена военным подвигам юного Ортагора, и хотя она не доводит нас до того дня, когда он стал тираном, но явно приближает нас к нему, а поскольку она оставляет его в положении полемарха на действительной службе, то, кажется, иллюстрирует и поддерживает утверждение Аристотеля о том, что ранние тираны часто были обязаны своей властью какой-то высокой магистратуре или военной должности, которую они ранее получили в государстве. Но есть несколько причин, по которым этот военный аспект не следует переоценивать. Рассказ о том, как Ортагор фактически захватил тиранию, в конце концов, неполный. В сохранившемся фрагменте говорится, что он добился должности полемарха "отчасти и благодаря благосклонности к нему массы граждан", и это приводится как отдельная причина^[1300] от военных успехов. Более того, автором фрагмента, возможно, был сам Аристотель, который, как известно, написал утраченную конституцию сикионцев; и хотя Гренфелл и Хант считают Эфора более вероятным автором, Эфор жил в то же время и писал

под тем же историческим влиянием, что и Аристотель, и, вероятно, был точно так же введен в заблуждение относительно характера ранней тирании^[1301]. Выдающимся фактом в ранней карьере Ортагора остается его торговое происхождение.

О дальнейшей карьере Ортагора известно немного, кроме того, что он правил мягко, а о его преемнике Мироне (победителе Олимпиады в 648 году до н. э.^[1302]) ничего не известно, что бросало бы прямой свет на происхождение тирании: но дело обстоит иначе, когда мы переходим к Клисфену, последнему и самому знаменитому из этой семьи тиранов, чье правление охватывало примерно первую треть шестого века^[1303]. С Клисфеном сицилийская тирания вступила в новую фазу.

Аристотель приводит Сикион в качестве примера города, где правительство менялось "от тирании к тирании... от правления Мирона к правлению Клисфена"^[1304]. Историю о том, как Клисфен убрал с дороги двух своих братьев, рассказывает Николай Дамаскин^[1305]. Но то, что рассказывает Николай, - это чисто бытовая история, смена тирана на тирана, а не тирании на тиранию. Возможно, перемены, о которых говорит Аристотель, следует связывать с тем, что Клисфен проводил агрессивную внешнюю политику^[1306]. Он был яростно враждебен Аргосу^[1307], и принимал ведущее участие в "священной" войне, которая велась в Дельфах в начале VI века до н. э.^[1308]. Он был современником Периандра, который, по-видимому, изменил характер тирании в Коринфе, придав правительству военный характер. Не исключено, что изменения, произведенные Клисфеном в Сикионе, были в том же направлении. Из того, что он обратился к войне, не следует, что он отказался от торговли. Возможно, он придерживался мнения, что торговля следует за флагом. У "священной" войны была и светская сторона. Она возникла из-за отказа жителей Крисы, владевших дельфийским портом, снять с них портовые пошлины.

Криса в ранние времена была важным местом^[1309], настолько, что то, что позже стало известно как Коринфский залив, называлось Крисским заливом. Территория крисейцев лежала прямо напротив Сикиона, и не исключено, что сикионцы со своими союзниками коринфянами^[1310] стремились отвоевать у своих соперников по воде позиции в заливе, который был отправной точкой торговли с дальним Западом^[1311]. Согласно схолии Пиндара, в начале войны крисейцы контролировали море и обязаны своим окончательным поражением тому, что Клисфен построил флот и уничтожил их морское превосходство^[1312]. Очень похоже на то, что Клисфен пытался отвоевать для Сикиона морскую торговлю, которая шла в Крису. С помощью флота, который для того времени должен был сделать Сикион действительно важной морской державой^[1313], он сокрушает торгового конкурента на другом берегу и отвоевывает его место для себя и своего города^[1314].

Бьюри приписывает Клисфену ведущую роль в реорганизации Пифийских игр в Дельфах после Священной войны^[1315], и изображает сицилийского тирана делающим для Дельфийской Пифии то же самое, что Периандр и Пейсистрат делают для коринфской Истмии, а афинская Панафиней и, возможно, Фидон - для великих игр в Олимпии. Общая картина ранних тиранов как основателей или реорганизаторов этих великих греческих игр вполне согласуется с хронологическими данными и со всем, что известно о деятельности и характерах различных тиранов^[1316]. Развитие этих игр вполне могло быть частью широкой коммерческой политики, тем более что игры находились под божественным покровительством и обеспечивали периодические возможности для мирного общения в эпоху хронических войн^[1317]. В таких условиях подобные собрания, естественно, превращались в "коммерческое дело (ἐμπορικὸν πράγμα)", которым, по общему признанию, стал Делийский фестиваль^[1318]. Все, что известно о ранних греческих тиранах, показывает, насколько они были способны обратить такую склонность себе на пользу. То, что Дельфы, в

частности, с ранних времен имели коммерческий характер, уже было предположено Корнфордом^[1319]. В первые годы сицилийской тирании величие эвбейских городов Халкиса и Эретрии стало неуклонно падать. Пришло время изменить курс восточной части этого великого торгового пути и вместо Крисы, Дельф, Фив, Эвбеи проложить другую линию, в которой доминирующими пунктами должны были стать Сикион и, возможно, Афины. Вероятно, именно это имел в виду Клисфен, когда так решительно поддержал Солон в Священной войне.

Из этого следует, что считать его основателем Дельфийской пифии - мнение, которое нельзя принимать без оговорок. Имеющиеся свидетельства представляют Клисфена скорее соперником, чем защитником Дельф. Уже цитировавшийся схолиаст Пиндара утверждает, что он учредил пифийские игры в своем Сикионе. Других свидетельств о пифийских играх в Сикионе нет, но Геродот приводит длинный рассказ о том, как Клисфен радикально реформировал главный существующий в городе праздник. Этот праздник, как и дельфийская Пифия времен до Священной войны, был посвящен в основном музыкальным и поэтическим состязаниям. Его покровителем был древний герой Адраст, которого связывали с Аргосом, дорийским городом, чье влияние в Сикионе Клисфен хотел свергнуть. Клисфен изгнал Адраста из Сикиона, похоронив рядом с ним тело его злейшего врага, фиванца Меланиппа (которое он позаимствовал для этой цели в Фивах), а затем вывез тело Адраста, который, как предполагалось, добровольно покинул столь неприятное соседство.

Реформированный праздник был устроен в честь этого фиванского героя и фиванского бога вина Диониса. Изгнанный Адраст был одним из руководителей знаменитой экспедиции Семи против Фив^[1320]. Можно не сомневаться, что, учреждая праздник, Клисфен стремился к установлению отношений с великим внутренним городом, который был первым главным этапом на пути из Дельф в Эвбею и на север. Но попытка оказалась неудачной. Фивы не были представлены на сватовстве дочери Клисфена Агаристе^[1321], и тиран приходит в ярость, когда один из женихов исполняет то, что, как можно предположить, было фиванским танцем^[1322]. Отношения с Дельфами, возможно, развивались аналогичным образом. В первом празднике реформированной дельфийской Пифии участвовал Клисфен, и то, как он обратился к дельфийскому оракулу, прежде чем реорганизовать свой собственный сикионский праздник, показывает, что он хотел найти взаимопонимание с тамошними властями, которым его семья, возможно, была в значительной степени обязана своим трон^[1323]. Но оракул не захотел ничего делать с предложениями Клисфена и оскорбительно высказался в адрес тирана за их выдвижение. Отношения между богом и тираном вряд ли могли оставаться сердечными после этого инцидента, и фиванцы, предположительно, встали на сторону бога.

Каковы бы ни были точные результаты политики Клисфена в отношении Дельф и Фив, остается вероятность того, что одной из главных целей этой политики было придание нового направления торговле города. Мы исходили из того, что Сикион времен тиранов был важным центром торговли и промышленности. Это отрицает Эдуард Мейер^[1324]. Доказательства скудны, но все они полностью противоречат гипотезе Мейера, что затрудняет объяснение того, как город стал таким большим и процветающим в это время. Мы уже видели, что Клисфен обладал мощным флотом и что его дела свидетельствуют о далеко идущих коммерческих планах. Доказательства в отношении промышленности указывают в том же направлении. Некоторые выдающиеся археологи фактически приписывают Сикиону времен Андреаса и Ортагора одну из ведущих отраслей промышленности того периода - изготовление замечательно тонкой керамики, которую сейчас принято называть протокоринфской. Их аргументы отнюдь не являются решающими^[1325], и в любом случае нет

ничего, что связывало бы сикионских тиранов лично с сикионскими гончарными мастерскими; но есть литературные заметки, указывающие на то, что Ортагорида, как и другие ранние тираны, были строителями и, предположительно, нанимали местную рабочую силу. Олимпийская "сокровищница", которую Павсаний считал построенной тираном Мирон^[1326], как показали раскопки, была работой пятого века^[1327]. Но в этой сокровищнице Павсаний увидел две "бронзовые палаты" (модели зданий?), на одной из которых была надпись, гласившая, что это посвящение Мирону и жителям Сикиона. Эта надпись могла ввести Павсания в заблуждение, заставив приписать Мирону здание, в котором она содержалась^[1328]. Бронзовая камера, на которой было начертано посвящение, была большого размера. Она весила 500 эгинетских талантов или около 19 тонн. С конца периода тирании Сикион славился своей школой скульпторов, которые работали в основном из бронзы, и хотя не сохранилось никаких сведений о качестве изготовления посвящения Мирона, его не без оснований можно использовать в качестве доказательства того, что сикионцы его правления уже были экспертами в обработке бронзы^[1329]. Что касается зданий, то Клисфен на трофеи, полученные в Священной войне, возвел в Сикионе великолепный портик^[1330].

Поллукс, лексикограф II века н.э., говорит, что сикионцы во времена тиранов (как и афиняне при Пеисистратидах) носили особый вид грубой шерстяной одежды, "чтобы им было стыдно спускаться в город"^[1331]. Утверждение может быть истинным, а объяснение - ложным. Если принять оба, то из этого отнюдь не следует, что политика сикионских тиранов была преимущественно сельскохозяйственной^[1332]. Возможно, здесь мы имеем запись о мерах, направленных на то, чтобы помешать торговому городу привлечь к себе сельскохозяйственное население, которое было так важно для нормального самообеспечивающегося греческого города-государства. Мало сомнений в том, что правительство сицилийских тиранов было популярно среди низших классов. Аристотель утверждает, что оно продержалось так долго потому, что они так хорошо обращались со своими подданными^[1333]. Если Геродот и Эфор дают о них менее благоприятный отзыв, то причина, вероятно, в том, что их источники были аристократическими и антитираническими^[1334].

Мегара.

Тирания в Мегаре связана с именем одного Теагена^[1335], чье правление датируется поддержкой, которую он оказал своему зятю Килону, победителю Олимпийских игр в 640 г. до н. э.^[1336] и потенциальному тирану Афин.

Согласно Аристотелю в "Риторике", Теаген, подобно Писистрату и Дионисию, задумав сделать себя тираном, попросил (обычного) телохранителя, а получив его, стал тираном. Но, как отмечалось в первой главе, это лишь показывает, что завоевание тирании означало обладание вооруженной силой. Здесь ничего не говорится о том, как эта сила была приобретена. Вооруженные силы не могут быть получены просто так. О том, как Теаген получил свою власть, свидетельствует лишь другой отрывок Аристотеля, на этот раз из "Политики", где говорится, что Теаген получил свою власть "после того, как вырезал стада и отары богачей"^[1337].

Во второй половине пятого века "большинство мегарейцев зарабатывали на жизнь, изготавливая экзомиды" (обычная одежда бедных слоев населения)^[1338]. Мейер предполагает, что это было развитием четвертого (sic) века, но полностью противоречит доказательствам^[1339]. Известно, что шерстяная промышленность была одним из основных занятий Мегары в пятом веке, но процветание города в седьмом веке можно понять, только

если предположить, что он уже занимался торговлей шерстью. Как отмечает Бусольт^[1340], Мегарис в целом имеет бесплодную каменистую почву, которая в основном подходила только для выпаса многочисленных отар овец. Мегарийцы, должно быть, производили товары для отправки в свои дальние колонии, откуда они импортировали кукурузу и другое сырье.

Колониальная деятельность Мегары началась еще в седьмом веке. Некоторые из ее колоний, такие как Халкидон, Византий и Гераклея Понтийская^[1341], лежали на пути аргонавтов, который вел в страну золотого руна. Другие колонии Мегары седьмого века находились на крайнем западе Сицилии, где она основала Мегару Гиблаю во второй половине восьмого века и Селинус во второй половине седьмого.

Таким образом, колониальная деятельность Мегары в седьмом веке тесно связана с деятельностью Милета, города, который колонизировал большую часть портов Черного моря и был во многом обязан своим богатством торговле шерстью с италийским Сибарисом^[1342].

То, что Мегара сама занималась шерстяным производством в столь ранний период, не кажется маловероятным благодаря нескольким фрагментам свидетельств. Деметра в Мегаре носила титул Малофорос. "Об этом титуле, - говорит Павсаний, - говорят разное, в частности, что Деметра была названа Малофором теми, кто впервые стал разводить овец в этой земле^[1343]." Слово Malophoros может означать как "овцевод", так и "яблоковод", но рассказ об этом титуле у Павсания показывает, что мегарейцы понимали его как "овцевод" и считали его очень древним и уж точно более древним, чем те времена, когда стада зажиточных людей забивались Феагеном.

Согласно Плинию^[1344], фуллинг был изобретен мегарцем по имени Никиас. Бухсеншутц^[1345] делает вывод из этого отрывка, что валяние или измельчение имело большое значение в античной шерстяной промышленности. Блюмнер^[1346] цитирует его, чтобы доказать важность этой отрасли в Мегаре. Самый важный вывод, который можно сделать из этого, оба они, кажется, упустили из виду, а именно, что промышленность в Мегаре должна была быть очень древней.

О том, что мегарейцы уделяли большое внимание разведению овец, упоминает Феогнис VI века

κρίους μὲν καὶ ὄνους διζήμεθα, Κύρνε, καὶ ἴππους

εὐγενέας^[1347].

Мегарейские шерстяные изделия в конце V в. носили афинские рабы, которые, как отмечает Кауэр^[1348], были в основном выходцами из региона ранних мегарейских колоний.

Поэтому представляется маловероятным, что, когда Теаген зарезал стада богачей в Мегаре, его удар был направлен на класс капиталистов, чье богатство уже было основано на торговле шерстью, как и у прямых предков наших современных капиталистов во времена Тюдоров^[1349].

Такую возможность признает Поэльман^[1350], который цитирует Ксенофонта о шерстяной промышленности Мегареи в связи с "Теагеном". Поэльманн представляет удар как нанесенный недовольными массами и вдохновленный простой ненавистью. Но наш единственный авторитет приписывает его не восставшим массам, а самому Феагену. Аристотель заслуживает того, чтобы его слова были восприняты именно так, как он их

излагает. Может ли быть, что переворот Феагена был простым, но эффективным средством обеспечить себе монополию на мегарейскую шерстяную промышленность?

Если это на самом деле было целью Теагена, то он просто предвосхитил методы некоторых современных монополистов. В декабре 1888 года "Комбинация виски" в Соединенных Штатах, как говорят, взорвала проблемный независимый завод в Чикаго^[1351]. Есть записи о подобной попытке взорвать конкурирующие заводы в Буффало^[1352]. В связи с этими случаями я снова привожу цитату из работы об опасности новой тирании богатства, которая, по мнению писателя, чья книга вышла в 1894 году, в то время угрожала Соединенным Штатам.

Самым долговечным памятником, который оставил после себя Теаген, был водовод, построенный им для города^[1353]. Сохранившиеся останки, по-видимому, относятся к более позднему времени, но это не повод ни относить его к более позднему времени, ни считать его строителем. Дошедшие до нас остатки вполне могут быть результатом реконструкции, возможно, знаменитого мегарейца Евпалина, построившего для Поликрата саамский водопровод. Подземные каналы, подобные мегарейским, делались еще за полвека до правления Теагена, о чем свидетельствует подземный канал, построенный Езекией, чтобы отвести в Иерусалим воды Мириам (Гихона)^[1354]. Тирания в Мегаре была недолгой. Единственный тиран закончил свою жизнь в изгнании.

Изгнав Феагена, мегарейцы некоторое время вели себя умеренно... но потом стали вести себя возмутительно по отношению к богатым: в частности, бедняки входили в их дома и требовали, чтобы их развлекали и обильно пировали, и обращались с ними жестоко и оскорбительно, если не получали желаемого. В конце концов они приняли постановление и взыскали с ростовщиков проценты, которые те, как оказалось, выплатили.

Этот отрывок Плутарха^[1355] не проливает прямого света ни на характер, ни на основу власти Теагена. Возможно, описываемая в нем вспышка была вызвана сравнительной слабостью нового правительства. В равной степени возможно, что она произошла потому, что падение тирании значительно ухудшило положение рабочих классов, на поддержке и благосклонности которых Теаген, вероятно, и основывал свою власть^[1356].

Этот период мегарейской истории известен лучше, чем соответствующий этап истории любого другого греческого города, благодаря стихам Феогниса. Их свидетельства о характере ранних тираний обсуждались в главе I. Если, как утверждается там, его призывы не поддаваться на выгоду, чтобы возвеличить любого тирана, и его жалобы на торговцев, контролирующих государство, указывают на опасения тирании богатства, то особенно вероятно, что его тревога могла иметь историческую основу в карьере Теагена.

Милет.

В Милете в течение седьмого и шестого веков^[1357], по-видимому, было несколько периодов тирании с промежутками анархии между ними. Самым известным и могущественным из милетских тиранов был Фрасибул, чье правление, должно быть, началось в конце седьмого века. Пока он был тираном, город наслаждался большим материальным процветанием. Затем, в середине шестого, она была охвачена двумя поколениями гражданских войн, после чего наступило великое возрождение процветания при тиране Гистиее. Плутарх упоминает имена еще двух тиранов, Тоаса и Дамасенора, но только для того, чтобы рассказать о положении дел, последовавшем за их свержением. Возможно, они были совместными преемниками Фрасибула^[1358], подобно тому, как афиняне склонны считать Пеисистрата преемником Гиппия и Гиппарха, правивших совместно. Или, возможно, Плутарх упоминает

двух сменявших друг друга правителей одного периода тирании, последний из которых был свергнут только , в таком случае их, вероятно, следует поместить перед Фрасибулом^[1359] , где-то в середине седьмого века.

За падением Тоаса и Дамасенора последовала борьба между двумя партиями, называемыми Плутис (?) и Хейромаха, имена которых удивительно похожи на Капитал и Труд.

Нет уверенности ни в этимологическом, ни в историческом значении этих имен. Плутарх, кажется, отождествляет фракцию Ploutis (?) с органом под названием Aeinautai (всегда на корабле)^[1360] , а чтение Plontis, связанное с πλοῖον (корабль), было предложено Плассом^[1361] . Cheiromache снова означает не ручных рабочих, а ручных бойцов, название, которое не обязательно должно иметь какой-либо промышленный подтекст. Рукопашниками могли быть просто люди, не носившие мечей, в общем, низшие классы. Но Евстафий говорит, что Cheiromache был синонимом χειρῶναξ, общего слова для artizan^[1362] , а Суидас говорит о соперничающих партиях в Милете, состоящих из богатых (πλούσιοι) и рабочих (Γέρῡηθερ, s.v., Хотя период, к которому он относится, довольно неопределенный, он все же оказывает некоторую поддержку интерпретации "Капитала и труда" Плутарха - Ploutis (?) и Cheiromache^[1363] . Последнее название было бы дано партии ее противниками, подобно тому, как если бы враги современной рабочей партии называли их "забастовщиками" или "даун-тулерами". Другое название труда (Γέρῡηθερ или Γέρῡηθερ), по словам Гераклида Понтийского^[1364] , было дано ему фракцией богачей, что вполне совместимо с объяснением названия как происходящего от места и обозначающего бедных подданных карийцев, потомков доэллинского населения милезийской территории^[1365] . Возможно, намек на то, что Гергеты и Хейромахи были альтернативными названиями, которые давали труду его богатые противники, содержится в ответе оракула партии богачей после того, как они жестоко расправились с партией бедняков . "Я тоже", - говорит бог, - "принимаю во внимание убийство невоинственного Гергита^[1366] ." Упрек приобретает смысл, если гергиты назывались также хейромахами, ручными *бойцами*^[1367] .

О ранней карьере милезийских тиранов мы практически ничего не знаем. Аристотель действительно^[1368] упоминает Милет как место, где тирания возникла из-за большой власти, которой обладал магистрат, называемый prytanis. Но, как уже говорилось при обсуждении должности полемарха, которую занимал до своей тирании Кипсел, подобная должность сама по себе не объясняет приход тирана к верховной власти. Более того, в случае с Милетом ничто не указывает на то, какого тирана имеет в виду Аристотель. Находясь на троне, Фрасибул проводил политику "отсечения голов тех колосьев кукурузы, которые он видел выше остальных", или, другими словами, "предавал смерти тех, кто был выдающимся среди его подданных^[1369] ." Можно с уверенностью сказать, что правитель, проводивший такую политику, не опирался в своей власти на поддержку высших классов. Один из немногих анекдотов о тиране рассказывает о том, как он перехитрил лидийского царя, выставив на милезийском рынке кукурузу^[1370] .

Воцарение Гистиея, по-видимому, совпало с возрождением коммерческого процветания Милета. Гистий был другом и вассалом Дария Персидского, и поэтому основу его власти не следует искать исключительно во внутренних условиях Милета. Но с другой стороны, персы, кажется, были удивительно свободны от какой-либо тенденции к персианизации покоренных ими народов. Их грехи были скорее грехами Абдул Хамида, чем младотурок. Чисто внутренние условия продолжали действовать во многом так же, как и до^[1371] .

Поэтому в отсутствие всех свидетельств о том, как Гистий получил свою власть^[1372] , становится интересно посмотреть, как он стремился ее расширить. Шанс представился ему,

когда он завоевал доверие и признательность Дария в своей скифской кампании, и великий царь предложил ему выбрать награду. "Он попросил Мирцину в Эдони, желая основать в ней город^[1373]." Дарий удовлетворил его просьбу, и основание города было начато. Но когда весть об этом даре дошла до Мегабаза, способного персидского офицера, который подчинил себе Эдонию и другие части Фракии и Македонии, он сильно встревожился и заговорил со своим господином:

О царь, что ты сделал, предоставив умному и хитрому греку приобрести город во Фракии? Там, где есть неисчерпаемый запас древесины для строительства кораблей и весел, и рудники серебра, и большое количество греков, живущих по соседству, и большое количество варваров: если у них появится покровитель (προστάτης), они будут делать то, что он прикажет, днем и ночью. Поэтому остановите его, чтобы не быть вовлеченным в войну против своих^[1374].

Как отмечает Грюнди^[1375] Мирциний занимал важнейшее место на больших стратегических и торговых магистралях. Но нет никаких оснований подозревать Геродота, когда он говорит нам, что город был обязан своим значением в первую очередь не географическому положению, а полезным ископаемым и лесам. Именно как крупный владелец рудников и судостроитель, наниматель множества рудокопов, судостроителей и моряков, Гистиэй грозит стать правителем, достаточно могущественным, чтобы представлять опасность для самого Великого царя^[1376].

Эфес.

Самым ранним тираном Эфеса, по-видимому, был Пифагор, который сверг правительство василидов. Батон Синопский^[1377], написавший историю тиранов Эфеса^[1378], утверждает, что Пифагор жил "до Кира Персидского". Это, кажется, скорее преуменьшение древности тирана, поскольку мы слышим о двух других тиранах, Меласе и Пиндаросе, из которых последний был сыном и наследником первого и был лишен трона Крезом^[1379], и о еще одной паре, по имени Афинагор и Комас, которая жила в одно время с поэтом Гиппонаксом и поэтому должна быть отнесена примерно к середине шестого века^[1380], в то время как во время части правления Креза, после падения Пиндароса, в Эфесе, похоже, царила умеренная демократия под руководством эсимнета Аристарха^[1381]. Все это оставляет мало места для Пифагора в период, непосредственно предшествующий Киру, а поскольку и василиды почти наверняка были одной из наследственных аристократий, подобно вакхиадам Коринфа, которые свергли наследственную монархию в большинстве греческих городов до конца темных веков, становится вероятным, что Пифагор процветал в начале шестого века или, возможно, даже в седьмом^[1382].

Согласно нашему единственному авторитету Суидасу, который цитирует Батона о дате Пифагора и, очень возможно, использует его для остальной части своего извещения, Пифагор проявлял ненасытную страсть к деньгам (ἔρως χρημάτων ἄμετρος) и показал себя жестоким тираном (τύραννος πικρότατος), но "в народе и толпе он и нравился, и казался хорошо любимым, иногда обнадеживая их своими обещаниями, иногда тайно раздавая небольшие вознаграждения^[1383]." "Тех же, кто пользовался репутацией или властью, он грабил и подвергал конфискации^[1384]." Суидас имеет дело только с тираном на троне и, очевидно, черпает информацию из самого недружественного источника^[1385]: но, как бы далеко он ни зашел, он предполагает, что власть Пифагора была основана на богатстве.

Тиран Пиндарус, свергнутый Крезом, был внуком Алятта, отца и предшественника Креза^[1386]. Эфес был одной из главных конечных точек большого караванного пути с Дальнего Востока, который шел в Сарды и затем разветвлялся в нескольких местах на побережье. В главе о

Лидии мы уже имели случай обратить внимание на историю лидийского Ардиса VIII века, который, будучи изгнанным из родной страны, занялся бизнесом в Киме (еще один из этих ответвлений) и оттуда вернулся правителем в Сарды. Поэтому Раде может быть прав, считая, что эфесские тираны делили с лидийскими монополию на торговлю, которая шла по этой великой дороге^[1387]. Свержение Пиндара, возможно, следует связывать с историей о финансовых операциях Креза, когда его отец Алят еще находился на троне^[1388]. Чтобы проложить себе путь к престолонаследию в противовес своему сводному брату, полугреку Панталеону, Крез вынужден занять большие суммы денег. Сначала он пытается сделать это в Сардах, но, потерпев неудачу, отправляется в Эфес, где ему удастся собрать деньги, но не у дома Меласа, а у некоего Памфея, сына Феохарида. Вряд ли будет опрометчиво предположить, что семья тирана в Эфесе ставила на полугреческого кандидата, и что Пиндарус пал потому, что его семья заняла не ту сторону в этой великой битве высоких финансов.

Леонтины.

Панаитий из Леонтины первым в Сицилии захватил тиранию (*Panaitios primus in Sicilia arripuit tyrannidem*), что он, как утверждается, сделал за несколько лет до конца седьмого века^[1389]. Уловка, с помощью которой он сделал себя тираном, описана Полиэном^[1390]. Жители Леонтины находились в состоянии войны с Мегарой, а Панаитий был полемархом. Фактически переворот заключался в разоружении богатых граждан, служивших верхом на лошадях (τοῖς εὐπόροις καὶ ἵππευσι), что он и сделал с помощью их конюхов. Но прежде чем совершить этот *переворот*, Панаитий начал конфликт между этими богатыми рыцарями и бедняками, служившими пешим (τοὺς πένητας καὶ πεζοῦς). Аристотель^[1391] мало что добавляет. Он причисляет Панаития к "Кипселу в Коринфе, Пейсистрату в Афинах, Дионисию в Сиракузах и другим, которые таким же образом (стали тиранами) из-за демагогии", мнение, которое уже рассматривалось^[1392]. Другое его утверждение, что правительство Панаития стало преемником олигархии, заслуживает доверия, но ничего не проясняет^[1393].

Агригентум.

Фаларис из Агригентума, сборщик налогов, когда граждане пожелали за двести талантов воздвигнуть храм Зевсу Полиею на цитадели, как скалистой и крепкой, и по той причине, что благочестиво было бы отвести богу самое высокое место, обязался, если ему поручат работу, иметь лучших мастеров, дешево доставить материал и предложить надежные гарантии за деньги. Народ поверил ему, решив, что благодаря своей жизни в качестве сборщика налогов он имеет опыт в подобных делах. И вот, взяв общественные деньги, он нанял много иностранцев, купил много пленных и перевез в цитадель много материала - камня, дерева, железа. И когда уже копали фундамент, он послал своего глашатая объявить: "Кто даст сведения о тех, кто украл камень и железо в цитадели, получит такую-то и такую-то награду". Народ был раздосадован сообщением о краже материала. "Тогда, - сказал он, - позвольте мне огородить акрополь". Город разрешил ему огородить его и возвести вокруг стену. Он отпустил пленников, вооружил их камнями, секирами и топорами, совершил нападение во время Фесмофории, убил большую часть мужчин и, утвердившись в роли повелителя женщин и детей, стал тираном города Агригентум^[1394].

Более двух столетий имя Фалариса ассоциируется прежде всего со знаменитым спором между кембриджским Бентли и оксфордским Бойлем о подлинности приписываемых ему писем. Подложность этих писем была настолько убедительно доказана кембриджским ученым, что с тех пор все, похоже, стараются не придавать исторической ценности ничему, о чем бы ни сообщалось Фаларису. Так получилось, что самая известная традиция о Фаларисе

рассказывает о его крайней жестокости^[1395], и в частности о том, как он доводил свои жертвы до смерти, заживо зажаривая их в медном быке^[1396]. Эта история с быком, несомненно, способствовала дальнейшей дискредитации Фалариса как строго исторического персонажа.

Тем не менее, не подлежит сомнению, что Фаларис действительно стал тираном Агригентума и что его жестокость произвела неизгладимое впечатление на людей, которыми он управлял. О его существовании и важности свидетельствует целая серия упоминаний о нем, которая начинается с Пиндара^[1397] и включает в себя аллюзии у Аристотеля^[1398]. Учитывая, что тиран, вероятно, умер всего за одно поколение до рождения Пиндара^[1399], нет причин, по которым о нем не должна была сохраниться достоверная традиция и, в частности, почему рассказ о его ранних годах в Полиэне не должен иметь исторической основы.

Если она есть, то ее значение очень важно. Оно означает, что Фаларис был обязан своей тиранией в конечном счете своему мастерству в области финансов и, в первую очередь, контролю над большими суммами денег, которые давали ему большое влияние на низшие классы, зарабатывавшие на жизнь ручным трудом^[1400].

Полиен не может быть решительно подтвержден. Но еще меньше его можно решительно опровергнуть. Сама история указывает на то, что ее источником был храм Зевса Полиэя, а храм, основанный в шестом веке, вполне мог вести устные или письменные записи о днях своего основания. Конечно, существует вероятность подделки, но у подделок обычно есть какой-то мотив, например, выгода, слава или любовь к сенсациям. Никакой такой мотив не может быть легко вменен в вину этому рассказу Полиэна, чье изображение Фалариса подтверждается заметками других авторов.

Лукиан, например, делает тирана великим строителем и финансистом, а также великим покровителем простого народа^[1401]. Фаларис Лукиана представлен как защищающийся в Дельфах от обвинений в жестокости: он, конечно, произносит при этом много парадоксов; но смысл этой картины в том, что она основана на принятой традиции и может справедливо использоваться в качестве доказательства по вопросу, подобному тому, который мы здесь рассматриваем.

Аристотель причисляет Фалариса к тиранам, которые обязаны своим положением какому-то высокому посту, который они занимали ранее^[1402], что является хорошим доказательством в пользу Фалариса как исторической личности и в той мере, в какой это согласуется с Полиэном.

"Когда агригентинцы избавились от Фалариса, они постановили, чтобы никто не носил сине-серого плаща: ведь слуги тирана носили фартуки (περιζώματα) серо-голубого цвета^[1403]." Запрет на эти сине-серые фартуки создает впечатление, что люди, свергнувшие тиранию Фалариса, сочли необходимым распустить его армию служащих в униформе.

Далее, та часть рассказа о Полиэне, которая нас больше всего волнует, может претендовать на определенную вероятность благодаря тому, что известно о раннем однофамильце и соплеменнике сиракузского тирана Агафокла. Согласно Диодору^[1404], этот ранний Агафокл, живший в Сиракузах, когда там еще существовала земельная аристократия под названием γεωμόροι, вероятно, около 700 г. до н. э.^[1405],

Выбранный руководить строительством храма Афины, он выбрал лучшие из добываемых камней и оплатил расходы из своего кармана (τὴν μὲν δαπάνην ἐκ τῆς ἰδίας οὐσίας ἐποίητο), но неправильно использовал камни и построил дорогостоящий дом. На это, как говорят,

божественная сила подала знак: Агатокл был поражен молнией и сгорел вместе со всем своим домом. Геоморои конфисковали его имущество в пользу государства, хотя клерономы (финансовые чиновники) показали, что он ничего не брал ни из храмовых, ни из государственных денег. Они посвятили его дом богам и запретили приходящим туда ступать в него, и по сей день он называется Эмбронтайон (*т. е. место, пораженное молнией*).

Должности Фалариса и Агафокла, описанные Полиэном и Диодором, очень похожи. Оба они отвечают за строительство большого храма, причем греческое слово в каждом случае - ἑπιτάτης, что означает буквально "управляющий", но является довольно расплывчатым термином и, похоже, включает в себя идею подрядчика^[1406]. Оба снова злоупотребляют своим положением, и ни в одном из случаев преступник не обвиняется в присвоении. Фаларис обеспечивает себе тиранию, Агатокл строит себе дом. Но дом этот особого рода, и, хотя строителя специально оправдывают в нечестной сделке с ним, это обрушивает на него гнев богов и правительства. Боги сжигают его и его дом, а правительство конфискует его имущество. Что же это был за дом, который привел к таким катастрофическим последствиям для его строителя? Близкую параллель предлагает история римлянина Маэлия, о котором в V веке до н. э. рассказывают, что его дом был снесен, а имущество конфисковано. В случае с Агатоклом боги, разрушив его дом, как говорят, послали знак (ἐπισημαίνειν): в случае с Маэлием преступление, из-за которого его дом был снесен, объявляется не scelus, а monstrum. Обвинение, из-за которого Маэлий подвергся столь суровому наказанию, заключалось в том, что он покушался на трон. Маэлий был чрезвычайно богат, у него была большая армия клиентов, и мы можем сделать обоснованный вывод, что с его домом так сурово обошлись потому, что он был слишком похож на королевский дворец. Учитывая аналогии в истории Агафокла с историей Маэлия, с одной стороны, и с историей Фалариса, с другой, не исключено, что исключение, сделанное в отношении дома Агафокла, было вызвано его дворцовым характером. Частные жилища в ранних греческих городах, как известно, были простыми и непритязательными^[1407]. Дом, в котором можно было использовать камни, предназначенные для большого храма, был, очевидно, совершенно противоположным. Он не мог сравниться с правительственными зданиями и мог быть использован как место сбора для вооруженного нападения^[1408] на правительство, и именно это, по всей вероятности, привело его к столь ужасной судьбе.

Истории Агафокла и Маэлия подтверждают мнение о том, что Полиен в своем рассказе о возвышении Фалариса описывает обычный способ установления тирании в этот ранний период в Сицилии и Италии. Если это так, то обычным тираном в ранней Сицилии и Италии был какой-нибудь очень богатый человек, который использовал свое богатство для обеспечения финансового контроля над некоторой большой частью трудящихся классов, и этот контроль иногда обеспечивался путем проведения больших строительных работ, которые обеспечивали не только постоянную работу для многочисленных работников, но часто и сильную и внушительную штаб-квартиру, которая вскоре могла быть превращена в замок или дворец, из которого он управлял всем государством^[1409].

Кумы.

Аристодем из Кум датируется тем, что он предоставил убежище Тарквинию Супербу, когда тот был изгнан из Рима^[1410]. "В те дни Кумы славились по всей Италии своим богатством и могуществом^[1411]." Говорят, что до того, как стать тираном, он отличился как солдат^[1412]. Но не в качестве солдата он представлен как обеспечивающий тиранию. "Он покорил народ, став демагогом... оказав помощь многим беднякам из собственного кошелька... раздавая им

деньги понемногу и складывая на общее благо подарки, полученные им от жителей Ариики^[1413]." В конце своего правления он представлен как человек, нанимающий горожан в больших масштабах на ручной труд: "В это время ему случилось делать траншею вокруг этого места, работа не нужная и не полезная, но просто потому, что он хотел утомить и изнурить горожан трудами и работой. Каждому было приказано убрать определенное количество земли^[1414]." Хронология карьеры тирана не совсем проста, а рассказ не вполне достоверен^[1415], но, судя по всему, перед нами тиран раннего типа, принимавший заметное участие в войне и политике, но в значительной степени опиравшийся на контроль над трудом и власть богатства.

Глава X. (а) Капиталистические деспотии эпохи Аристотеля, (б) Денежная власть правителей Пергама, (в) Протоген из Ольвии

(а) Капиталистические деспотии времен Аристотеля.

Особое внимание уделяется влиянию, которое оказал Дионисий Сиракузский на всех, кто писал о ранней тирании после его прихода к власти. Это, конечно, не означает, что военно-демагогический тип тирана, высшим образцом которого является Дионисий, вообще не был предвосхищен в своих чертах ни одним из правителей седьмого и шестого веков. Это также не означает, что новый порядок вещей, кульминацией которого стал Дионисий, полностью поглотил старый. Сам Аристотель был лично связан с тираном, который, как представляется, иллюстрирует сохранение в четвертом веке типа седьмого и шестого веков. Правитель, о котором идет речь, Гермий, тиран Асоса и Атарнея.

был евнухом, рабом некоего банкира: он отправился в Афины и посещал лекции Платона и Аристотеля, а вернувшись, разделил тиранию своего господина, который ранее закрепил за собой (ἐπιθεμένῳ) места вокруг Атарнея и Ассоса. Впоследствии он стал его преемником, послал за Аристотелем и выдал за него замуж свою племянницу^[1416].

В этом "рабе, банкире, философе и деспоте" Лиф видит тирана, который был обязан своим положением богатству^[1417]. Он цитирует Эуайона, ученика Платона^[1418], который недалеко на севере в Лампсаке "ссудил деньги городу под залог Акрополя и, когда город не выплатил долг, хотел стать тираном, пока лампсакцы не собрались против него и, выплатив ему деньги, не изгнали его^[1419]." На другом берегу Ассоса, в Симе, общественные портики однажды перешли в руки некоторых банкиров, которые ссудили городу деньги под это обеспечение^[1420]. Лист мог бы далее привести пример Тимея Кизикенского, который, как и Эвбейон и, возможно, Гермий, был учеником Платона:

Тимей Кизикен, раздав гражданам премии (ἐπιδοὺς) деньгами и кукурузой и завоевав благодаря этому среди кизикенцев авторитет достойного человека, через некоторое время совершил покушение на город (ἐπ'ἐθετο; ср. ἐπιθεμένῳ выше о предшественнике Гермия) с помощью Аридаиоса^[1421].

Попытка не удалась, но несомненно, что Тимей, как и Эвбей, "хотел стать тираном" с помощью своего богатства.

Любопытно отметить, что метод обеспечения власти, который практиковали ученики Платона и Аристотеля, в точности соответствует тому, который предписывал наш доктор Джонсон: "Нет, сэр, способ обеспечить себе власть и влияние - это конфиденциально

ссужать деньги своим соседям под небольшой процент или, возможно, вообще без процентов, и иметь их облигации в своем владении^[1422]." Во времена самого Аристотеля этому примеру, похоже, следовали, хотя и безуспешно, в величайшем торговом городе эпохи:

После этого Анно, человек из Карфагена, который по личному богатству более чем соответствовал государству, был поглощен желанием захватить верховную власть..... Он взбудоражил рабов, чтобы с их помощью внезапно сокрушить ничего не подозревающее государство..... Это произошло во времена Филиппа^[1423].

Таким образом, есть основания для предположения Лифа, что Евбулос из Ассоса, учитель и предшественник Гермия, сделал себя тираном с помощью аналогичных средств^[1424]. Но если перед Аристотелем была карьера карфагенянина Ганно, и если целая группа его собственных сокурсников пыталась, и в одном случае, по крайней мере, успешно, стать финансовыми деспотами в уголке мира, особенно хорошо знакомом философу^[1425], как мы должны объяснить тот факт, что в его трудах не упоминается торговый тиран? И снова, если я не ошибаюсь, причина во многом кроется в Дионисии. Если, как кажется вероятным, это поздний выплеск попыток торговой тирании, то тем не менее этот тип уже давно перестал играть какую-либо большую роль в истории^[1426]. Ганно потерпел неудачу: к тому же он посягал на карфагенских рабов, и это позволило Аристотелю отнести его к спартанцам Павсаниям. Для Аристотеля тиран - это либо солдат, либо демагог, либо и то и другое. Плутократия для него означает олигархию^[1427]. Как он сам говорит, "если один человек обладает большим богатством, чем остальные, то по олигархическому принципу правильно, что он должен править один^[1428]". Если бы его заставили составить каталог правительства торгового деспота, он, вероятно, назвал бы его олигархией одного. Но сомнительно, что правительство Гермия было, строго говоря, правлением одного человека.

В надписи, хранящейся в Британском музее, неоднократно говорится о 'Ερμίας καὶ οἱ ἑταῖροι^[1429], что Лиф переводит и объясняет как "Гермий и компания, банкиры и деспоты". Точный характер этих компаньонов неясен: но их неоднократное упоминание в договоре говорит о том, что Гермий пытался избежать видимости единоличного правления^[1430]. Наконец, личный элемент мог оказать свое влияние даже на великого философа. Он не только был тесно связан с Гермием, но и его единственное поэтическое отступление, его замечательная ода "Добродетель"^[1431], была написана в честь Гермия после его падения. Согласно одной из версий истории, преданность философа памяти своего друга стоила ему жизни^[1432]. Очевидно, что для Аристотеля правитель Атарнея не был тираном^[1433], и из этого следует, что Эвбей и Тимей, даже если бы их усилия увенчались успехом, тоже не были бы таковыми. С другой стороны, у Платона были бы особые причины считать тираном сиракузского правителя, которого, как говорят, он продал в рабство за двадцать миней^[1434]. Короче говоря, эта группа потенциальных царей-философов, вероятно, сделала столько же, сколько и сам Дионисий, чтобы ослепить Аристотеля и более поздних авторов в отношении истинной природы тирании седьмого и шестого веков^[1435].

(b) Денежная власть правителей Пергама (283-133 гг. до н.э.).

Если бы Аристотель прожил еще сорок лет, он мог бы стать свидетелем того, как совсем рядом с Атарнеем возвысилась другая, гораздо более примечательная монархия - Атталидов Пергамских, также основанная почти исключительно на богатстве. Пергам стал укрепленной сокровищницей Лисимаха, когда тот унаследовал фракийские владения Александра Македонского. Содержание крепости и 9000 талантов сокровищ, которые в ней хранились, было поручено некоему Филетаиру. Он был евнухом, но получил хорошее воспитание и

показал себя достойным доверия. Несмотря на ссоры Диadoхов, а может быть, и в результате их, он в течение двадцати лет оставался хозяином форта и денег^[1436]. Не приходится сомневаться, что Филетайрос был скромного происхождения^[1437], и что своим возвышением он был обязан финансовому дару, который обеспечил ему сначала управление, а затем и владение этими 9000 талантов. Свою самостоятельную карьеру он начал с того, что перешел от Лисимаха, чьи владения находились в основном в Европе, к Селевку, самому влиятельному из Диadoхов в Азии^[1438]. Вскоре после этого Селевк был убит Птолемеем Керауносом, греческим царем Египта; но Филетайр, твердо веривший в судьбу Селевкидов, заручился дружбой Антиоха, сына и преемника Селевка, выкупив тело убитого царя по высокой цене у Керауноса и отправив его Антиоху^[1439]. Филетайрос всегда был готов использовать свои 9000 талантов, если таким образом он мог приобрести власть. Когда жители соседнего города Питана задолжали 380 талантов, Филетайрос выделил часть этой суммы и тем самым обеспечил себе влияние на этот город^[1440]. С аналогичными намерениями и результатами были сделаны подарки Кизику^[1441]. Остров Эгина стал пергамским владением за 30 талантов^[1442]. Эти процессы типичны для того, как правители Пергама устанавливали и поддерживали свое положение. Как отмечает Хольм^[1443], их власть была властью денег. Как и любая другая политическая власть, возникавшая до сих пор, власть Атталидов была отчасти военной. Вскоре после смерти Филетайра и прихода к власти Атталы, второго правителя династии, Малую Азию заповили кельтские орды, которые в конце концов осели на мирной жизни в местности, известной впоследствии как Галатия. Беспорядочные мародерские набеги этих варваров были сдержаны и в конце концов подавлены Атталом и его преемниками. Но Атталиды были еще более известны своими мирными делами. При их правлении Пергам стал одним из самых активных центров искусства и промышленности во всем мире. Город, тщательно построенный в виде террас на возвышенном склоне холма, представляет собой удивительно удачный пример научного градостроительства, и, должно быть, в нем работала большая и высокоорганизованная армия архитекторов, строителей, каменщиков и т. д. Пергамская школа скульптуры процветала необычайно. Именно ей мы обязаны умирающим гладиатором лорда Байрона, который уже давно признан копией умирающего галатийца, высеченного в Пергаме в честь победы Атталы I над кельтским захватчиком. Многие в пергамском искусстве преувеличено и уродливо, но это не умаляет его экономического значения, и Моммзен вполне обоснованно называет Атталу I Лоренцо Медичи античности^[1444]. Мы уже сравнивали Медичи с ранними греческими тиранами. Но дело не только в том, что пергамские правители и ранние тираны, такие как Гигес, имеют общее сходство с итальянскими торговыми князьями эпохи раннего Возрождения. Отчетливое сходство между Атталидами и домом Гигеса уже было признано и развито Адольфом Хольмом. Обе державы во многом схожи географически; обе являются великим связующим звеном между греческим Эгейским морем и азиатскими землями, лежащими к востоку от него; обе организуют силы материального процветания против варварских вторжений с севера; обе имеют деньги в качестве основы своей власти^[1445].

История Филетайра и его преемников в Пергаме увеличивает вероятность того, что Лист прав в своем представлении о деспотах-банкирах времен Платона и Аристотеля. [Богатый Протоген, финансовый директор Ольвии около 200 г. до н. э.] Эта картина едва ли достаточно полная, чтобы быть вполне убедительной, но она может быть дополнена и подтверждена историей финансового магната по имени Протоген, который процветал в Ольвии, вероятно, в конце третьего века до н. э.

О Протогене известно только по одной надписи, сделанной при его жизни, чтобы зафиксировать его благодеяния родному городу^[1446]. Дата надписи не вполне определена. Надпись указывает на II век до н. э., но не исключает и более ранней даты, а упоминание в

надписи об опасности, угрожавшей Ольвии со стороны неких галатов, скорее говорит в пользу даты до 213 г. до н. э.

В течение трех лет Протоген сделал подарки своему городу на сумму 12 700 золотых и состоял из следующих пунктов: четыре раза он помогает откупиться от варваров, которые в этот период постоянно угрожали городу; дважды оплачивает ремонт городских стен; строит или ремонтирует общественное зернохранилище, базарные ворота и баржи, которые привозили камень для этих строительных работ; он выкупил за 100 золотых городскую плиту, которую один из кредиторов города собирался пустить на переплавку; он выплачивает триста золотых за вино, которое отцы города купили, а потом обнаружили, что не могут за него заплатить; он прямо или косвенно участвует в закупке большого количества кукурузы для города; он перечисляет на сумму 6000 золотых (*т. е. почти половину всего своего благодеяния*). *т. е. почти половину всей своей благотворительности*) частные долги, причитающиеся ему или его отцу.

В течение трех лет, охватываемых этими дарами, Протоген был финансовым директором городских дел, должность, которой он достиг после большого опыта ведения государственных дел (πλείστα δὲ χειρίσας τῶν κοινῶν, τρία δὲ ἔτη συνεχῶς πάντα διέκρησεν ὀρθῶς καὶ δικάως).

Видеть в этом финансовом направлении городских дел пример коммерческой тирании было бы чистой гипотезой. Нет уверенности даже в том, что все свои дары Протоген делал совершенно добровольно. Один из его взносов на покупку кукурузы был сделан после того, как демос принял постановление о том, что богатые должны выделять деньги на эти цели^[1447]. В одном из случаев, когда он оплатил ремонт городских стен, он сделал это по приглашению народа^[1448]. "Аванс" и "приглашение" могут быть эвфемизмами для "уплаты налогов" и "принуждения", и платежи Протогена могли иметь отношение к литургиям, выплачиваемым государству богатыми афинянами в V веке, а не к благодеяниям, которые Луций Тарквиний, как говорят, добровольно выплачивал в собственных целях народу Рима. Но эта последняя гипотеза не более обоснована, чем другая. "Аванс" и "просьба" могут, в конце концов, означать то, о чем они говорят. Мы не знаем, что стало с Протогеном после трех лет его работы в качестве финансового директора. Возможно, должность финансового директора соответствует магистратуре, которая, как говорят, часто приводила непосредственно к тирании, *например*, в Коринфе и Милете. Протоген, конечно, датируется гораздо более поздним временем, но в греческих городах Южной России сохранилось немало любопытного. В самой Ольвии, например, мы находим стиль керамики, который в самой Греции был характерен для пятого и четвертого веков и сохранялся, по-видимому, до первого^[1449]. Есть даже намеки на то, что Ольвия когда-то, по крайней мере, возможно, сравнительно недавно, пережила социальную и экономическую революцию, подобную тем, которые так часто сотрясали города седьмого и шестого веков непосредственно перед тем, как они попадали под власть тиранов, *например*, Афины перед тиранией Пейсistrата или Милет перед тиранией Гистиея. Пока город осаждал некий Зопирион, ольбиополиты "освободили рабов, дали иностранцам гражданство и списали все долги"^[1450]. Если этот Зопирион - правитель, оставленный Александром во Фракии^[1451], то эта революция должна быть датирована по крайней мере столетием раньше, чем Протоген. Если, как и Гроте, мы откажемся принять эту идентификацию, революция останется без даты. В любом случае, она показывает, что в Ольвии действительно происходили подобные потрясения, и служит напоминанием о том, насколько неполным является материал, с которым мы имеем дело. Но ценность надписи Протогена для нашего исследования не зависит от каких-либо предположений такого рода. Она дает нам подробное представление об исключительно

богатом человеке в древнегреческом городе-государстве, который в течение значительного периода в значительной степени финансировал свой город. Если Протогену удалось сделать это в Ольвии, то нет ничего невероятного в гипотезе, что другие великие капиталисты делали нечто подобное в других городах. Если Протоген не превратил свое положение в политическую тиранию, это не является доказательством того, что этого не сделали другие: и факт остается фактом, что предположение о том, что Протоген не был на пути к тому, чтобы стать тираном, или что он на самом деле не стал им, если не точно диким^[1452], является чисто гипотетическим.

Записи о Протогене иллюстрируют, каким образом финансовый магнат мог завоевать верховное положение в своем городе. Вся группа фактов, связанных с его именем, а также с именами Евбулоса, Гермия, Эуайона, Тимея, Филетаира и Аттала, еще раз показывает, что в теории о том, что власть тиранов седьмого и шестого веков была построена на подобной финансовой или промышленной основе, нет ничего невероятного, тем более что уже приведены доказательства того, что условия более раннего периода были уникально благоприятны для создания денежной власти. Мы уже видели, почему финансовые деспоты эпохи Платона и Аристотеля не должны были способствовать сохранению памяти о более ранних денежных державах. Не менее легко понять, почему то же самое должно было произойти и с правителями Пергама. Исключительное обстоятельство спасло дом Филетаиров от упреков в наемничестве, и, что любопытно, это обстоятельство иллюстрирует, насколько наемническим было это основание. Когда Аттал III, последний из его дома, умер в 133 году до н. э., он сделал римский народ своими наследниками^[1453]. Его состояние было использовано революционерами Гракханами для обустройства обедневших римлян, которых они возвращали на землю своими аграрными законами. Династия также, ясно видя главный шанс, всегда последовательно искала дружбы Рима^[1454]. Хотя большинство наших источников по истории Атталидов - греческие, все греки, о которых идет речь, были проримски настроены, в результате чего мы видим Атталидов в основном с римской точки зрения. Они находились в тех же отношениях с римлянами, что и дом Гигеса с греками; и римляне, которым Аттал III оставил все свои сокровища и имущество, были так же мало склонны сурово думать о своем благодетеле, как и греки, которым Крез оказал столь значительную помощь, были склонны критиковать его "гостеприимную добродетель"^[1455]. В обоих случаях деловой человек был известен только как покровитель заслуженных благотворительных организаций. Мы должны обратиться к таким правителям, как Тарквины и Писистратиды, чьей историей мы в конечном счете обязаны их собственным подданным и слугам, чтобы услышать, как власть денег описывается такой, какой она была на самом деле, и как она называлась на самом деле - тиранией.

Глава XI. Заключение

ἀγαθὸν δὲ ὄντα διαφερόντως καὶ πλούσιον εἶναι διαφερόντως ἀδύνατον.

Платон, Законы, V. 743a.

"Мы приняли закон, что если ты купил должность, то не получаешь ее. Я признаю, что это противоречит всем коммерческим принципам, но я думаю, что это довольно хорошая политическая доктрина" - Вудро Вильсон.

Эта заключительная глава будет содержать (а) резюме уже приведенных доказательств; (б) краткое общее обсуждение достоверности всей массы имеющихся доказательств; и (в) попытку рассмотреть в надлежащей перспективе выводы, которые, как кажется, оправдывают эти доказательства.

(а) Резюме предыдущих глав

Вводная глава.

Эпоха первых известных металлических монет - это также эпоха первых правителей, которых можно назвать тиранами. И древние свидетельства, и современная аналогия говорят о том, что новая форма правления была основана на новой форме капитала. Современную аналогию можно найти в финансовой революции, которая в значительной степени заменила металлические монеты бумажными (тем самым сделав капитал гораздо более мобильным, как это сделала финансовая революция эпохи тиранов) и заставила многих людей опасаться новой тирании богатства. Древние свидетельства можно найти в скудных сохранившихся сочинениях VI века до н. э. (Солон и Феогнис), в разрозненных заметках о ранних тиранах или тираниях у писателей V века (Фукидид, Геродот, Пиндар), в некоторых высказываниях Аристотеля, в упоминаниях о состоянии промышленности как в эпоху тиранов, так и после нее, в истории государств, где тирании никогда не было, и в шагах, предпринятых для предотвращения повторения тирании.

Если коммерческое происхождение ранней тирании не сформулировано прямо ни одним античным писателем, следует помнить, насколько скудны современные документы и как мало греческие авторы говорят об экономических причинах. Правда и то, что моя точка зрения расходится с высказываниями Платона, Аристотеля и последующих авторов: но их картина возникновения тирании противоречит известным фактам о седьмом и шестом веках и обусловлена ложными обобщениями из условий их собственного времени и особенно из карьеры Дионисия Сиракузского.

Афины.

Пейсистрат стал тираном, организовав аттических "людей холмов" (Diakrioí, Epakrioí) против двух ранее существовавших соперничающих фракций "равнины" и "побережья". Принятые объяснения этих "людей холмов" неправдоподобны. Они не могли быть земледельцами или пастухами, которые всегда были очень консервативны, не зафиксировано, что они впоследствии поддержали Пейсистрата, и, должно быть, жили в основном на равнине и очень мало в покрытых лесом горах, где современные теории обычно их размещают. Не ограничивались "люди холмов" и горным районом Северной Аттики, ошибочное отождествление которого с "страной холмов" связано с ошибочными взглядами на тройное деление Аттики на "холмы", "побережье" и "равнину", которое ошибочно относит всю Южную Аттику к "побережью" и ограничивает "побережье" Южной Аттикой. Эти взгляды на тройное деление Аттики во времена Пейсистрата основаны на слабых доказательствах и становятся неправдоподобными благодаря последующим топографическим построениям Клисфена (502 г. до н. э.), а также более позднему использованию терминов "Диакрия" и "Эпакрия". В Эпакрии находилась деревня Семахидай, которая, как показывает недавно найденная надпись, располагалась в холмистом горном районе Южной Аттики. Кроме того, *лучшим* аттическим "акроном" был мыс Суниум, южная вершина Аттического горного района и всего Аттического полуострова. В свете этих фактов становится вероятным, что горный район Суниума и Лауриума был "страной холмов" *par excellence*. Рудники в этот период почти

наверняка работали в полную силу, а шахтеры, в отличие от шахтеров более поздних эпох, были свободными людьми, хорошим материалом для политической фракции.

То, что Писистрат основал свою власть на серебряных рудниках, становится весьма вероятным благодаря тому, что известно о его дальнейшей карьере. В конце концов, он "укоренил свою власть" на деньгах, полученных частично из дома, частично из фракийского горного района; он отправился во фракийский горный район, чтобы подготовиться к своей второй реставрации; его первая реставрация приписывается переодеванию в Афины фракийской женщины по имени Фие, которую, вполне возможно, следует объяснить как Афины, которая начинает появляться на аттических монетах примерно в это время: В пользу такой интерпретации истории с Фией можно привести названия "девушка", "девственница", "Паллас", которыми в обиходе называли аттические монеты, а также анекдот о том, что Агесилай был изгнан из Азии лучниками Великого Царя - разговорное название персидских золотых монет.

Тирания пала в Афинах, когда тираны потеряли контроль над фракийским горным районом. Вскоре после этого честлюбивый Гистий, греческий друг персидского царя, под власть которого перешли рудники, навлек на себя подозрения персидского государя, попытавшись построить политическую власть на этих самых рудниках и рудниках.

История оппозиции Алкмеонидов дому Писистрата также свидетельствует о том, что правительство Афин в этот период зависело в первую очередь от кошелька.

Самос.

Поликрат, возможно, наиболее известен своими пиратствами, но не исключено, что эти пиратства на самом деле были продуманной торговой блокадой Персии, которая оказалась почти столь же непопулярной среди греческих нейтралов, как и среди подданных великого царя, против которого она была в основном направлена. Как тиран Поликрата контролировал торговую и промышленную деятельность своего государства, строил корабли, гавани, гидротехнические сооружения, очень возможно, большой базар, и, вероятно, использовал много бесплатной рабочей силы на этих работах. Прежде чем стать тираном, он уже был заинтересован в главных саамских отраслях промышленности, обработке металла и производстве шерстяных изделий. Аиакес, отец Поликрата, - это, вероятно, тот самый Аиакес, которого недавно обнаруженная саамская надпись связывает с морской торговлей острова. Говорят, что тиран был обязан своим падением попытке получить достаточно денег, чтобы управлять всей Грецией. Это утверждение имеет особую ценность, учитывая склонность к поэтической справедливости, которую так часто демонстрирует Геродот, являющийся для нас авторитетом в этом вопросе.

Египет.

Великое развитие торговли и промышленности, которое непосредственно предшествовало эпохе тирании в Греции, имело свои параллели, если не истоки, в Египте. На пике этого развития в Египте возникает новая и могущественная династия, которая основывает свою власть на торговле и торгово-промышленных классах. Уже в конце восьмого века мы видим, как царь Бокхорис (в некотором роде по примеру аргивянина Фидона) уделяет особое внимание торговому законодательству. Его преемник Сетон, по словам Геродота, опирался в своей власти на "торговцев, ремесленников и торговцев". Во время этих правлений страна постоянно подвергалась оккупации или угрозе со стороны иностранных захватчиков из Эфиопии или Ассирии. Первым египетским царем этого периода, который правил всем Египтом в нормальных условиях мира и спокойствия, был Псамметих I, который пришел к

власти примерно в то же время, что и Кипсел в Коринфе и Ортагор в Сикионе. Согласно Диодору, Псамметих превратил свое положение из мелкого дельтийского вождя (одного из двенадцати, управлявших частью страны, не находившейся под иностранной оккупацией) в верховного правителя всей страны благодаря богатству и влиянию, которые он приобрел благодаря торговле с финикийцами и греками.

Последнее утверждение, если оно верно, подтверждает, что Псамметих был торговым тираном. Оно встречается только у Диодора и не получает прямого подтверждения у более ранних авторов, но оно полностью согласуется со всем, что известно о событиях и условиях в Египте в этот период, и особенно с только что процитированными замечаниями о Бокхорисе и Сетоне, с историей Амасиса и других поздних саитов, записанной Геродотом, и с выводами, которые можно сделать из раскопок Наукратиса и других греческих поселений, которые играли столь важную роль в саитском Египте.

Лидия.

С середины VIII века до н. э. и до начала V Лидия, по-видимому, была державой, в которой правитель основывал свое положение на богатстве, а борьба за престол велась с помощью оружия торговли и финансов. Так было со Спермосом и Ардисом в восьмом веке и с Крезом в шестом: история о Гигесе и его волшебном кольце может быть объяснена в том же смысле. На подобное положение вещей указывают советы, которые Крез, по словам Геродота, дает Киру, история о восстании Пактиса и история Ксеркса и богача Питеса.

Примерно в то время, к которому мы можем отнести такое положение дел в Лидии, произошли два события, которые приписываются Лидии, а именно: чеканка первых металлических монет и появление первого тирана. Ни в том, ни в другом случае даты не являются очень точными. Первые монеты скорее можно отнести к концу восьмого века, чем к началу седьмого, и хотя Гигес считается первым тираном, есть основания подозревать, что он мог быть всего лишь первым правителем своего рода, привлечшим внимание греков. Магическое кольцо, с помощью которого он обеспечил свою тиранию, иногда приписывают не Гигесу, а какому-то (не очень отдаленному) его предку или плутократу восьмого века Мидасу, царю соседней Фригии. Но при любом раскладе кольцо попадает в рамки времени и места, которым можно приписать самые ранние монеты и самого раннего тирана. Кольца - одна из распространенных форм ранней валюты, и не исключено, что именно кольцу в этом смысле первый тиран был обязан своей тиранией. Эта точка зрения, которая подразумевает, что самые ранние монеты были частными выпусками и что чеканка монет была национализирована только тогда, когда главный монетчик стал главой государства, поддерживается как доказательствами, так и аналогиями.

Аргос.

Фидон, который, вероятно, был первым правителем, названным тираном в европейской Греции, описывается Геродотом как "человек, который создал для пелопоннесцев их меры", что сразу же наводит на мысль о том, что именно этот коммерческий шаг отличал Фидона-тирана от предшествующих ему царей. Более поздние авторы, самым ранним из которых является Эфор, идут дальше и утверждают, что серебро впервые было отчеканено Фидоном в Эгине. Это утверждение ставится под сомнение, но оно подтверждается главами Геродота (V. 82 f.), в которых описываются ранние отношения между Аргосом, Эгиной и Афинами. В свете последних археологических исследований становится весьма вероятным, что Аргос стал доминировать в Эгине, как описано в этих главах Геродота (которые, к сожалению, весьма расплывчаты в своей хронологии), как раз в то время, когда, скорее всего, царствовал Фидон; и эта вероятность увеличивается благодаря традиции, согласно которой

Фидон вернул себе Теменос, владения аргосских царей в раннедорийские времена, которые включали остров Эгина. Захват Эгины Аргосом, который мы уже связывали с Фидоном, привел, согласно Геродоту, к изменению "мер" (которые, вероятно, включали в себя систему весов), использовавшихся на острове, причем новые меры были в два раза меньше тех, которые использовались ранее. Эгинетский стандарт, по которому чеканились эгинетские монеты, примерно в два раза меньше другого и, вероятно, более раннего стандарта, использовавшегося в Древней Греции. Таким образом, утверждение Эфора о том, что серебро впервые было отчеканено Фидоном в Эгине, находит поразительное подтверждение, а это значит, что первый правитель, чеканивший монеты в европейской Греции, был также первым, кого называли тираном.

Коринф.

Тирания в Коринфе совпадает с великим промышленным и торговым развитием города, описанным Фукидидом (I. 13) в словах, которые являются парафразом его описания состояния дел, приведших к возникновению тираний в Греции в целом. Ученые сходятся во мнении, что тираны были напрямую заинтересованы в некоторых из этих событий, в частности в судоходстве, колонизации и чеканке монет. Главной отраслью промышленности Коринфа в этот период, по-видимому, была гончарная, которой он снабжал большую часть греческого мира. О ранней карьере первого тирана, Кипсела, известно очень мало, кроме рассказа Геродота, который пытается объяснить, как младенец Кипсел получил свое любопытное имя. Мы подробно рассмотрели значение слов *cypselus* и *cypsele* и пришли к выводу, что они, вероятно, означают "гончар" и "горшок", так что человек, установивший тиранию в Коринфе, похоже, носил имя, связывающее его с основной отраслью промышленности его города.

Рим.

Как по дате, так и по характеру период в Риме, соответствующий эпохе тиранов в Греции, приходится на правление Тарквинов. Первый царь этой династии, Тарквиний Приск, по преданию, был сыном богатого коринфянина по имени Демарат. В раннем возрасте первый из Тарквиниев поселился в Риме. Именно благодаря своему богатству он получил трон. Говорят, что и он, и его отец были большими работодателями, причем, судя по рассказам, их работники были свободными людьми. Сервий Туллий, сменивший Тарквиния Приска, как говорят, первым в Риме начал чеканить монеты и обеспечил поддержку бедняков подарками и благодеяниями. Когда последний из Тарквинов, Тарквиний Супербус, сверг Сервия Туллия и завладел трон, он сделал это, скупая самых бедных из простых людей. После получения престола он, по описаниям, нанимает этрусков и римских граждан в большом количестве в качестве ремесленников и каменоломен. Он теряет трон, когда больше не может платить этим работникам.

В течение первого века республики установившееся правительство несколько раз считало себя под угрозой попыток восстановить королевскую власть. В каждом случае тревогу вызывало богатство или исключительное финансовое положение подозреваемого лица. Государственные деятели ранней республики неоднократно обвиняют Тарквинов в том, что они превратили римских граждан (из солдат и господ) в торговцев и ремесленников, что подразумевает обратное изменение, сопровождавшее смену царской власти на республиканскую. Окончательный удар по монархическому движению в Риме, по-видимому,

был нанесен, когда было введено армейское жалование, и правительство, как начальник армии, стало крупнейшим работодателем оплачиваемого бесплатного труда в государстве.

Моммзен подозревает одну из более поздних попыток установить тиранию в Риме. Он подозревает в этом Аппия Клавдия Цека, цензора 312 года до н. э. Аппий был известен количеством своих клиентов и большими общественными работами, которые он проводил, и, вероятно, он был тесно связан с первой настоящей монетой, отчеканенной в Риме. Внимание также привлекли рассказы о сецессиях с их любопытным сходством с современными забастовками и подразумеваемой организацией труда. В Ардее в Северном Лациуме около 440 года до н. э. рабочие классы играют решающую роль в борьбе за верховную власть. В Вейях в 400 году до н. э. нам рассказывают о богатом работодателе, который стал царем своего города.

К только что приведенным высказываниям часто относились с крайним скептицизмом. Причины такого скептицизма были рассмотрены в главе о Риме. Здесь их невозможно повторить. Если мои выводы не совсем ошибочны, то скептицизм прошлого века представлял собой чрезмерную реакцию против излишней доверчивости предыдущих эпох. Недавние археологические открытия чрезвычайно повышают вероятность того, что повествование в основных чертах соответствует действительности. Но если, в конце концов, скептики правы в этом конкретном вопросе, и рассказ Тарквина - вымысел, он не менее ценен с исторической точки зрения и подтверждает мнение о том, что ранние тирании были коммерческими, поскольку, если это вымысел, он должен быть раннегреческим вымыслом, сохраняющим раннегреческую концепцию типичного раннего тирана как великого капиталиста.

Другие ранние тираны.

В главе IX мы рассмотрели доказательства происхождения ранних тираний в Сикионе, Мегаре, Милете, Эфесе, Леонтины, Агригентуме и Кумах. Материал скуден, и здесь достаточно напомнить, что в той мере, в какой он подтверждает теорию торгового происхождения. В Сикионе тиранию основал торговец, сын торговца. В Мегаре Теаген приходит к власти в результате того, что очень похоже на создание угла в главном продукте своего города. В Милете и Леонтинах тираны появляются в результате чего-то вроде классовой войны между богатыми и бедными, а более поздний тиран Милета пытается занять высокое политическое положение, получив контроль над рудниками и шахтерами Фракии. В Эфесе и Кумах власть тиранов, как утверждается, основывалась на деньгах, которые они распределяли среди бедных слоев населения, а в Агригентуме тиран определенно заявляет, что обеспечил себе тиранию благодаря своему положению крупного работодателя.

Капиталистические деспоты более поздних эпох.

Во времена Аристотеля в Пергамском округе было зафиксировано несколько случаев, когда богатые банкиры и им подобные предпринимали попытки, из которых одна, по крайней мере, была успешной, обеспечить себе верховную политическую власть в своих городах с помощью своего богатства. Близкие личные отношения, которые Аристотель поддерживал с некоторыми из них, отчасти объясняют, почему он не относит их к тиранам.

Вскоре после этого гораздо более значительная власть правителей Пергама была полностью обязана своим происхождением огромному богатству основателя династии.

Позднее в Ольвии случайно сохранилась надпись, в которой говорится о том, как очень богатый ольбиополец по имени Протоген стал "финансовым директором" своего города. Хотя

нет никаких доказательств того, что Протоген когда-либо становился тираном, надпись показывает, что положение, которое, по нашим представлениям, обычно занимал потенциальный тиран седьмого или шестого века, на самом деле было обеспечено примерно три или четыре века спустя богатым человеком в этом отдаленном и отсталом греческом городе на Черном море.

(b) Достоверность доказательств в целом

Ценность различных свидетельств, собранных и рассмотренных в предыдущих главах, очень сильно варьируется. В некоторых случаях мы имеем точные высказывания, имеющие непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу и сделанные почти современными авторами. На другом конце списка - анекдоты сомнительной значимости и сомнительной подлинности, найденные у писателей, живших спустя столетия после периода, к которому они относятся. Трудно оценить ценность столь разнородной коллекции. Оценка может сильно варьироваться в зависимости от темперамента и подготовки человека, который ее составляет. Однако есть два момента, которые, как представляется, при нынешнем состоянии науки нуждаются в особом акценте.

Первый из них касается общего преобладающего отношения к вопросу исторической правды, поскольку он в целом затрагивает рассматриваемый период. Никто из тех, кто хоть немного читал современные труды по древней истории, не мог не заметить, что скептицизм или легкое верие того или иного ученого всегда в значительной степени зависели от мнения его поколения. До определенного момента это неизбежно: но мы достигаем той стадии, когда уже нет необходимости так слепо, как это делалось до сих пор, следовать естественной реакции от чрезмерного доверия к чрезмерному скептицизму и *наоборот*. Маятник качается уже достаточно долго, чтобы его движение можно было наблюдать и принимать во внимание. Нет сомнений, что ученые нескольких поколений назад часто и, возможно, в целом были излишне доверчивы. Но не менее очевидно, что основной тенденцией последнего столетия была реакция от чрезмерного легкого верия к не менее чрезмерному скептицизму. Зачатки скептической реакции были замечены Байроном:

Я стоял на могиле Ахилла

И слышал, как сомневалась Троя: Time will doubt of Rome.

Сомнения в отношении Трои были триумфально развеяны лопатой. Точно так же, как мы уже убедились, многие сомневались в реальности Рима Тарквиниев. Но замечательные открытия последних сорока лет в Трое, Микенах, Кноссе, Фестосе и других местах ранней критской цивилизации отвлекли внимание ученых от более поздних периодов. Поэтому не стоит удивляться, что на предыдущих страницах неоднократно появлялись поводы для критики господствующих взглядов как чрезмерно и некритично скептических.

Второй момент в вопросе исторической правды, который я хочу здесь подчеркнуть, касается непосредственно свидетельств, собранных в этой книге. Как уже было признано, коллекция содержит множество предметов сомнительной ценности: иначе и быть не могло, если бы она была хоть сколько-нибудь полной. Совокупный эффект от такого количества сомнительных свидетельств, касающихся некоторых психических темпераментов, дискредитирует всю массу доказательств в целом. Поэтому важно помнить о характере нашего материала. Это куча, а не цепь. Его сила должна оцениваться по самым сильным элементам, а не по самым слабым. Слабые или неуместные пункты не лишают силы те, которые являются значимыми и убедительными. Напротив, неубедительные по отдельности доказательства могут иметь мощный кумулятивный эффект, если окажется, что все они указывают, пусть и тускло, в

одном определенном направлении и предполагают единое объяснение, полученное на независимых основаниях. Когда речь идет о заре истории, не критично отвергать целый корпус доказательств только потому, что он состоит из деталей, едва ли способных быть доказанными. Свидетельства истории, или, во всяком случае, греческой истории, в ее детстве подобны свидетельствам многих детей. Представления ребенка об истине зачастую более подвижны, чем у взрослого. В каждом конкретном случае может быть сложнее удостовериться в точных фактах. Но в любом случае можно быть уверенным, что факты, более или менее точно зафиксированные, составляют большую часть информации.

Именно так, можно с полным основанием утверждать, следует расценивать доказательства, представленные в этом томе. Их совокупная ценность действительно значительна. Следует помнить, насколько независимы наши свидетели. Ливий о Тарквиниях в Риме подтверждается Диодором о Псамметихе в Египте: Геродот о ранних тиранах в целом подтверждается его критиком Фукидидом: более поздние авторы, которые цитируются так часто и в таком количестве, опирались на большое разнообразие источников: литературные свидетельства подтверждаются археологическими, как, например, когда предположение о "людях холмов" Пейсистрата, которое я выдвинул в 1906 году, подтверждается надписью, которая была впервые опубликована сразу после публикации моего предположения. Когда свидетелей так много и они говорят на такие разные темы и при таких разных обстоятельствах и, судя по всему, без возможности какого-либо общего ключа, шансы на сговор становятся крайне малы.

(с) *Выводы*

Но если учесть, что все собранные нами до сих пор свидетельства имеют реальную историческую ценность, а также то, что они оказывают друг другу значительную взаимную поддержку, есть еще одна линия критики, которая заслуживает тщательного рассмотрения. Все свидетельства могут быть правдивыми, а выводы, сделанные на их основе, - ложными или, по крайней мере, несбалансированными и вводящими в заблуждение. Короли и тираны во все века были, как правило, чрезвычайно богаты. В большинстве эпох огромные богатства были необходимы любому, кто стремился к большой политической власти, и чем больше власть, к которой стремились, тем, естественно, больше богатств требовалось для ее обеспечения. Разумеется, тираны жили в торговый век, и влияние богатства было особенно сильным. Но доказывает ли только что приведенное свидетельство, что на самом деле это не так? Некоторые из высказываний о людях, ставших тиранами, действительно достаточно откровенны, как, например, о торговле молодого Псамметиха или о богатстве и работниках молодого Луция Тарквиния, но, помимо вопроса об их достоверности, все они настолько кратки и скудны, что невозможно быть уверенным в том, что мы видим их в правильной перспективе. Они не позволяют составить представление ни о людях, о которых в них говорится, ни даже об их финансовом положении.

Короче говоря, все ранние тираны могли быть богатыми и деловыми людьми, но их богатство и деловая активность могли не быть ни основой, ни отличительной чертой их правления. Они возникли в многоликую эпоху, и было много других событий, которые могли бы привести их к вершине. Доктрина божественного права королей утратила свою силу. Борьба между королями и дворянами, несомненно, привела к тому, что обе стороны стали обращаться к народу, а от этого недалеко и до того, чтобы народ назначал своих правителей. Кроме того, произошла революция в военном искусстве. Прошли гомеровские времена, когда тяжелооруженный вождь был всем, а его последователи - более или менее бесполезным сбродом. В новом типе войны большие тела обученных людей с оружием считались за все^[1456]. Такое изменение могло легко подтолкнуть целую серию военных офицеров к захвату

верховой власти. Кроме того, во всяком случае, в случае с отдаленными греческими городами, особенно малоазиатскими^[1457], постоянная опасность со стороны соседей-варваров могла бы с готовностью предложить назначение военного диктатора. И мы действительно находим описания первых тиранов, которые ранее были демагогами или солдатами.

Но мы также обнаруживаем, что эти описания восходят только к Аристотелю и имеют своим источником условия пятого и четвертого веков. Даже если бы они были более древними, возражение, только что выдвинутое против коммерческого объяснения, применимо здесь еще сильнее. Короли и правители, которые правят как на деле, так и во имя, обычно представляют собой нечто вроде ораторов или солдат. Почти невозможно найти самопровозглашенного правителя, которого нельзя было бы назвать демагогом или полемархом^[1458].

Точно так же и с извещениями о важных государственных должностях, которые якобы занимали различные тираны до того, как достигли верховной власти. Они действительно являются одними из самых достоверных сведений о ранних тиранах, которыми мы располагаем. Но их значение легко переоценить. Если какой-нибудь купец, нацелившийся на тиранию, стремился укрепить свое политическое влияние, получив должность, то записи о его магистратуре сохранились бы с гораздо большей вероятностью, чем записи о его торговых успехах. Когда мы переходим к подробным доказательствам, представленным на предыдущих страницах, баланс в пользу коммерческой теории может быть признан решающим.

Если признать коммерческое происхождение власти тиранов, то различные факты, связанные с отдельными тиранами, приобретают смысл и связность. Наемники, денежные реформы и нововведения, общественные работы, трудовое законодательство, колониальная политика и торговые союзы с иностранными государствами, которые неоднократно связывали с ранними тиранами и которые придают сохранившимся рассказам о них столь отчетливую печать, становятся гораздо более значимыми, если признать, что власть тирана была основана на контроле над трудом и торговлей его города. Как уже было замечено, тот факт, что теория объясняет связи между явно связанными группами явлений, не является доказательством ее истинности: но, с другой стороны, теория, которая не может удовлетворительно объяснить такую связь, находится в явно невыгодном положении по сравнению с той, которая объясняет. Это еще одна причина, по которой типичного тирана не следует объяснять как успешного солдата или демагога, чье богатство пришло к нему внезапно в тот же момент, что и трон. Авантюрист любого из этих типов действительно мог бы способствовать развитию коммерции в захваченном им городе. Разумеется, это будет в его интересах. Но, как правило, человек, получивший состояние одним махом, не заботится о том, чтобы улучшить его годами терпеливых и организованных усилий. Если бы все или значительное число рассмотренных выше тиранов были обязаны своим положением мечу или языку, то при них неизбежно наблюдались бы случаи коммерческого регресса, тогда как на самом деле их нет.

Это фундаментальный факт. Все тираны были первоклассными бизнесменами. Если они не использовали свое богатство сознательно, чтобы обеспечить себе положение, то существует только одно другое возможное объяснение их истории: их финансовые способности должны были привести к тому, что их соотечественники поставили их на путь захвата трона, и это примерно тот рассказ о них, который можно найти в некоторых современных историях, где они смутно изображаются как более или пассивный продукт слепых экономических сил. Эта точка зрения кажется мне несостоятельной. Ее невозможно согласовать с тем впечатлением,

которое производили ранние тираны на таких писателей, как Аристотель. Еще более фатально то, что мы имеем ряд "законодателей", таких как Солон, который был деловым человеком, завоевавшим свое положение именно таким образом, как было указано выше. Некоторые из друзей Солона упрекали его в глупости, что он не стал тираном. Но факт остается фактом: ни один "законодатель" того времени не сделал этого^[1459], а титулы νομοθέτης и αἰσυμνήτης, которыми были наделены эти законно назначенные диктаторы, никогда не применялись ни друзьями, ни врагами ни к одному из тиранов ни в один из периодов их карьеры^[1460].

Один факт еще предстоит объяснить. Как бы ни были различны взгляды на тиранов и тиранию, высказанные разными античными писателями в разное время, их объединяет одна общая черта. Все они одинаково выражают свою ненависть к тираническому правлению. Для Платона тот, кто становится тираном, "из человека превращается в волка"^[1461]. Когда Геродот отвлекается на обсуждение достоинств основных форм правления, он заставляет критика тирании заявить, что в целом мире нет ничего более несправедливого или более кровавого^[1462]. Нет никакого суда с небес над тем, кто низлагает тирана. Эта доктрина Феогниса^[1463] постоянно проповедуется на протяжении всей греческой истории. Афинские тираноубийцы Гармодий и Аристоклейтон были прославлены в скульптуре^[1464] и в песне^[1465], а их имена постоянно звучали из уст ораторов^[1466].

В этом отношении есть очевидные исключения. В аристотелевской "Конституции Афин", глава XVI, говорится, что "тиранию Пеисистрата часто восхваляли как жизнь времен Кроноса", *то есть* как золотой век, а псевдоплатоник Гиппарх, 229b, говорит о ней в похожих выражениях: (при тиранах) "афиняне жили так же, как в те дни, когда Кронос был царем". Но в аристотелевской версии указывается и то, что именно вызвало эту похвалу. "Пеисистрат всегда обеспечивал мир и сохранял спокойствие. Поэтому его тиранию часто восхваляли". Фразеология этих двух цитат показывает, что хвалили не форму правления, а мирную жизнь, которую она обеспечивала, - жизнь, которая может быть, а иногда и была связана с самыми деспотичными правительствами.

Слово "тиран", по-видимому, лидийское и впервые было применено греками к правителям, следовавшим по стопам лидийского Гигеса, которого некоторые древние писатели описывают как первого тирана^[1467]. Первоначально оно использовалось в бесцветном смысле как синоним царя или монарха^[1468]. Оно до сих пор используется так у трагиков и часто у Геродота^[1469]. Но где бы ни говорилось о тиране в отличие от царя, это всегда выражалось в терминах презрения.

Должно быть, что-то в характере первых тиранов придавало этому слову злой оттенок, который оно сохранило до наших дней^[1470]. Что это было за нечто, нелегко определить с уверенностью. Многие из этого может быть просто искажением. Аристотель^[1471] делает заявление о тиранах, с которыми он был знаком, которое в целом справедливо для всех монархий. Тиран, говорит он, "поддерживает народ и массы против знати (γυναικῶν)". Не стоит забывать, что дошедшие до нас повествования представляют почти исключительно точку зрения аристократии. Часто высказывалось предположение, что именно этим фактом можно объяснить почти единодушное осуждение тирании. Но является ли это объяснение полностью адекватным? Греческий тиран и римский рекс - не единственные монархи, имевшие плохую репутацию. Императоры Рима и цари Израиля и Иудеи тоже страдали. Однако иудейские священники и римские сенаторы не смогли превратить титулы царя, императора и кесаря в ругательство и поношение. Должны были быть какие-то особые обстоятельства, чтобы объяснить всеобщее презрение к имени тирана. Не кроется ли оно в коммерческом характере его происхождения? Начиная с дней гомеровского царя,

рожденного Зевсом, и задолго до этого, вплоть до самых истоков лидерства среди людей, законное царствование всегда основывалось на личных качествах правителя. На этом основана вера в наследственную монархию или любую другую систему, которая придает большое значение рождению и воспитанию. Это не менее важная основа республиканизма, который с одной точки зрения является просто отрицанием ценности наследственности и специального политического образования. Люди часто были готовы, и не без оснований, терпеть многое от правителя, чья власть основана на его личности. Но есть одна основа политической власти, которую человечество никогда не терпело, и эта основа - простое богатство. Вместе с Платоном они считали, что плутократ как таковой вообще не имеет права править. "Он казался одним из правителей города, - говорит Платон^[1472], об олигархе, чья власть основана на его богатстве, - но на самом деле он не был ни его правителем, ни его слугой, а всего лишь потребителем его запасов". Здесь Платон был солидарен со своими соотечественниками^[1473]. В V веке, как мы знаем из истории богача Никиаса, богатство не исключало для афинянина возможности занять высшее положение в государстве. Но и оно не являлось претендентом на политическую власть. В своей знаменитой погребальной оратории Перикл дважды утверждает, что в Афинах бедность не является препятствием для политической карьеры. Перикл, конечно, говорит от лица своей эпохи. Если собранные в этой книге свидетельства имеют какую-то ценность, то положение вещей в первые четыре поколения после изобретения металлической монеты было совсем иным. Деньги на какое-то время стали мерилом человека, а богатство само по себе принесло политическую власть.

Мы должны остерегаться ожидать простоты в истории^[1474]. Даже с чисто коммерческой точки зрения, несомненно, существовали мощные побочные течения, которые не оставили следов в наших сохранившихся записях. Власть Медичи во Флоренции основывалась на их торговом превосходстве. Но оно не полностью зависело от их фактической торговли. Отчасти она основывалась на их положении в папской казне среди *mercatores Romanam curiam sequentes*, а отчасти - на борьбе между императором и папой^[1475]. Подобные факторы, должно быть, повлияли на карьеру Фидона и других ранних тиранов Греции. Отчасти эти ранние тираны, похоже, выступали за расовое движение. Так было в Сикионе, где тирания ознаменовала приход к власти дорийского населения; вероятно, так было и в Коринфе, где отец первого тирана принадлежал к эолийскому дорийскому элементу населения^[1476]. Этот расовый фактор легко совместить с торговым, не считая возможности того, что дорийский элемент, выходящий на первый план в этот период, мог быть тесно связан с левантийской расой, играющей столь заметную роль в современной эгейской торговле.

Личный элемент также не должен оставаться без внимания, хотя о нем, к сожалению, известно очень мало. Кипсел и Фидон, Пейсистрат и Поликрат, безусловно, были по-своему великими личностями. Лидеры любого движения обычно таковыми и являются. В целом они, похоже, правили хорошо. Их власть, за исключением противников и соперников, ни в коем случае не была деспотичной. Тем более удивительно их всеобщее осуждение. Его вряд ли можно объяснить иначе, чем тем, что они правили не по праву личности, а по праву богатства. Процветание, которое они принесли своим городам, было исключительно материальным. Знаменитые произведения Поликрата были полностью делом рук человеческих. Для правления такого типичного раннего тирана, как Периандр, характерно то, что он поощрял поклонение Дионису и Афродите в ущерб культам Посейдона и Аполлона^[1477]. Несомненно, его целью было частично разрушить монополию на жреческие должности и религиозные привилегии, которой до сих пор пользовалась аристократия^[1478]: но важно, что, хотя политика тиранов означала материальный прогресс во всех направлениях, она означала также материализацию даже религии. Вот почему с ясностью

суждений, которая за пределами Греции может сравниться только с Данте, единый вердикт всех греков полностью осудил их.

Спустя два столетия после изгнания тиранов из Афин город снова попал под власть правителя, который, как говорят, сделал своей главной заботой материальное благополучие и "гордился тем, что в городе было много прибыльной торговли и что все в изобилии пользовались предметами первой необходимости". Этим, по словам Демохареса, племянника Демосфена, гордился Деметрий Фалеронский, и за это он был осужден Демохаресом как "гордящийся тем, что могло бы быть предметом гордости сборщика налогов или артизана". Это осуждение цитируется Полибием как "не обычное обвинение"^[1479]. Очевидно, Полибий считает его особенно уничтожающим, поскольку цитирует его *в связи* с некоторыми чудовищными обвинениями, выдвинутыми против Демохареса, чтобы доказать, что Деметрий должен был воздержаться от их поддержки из-за отсутствия доказательств, а не по злему умыслу. Демохарес и Полибий находятся на большом расстоянии от ранних тиранов: но оба они в некотором смысле принадлежат к периоду, последовавшему за падением тиранов. Их мнение о Деметрии и его материалистической политике вполне может быть наследством от более ранней эпохи.

Эпоха тиранов длилась немногим более пяти поколений, и никогда так долго, как в одном городе^[1480]. Этот факт может несколько утешить тех, кто опасается современной тирании богатства, и, возможно, послужит аналогией наблюдениям Г. Г. Уэллса о преходящем характере современного финансового босса^[1481]. Решимость не быть постоянно управляемым простым богатством сегодня так же сильна, как и двадцать пять веков назад. "Ненависть к капиталу, которой в наши дни все больше и больше заражаются трудящиеся классы", Уильям Джеймс^[1482] объясняет как "в значительной степени состоящую из этого здравого чувства антипатии к жизни, основанной на простом обладании". Он противопоставляет^[1483] "военному и аристократическому" идеалу "хорошо воспитанного человека без имущества".

Конечно, особенно трудно проверить презрение к имуществу со стороны класса, который всегда может помочь себе им в кризисный момент, и, как признает сам Уильям Джеймс, этот идеал всегда был "ужасно испорчен"^[1484]. Конечно, в настоящее время антипатии между аристократией, милитаризмом и капитализмом, мягко говоря, не особенно заметны. Именно демократия ненавидит капитализм. Но это может быть лишь фазой. Антикапиталистическое движение может закончиться тем, что труд фатально материализуется или фатально обнищает, и в любой стране, где это произойдет, будет открыт путь для нового Пейсистрата.

Приложение А (к с. 37). *Предполагаемая сельскохозяйственная и северная Диакрия.*

(А) Земледельческое население принимало мало участия в политике,

Аграрное или пасторальное объяснение партии, поддержавшей Писистрата, не имеет никакой вероятности^[1485]. Конечно, если бы было конкретно заявлено, что в его времена люди одного из этих двух классов играли решающую роль в политике, возражения бы затихли. Но древние свидетельства указывают на другое. Аристотель неоднократно заявляет, что из всех людей земледельцы и скотоводы менее всего склонны поддерживать революции^[1486], и определенно изображает эти два класса как игравшие совершенно

пассивную роль как при режиме первых тиранов, так и во время его установления^[1487]. Находясь на троне, Писистрат оказывал финансовую помощь обедневшим крестьянам^[1488], факт, который Грюнди^[1489] приводит в связь с его предполагаемой сельскохозяйственной Дьякрией. Но при этом Грюнди игнорирует некоторые слова, которые он сам цитирует и которые показывают, что тиран имеет дело не со своими сторонниками, а с группой людей, которые не были заинтересованы в политике, но грозили стать таковыми, если будут изгнаны с земли. Географически ничто не связывает с Диакрией тех, кого Писистрат таким образом освободил. В его ранние времена наиболее страдающей и недовольной частью сельскохозяйственного населения были пелатаи и гектеморой^[1490], которые обрабатывали земли богачей^[1491] и поэтому, предположительно, жили на равнине.

Согласно афинской конституции, горцы состояли в основном из людей не чистой расы, чьи права на гражданство были более чем сомнительны^[1492]. Такое описание совершенно неприменимо к жителям Аттики, где в пятом веке все еще гордились тем, что у них есть нетронутое автохтонное население. Плутарх говорит о жителях холмов как о "толпе наемников"^[1493]. "Во времена, наступившие сразу после Солона, пастухи и мелкие фермеры из класса гектеморов, возможно, и были наемниками, но вряд ли они могли быть толпой.

Поэтому попытка отождествить людей с холмов с пастухами и гипотетическими земледельцами с горы Парнес не имеет смысла. Мы даже не можем быть уверены, что последние когда-либо существовали.

Почва Аттики была печально известна, изобилуя каменистыми участками (φελλεῖς), пригодными только для пастбищ^[1494]. Аттика претендовала на то, чтобы быть землей не кукурузы, а оливы. Деметра располагалась не на большой равнине Аттики, а на маленькой и гораздо более плодородной равнине Элевсиса.

И она почти не жила в горах,

Никто из поборников земледелия, обитавших на горе Парнес, похоже, не задавался вопросом о верхнем пределе возделывания пшеницы в горах Аттики. Единственные древние авторы, которые говорят о том, что там велось сельское хозяйство, - это автор Аристотелевской конституции Афин и Стаций.

Первый^[1495] рассказывает историю о человеке с фермой на Гиметте (τὸν ἐν τῷ Ὑμηττῷ ὑεωροῦντα). В рассказе ничего не говорится ни о частоте ферм на Гиметтусе, ни о высоте холма этой конкретной фермы. Зато говорится о почве и урожае. Почва состояла из камней, а урожай, как сказал Писистрату фермер, был "беда и печаль". Вряд ли это говорит о том, что во времена тирании Гиметтус имел большое сельскохозяйственное значение. К такому же выводу приводит история об умных пеласгах, которым удалось возделывать землю у подножия Гиметта, к большому удивлению афинян^[1496].

Стаций^[1497] говорит о пахарях благоухающего Гимета (olentis arator Hymetti) и о виноградниках Парна (Parnesque benignus uitibus). Первое - почти противоречие в терминах. Ароматный - это аллюзия на знаменитый мед Гиметтия или на тимьян, который его производил^[1498]. Тимьян и мед не сочетаются с кукурузными полями. Парнес, благосклонный к виноградникам, нелегко примирить с Павсанием, который считает гору хорошим местом охоты на медведей и кабанов^[1499]. Платон утверждает, что в его времена некоторые аттические горы были бесплодны, за исключением урожая меда^[1500], тогда как когда-то они были покрыты лесами^[1501], некоторые из которых были вырублены лишь недавно. Слава о гиметтском меде ушла так далеко в прошлое, что гору утверждали как место, где впервые появились пчелы^[1502]. Аристотель разделяет пчел в зависимости от того, являются ли их

места обитания культурными (ἥμερα) или горными (ὄρεινά). Последние описаны в следующем предложении как преследующие леса (ὕλονόμοι)^[1503].

которые были заняты лесами и дикими зверями.

В настоящее время Аттические горы почти не возделываются^[1504], и хотя в древней Аттике земледелие, возможно, было более интенсивным, но, помимо трудностей с его переносом по склонам гор, вся схема жизни предполагает огромные запасы древесины для кораблестроения, топлива и бесчисленных других целей. Бурсиан, вероятно, прав, когда говорит, что в древности Парнес был "густо покрыт лесом, в котором находили убежище многочисленные звери, включая кабанов и медведей"^[1505]. В период величия Афин, между 550 и 350 гг. до н.э., запасы древесины должны были постоянно уменьшаться. Тем не менее, в конце пятого века угольщики имели свой центр в Ахарнах, под южными склонами Парнеса, всего в семи или восьми милях от Афин. Фукидид исключает Ахарны из числа равнин^[1506], и мы должны сделать вывод, что тогда они не были землей кукурузы и винограда, как сейчас. Если не лес, то пустырь. Если земли вокруг Ахарны не были востребованы для земледелия, вряд ли можно предположить, что выше по течению^[1507].

Тот же вывод напрашивается из отрывка Ксенофонта, в котором подразумевается, что кукуруза не могла выращиваться в районе добычи, который явно холмист, но не достигает ничего похожего на Пентеликон, Гиметт или Парнес, "а также есть земля, которая, будучи засеянной, не приносит плодов, но, будучи добытой, поддерживает население во много раз большее, чем если бы она производила кукурузу: и ее аргентинный характер, очевидно, обязан Провидению" и т. д.^[1508].

Кроме того, в древних аттических документах часто упоминаются "пограничные владения", которые схолиаст Эсхина объясняет как "земли на границе страны, простирающиеся либо до гор, либо до моря"^[1509]. Такое определение подразумевает, что горы были почти так же не пригодны для возделывания, как и само море. В Италии предел возделывания пшеницы также, по-видимому, был низким. Латинские авторы неоднократно противопоставляют покрытые лесом горы и пахотные низменности, и в некоторых случаях горы, которые эти авторы имеют в виду, значительно ниже, чем высоты Парнеса^[1510].

(Б) Доводы в пользу северо-восточной "Страны холмов" основаны на неверном прочтении или неправильной интерпретации древних авторитетов.

Уже достаточно сказано, чтобы показать, как мало оснований для того, чтобы представить себе горы Северной и Восточной Аттики во времена Писистрата как место обитания многочисленного и активного сельскохозяйственного населения. Остается рассмотреть доказательства того, что этот район был известен как "Страна холмов". Мы обнаружим, что они, по возможности, еще более хлипкие. Сторонники преобладающего мнения основывают свои доводы главным образом на определении Диакрии, содержащемся в печатных изданиях Исихия. Это определение является главным источником всех существующих заблуждений. Поэтому необходимо рассмотреть его. Слова Гесихия, которые обычно цитируются, таковы. "Диакрийцы: не только некоторые из эвбейцев, но и афиняне: также место (τόπος) в Аттике: Диакрия - это земля от Парна до Браурона". Современное название холмов в Брауроне - Περάτι (Конец), что, на первый взгляд, хорошо согласуется с тем, что процитированным определением Диакрии. Но если мы изучим любую хорошую карту Аттики, то увидим, что Περάτι не заканчивает южное продолжение Парнеса; он образует северо-восточную оконечность холмов Южной Аттики. Это первая трудность. По меньшей мере необычно определять границы района по местам, находящимся за его пределами. Мы же не говорим, что Германия простирается от Тильзита до Вербье.

Второе возражение гораздо серьезнее. Оно заключается в том, что в МСС ничего не говорится о Брауроне. Слово, которое они приводят, - Балилон (εἰς Βαλυλωνος, sic). Это слово было изменено Альдусом на Вавилон. Браурон - это предположение Пальмериуса, которое ни в коем случае не является однозначным. В византийские времена знакомый нам Вавилон (произносится Вавилон) был бы очень естественным вариантом для малоизвестного тогда Брауона (произносится Брафрон). В MS. Balylon не так уж вероятно, что это фонетическое искажение Brauron. Возможно, это орфографическое искажение Аулона, места или области в горном районе на крайнем юге Аттики^[1511]. Однако εἰς с генитивом в MS. предполагает какое-то более полное искажение^[1512].

Но даже если бы чтение "к Браурону (εἰς Βραυρῶνα)" было определенным, Исихий все равно был бы сомнительным авторитетом в этом вопросе. Его определение "побережья" звучит следующим образом: "Побережье: Аттика, откуда и корабль Паралос (ἡ παραλία- ἡ Ἀττική, ἔνθεν καὶ ἡ ναῦς παράλος)". Предположительно, это означает, что "Побережье" было синонимом Аттики, прибрежной земли *par excellence*. Такое определение может быть подкреплено филологическими связями между Ἀττική и ἁκτή^[1513]. Возможно, под ἡ Ἀττική следует понимать не γῆ, а παραλία: Берег означает *прежде всего* аттическое побережье (сравните современную "Ривьеру"). Это толкование подтверждается авторским определением людей побережья (οἱ παράλιοι), которое гласит: "те, кто занимает побережье Аттики". Ни одно из этих толкований не оправдывает Исихия как авторитета в вопросе о тройном делении Аттики. Он не упоминает о равнине.

Современные авторы, правда, придают слову "побережье" (παραλία) условное значение и ограничивают его южной вершиной аттического треугольника, районом Аттики, имеющим наибольшее соотношение побережья и внутренних районов^[1514]. В пользу их мнения говорит один факт. После изгнания тиранов, когда Клисфен решил разбить старые местные политические партии, вся эта южная вершина была включена в число "прибрежных" тритий или (th)ridings его нового тройного деления всей страны. Но есть основания полагать, что включение всего этого округа в состав побережья никогда не было чем-то иным, как искусственным^[1515], чтобы не дать ни одному из двух других делений перевесить над побережьем^[1516]. Клейстенское побережье, конечно, не ограничивалось этой южной вершиной. Современники, предполагающие такое ограниченное использование, основывают свое предположение на неправильном понимании своих авторитетов. Они цитируют Фукидида II. 55, где, говоря о набеге пелопоннесцев на Южную Аттику, он говорит о "так называемых прибрежных землях". Но точные слова Фукидида показывают, что опустошения были ограничены побережьем^[1517], в то время как надписи и отрывки других авторов доказывают, что название "побережье" не ограничивалось южной вершиной Аттики, а обычно применялось ко всему аттическому морскому побережью^[1518]. Когда Фукидид использует выражение "то, что называют прибрежной землей", не следует понимать, что название "побережье" в Аттике использовалось как синоним того, что Геродот называет Сунийскими высотами^[1519]. Очень возможно, что он комментирует скорее тот факт, что аттическое побережье называлось поэтическим именем παράλος γῆ, παραλία (земля рассола) вместо хорошего прозаического слова пятого века παραθαλάσσιος, ἐπιθαλάσσιος (земля у моря). Сам он использует ἐπιθαλάσσιος в следующей главе для обозначения прибрежных земель Пелопоннеса^[1520].

Другой текст, который, как считается,^[1521] устанавливает Северную или Северо-Восточную Диакрию и Южную Паралию, - это фрагмент Софокла^[1522], в котором мифический царь Пандион делит Аттику между своими тремя сыновьями. Две схолии Аристофана^[1523] и заметка в Суидасе^[1524] приравнивают северо-восточный из этих разделов к Диакрии. Но против этого

уравнения следует поставить уравнение Стефана Византийского^[1525], который говорит, что Диакрия досталась сыну, получившему, согласно Софоклу, южную часть.

Приложение В (к с. 168). Дата аргивско-эгинетского эмбарго на аттической керамике

Рис. 43. Дипилонская ваза.

Выдающиеся факты в истории аттической керамики таковы. В темные века аттическая керамика занимает, пожалуй, первое место во всей Греции. Доминирующая посуда этого периода относится к четко определенному стилю, известному как геометрический, в котором аттическая посуда "Дипилон" (рис. 43) является превосходной и хорошо представленной разновидностью^[1526], которая, по-видимому, пользовалась значительным спросом за пределами Аттики^[1527]. Период затмения для аттической керамики приходится на седьмой век и начало шестого. В этот период восточное влияние проявилось во всех видах греческого искусства и ремесла. В самой Греции доминирующей керамикой этого периода является коринфская (рис. 22, 34), а также другая, возникшая несколько раньше, но во многом перекрывающая ее, известная как протокоринфская (рис. 44). Эти две ткани наводнили большую часть Греции, а также Сицилию и Италию, и встречаются в изобилии во многих греческих городах Востока. Но в Аттике дипилонская посуда, похоже, занимала рынок вплоть до седьмого века^[1528], а за ней последовали вазы, известные как протоаттические и фалеронские^[1529], которые занимают лишь скромное место в керамической истории этого периода^[1530]. Затем в первой половине VI века в Аттике развивается знаменитый стиль "черной фигуры" (рис. 41), который быстро вытеснил с рынка всех конкурентов.

Рис. 44. Протокоринфская ваза.

С коммерческой точки зрения эмбарго на аттическую керамику между 670 и 570 годами до н. э. было бы практически бессмысленным. Только до более ранней даты и после более поздней аттическая керамика представляла угрозу для своих конкурентов. Что касается промежутка между этими датами, то все, что известно об истории гончарного дела в Арголиде и Эгине, склоняется в пользу более раннего периода. Самый ярый протекционист признает, что защита бесполезна без того, что нужно защищать, а с 570 года до н. э. ни Аргос, ни Эгина, похоже, не проявляли интереса к возможным конкурентам аттической посуды. Но в начале седьмого века и Аргос, и Эгина были наводнены как коринфской^[1531], так и протокоринфской^[1532] керамикой, и, как можно понять из преданий о лоте Теменоса^[1533], весьма вероятно, что они были весьма заинтересованы в продвижении этих изделий, которые в большом количестве встречаются не только в самой Греции, но и в Италии, Малой Азии и даже за ее пределами^[1534]. Коринфская керамика, несомненно, является продуктом Коринфа^[1535]. Место происхождения протокоринфского языка, как уже было замечено, вызывает много споров. На него претендовали и сама Эгина^[1536], и Аргос^[1537]. Коринф возможен^[1538], как и Халкис, для которого обильные находки в Кумах являются интересным, но ни в коем случае не решающим доказательством^[1539]. Большинство археологов предпочитают Сикион^[1540].

В настоящее время баланс мнений экспертов, безусловно, в пользу северо-восточного Пелопоннеса^[1541]. В главе VI приводятся доказательства того, что весь этот регион, вероятно, находился под аргивским господством до установления тирании в Коринфе и Сикионе около 660 года до н. э. Но после этого ситуация меняется. Коринф и Сикион становятся сильными городами, дружественными друг другу и враждебными Аргосу^[1542]. Коринфская керамика затмевает всех своих конкурентов, а протокоринфская легко, но с большим отставанием уступает. Если бы Аргос хотел защитить свою родную керамику во второй половине VII века, он бы исключил не аттическую керамику, а изделия Коринфа и, возможно, Сикиона^[1543]. Аттическая керамика возродилась и стала доминировать на греческом рынке около 570 г. до н. э., и именно к этой дате относит эмбарго Хоппин, опубликовавший керамику из аргивского Гереума. Но если это была дата, то, как он сам заявляет, ее мотивом было "не что иное, как простая злоба, поскольку никакой повышенной активности со стороны аргивских гончаров не было результатом"^[1544]. Мотив, который так справедливо отметил Хоппин, лучше всего мог сработать, когда протокоринфская и коринфская керамика уже была на рынке, но Коринф и Сикион еще не были под властью тиранов.

Таким образом, по *априорным* соображениям, первые годы седьмого века являются наиболее вероятным периодом для эгинетского или аргивского эмбарго на керамику Аттики^[1545]. Держава, уничтожившая дипилонские корабли^[1546], вполне могла нанести удар по дипилонской керамике, хотя бы для того, чтобы улучшить собственное положение в перевозной торговле.

Остается проверить эту общую вероятность по свидетельствам тех мест, которые имеют непосредственное отношение к делу.

В Эгине Аттика чернофигурная керамика была найдена в некотором изобилии^[1547]. На самом деле аттическая керамика находила готовый вход, начиная с второй половины седьмого века и далее^[1548]. Если и есть какая-то стадия аттической керамики, которая слабо представлена на острове, так это протоаттическая и фалеронская. Таковы, во всяком случае, данные раскопок в храме Афайи; и скудость ранней ориентализирующей аттической керамики гармонирует с тем, что известно о геометрической керамике с этого места. Этот последний стиль, как сообщает Тирш^[1549], представлен богато, причем в двух группах, которые явно импортируются из соседних регионов Аттики и Арголиды. Вначале преобладает аттическая

посуда, наиболее близкие аналогии дают находки в Элевсисе и афинском Керамейкосе. Ближе к концу геометрического стиля, когда он начинает соединяться с протокоринфским, начинается вторая большая группа импорта, с типами, которые также в большом количестве встречаются в Арголиде, в Тирине и аргивском Гереуме.

Опять же, в Эгинетском храме Афродиты, где керамика, найденная Стаисом, была опубликована Паллатом^[1550], геометрические черепки, по глине и технике не отличимые от аттических, были довольно многочисленны, но, спустившись с восьмого века на седьмой, нам говорят, что аттическая керамика этого периода, так называемая протоаттическая, представлена лишь несколькими типами, некоторые из которых, возможно, являются лишь подражаниями подлинной аттической.

Аналогично, раскопщики аргивского Герая сообщают, что "в Арголиде мы находим геометрический стиль прекратившимся почти внезапно, в то время как аргивский стиль становится как бы эмансипированным^[1551]". Аргив - это американское название протокоринфского^[1552].

Подавляющее большинство фрагментов этого периода из храма Афродиты - протокоринфские или раннекоринфские^[1553]. Аттическая керамика вновь появляется среди находок примерно середины VI века, с несколькими фрагментами киλικов Клейнмейстера. Паллат действительно^[1554] говорит далее о протоаттической (*т.е.* аттической) керамике начала седьмого века, которая богато представлена на Эгине, и Лёшке тоже говорит о всех стадиях аттической керамики, начиная с дипилонской, встречающейся на острове^[1555]. К сожалению, такие термины, как "редкий" и "обильный", до сих пор используются археологами в самых общих чертах и вводят в заблуждение. Единственные вазы, которые цитирует Лёшке, это "тирренская" амфора и кубок Эрготимоса, *то есть* две вазы начала VI века, обе из коллекции Фонтана, и приписанные Эгине только на основании авторитета дилеров или коллекционеров начала XIX века^[1556]. Факт остается фактом: в правильно зарегистрированных раскопках на острове аттическая керамика занимает наименее заметное место в начале седьмого века, а в музее Эгины^[1557], который включает в себя находки из Афаи и образцы из раскопок 1904 года в храме Афродиты, есть много микенской, геометрической, протокоринфской и коринфской керамики, несколько ранних черных фигур (около 550 г. до н. э.) и довольно большое количество коринфской. до н. э.), и довольно много поздних ваз с черной фигурой, но совсем нет протоаттической.

Для Аргоса свидетельства ограничиваются в основном находками из Гереума, храма в нескольких милях от города, который был раскопан американцами. Как уже упоминалось, свидетельства из этого места были использованы для датировки блокады второй половиной шестого века^[1558]. К сожалению, американский отчет ошибается в датировке некоторых находок. Он относит к первой половине VI века архаизирующего аттического гончара Никосфена, который процветал во второй половине^[1559]. Единственные два типа аттических фрагментов, которые, как утверждается в отчете, были найдены в значительном количестве^[1560], оба относятся ко второй половине века, а не, как утверждается в отчете, к первой его половине. Поэтому эти находки вряд ли можно считать свидетельством исключения аттической керамики, начавшегося в середине шестого века. Они включают лишь несколько фрагментов аттической керамики начала седьмого века^[1561].

Возмущенные аргивяне и эгиняне, которые к тому времени, которое мы пытаемся определить, разгромили афинян в Эгине, не просто исключили аттическую керамику из храма или храмов своих возмущенных божеств. Они настаивали на использовании исключительно местной керамики. Весьма вероятно, что до нас дошла целая масса местной

керамики, использовавшейся именно для этой цели. При недавних раскопках Гереума в Тирине подавляющее большинство посвященных ваз - миниатюрные сосуды из местной ткани. Их число достигает почти тысячи, образуя серию, которая начинается в седьмом веке и тянется через шестой век в пятый^[1562]. Миниатюрные вазы, похожие по стилю и, предположительно, примерно той же даты, были найдены в таком же изобилии в Аргиве Негаеум^[1563], где они были датированы американцами на много веков раньше. Они образуют наиболее характерную серию вазовых посвящений в храме. Фрикенхаус в публикации о Тирине^[1564] с большой долей правдоподобия предположил, что именно такую массу подобных вотивных ваз видел Геродот в храме Дамии и Авксесии в Эгине. Если Фрикенхаус прав, то исключение аттической керамики из некоторых храмов в Эгине и Арголиде естественным образом откладывается по крайней мере до седьмого века. Фрикенхаус отказывается верить, что использование этих "туземных горшков" было вызвано причиной, указанной Геродотом. Но действительно ли ассоциация этих маленьких безобидных местных ваз с антиаттической политикой выглядит как этиологическая выдумка?

В храме Афаия на Эгине было найдено большое количество местной посуды ручной работы в виде горшков, кувшинов, тарелок, гидрий, амфор и т. д., достаточно больших для использования. Фуртвенглер называет их χύτραι^[1565], другой формой слова, использованного Геродотом для обозначения местных горшков, посвященных Дамии и Авксесии. Подобная простая посуда для практического использования встречается на многих поселениях^[1566], и вряд ли она привлекла внимание Геродота, хотя, с другой стороны, слово, которое он использует (горшки, χυτρίδες), указывает на простую грубую посуду^[1567]. Если это именно та посуда, которую он заметил, то наша датировка не пострадает, так как основные формы находят ближайшие параллели в геометрических могилах.

Приложение С (к с. 169). *Ранняя афинская морская мощь*

Самое раннее морское сражение, известное Фукидиду, произошло между коринфянами и коркирянами в 664 году до н. э.^[1568] Дипилонские корабли построены с помощью таранов (рис. 45. а), что само по себе достаточно свидетельствует об их воинственном характере^[1569]. Некоторые из них изображены сражающимися или с павшими моряками, лежащими вокруг (рис. 45. с)^[1570], что заставило Крокера^[1571] датировать их после 664 года до н. э. Если аргументы Крокера обоснованы, их пришлось бы датировать еще позже, поскольку крайне маловероятно, чтобы афинские вазы изображали для местного рынка битву, в которой афиняне не участвовали^[1572]. Но даже 664 год до н. э. кажется слишком поздней датой для этих ваз. В греческой керамике седьмого века повсеместно прослеживается восточное влияние. Так обстоит дело с типичной аттической посудой седьмого века, которая известна как протоаттическая и фалеронская. Дипилонская керамика, возможно, сохранилась и в этом веке, но она относится в основном к восьмому и девятому^[1573]. Геометрическая чашка с морским боем, найденная в Элевсисе^[1574], находится в самом нижнем слое геометрических могил и датируется Поульсеном довольно ранним стилем^[1575].

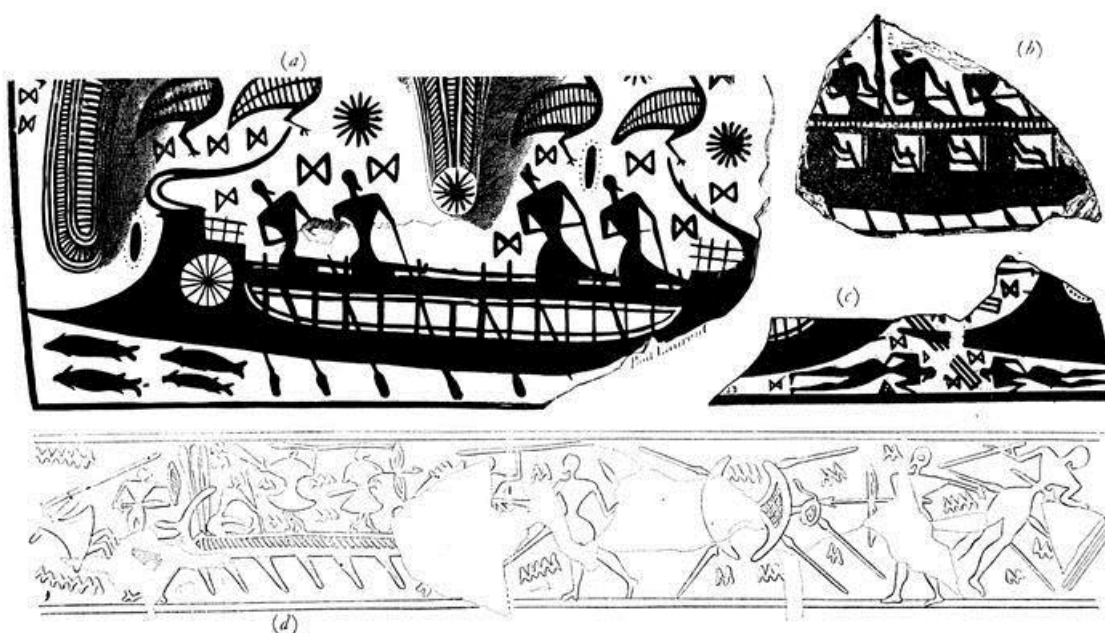

Рис. 45. Дипилонские корабли.

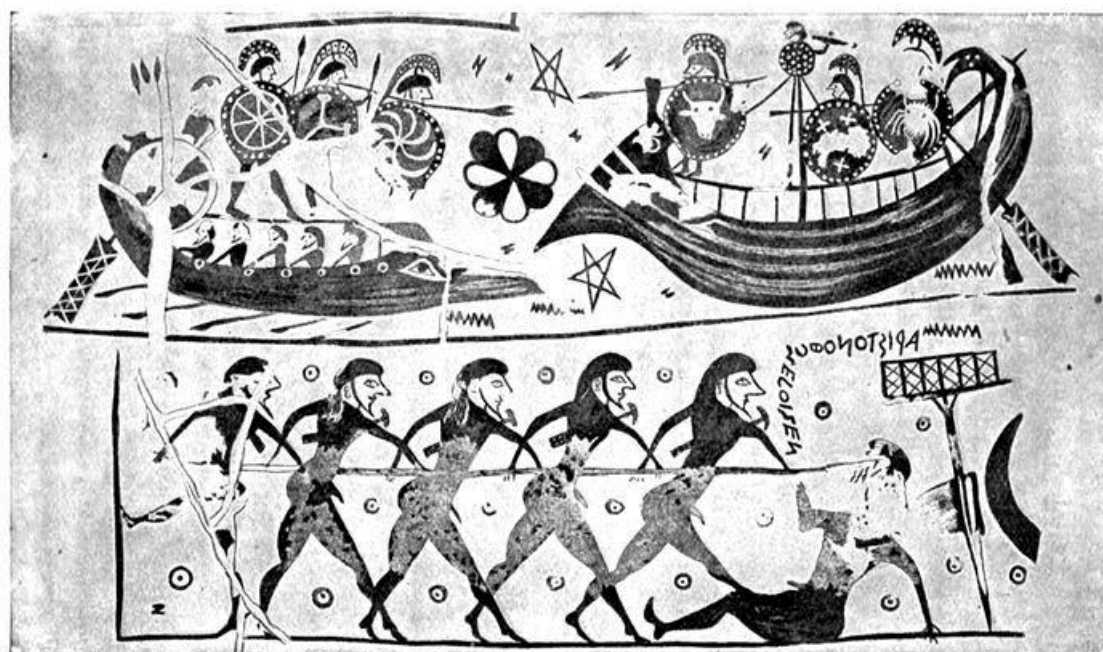

Рис. 46. Роспись вазы с подписью Аристонотоса.

Однако здесь нет необходимого расхождения с Фукидидом. Хельбиг^[1576] указывает, что все дипилонские бои, по-видимому, представляют собой поединки между одиночными парами кораблей. Большинство этих дипилонских кораблей изображены на огромных вазах, которые занимали место надгробий, так что одиночный корабль или поединок кораблей можно объяснить одиноким морским капитаном, который лежал под ними^[1577]. Но против этого объяснения следует поставить одиночные корабли и поединки одиночных кораблей на меньших дипилонских вазах и морскую дуэль на вазе, подписанной Аристонотосом, вероятно, аргивским гончаром первой половины седьмого века (рис. 46)^[1578]. На одном фрагменте позднего дипилона (рис. 45. d)^[1579] изображена команда корабля, сражающаяся с воинами на суше, а нос судна, в котором Хельбиг видит форму головы лошади, по его мнению, указывает на то, что он прибыл из Карики или Финикии, где, как известно, использовался подобный орнамент^[1580]. Голова лошади не очень отчетлива. Фуртвенглер

считает ее идентификацию неопределенной^[1581]. В лучшем случае она не имеет решающего значения для выводов Хельбига. Но он, вероятно, прав, когда видит в афинских кораблях дипилонского периода военно-морские силы, предназначенные для защиты Аттики от пиратов^[1582], которые, возможно, вообще никогда не участвовали в сражениях^[1583].

Для объяснения поведения военно-морских сил участников ранней Эгинетской войны необходимо такое положение вещей, как описал Хельбиг. Война описывается как происходящая сразу после того, как эгинетяне построили корабли и стали хозяевами моря^[1584]. Возможно, флот стал результатом кораблестроения, о котором говорится в гесиодовской "Эоиде", где об эгинетянах сказано, что они "первыми стали строить корабли с веслами по обе стороны и первыми поставили паруса - крылья корабля, пересекающего море^[1585]". Талассократия, должно быть, была местной^[1586], и вполне может означать, что Эгина опередила Афины и стала ведущим членом Калаурской лиги, хотя, возможно, ее следует связывать с ранним эгинским поселением в Наукратисе^[1587]. Афиняне утверждали, что отправили в Эгину всего один корабль. Но, судя по всему, это была версия официального бюллетеня, с присущей таким документам неспособностью описать серьезное поражение как таковое. "Эгиняне сказали, что афиняне пришли не с одним кораблем, а со многими^[1588]".

То, что Афины тоже обладали флотом, подразумевается, когда Геродот говорит, что аргивяне переправились в Эгину незамеченными^[1589]. Однако здесь нет и намека на морское сражение. У обеих сторон есть свои объяснения^[1590], но ни одно из них не является вполне удовлетворительным. Положение вещей, подразумеваемое в рассказе Геродота об Эгинетской войне, удивительно похоже на то, что изображает Хельбиг для времени морской деятельности дипилонских кораблей.

Можно отметить еще один момент в этом военно-морском вопросе, хотя на нем не стоит настаивать. Триремы упоминаются в связи с переправой афинян в Эгину. Это может быть простым анахронизмом^[1591]. Но ничто не доказывает, что это так. Положение вещей, при котором есть флоты трирем, но нет масштабных морских действий, как нельзя лучше подходит для начала седьмого века, до морской битвы 664 года до н.э. и после изобретения трирем. Считается, что первые триремы в Греции были построены в Коринфе за некоторое время до 704 года до н.э., когда Амейнокл построил четыре корабля для саамитян^[1592]. Некоторые из дипилонских кораблей, по-видимому, уже имели две банки весел (рис. 45b)^[1593]. Корабли с двумя банками весел появляются на памятниках Сеннахериба (700 г. до н.э.)^[1594].

Триремы использовал фараон Нехо (610-594 гг. до н.э.)^[1595]. И Сеннахериб, и Нехо, вероятно, в значительной степени полагались на финикийских моряков и корабельщиков. "Нам говорят, что сидонцы первыми построили трирему^[1596]". Все эти утверждения прекрасно вписываются в извещение Фукидида. Правда, в следующей главе он говорит, что Эгина и Афины обладали небольшим количеством трирем немного раньше смерти Дария (486 г. до н.э.), и использует этот факт, чтобы утверждать, что греческая военно-морская мощь развилась в больших масштабах только примерно с этого времени. Его факты вряд ли можно подвергнуть сомнению; но в своих выводах он, похоже, впал в заблуждение (которое он разделяет со многими современниками), что никакое развитие первоклассного значения не может быть датировано намного раньше его собственного возраста^[1597].

Беды, постигшие Эгину в период ее разрыва с Эпидавром, вероятно, включали войну с Самосом^[1598], в которой саамитяне "послали экспедицию против Эгины, и нанесли много вреда эгинцам, и получили от них много^[1599]". При таком положении дел Эгина должна была сделать все возможное, чтобы выпустить корабли по современному образцу, которыми Амейнокл снабжал врага.

Дипилонские корабли многие современные ученые справедливо связывают с наукарыйской организацией, которая, как выяснилось, существовала в Афинах в конце темных веков^[1600]. Геродот утверждает, что председатели наукароев (или, возможно, наукариев) были управляющими (ἔνεμον) Афинами во время попытки тирании Кайлона, т.е. около 632 г. до н.э.^[1601]. Это утверждение оспаривает Фукидид, который говорит, что "в то время девять архонтов вели большую часть дел государства"^[1602]. Однако Геродот в худшем случае просто неточен. Наукарой, вполне возможно, были "властями, ответственными за осаду (οἱ ἐπιτετραμμένοι τὴν φυλακὴν)" Фукидида и, вероятно, отвечали за *массовые* сборы, записанный самим Фукидидом (ἐβοήθησαν πανδήμει ἐκ τῶν ἀγρῶν), который привел к конфузу Килона^[1603]. Возможно, Геродот преувеличил авторитет наукароев, чтобы смягчить вину архонта Алкмеонидов, предавшего смерти последователей Кайлона^[1604].

Атика во времена Кайлона была разделена на сорок восемь таких наукароев, каждый из которых должен был предоставлять корабль^[1605]. Однако деятельность наукароев была в основном финансовой^[1606], настолько, что более поздние писатели, которые, возможно, знали их лучше всего по упоминаниям о них в законах Солона, похоже, рассматривали их как чиновников казначейства^[1607], тем более что Клисфен заменил наукарий демами^[1608], которые не имели военно-морских ассоциаций.

Даже этимологическая связь naukray с ναῦς (navis, корабль) была поставлена под сомнение. Впервые сомнение в этом высказал Поллукс, написавший свой "Ономастикон" во II веке н.э.^[1609]. Современные авторы предложили альтернативные варианты деривации. Гроте выводит его из ναίω (я живу) и объясняет naukraroi как главных домохозяев^[1610], что является рефлексом избирательного права XIX века. Другие^[1611] связывают его с неясным словом ναύω, которое, по словам Исихия и Фотия, означает "умоляю", и которое Фотий связывает с ναός (храм). ναός и ναύω они связывают с сомнительной глоссой Поллукса^[1612], которая объясняет ναύκληρος (капитан корабля) редким словом ἐστιοπάρων (домохозяин, лит. hearthholder), и которую они изменяют, читая ναύκρарос вместо ναύκληρος. Поскольку далее Гесихий определяет ναύκληρος (sic) как председателя общины (συνοικία), они связывают происхождение назореев с объединением (συνοικισμός) Атики Тесеем, символизируемым общим очагом^[1613].

С этими филологическими сомнениями столкнулся Г. Мейер^[1614], который утверждает, что даже если предположить, что ναός означает "очаг", то для соединения потребуется не ναυ-, а ναο- или ναοο-. Фонетические аналогии указывают на производность от ναῦς (корабль)^[1615]. -κρарос следует связывать с κραινω (делать, завершать) или, возможно, с κραινω, означающим "я правлю"^[1616].

Неуверенность Поллукса в деривации просто отражает неопределенность в истории наукариев, которая была распространена в его дни. Ни один античный писатель не упоминает о морской деятельности наукароев^[1617]. Но это ничего не доказывает. Вероятно, наукарии имели долгую историю в Афинах, подобно корабельным деньгам в Англии, и со временем утратили свой доминирующий военно-морской характер.

Гилберт действительно^[1618] сомневается в существовании наукароев до времен Солона, которого схолиаст Аристофана^[1619] предлагает в качестве возможного основателя. Он с подозрением относится к свидетельствам проалкмеонистского Геродота и отмечает, что тот описывает попытку Сайлона и ее подавление наукарией как произошедшую "до времени" не Солона, а "Пейсистрата". Он также возражает против возможности существования досолоновского аттического флота из сорока восьми кораблей, поскольку Солон, напав на Саламин, отплыл к острову, имея лишь большое количество рыбацких лодок и одно

тридцативесельное судно^[1620]. Он цитирует Фотия, который s.v. ναυκραρία говорит: "Солон назвал их так, как утверждает Аристотель". Его мнение не выдерживает критики. Даже если Геродот пытается обелить Алкмеонидов, из этого отнюдь не следует, что он очень далек от истины в своем рассказе о наукрариях. Если он упоминает Писистрата, а не Солона, то лишь потому, что Килон стремился стать не законодателем, а тираном. Слабый афинский флот во времена Солона не является доказательством того, что афинский флот никогда не был сильнее. Когда Фотий говорит "таким образом названный" (ὁνομάσαντος), он вполне может иметь в виду как "использовавший это имя для", так и "давший это имя": если он имел в виду последнее, из этого следует лишь то, что он неправильно понял Аристотеля, как и схолиаст к Аристофану, Облака, 37.

Де Санктис пошел еще дальше, чем Гилберт, и отнес установление наукрарии, наряду с попыткой Кайлона, ко времени Пейсистрата^[1621]. В качестве аргумента он приводит в основном военно-морские события при тиране, которые, как уже видно, не свидетельствуют против гораздо более ранней даты.

Нет причин сомневаться в существовании наукрарий в 632 г. до н. э. Вопрос, который необходимо решить, заключается в том, насколько далеко они уходят в прошлое и какова была военно-морская потребность, для удовлетворения которой они были организованы.

Дату не намного раньше Кайлона отстаивает Шеманн^[1622], который не может найти более раннего повода для их учреждения, чем борьба с Мегарой в седьмом веке, Данкер^[1623], который аналогично объясняет их учреждением из соперничества с флотами соседей Афин в седьмом веке, Филиппи ([1624]), который датирует их 683 годом до н. э. (учреждение ежегодных архонтов^{об}), и Бусольт ([1625]), в связи с их финансовой классификацией и организацией в седьмом веке до н. э. (учреждение годовых архонтов), а Бусольт^[1625] - в связи с их связью с финансовой классификацией и организацией седьмого века. Что касается Шеманна и Данкера, то выше в главе VI было показано, насколько маловероятно, что Афины создали развитую военно-морскую организацию в седьмом веке. Связь наукрариев с финансовой организацией седьмого века у Бусольта показывает только то, что они тогда существовали: из этого не следует, что они тогда были созданы. Независимо от того, прав ли Глотц, отводя их к гомеровским временам^[1626], баланс вероятностей указывает на то, что они восходят к периоду дипилонской керамики^[1627], и были организованы для защиты или возмездия против налетчиков, которые тогда заплотонили аттические берега, подобно тому, как в Англии был учрежден данегельд для борьбы с пиратами соответствующего периода нашей истории. Возможно, есть что-то в точке зрения, которая приравнивает наукрарическую организацию к совету Тесея^[1628], если под Тесеем подразумевается глава афинского государства, который установил некий порядок на водах и побережьях Саронического залива после свержения критской цивилизации^[1629]. Прочитируем слова двух особенно трезвых писателей^[1630]:

После распада минойской талассократии Афины, несомненно, приняли участие в охране Саронического залива..... Ее воины часто изображаются на дипилонских вазах девятого и восьмого веков. В более поздние времена потребность в этой защитной эскадре могла уменьшиться, когда флоты Мегары, Эгины, Халкиса и Эретрии очистили Эгейское море от корсаров. Можно предположить, что наукрарии седьмого века редко видели активную морскую службу^[1631].

Только что процитированные авторы, вслед за Хельбигом, представляют себе древних наукрароев, занимавшихся военно-морской деятельностью в качестве членов Калаурской лиги, а последняя, продолжавшаяся как религиозная организация в классические времена,

постепенно отходит на второй план по мере развития других упоминаемых ими военно-морских государств. Однако их картина оставляет без внимания главный факт, известный об истории лиги. Ее первоначальными членами были Гермiona, Эпидавр, Эгина, Афины, Прасия, Науплия и минийский Орхомен. Затем в конце списка Страбон добавляет: "Науплию раньше представлял Аргос, а Прасию - Спарта^[1632]." Здесь Страбон ссылается на более поздний период. Похоже, что Аргос и Спарта были незванными гостями лиги, которые стремились вступить в нее, чтобы обеспечить себе влияние или признанное положение в Сароническом заливе, подобно тому, как в более поздние времена Филипп Македонский по политическим причинам так дорожил признанием со стороны Дельфийской амфикионии^[1633]. Разве неразумно предположить, что оба нарушителя обеспечили себе место в лиге каждый при своих стремлениях к пелопоннесской гегемонии, Спарта в VI веке, а Аргос при Фидоне? Все известные обстоятельства подтверждают это предположение, по крайней мере в отношении Аргоса, который в настоящее время касается только нас. Оно в равной степени соответствует военно-морской мощи Афин в темные века, затмению этой мощи в седьмом веке и расширению Аргоса именно в этот период. Павсаний^[1634] говорит, что Науплия отошла к Аргосу только в конце седьмого века. Но Асине, которая лежит дальше от Аргоса, как говорят, была завоевана им на сто лет раньше^[1635]. Белох с некоторым основанием утверждает, что более близкий город должен был быть завоеван первым. Но нет необходимости следовать за ним в его страсти к понижению дат и опускать время завоевания Асина. Есть больше оснований перенести дату падения Науплии и тем самым перенести ее в период аргивской экспансии при Фидоне^[1636].

Внесем эту маловероятную модификацию в только что процитированную картину из Митчелла и Каспари, и ранняя война между Афинами и Эгиной обретет удовлетворительную историческую обстановку. Перед войной Афины, Эпидавр и Эгина - ведущие государства в Сароническом заливе. В результате Афины оказываются искалеченными на море, а их место, и даже больше, чем место, занимает Аргос. Доказательства, конечно, скудны, но в той мере, в какой они есть, они указывают на то, что первая Эгинетская война ознаменовала падение военно-морской мощи, которой Афины наслаждались в темные века, или, как гласит легенда, после падения Миноса, когда Калаурская лига и флот нагров были мощной реальностью. Власть, которая приводит к падению, принадлежит аргивскому тирану Фидону.

Приложение D (к с. 170). *Ранняя афинская одежда*

Фукидид^[1637] цитирует афинскую одежду во вступительных главах своей первой книги, чтобы проиллюстрировать свой тезис о том, что цивилизация и комфорт - вещи исключительно современные. С этой точки зрения он делит афинскую историю на три периода: первый - когда люди ходили вооруженными, второй - когда в моде были роскошные ионические одежды, и третий - когда они вернулись к простой или рациональной одежде (μετρία ἔσθῆς). Трудно датировать начало второго периода Фукидида позже первой половины седьмого века. Действительно, в то время, когда Фукидид писал свои замечания, пожилые мужчины из богатого класса в Афинах уже давно отказались от ионического платья. Иногда утверждается, что это платье всегда было присуще только старикам, и Фукидид подразумевает, что ионическая одежда в Афинах вошла в моду совсем недавно. Но тон этого отрывка скорее наводит на мысль о старом джентльмене, который цепляется за моду прежних лет. Уже в семидесятых годах V века до н. э. женщина, олицетворяющая Грецию в мечте Ксеркса, одета Эсхилом в дорические одежды^[1638], и памятники подтверждают точку зрения, согласно которой Персидские войны ознаменовали это изменение.

Но на этом доказательства Фукидида не заканчиваются. Он говорит о моде в Спарте, а также в Афинах. Возвращение к простой одежде было начато спартанцами (μετρίᾳ δ' αὖ ἑσθῆτι πρῶτοι Λακεδαιμόνιοι ἐχρήσαντο). Это утверждение имеет два следствия^[1639]. Спартанцы должны были вернуться к дорическому костюму до Персидских войн, а до этого они, как и афиняне, должны были носить ионический костюм. Важность этих аллюзий на Спарту, кажется, едва ли была осознана, несомненно, потому, что споры развернулись до того, как раскопки Британской школы в Спарте поставили под сомнение многие из принятых взглядов на историю архаической Спарты. Очень крупные находки фигурок из слоновой кости и свинца седьмого и шестого веков^[1640] показывают, что, по крайней мере, в художественном отношении спартанцы этого периода отнюдь не были такими строгими приверженцами простоты, какими они стали в классическую эпоху. Спартанская простота на самом деле, вероятно, в значительной степени восходит ко временам Хилона, реформатора середины VI века^[1641]. Не исключено, что простая одежда в Спарте появилась вместе с простой жизнью примерно в этот период. Это уже подразумевается для спартанских молодых женщин эпитетом φαῖνομῆριδες (показывающий бедро) у поэта Ибика, современника Хилона. В Фукидиде нет ничего, что могло бы опровергнуть предположение о том, что между началом распространения простой одежды в Спарте и ее принятием в Афинах^[1642] проходит около пятидесяти лет. Тирания в Афинах примерно охватывает этот период и, поскольку она была связана с материальной роскошью, в достаточной степени объясняет этот интервал. Фукидид утверждает, что афинская роскошь, по крайней мере в том, что касается одежды, началась раньше спартанской, а спартанская, если она вышла в середине VI века, очевидно, должна была появиться значительно раньше этой даты.

Геродот говорит, что ионический костюм, строго говоря, был не ионическим, а карийским^[1643]. Восточное влияние начало распространяться из греческих городов Малой Азии и проникать в более прогрессивные части Греции собственно в начале седьмого века^[1644]: так что это снова кажется наиболее вероятным периодом для принятия ионической одежды в Афинах.

К этой же дате можно прийти, оттолкнувшись от первого периода Фукидида - эпохи, когда мужчины обычно ходили вооруженными. Фукидид с известным скептицизмом относится к существованию культуры, знакомой нам сейчас под названиями микенской и минойской, и она не входит в три его периода греческой одежды. Первый из них - это, несомненно, темный век, последовавший за падением Крита и Микен, век геометрической керамики, которая около 700 года до н.э. начала уступать место восточным стилям. Именно к этому периоду относятся булавки и фибулы, о чем свидетельствуют археологические находки^[1645], и его конец, то есть начало седьмого века, был бы естественным временем для принятия постановлений, ограничивающих или запрещающих их использование.

Много говорилось о том, что Фукидид рассматривает исключительно мужские наряды, а Геродот - женские, и ученые, утверждающие, что Эгинетская катастрофа произошла в середине шестого века, утверждают, что в ранних Афинах мужчины первенствовали даже в вопросах одежды^[1646] и что ранняя дата, подразумеваемая Фукидидом для мужского ионического костюма в Аттике, не обязательно должна быть применима и к женскому. Если бы различия в датах были установлены неоспоримо, разница полов могла бы послужить объяснением. Однако мы убедились, что в словах Геродота нет ничего, что оправдывало бы датировку шестого века для принятия ионического костюма афинскими женщинами.

Приложение Е (к с. 249). Датировка последних ваз из кладбища Форума

Среди ваз Форума, которые выглядят поздними, есть несколько скифоидов, подобных "поздним ионическим" из мюнхенского каталога Сивекинга и Хакля, *например*, Notiz. 1903, p. 137, fig. 17, pp. 407 f., figs. 36, 42, 55, 57 (последние два из той же могилы, что и рис. 53, см. там же рис. 52). Эти скифоиды тесно связаны с серией небольших плоских чаш без ручек, украшенных аналогичным образом, Notiz. 1903, p. 137, fig. 17, p. 388, figs. 14, 15 (могила G), p. 409, fig. 39 (могила I), p. 425, fig. 56 (могила K): для стилистической связи ср. Notiz. 1903, p. 425, fig. 56 (чаша без ручки) с там же, fig. 57 (скифос). Контекст, в котором они были найдены в Риме, указывает на дату не позднее довольно раннего VI века: Notiz. 1903, p. 137, fig. 17, был найден в качестве крышки (см. там же рис. 16) к скифосу там же рис. 17 позднего ионического стиля; Notiz. 1903, с. 388, рис. 14, 15, были найдены в одном захоронении скелета (*ibid.* p. 385 и fig. 11) вместе с протокоринфским лекифосом, p. 388, fig. 17, который, вероятно, относится к VII веку, и другими вазами, вероятно, к VI: рис. 39 - из одного захоронения скелета, в котором также находились "позднеионические" скифосы, figs. 36, 42 (*ibid.* p. 400 и figs. 28, 31); fig. 56 происходит из одного захоронения скелета и имеет аналогичный контекст (*ibid.* p. 418 и fig. 52). Все эти кубки без ручек (рис. 14, 15, 39, 56) пронизаны у края парами маленьких отверстий. Такая практика известна в греческой керамике геометрического и протокоринфского периода (J.H.S. XXX. p. 241, n. 42: добавить Notiz. 1895, p. 238, найденный в той же могиле с двумя черными фигурными вазами VI века. Две вазы, очевидно, несколько похожие по форме, стилю и декору на эту плоскую серию без ручек, но без просверленных отверстий, были найдены в Ричоне в могилах конца VI века, Arch. Eph. 1912, p. 115, fig. 15), но не черно-красную аттическую керамику: она встречается на чаше, вероятно, седьмого века из могилы M, Notiz. 1905, pp. 151, 155, figs. 9, 12.

Другие поздние вазы - две, изображенные на Notiz. 1905, с. 150, рис. 7. Pais, Ricerche, I. (1915), p. 382, цитируя Хельбига, датирует их позже шестого века. Но Пиганиол, Journ. des Sav. 1915, p. 552, n. 4, поддерживаемый Дугасом, утверждает возможность более ранней даты на том основании, что, хотя форма может относиться к концу пятого века, декор, для которого см. Лувр С 44, изображенный Потье, Альбом, I. пл. 23, указывает на седьмой. Этот аргумент вряд ли подойдет в его нынешнем виде. Ваза не может быть старше своей формы, которая скорее напоминает фестончатые кубки пятого и четвертого веков из Гнати. Но хотя она так сильно напоминает этот период, она, кажется, не находит в нем точной параллели, и расхождение может быть более значительным, чем сходство. Никаких других ваз не было найдено в одной могиле с этими двумя, так что нет контекста, чтобы предположить более раннюю дату: но, если я не ошибаюсь, посуда Гнати пятого и четвертого веков аналогично вспоминается с такой же небольшой разницей другой вазой из Форума, Notiz. 1903, p. 408, fig. 37, найденная в могиле с девятью другими (включая fig. 36, 38, 39, 42, процитированные выше), которые все указывают на дату шестого века. Не следует полагать, что черты, характерные для ранней греческой и итальянской посуды, всегда появлялись в Греции раньше: целая серия этрусских ваз буккери имеет широкие лентообразные вертикальные ручки, которые в греческой посуде характерны для гончара конца VI века Никосфена: однако одна из этих ваз буккери происходит из ранней (VII век) гробницы Регулини Галасси в Каере, см. Roem. Mitt. XXII. p. 126, fig. 18, p. 207. Примеры из Форума см. в Notiz. 1903, pp. 408, 422, figs. 38, 53.

Приложение F (к с. 249). Свидетельства о внутригородских захоронениях в Риме

Сервий утверждает, что жители Рима и других городов первоначально хоронили всех своих умерших в пределах города и фактически в доме^[1647]. Последнее утверждение выглядит как вывод из поклонения ларам: "люди привыкли хоронить всех в своих домах, откуда и возникла практика поклонения ларам в доме", но может быть не менее верным по этой причине^[1648]. В Двенадцати таблицах запрещены внутрипогребальные захоронения: "hominem mortuum in urbe ne sepelito neve urito"^[1649], "запрет, который подразумевает практику, все еще в некоторой степени распространенную в то время"^[1650]. В консульство Дуилия запрет был вновь введен^[1651], что свидетельствует о том, что и тогда эта практика не была полностью изжита. Закон допускал довольно много исключений. В качестве таковых были освобождены весталки (как хорошие, так и плохие) и императорские девы^[1652]. Если говорить о конкретных примерах, то дед царя Тулла Гостилия, как говорят, был похоронен "в лучшем месте на Форуме"^[1653]. "Тулл - сомнительная фигура в римской истории, а его дед - тем более. Есть некоторая неопределенность и в случае с *pover combusti*, современниками Спурия Кассия в первые годы республики"^[1654]. Возможно, они были не кремированы, а сожжены заживо^[1655]. Но есть множество более поздних примеров. Цицерон подразумевает, что исключения были хорошо известны, когда после цитирования запрета в "Легионе" он заставляет другого персонажа сразу же воскликнуть: "А как же знаменитые люди, которые были похоронены в городе с тех пор?" и тут же приводит в пример семьи Валерия Публикола и Постумия Туберта, а также отдельный случай К. Фабриция, похороненного на самом Форуме в 275 г. до н. э. Исключения в пользу Валериев и Постумиев, очевидно, восходят к началу республики, когда в стенах были похоронены консулы П. Валерий Публикола и П. Постумий Q. f. Туберт^[1656]. К этому же периоду восходит уступка Клавдиям места для захоронения под Капитолием^[1657]. Внутригородская (?) гробница Цинциев и гробница "quidam Argiuorum illustres uiri", которая, как говорят, была похоронена в пределах города, опираются на более сомнительные свидетельства^[1658]. Семь военных трибунов, похороненных у Цирка в 267 г. до н. э., возможно, все еще находились за пределами города.

Археологические данные о внутригородских захоронениях в Риме были рассмотрены Граффундером. По крайней мере, два случая хорошо засвидетельствованы для раннереспубликанского периода^[1659].

1. Aristot. Pol. I. 1259a. Подлинность этой истории может быть поставлена под сомнение, но факт ее привязки к Фалесу сам по себе значителен.

2. Например, Busolt, Gr. G. I.²pp. 626-7.

3. La Lydie, p. 163; ср. ibid. p. 274, "богатство приобретает значение, которого никогда не имело".

4. J. A. Symonds, Renaissance in Italy, Age of the Despots², pp. 103-4; ср. ibid. pp. 65 n. 1, 66, 73, 76, 77-78.

5. Некоторые лекторы в Оксфорде склонны сводить к минимуму аналогии, проводимые седьмым и шестым веками до нашей эры с современными промышленными условиями. При этом они, как мне кажется, впадают в самое распространенное из современных

заблуждений - переоценку важности размера и количества. Для лучшего понимания аналогий см. *например*, Ciccotti, Tramonto d. Schiavitù n. Mondo ant. p. 45.

6. E. Meyer, Jahrb. f. Nationalök. IX. (1895), p. 713 и ниже *passim*.

7. Sieveking, Viert. f. Soc. u. Wirts. VII. p. 87.

8. Коббетт, Бумага против золота, с. 5, 6 (30 августа 1810 г.).

9. Джевонс, Деньги²³, стр. 203; ср. там же стр. 285: "Удивительно обнаружить, до какой степени бумажные документы заменили монету в качестве средства обмена в некоторых главных центрах бизнеса".

10. Ср. Thos. W. Lawson, Frenzied Finance (издано в 1906 г.), pp. 33, 35.

11. Ср. Poehlmann, Sozialismus i. d. ant. Welt², I. p. 170.

12. Hy. D. Lloyd, Wealth against Commonwealth (1894), p. 2.

13. Hy. D. Lloyd, *op. cit.* p. 494; см. также pp. 297-8, 311; гл. XXVIII: (о секретаре казначейства США по Standard Oil), 434, 511.

14. New York Daily Commercial Bull. June 4th, 1894, *ap.* Hy. D. Lloyd, *op. cit.* p. 450.

15. New York Sun, May 27th, 1884, *ap.* Hy. D. Lloyd, p. 387.

16. Таймс, 4 ноября 1916 г.

17. Anatole France, L'Île des Pingouins, pp. 242 f., 309.

18. Salvioli, Capitalisme dans le Monde Antique (traduit A. Bonnet), p. 267.

19. von Bernhardi, Germany and the Next War, p. 65.

20. См. *например*, Thos. W. Lawson, Frenzied Finance, pp. 6, 35; Hy. D. Lloyd, Wealth against Commonwealth, pp. 341, 353, 386 (цитаты из National Baptist of Philadelphia, Cincinnati Commercial Gazette и Senator Hoar); J. Ramsay MacDonald, Unemployment and the Wage Fund; I. M. Tarbell, Hist. Standard Oil Co. II. pp. 114, 116, 137 (цитаты из газеты "Демократ округа Батлер", сенатора Фрая, отчета о расследовании штата Нью-Йорк, 1888 г.), 124, 126-7, 290, 291; Truth's Investigator, The Great Oil Octopus, p. 227.

21. Hy. D. Lloyd, *op. cit.* p. 493.

22. фон Бернгарди, *loc. cit.*

23. Карл Маркс возражал против применения слов "капитал" и "капитализм" к состоянию вещей в античности. Но см. E. Meyer, Gesch. d. Alt. III. p. 550.

24. Сохранилось около 300 строк в 35 фрагментах.

25. Сохранилось 1389 строк непрерывного стиха.

26. Фр. 2 (13), 5-7.

27. *μονάρχου*.

28. Фр. 7 (17), 3-4.

29. Фр. 3 (14), 3.
30. О его ненависти к тирании см. *например*, 1181-2, 1203-4.
31. Ср. о греках вообще, современник Феогниса Кир (*ар.* Hdt. I. 153), "эти насмешки Кир бросал грекам, потому что они охраняют рынки и занимаются куплей-продажей".
32. 679, φορτηγοὶ δ' ἄρχουσι к.т.λ., "плохие" - обычный термин аристократических писателей для своих политических противников.
33. 717-8.
34. 315.
35. 523.
36. 699.
37. 621.
38. 823; ср. Солон, цитированный выше.
39. ὑβριότην.
40. 1081-2.
41. Ср. *например*, Hdt. III. 80, ὕβρι κεκορημένος.
42. ὑβρίζη, 749-751.
43. 47-52.
44. Другие толкования были бы возможны, если бы в строке 51 мы читали "из этого" (ἐκ τοῦ) вместо "из этих" (ἐκ τῶν), но МСС. все поддерживают ἐκ τῶν.
45. Можно ли увидеть в Солоне, 12 (4). 29-32, ссылку на судьбы различных семей тиранов седьмого века?
46. φορτηγός, Theognis, 679.
47. Соф. О.Т. 540-542.
48. I. 13.
49. Olymp. II. 58-9 (к Тиро, тирану Акрагаса).
50. Olymp. V. 15-16 (к Псаумису из Камарины). Поэма заканчивается предостережением Псаумису не подражать тиранам (μὴ ματεύσῃ θεὸς γενέσθαι).
51. Pyth. I. 48.
52. ἀλλ' ὅμως τὸ τοιοῦτον ἔτη δέκα κατέσχευ (Ἀγαμέμνων), οὐ μισθοφοραῖς μεγάλας οὐδὲ χρημάτων δαπάναις, οἷς νῦν ἅπαντες δυναστεύουσιν, Isocr. Panath. 82 (249).
53. Jebb, Attic Orators², II. p. 110.
54. Pol. VII. (V.), 1314b. Endt, Wien. Stud. XXIV. (1901), p. 47, видит здесь ссылку на Гело из Сиракуз и цитирует Diod. XI. 26; Ael. V.H. VI. 11; Polyae. I. 27, в которых рассказывается, как Гело предстал обнаженным перед сиракузянами, дал отчет о своем правлении и предложил

сложить с себя полномочия. Но единственное упоминание о казначействе находится у Полиэна; и там оно лишь случайное (εὐθύνας δοῦς τῆς αὐτοκράτορος ἀρχῆς, τῆς δαπάνης, τῶν καιρῶν, τῶν ὀπλῶν, τῶν ἵππων, τῶν τριήρων).

55. См. ниже о Солоне, с. 34-5, и главу XI. с. 301, а также ср. Aristot. Pol. II. 1267; III. 1285a-b.

56. Например, лорд Джеймс Херефордский, сэр Д. Дейл, мистер Уотсон и мистер Манделла, цитируемые В. Т. Лейтоном, Капитал и труд, стр. 198. В более простом и маленьком государстве, чем современное королевство или республика, в эпоху промышленной войны между равными партиями, легко представить, как люди, занимающие подобное положение, приобретают или даже навязывают себе почти самодержавные полномочия.

57. Pol. VI. (IV.), 1296a.

58. VI. (IV.), 1295-6.

59. Plut. Sol. 2, 14.

60. Аристотель. Pol. I. 1259a.

61. Лисий, с. Frument. 16 (165). О масляном кольце в Риме Плавта см. Captivi, 489, "omnes conpecto rem agunt quasi in Velabro olearii."

62. Xen. de Vect. 4. 14-15; ср. Plut. Никиас, 4.

63. Lysias, с. Eratosth. 19 (121).

64. Дем. с. Aphob. A. 9-11 (816, 817); ср. Плут. Demosth. 4.

65. Aeschines, с. Timarch. 97 (13-14).

66. Дион. Хал. Isocr. 1, θεράποντας αὐλοποιοῦς. Для θεράπων = раб, ср. Aristoph. Plut. 518-521.

67. с. Olymp. 12 (1170).

68. Например, Xen. Mem. II. 7. 3, 6. Говорят, что подряд на строительство длинных афинских стен во времена Перикла был отдан одному человеку, по имени Калликрат (Plut. Per. 13): о его работниках мы ничего не знаем, кроме того, что, по словам современного комического поэта Кратина, они очень медленно выполняли свою работу.

69. Athen. VI. 272e действительно говорит о Никиасе как о миллионере (ζάπλουτος), владеющем рабами как капиталом (ἐπὶ προσόδοις).

70. Plut. Sol. XXII. πρὸς τὰς τέχνας (ср. χειροτέχνης = artizan) ἔτρεψε τοὺς πολίτας. Отметим также, там же (ср. Galen, Protrept. 8 init.; Vitruv. VI. praef.), закон, согласно которому сын не обязан содержать отца, если отец не обучил его ремеслу, и далее Poll. VIII. 42 (во времена Солона человек, трижды осужденный за безработицу, лишался права голоса).

71. Aristot. Ath. Pol. 2. В гл. 12 Ath. Pol. упоминает о трудностях (ἀπορία) бедняков и тех, кто ранее был рабом и был освобожден в результате σεισαρχεία (меры Солона по борьбе с рабством и долгами), и далее цитирует самого Солона.

72. Plut. Sol. XXIV.

73. Aesch. с. Timarch. 27 (4).

74. Anth. Lyr. Solon, 12 (4), 49-50 .

75. В частности, в Афинах и Риме.
76. Aristot. Pol. VII. (V.), 1313b.
77. Ниже, стр. 267, 274 f., 279, 223 f.
78. Например, Endt, Wien. Stud. XXIV. (1901), p. 55.
79. Hy. D. Lloyd, Wealth against Commonwealth, p. 364.
80. Плут. Per. 12.
81. Строительство Эрехтеума, 408 г. до н. э. C.I.A. I. 321, 324.
82. Плут. Per. 16, τὴν δύναμιν αὐτοῦ ... κακοῆθως παρεμφαίνουσιν οἱ κωμικοί, Πεισιστρατίδας μὲν νέους τοὺς ἀμφὶ αὐτὸν ἐταίρους καλοῦντες, αὐτὸν δ' ἀπομόσαι μὴ τυραννῆσειν κελεύοντες.
83. Cp. Mauri, Cittadini Lavoratori dell' Attica, p. 56.
84. Cp. Thuc. II. 65, об Афинах при Перикле: "Номинально это была демократия, но на самом деле это было правление передового человека".
85. Arch. Eph. 1883, pp. 109 f. = C.I.A. II. ii. 834b (329-8 гг. до н.э.).
86. Циммерн, Социологическое обозрение, 1909, с. 166.
87. Cp. Cic. de Off. I. 42. 151, mercatura, si tenuis est, sordida putanda est, sin magna et copiosa ... non est admodum uituperanda; atque etiam si ... ex portu in agros se possessionesque contulerit, uidetur iure optimo posse laudari: мнение, которое, несомненно, было столь же твердо в Греции, как впоследствии в Риме и Англии.
88. Довольно полное собрание авторитетов древнегреческих взглядов на ручной труд можно найти в книге Frohberger, De Opificum apud vet. Graec. condit. chap. II.
89. Hom. Od. XXIII. 189; Il. VI. 313-5; Od. VI. 52 f.; cp. также Il. V. 59 f.; XXI. 37; Od. V. 241 f.
90. В Мегаре аристократ Феогнис достаточно презрительно относится к рабочим классам, но он писал уже после свержения тирании в своем городе.
91. Платон, Критий, 110с.
92. Плут. Thes. 25.
93. Plut. Sol. 2.
94. Аристотель. Ath. Pol. 7.
95. Законы, XI. 920d. О характере афинских божеств-покровителей см. Proclus ad Plat. Timae. 52b, Афина Эргана (так называемая) как покровительница работ ремесленников (δημιουργικῶν ἔργων); cp. Soph. fr. 844 (Jebb and Pearson); Plato, Protag. 321e, общая обитель, в которой они (Афина и Гефест) занимались своими ремеслами (ἐφιλοτεχνεῖτην); Harpocrat. и Suid. s.v. χαλκεῖα, "Праздник, общий для ремесленников (χειρὼναξι) и особенно для кузнецов": Суид. добавляет, что первоначально это был общественный праздник, а не более поздний, отмечавшийся только ремесленниками (τεχνιτῶν): А. Моммзен, Heortologie, p. 313, считает, что это изменение может быть связано с Пейсистером.
96. Wallon, Histoire de l'Esclavage, I. 142.

97. Aristot. Ath. Pol. 13.

98. Xen. de Rep. Lac. 7; Mem. IV. 2. 22; Oecon. IV. 2.

99. Ael. V.H. II. 1; так же Xen. Mem. III. 7. 6.

100. Аристоф. Ach. 478; Thes. 387; Frogs, 840; ср. Плин. N.H. XXII. 38; Aul. Gell. XV. 20; Val. Max. III. 4, ext. 2.

101. Hdt. II. 167. Таким образом, Маури в "Cittadini Lavoratori dell' Attica", p. 65, скорее, опаздывает, когда говорит, что наши авторитеты для афинского презрения к ручному труду относятся к четвертому веку и позже.

102. Isocrat. Areop. 32 (146).

103. Mauri, Cittadini Lavoratori dell' Attica, p. 69.

104. Xen. Mem. IV. 2. 22.

105. Plato, Apol. 22c-e; ср. Xen. Mem. II. 7, где Сократ решительно осуждает предрассудки против ручного труда.

106. Xen. de Vect. V. 4.

107. Платон, Rep. VII. 522b, IX. 590c; Законы, V. 741e; Gorg. 517d-518a; Alcib. I. 131b; Amator, 136b, 137b.

108. Платон, Законы, VIII. 846d.

109. Там же. XI. 918.

110. Там же. IV. 705b.

111. Rep. II. 371e.

112. οὔτε βάνουσιν βίον οὔτ' ἀγοραῖον, Aristot. Pol. IV. (VII.), 1328b; ср. Rhet. I. 9. 27.

113. γεωργοὶ μὲν γὰρ καὶ τεχνῖται καὶ πᾶν τὸ θητικὸν ἀναγκαῖον ὑπάρχειν ταῖς πόλεσιν, μέρη δὲ τῆς πόλεως τό τε ὀπλιτικὸν καὶ βουλευτικόν, Aristot. Pol. IV. (VII.), 1329a; ср. VII. (V.), 1317a.

114. Pol. III. 1278a.

115. Pol. IV. (VII.), 1326a. В основе "Политики" лежит серия исследований отдельных конституций, одна из которых, Афинская конституция, была извлечена из египетской мусорной кучи около тридцати лет назад. Когда Аристотель говорит, что город артизанов не может достичь величия, мы можем быть вполне уверены, что артизаны не играли заметной роли ни в одном из греческих городов со времен персидских войн. Что касается предшествующего периода, то его информация должна быть менее достоверной.

116. с. Eubulidem, 32 (1308).

117. Pollux, III. 82; ср. Photius s.v. "θητεία- δουλεία".

118. См., например, Xen. Oecon. IV. 2-3, а также необычайно сочувственный рассказ о рабочих классах у софиста Продика, современника Сократа: "перейдем к ремесленникам и механикам (χειρωνακτικοὺς καὶ βαναύσους), которые трудятся из ночи в ночь и с трудом

обеспечивают себя всем необходимым для жизни, оплакивая себя и заполняя все свои бессонные часы причитаниями и слезами". Mullach, Frag. Phil. Gr. II. 139.

119. Arbeit. u. Comm. p. 46.

120. Женщины, конечно, были вовлечены в последствия Пелопоннесской войны. "Мне говорят, что многие гражданки (ἄσταὶ γυναῖκες) стали кормилицами, поденщицами и сборщицами винограда (τίτθαὶ καὶ ἔριθαι καὶ τρυγήτριαι) в результате несчастий города в те времена". Dem. c. Eubul. 45 (1313); ср. Xen. Mem. II. 7 f.

121. Например, проблемы, которые постоянно возникали у римлян с распущенными войсками.

122. Aristoph. Plut. 510-525.

123. Плут. Ages. 26; Polyae. II. 1. 7; ср. Xen. Hell. VI. 1. 5.

124. Аристотель. Pol. III. 1278a. Аристотель, конечно, более ценный авторитет для своих дней, чем для "древних времен".

125. Платон, Rep. II. 371e. Так и Cic. de Off. I. 42, "est ipsa merces auctoramentum seruitutis". Ср. Zimmern, Sociological Review, 1909, p. 174, который, однако, когда говорит, что "греки никогда не относились с пониманием к заработку", имеет в виду в основном пятый и четвертый века до н. э. и скорее игнорирует свидетельства того, что условия в этот период были сравнительно недавними.

126. Ciccotti, Tramonto d. Schiavitù, pp. 124 f. В сохранившихся фрагментах счетов Эрехтеума за 409 г. до н. э. оплата производится частично поштучно, частично по дням.

127. Cavaignac, Études Financ. p. 173. О большом росте подневольного населения в Аттике IV века см. в Beloch, Rhein. Mus. 1890, pp. 555 f.

128. Cavaignac, Études Financ. p. 172; E. Meyer, Kleinschrift. p. 198.

129. См. Brants, Rev. de l'Instruct. Publ. Belg. XXVI. p. 106.

130. Athen. XII. 540d.

131. Ср. об Афинах пятого века Xen. (?) Ath. Pol. I. 12, "город нуждается в иностранцах-резидентах из-за количества своих ремесел (δεῖται μετοίκων διὰ τὸ πλῆθος τῶν τεχνῶν)".

132. Ниже, с. 192.

133. Ср. Phaleas, Aristot. Pol. II. 1267.

134. Хдт. VI. 137, οὐ γὰρ εἶναι τοῦτον τὸν χρόνον σφίσι κω οἰκέτας.

135. Timaeus, ap. Athen. VI. 264c.

136. Clerc, Métèques Athén. pp. 324 f.

137. Ciccotti, Tramonto d. Schiavitù, p. 47.

138. Buechsenschuetz, Besitz u. Erwerb. pp. 321, 341, 193; ср. Waltz, Rev. Hist. 117 (1914), pp. 5-41.

139. В восточных греческих государствах эллинистического периода, как и на римском Востоке, правительство, по-видимому, иногда управляло крупными промышленными предприятиями, работники которых считались свободными людьми. Beloch, Zeits. f. Socialwiss. II. pp. 24-25. Но эти учреждения принадлежат к совершенно иному политическому строю, чем тот, о котором мы сейчас говорим.

140. О восстаниях рабов в Греции см. Diod. XXXIV. 2. 19 и Athen. VI. 272 f. (Лаурия, вероятно, вторая половина II в. до н. э.); Athen. VI. 265c (Хиос, очевидно, еще позже, *темп.* Воескh, Public Econ. of Athens, II. pp. 470-471); ср. Wallon, l'Esclavage², I. pp. 318 f., 483-484. Движения в Лаврии и Хиосе во время Пелопоннесской войны, Thuc. VII. 27, VIII. 40, похоже, были не столько восстаниями против рабства, сколько дезертирством от одного хозяина к другому. Когда Холм, Hist. Greece (English trans.), I. p. 263, говорит, что суть тирании в том, что она опирается на силу, он делает заявление, которое, насколько оно верно, отличает тиранию от любой другой древней формы правления.

141. ἀεὶ ἀτυράννευτος ἦν, Thuc. I. 18.

142. Plut. Lysander, 17.

143. Hill, Handbook of Greek and Roman Coins, p. 17, цитируя Ленорманта. Сам Хилл склоняется к мысли, что спартанская чеканка могла быть похожа на железные куски эгинетского веса, приписываемые Тегее и Аргосу. Но эти последние не являются "тяжелыми и трудно переносимыми".

144. οὐ ξυνοικισθείσης πόλεως ... κατὰ κώμας δὲ ... οἰκισθείσης, Thuc. I. 10.

145. Aristot. Pol. II. 1269a.

146. Thuc. I. 132.

147. Во времена Платона в Фивах жил один гражданин с необычайным богатством - Исмений, "человек, который совсем недавно получил богатство Поликрата". Исмения причисляют к Периандру, Пердикке и Ксерксу как богатого человека, который думал, что обладает большой властью; но его не называют тираном. Он разбогател не благодаря собственной мудрости и заботе, а внезапно, в результате завещания, так что его богатство, очевидно, подпадает под другую категорию, чем богатство тиранов седьмого и шестого веков, и на самом деле Платон помещает его в весьма разношерстную компанию. Платон, Мено, 90a; Rep. I. 336a.

148. См. ниже, с. 30 f.

149. Аристотель. Pol. VIII. (VI.), 1316b.

150. Thucydides Mythistoricus, p. 32.

151. Rep. VIII. 562a; ср. 564a, 565d.

152. О тиранах как грабителях см. Hdt. V. 92: "(Кипсел) лишил многих людей их имущества". Эфор, F.H.G. III. p. 392: "Он изгнал вакхиадов и конфисковал их имущество". Ср. Plato, Phaedo, 82a; Rep. VIII. end. Однако победные трофеи - совсем другое дело, чем судебные конфискации демагогов V и IV веков. То, как ранние тираны использовали свои богатства, служит достаточным доказательством того, что они не были в основном грабежом. В

типичном раннем тиране нет ничего от кондотьера. Ср. H. Sieveking, *Kapitalist. Entwick. i. d. ital. Städt. d. Mittelalt. in Viertelj. f. Soc. u. Wirts.* VII. pp. 64 f.

153. Pol. VII. (V.), 1305a; ср. VII. (V.), 1310b, ὁ δὲ τύραννος (καθίσταται) ἐκ τοῦ δήμου καὶ τοῦ πλῆθους.

154. "Фидон и другие стали тиранами с царским началом... те, что в частях около Ионии, и Фаларис - со своих должностей", Pol. VII. (V.), 1310b; ср. там же, "через начало власти, некоторые - царской должности", и там же, "другие (тирании) от царей, превысивших свои наследственные должности"; VII. (V.), 1308a, "попытки тирании в одних местах предпринимаются демагогами, в других - династами, или теми, кто занимает высшие должности, когда они занимают их в течение долгого времени".

155. Ср. также Pol. VII. (V.), 1305a, где под "современными временами" подразумевается время, когда развилась риторика и демагоги перестали быть солдатами.

156. Или же вообще без исторического периода. Как указал мне мой коллега профессор У. Г. де Бург, порядок Платона - это, по общему признанию, порядок восходящей несправедливости (Rep. VIII. 545a; ср. 344a), представляя который, он ссылается на муз Гомера и просит их не быть слишком серьезными (545e). Доказательства Платона по этому поводу не следует воспринимать так буквально, как исторически мыслящего Аристотеля.

157. Hdt. III. 82. См. также Xen. Hell. VII. 1. 44-46; и ср. Porzio, *Cipselidi*, p. 207, n. 1.

158. Ни гомеровский Терсит, ни "вожди народа" Солон не демонстрируют ни одной из существенных черт демагога, известных Геродоту, Платону и Аристотелю. Об отдельных ранних тиранах часто говорят, что они были демагогами, но только писатели IV века или позже, чьи свидетельства на этот счет не имеют ценности; см. ниже, с. 30 f.

159. "Нынешние демагоги завоевывают расположение демократий, добиваясь многих конфискаций через судебные инстанции". Аристотель, Pol. VIII. (VI.), 1320a.

160. Hdt. VI. 131.

161. πολεμοποιός, Aristot. Pol. VII. (V.), 1313b; ср. 1305a (οἱ προστάται τοῦ δήμου, ὅτε πολεμικοὶ γένοιντο, τυραννίδι ἐπεταιίθεντο) и Plato, Rep. VIII. 566e (πολέμους ἀεὶ κινεῖ).

162. Ср. Thuc. I. 17, δι' ἀσφαλείας ὅσον ἐδύναντο μάλιστα τὰς πόλεις ὥκουv. Герман, *Staatsaltertümer*⁽⁵⁾ p. 253, n. 5, замечает, что этот отрывок противоречит Платону, Rep. VIII. 566e и Aristot. Pol. VII. (V.), 1313b, 1305a, которые делают типичного тирана воинственным. Он не понимает, что Фукидид описывает тиранов более ранней эпохи.

163. Ниже, стр. 257 f.

164. Aristot. Pol. VII. (V.), 1315b. Такое же изменение зафиксировано и в тирании в Коринфе: там о первом тиране Кипселе говорят, что он был демагогом, возможно, потому, что он стал тираном, а в источниках Аристотеля не говорится о том, что он ранее вел какую-либо войну.

165. Hdt. I. 59; согласно Ath. Pol. 17, "говорить, что Писистрат был полководцем в войне за Саламин против мегарейцев, - явная глупость". Но это утверждение, основанное на хронологических аргументах, может поставить под сомнение только дату и характер военных достижений Пейсистрата, но не всю их историчность.

166. Pace E. Meyer, G. d. A. II. p. 666, следуя Юстину II. 8 (quasi sibi non patriae uicisset, tyrannidem per dolum occupat).

167. О по сути мирном характере афинской тирании см. Ciccotti, Tramonto d. Schiavitù, p. 49.

168. Pol. VII. (V.), 1312b.

169. III. 82.

170. Разумеется, в сочетании с более ранними чертами. *Например*, у Платона (Rep. VIII. 566a-b) изгнание и насильственное возвращение, а также телохранитель - все это подлинный Писистрат.

171. Платон, Письма 1, 2, 3, 4, 7, 8, 13. О подлинности платоновских писем см. Burnet, Thales to Plato, pp. 206, 207 и прим.

172. Диог. Laert. II. 7. 63; 8. 67 f.

173. Аристотель, Pol. VII. (V.), 1307a, где также цитируется Ганнон Карфагенский, современник Аристотеля. Оба этих потенциальных тирана посягали на рабское население (см. Фукидид, I. 132 (Павсаний), Орозий, IV. 6 (Ханно)), и, возможно, это еще больше помогло стереть представление о миролюбивом раннем тиране и его отношении к свободному труду.

174. Ср. Thuc. I. 20; VI. 54 о неточных рассказах о Писистратидах, распространенных в Афинах во времена самого историка.

175. О том, как идеи Аристотеля часто окрашивают цитируемые им факты, см. Muretus, Var. Lect. I. 14; Koehler, Sitzungsab. Preuss. Akad. 1892, p. 505; Endt, Wien. Stud. XXIV. (1901), pp. 50-51, цитируется Porzio, Cipselidi, p. 244.

Об общей сомнительности объяснений мотивов седьмого и шестого веков, относящихся к пятому и четвертому векам, см. Макан об Афинейской Политее в J.H.S. XII. pp. 34 f.

176. Aristot. Pol. VII. (V.) 1313a.

177. Aristot. Pol. VII. (V.) 1315b.

178. Mommsen, Hist. Rome (Eng. trans.), III. p. 333.

179. Ср. Dion. Hal. VII. 1, о том, что Дионисий отправил кукурузу в Рим во времена Спурия Кассия (492 г. до н. э.). Имя Дионисия появляется здесь за добрых полвека до его рождения, несомненно, как сицилийского тирана *первой величины*.

180. Белох, Gr. G.⁽²⁾ I. ii. p. 295, несомненно, недооценивает значение прямых высказываний Фукидида о Писистратидах, когда называет их "просто устными преданиями об отношениях семьи, которая была изгнана из Афин за 100 лет до этого". Такая постановка вопроса вряд ли позволяет предположить, что смерть Гиппия от рождения Фукидида могло отделять менее 20 лет и что семья тирана все еще достаточно процветала в конце Пелопоннесской войны, чтобы быть исключенной из амнистии, восстановившей Фукидида в Афинах (Didymus ap. Marcellin. Vit. Thuc. 32).

181. См. также главу III, с. 69.

182. Белох, Rhein. Mus. L. (1895), p. 252, n. 1, относит попытку Кайлона ко времени между Солоном и Писистратом, De Sanctis, Atthis², pp. 280 f., ко времени изгнания Писистрата; O. Seeck, Klio, IV. pp. 318 f., помещает его в самое раннее время карьеры Писистрата; Костанци, Riv. d. Stor. Ant. V. pp. 518-19, около 570 г. до н. э.; также Lenschau ap. Bursian, Jahresbericht 176 (1918), p. 190. Но см., *например*, Ledl, Stud. z. d. ält. ath. Verfassungsges. pp. 77 f.

183. Thuc. I. 126.

184. Плут. Солон, 24.

185. Плут. Solon, 2; ср. Aristot. Ath. Pol. 6, где враги Солона обвиняют его в (нечестных) финансовых спекуляциях. Аристотель отвергает это обвинение.

186. Hdt. I. 59; Plut., Solon, 13, Amat. 18, Praecept. 10 (Moral. 763, 805), представляет себе эту третью сторону как существовавшую во время реформ Солона: но его рассказ непоследователен сам по себе и противоречит Hdt. См. Sandys, Ath. Pol.⁽²⁾ p. 55, Busolt, Gr. G.⁽²⁾ (1895), II. p. 302, n. 2, следуя Diels, Abh. Berl. Akad. 1885, p. 20, и Landwehr, Philol. Suppl. V. (1889), p. 155.

187. Так же Isocr. Panath. 148 (263); Aristot. Pol. VII. (V.), 1310b; ср. Cic. de Orat. III. 34; Brutus, 27, 41; Val. Max. VIII. 9; Dio Chrys. XXII.

188. Pace Aristot. Ath. Pol. 22 (ὅτι Πεισίστρατος δημαγωγὸς καὶ στρατηγὸς ὧν τύραννος κατέστη).

189. Ср. Plut. Solon, 29, "помощь нуждающимся" Писистрата, когда Солон впервые заподозрил его в стремлении к тирании: ср. также Aristot. Pol. VII. (V.), 1305a (Tr. Welldon), "основанием для такой уверенности была их неприязнь к богатым классам". Так было в Афинах с Писистратом из-за его вражды с (богатыми землевладельцами), владевшими равниной".

190. Hdt. I. 64. Перевод Гроте, III. (ed. 1888), p. 329, n. 4, в котором деньги поступают из Афин, а наемники - из Фракии, крайне неправдоподобен. Амфиполь, главный город пятого века на нижнем Стримоне, описан Фукидидом, IV. 108, как полезный для Афин "благодаря своим денежным доходам". Возражения Гроте против того, чтобы сделать Писистрата фракийским горным магнатом, приведены ниже.

191. Пердризе, Клио, X. (1910), с. 5.

192. Guiraud, La Main-d'Œuvre dans l'Ancienne Grèce, pp. 30, 31; ср. von Fritze, Zeits. f. Num. XX. (1897), p. 154, который отмечает, что Маронея, название места в районе Лаврии, где добывали руду во времена Пейсистрата, также является названием города во Фракии напротив Фасоса (по словам Филохора, F.H.G., I. p. 404, на который ссылался Архилох; ср. Hom. Od. IX. 197). Э. Курций (цит. там же) считает, что аттическая Маронея была названа в честь фракийца.

193. Aristot. Ath. Pol. 15.

194. Hdt. I. 62, 64.

195. Из железа и меди, Steph. Byz. s.v. Αἰθῆρος, Χαλκίς, Eustath. ad Dion. Perieget. 764.

196. Svoronos, Journ. Int. d'Arch. Num. XV. (1913), pp. 233-4.

197. Ср. Muenzer u. Strack, Münz. Nord-Griech. II. i. p. 8, n. 1.

198. Hdt. I. 9; так же Dion. Hal. I. 13.

199. Aristot. Ath. Pol. 13.

200. Плут. Solon, 13; Praecept. 10 (Moral. 805); Amat. 18 (Moral. 763).

201. См. *например*, Poehlmann, Grundriss⁽⁴⁾ p. 85; E. Meyer, G. d. A. II. p. 663; Sandys, Ath. Pol.⁽²⁾ p. 55; Mauri, Cittadini Lavoratori dell' Attica, p. 29; Grundy, Thucydides and Hist. of his Age, p. 116; Haase, Abhand. Hist. Phil. Gesell. Breslau, I. p. 105.

202. Ниже, Приложение А.

203. J.H.S. XXVI. pp. 136-8.

204. A.J.A. 1889, p. 426; ср. Haase, Abhand. Hist. Phil. Gesell. Breslau, I. p. 69, n. 16.

205. Ath. Mitt. XXXV. (1910), p. 286, ll. 18-21, μέταλλον ἀνασάξιμον ἐπὶ Λαυρέωι ... ὧι γε(ι)τινῆ ... πρὸς) νότο(ν) ἢ ὁδὸς ἢ ἔξω τοῦ Ῥαγῶνος ἐπὶ Λαύρεον φέρουσα καὶ τὸ Σημάχειον.

206. Steph. Byz. s.v.

207. Abh. Berl. Akad. 1892, p. 37; ср. там же, 47; Ath. Mitt. XVII. стр. 422, 424.

208. Ath. Mitt. 1910, p. 309. Одиночное надгробие "Эсхина из Семахидеи, сына Памфила" (C.I.A. II. 2534), найденное в Брахеми, в трех с половиной километрах к югу от Акрополя, вероятно, следует отнести к надписям *ibid.* 2535-9 как принадлежащее семахиду, умершему в Афинах. То же самое можно сказать и о фрагменте IAXIDΟΥ C.I.A. III. 3897, найденным в Алопеке, современном Амπεлокипи, одной из восточных конечных станций афинских трамвайных путей. По-видимому, демшиков обычно хоронили либо в Афинах, либо в деме, к которому они принадлежали. Обычное аттическое слово для обозначения путешествия, ἀποδημεῖν (дословно "покинуть свой дем"), кажется, было все еще уместно даже в четвертом веке.

209. F.H.G. I. p. 396.

210. F.H.G. I. p. 396.

211. Ат. Mitt. XXXV. (1910), p. 277, l. 25; 278, l. 42; 281, l. 46; слово, возможно, было полутехническим. Аппиан, Bell. Civ. IV. 106, говорит о λόφος недалеко от Филипп, "в котором находятся золотые рудники, называемые Асилой".

212. Ср. Hesych. Ἐπάκριος- Ζεὺς ὁ ἐπὶ τῶν ἄκρων τῶν ὀρέων ἰδρύμενος. ἐπὶ γὰρ τῶν ὀρέων τοὺς βωμοὺς αὐτῶν ἱδρυόντες ἐπιπολύ.

213. Т.е. с холмистой страной Клисфенской области. В надписях (C.I.A. II. 602, 603), относящихся к четвертому веку или позже, упоминаются люди из внутренних районов (Mesogeioi), которые составляли организацию, подобную Еракриоі из C.I.A. II. 570, и, возможно, состояли из жителей низменности Клистинской области (Месогей). Название Месогей теперь применяется к "волнистому району холмов и равнин, простирающемуся до отрогов Пентеликона на севере, до Гиметта на западе, до окрестностей Маркопуло на юге и до прибрежных холмов на востоке", Baedeker, Greece, 1905, p. 117.

214. См., *например*, заметку Дж. А. Р. Манро в J.H.S. XIX. (1899), p. 187.

215. Odyss. III. 278; ср. Steph. Byz. Σούνιον- δῆμος Λεοντίδος φυλῆς. Ὅμηρος δὲ ἄκρον καλεῖ.

216. Аристоф. Облака, 401.

217. Страбон, IX. 390.

218. Palmerius (Le Paulmier), Exerc. p. 4, цитируется Schoemann, de Comit. Ath. p. 343, n. 4.

219. Albertus, Hesych. s.v. Alii aliter; *например*, Casaubon *ad* Diog. Laert., Solon, 58, по-видимому, помещает Diakrioi на Акрополь.

220. Платон, Критий, 110d.

221. Страбон, IX. 391; ср. XIV. 632 f. о милезском округе, где Hdt., VI. 20, упоминает о существовании Гиперакрии: Страбон четко отличает ἄκραι на побережье от ὄρη во внутренних районах.

222. На карте, приложенной к тщательному исследованию Ардайона о рудниках Лаврии, рудники в Суниуме не обозначены, но рудник в Суниуме (μέταλλον ἐπὶ Σουνίῳ) упоминается в надписи, опубликованной Ойкономосом, Ath. Mitt. XXXV. (1910), p. 277, l. 9; так же C.I.A. II. 781: ср. также Eurip. Cycl. 293-4, "aery Sunium's silver-veined crag (ὑπάργυρος πέτρα)", tr. Шелли. Суниум и Торик, также находящиеся в районе добычи ("в Торике и Лаврии находятся серебряные рудники", schol. Aesch. Pers. 238), объединены Плинием, N.H. IV. 11 (7), как "промонтория".

223. Hdt. IV. 99.

224. Дьякриои были на Родосе (Cavaignac, Étud. Financ. pp. xl, xli) и Эвбее (Hesych. s.v.), а также в Аттике. В Милете был свой Гиперакий (Hdt. VI. 20).

225. Помимо связи с (а) Семачидаем и (б) партией Пейсистрата, мы находим его (в) одним из двенадцати городов, основанных Хекропсом (Strabo, IX. 397, Steph. Byz. s.v.), (d) один из трех групп городов, основанных Цекропом (Suid. and Et. Mag. s.v.), (е) страна около Тетраполиса (Bekker, Lex. Seguer. p. 259), (f) триттис (триттис эпакрийцев: C.I.A. II. 1053 и (?) I. 517b; ср. Loeper, Ath. Mitt. XVII. p. 355, n. 3), и (g) получатель платежей от Плотей (C.I.A. II. 570, около 420 г. до н.э.). Мильтхёфер признает, что это слово используется в более широком и более ограниченном смысле (ар. Pauly Wissowa s.v. Epakria). Хотя в отношении эпакрийских тритти надписей следует отметить, что тритти обычно называются не по району, а по главному месту в районе, *например*, тритти элевсинцев, пейреев, C.I.A. I. 517. Семачидай и Плотей принадлежат к разным племенам (антиохийцам и эгейцам), а следовательно, и к разным триттиям.

226. Страбон, XI. 499.

227. *Например*, Ойкономос, Ath. Mitt. XXXV. (1910), pp. 277, l. 25; 278, l. 42; 281, l. 46; ср. Xen. de Vect. IV. 2, τῶν ὑπαργύρων λόφων; Плиний, N.H. IV. 11 (7), Thoricus promontorium.

228. Bursian, Gr. Geog. I. pp. 254-5. Boeckh, Pub. Econ. II. p. 416, n. 6, цитирует Λαύριον ὄρος, но не дает ссылки.

229. Место между Камаресой (Маронеей?) и Суниумом, которое Лопер отождествляет с Потамосом, описывается им как "im Inneren liegend", Ath. Mitt. XVII. стр. 333-4.

230. Schol. Ap. Rhod. Argon. I. 1129, цитируя Форонида,

ἄνδρες ὀρέστεροι,

οἱ πρῶτοι τέχνην πολυμήτιος Ἡφαίστοιο

εὔρον ἐν οὐρείησι νάπαις, ἰόντα σίδηρον,

ἐς πῦρ τ' ἥνεγκον καὶ ἀρίπρεπες ἔργον ἔδειξαν.

231. Binder, Laurion, p. 25 (ср. de Launay in Saglio, Dict. d. Ant. s.v. ferrum, p. 1087), который говорит, что такая практика до сих пор существует в Перу. Плавка велась рядом с шахтами, см. Ardaillon в Saglio, Dict. d. Ant. s.v. metalla. Места древних сифнийских рудников и по сей день называются Каминия (печи) и Капсала (шлак?), Bent, J.H.S. VI. pp. 196-7.

Отметим также, что в еще более раннюю эпоху золото из шахт, в отличие от россыпного золота, было известно в Египте как "золото горы", Breasted, Records Anc. Egypt, IV. 30: там же, 28, "электрум гор", временное название. Рамзес III.

232. Abh. Berl. Acad. d. 1892, p. 47.

233. Ath. Mitt. XVII.

234. Polyb. XXXIV. 9.

235. Афины. VI. 272e; ср. Oros. V. 9, который датирует то же самое восстание временем первой Сицилийской войны рабов (139-132 гг. до н. э.).

236. Thuc. VII. 27; ср. Bury, Hist. Greece, p. 485.

237. Hdt. VII. 144; Plut. Themist. 4; Aristot. Ath. Pol. 22.

238. Ardaillon, Les Mines de Laurium (лучшая книга по этому вопросу), pp. 132, 133; там же см. техническое объяснение вен.

239. Plut. Themist. 4.

240. Xen. de Vect. IV. 2.

241. F. Cauer, Parteien in Megara und Athen, p. 17.

242. Hdt. III. 57; по-видимому, они были исчерпаны до 490 г. до н. э. (Perdrizet, Klio, X. (1910), p. 7, цитируя Hdt. III. 57 и Paus. X. 11. 2), что свидетельствует о раннем открытии.

243. Фуртвенглер, Берл. Vas. 871 B, 639, 831 A: Wilisch, Jahresb. Gym. Zittau, 1901, figs. 19 (Saglio, Dict. d. Ant. fig. 4987), 20 и с. 20.

244. Hdt. VII. 144.

245. Hdt. III. 57; ср. E. Meyer, Ges. d. Alt. II. p. 610, о Теогнисе, 667 f.

246. Например, Пердризе, Клио, X. (1910), стр. 2.

247. Эсхил. Persae, 240 (238).

248. Hdt. VI. 46.

249. Pace Cavaignac, Viertelj. f. Soc. u. Wirts. Ges. IX. p. 7.

250. Xen., de Vect. IV. 17, советовал афинскому государству покупать рабов по три на каждого гражданина и выпускать их для работы на рудниках. Число афинских граждан в то время составляло около 20 000 человек (см. Wallon, l'Esclavage², I. pp. 222 f.), поэтому предполагаемое число рабов-шахтеров составляет около 60 000 человек. Это, конечно, намного больше, чем число реально занятых на момент предложения, и Ксенофонт предлагает начать с 10 000, что, по мнению Валлона (Wallon, ibid. p. 230), было, вероятно,

существующим числом рабов-шахтеров в частном владении. Но даже в этом случае эти цифры показывают, насколько влиятельным могло быть свободное шахтерское население. См. также de Vect. IV. 14, 15 и *passim*; Andoc. de Myst. 38 (6); Hyp. frag. 33 (Blass); и выше, p. 45.

251. Dem. c. Phaenipp. 20 (1044-5).

252. Bérard, B.C.H. XII. (1888), p. 246, τέχνη δ' οὐτίς ἔριζε.

253. Ardaillon, Les Mines de Laurium, p. 91.

254. Solon, Bergk, frag. 12 (4), 49-50,

ἄλλος Ἀθηναίης τε καὶ Ἡφαίστου πολυτέχνεω

ἔργα δαεὶς χειροῖν ξυλλέγεται βίοντον.

255. Aristot. Ath. Pol. 13.

256. Средством уравниения было бы принять чтение Берлинского папируса ἀποίκων за ἀγροίκων и затем, следуя Бузольту, Gr. G. II.⁽²⁾ p. 96, n. 1, отождествить ἀποικοί (людей, находящихся вдали от дома; ср. милезийское ἀειναῖται, люди, всегда находящиеся в море) с πάραλοι (людьми побережья). Тогда демиургов можно было бы отождествить с дьякрийцами, и предположить, что юный Писистрат уже возглавлял свою фракцию. Лаврентий Лидий, de Magistr. I. 47, заставляет Солона импортировать из Египта тройное деление на философскую знать, земледельцев-воинов и механиков (τὴν βάναισον καὶ τεχνουργόν). Это высказывание встречается среди фрагментов Диодора IX. в тексте Диндорфа; но его атрибуция оспаривается, например, Ландвером, Philol. Suppl. V. (1889), p. 141. Чтение ἀγροικοί, а не ἀποικοί поддерживается Дионом. Hal. II. 9; см. далее Gilliard, Réformes de Solon, p. 105, n. 2.

257. Plut. de Mul. Virt. 27 (Moral. 262).

258. Plut. Pericl. 12.

259. Аристотель. Ath. Pol. 13; Plut. Sol. 29.

260. Perdrizet, Klio, X. (1910), p. 22, цитируя Appian, Bell. Civ. IV. 106. Ср. выше, p. 39, n. 4.

261. Harpocrat. s.v. Ποταμός- "их высмеивали как легко допускающих незаконные притязания на гражданство (ὡς ῥαδίως δεχόμενοι τοὺς παρεγγράπτους), как провозглашают другие и особенно Менандр в "Близнецах"; Potamioi - название комедии Стратиса; Athen. VII. 299b; Suid. s.v. Ποταμοί.

262. Ath. Mitt. XVII. (1892), pl. xii. В надписях упоминаются три Потамиои, см. Ath. Mitt. XVII. pp. 390-1, Π. καθύπερθεν, Π. ὑπένερθεν, Π. Δειραδιῶται. Первые два сгруппированы вместе, отдельно от третьего, и Лопер, вероятно, прав, в отличие от Келера, Ath. Mitt. X. (1885), pp. 105 f.; ср. IV. (1879), p. 102, в отнесении их к городским триттам Леонтиса и превращении Π. Дейрадиотай в шахтерский поселок. καθύπερθεν, таким образом, не является доказательством существования внутреннего шахтерского Потамия. Но "Deiradiotai" означает "на хребте" и подтверждает местоположение Потамии Дейрадиотай у Лопера, независимо от того, означает ли прилагательное "Π. на хребте" или "Π. около Дейрадиотай" (отдельный дем, см. C.I.A. II. 864).

263. Milchhoefer, Ath. Mitt. XVIII. (1893), p. 284.

264. C.I.A. II. 3343.

265. Hdt. V. 23, "у реки Стримон... город... где есть серебряные рудники; и вокруг живет много греческого населения, и много варваров".

266. Thuc. IV. 105, "Брасидас, ... узнав, что Фукидид владел выработками на золотых рудниках в той части Фракии и в результате был одним из самых влиятельных людей на материке"; Марцеллин, Vit. Thuc. 19, "(Фукидид) женился на жене из Скапте-Хиле во Фракии, которая была очень богата и владела рудниками во Фракии"; Plut. Cimon, 4.

267. Xen. de Vect. IV. 14.

268. Hdt. I. 60; Aristot. Ath. Pol. 14; Athen. 609c; Polyaen. I. 21. 1; Val. Max. I. 2. 2 (ext.); Hermog. περὶ εὐρέσ. I. 3. 21 (изд. Шпенгеля); ср. schol. ibid. ap. Walzium, Rhet. Gr. V. p. 378. В схол. Aristoph. Eq. 447 Фиэ, по-видимому, путают с Мириной, которая, по-видимому, была либо женой (там же), либо дочерью (schol. Dem. Aristoc.) Писистрата или, более вероятно, женой Гиппия (Thuc., и Hesych. s.v. Βυρσίνης). Афиней женит Фию на Гиппархе. Путаница, возможно, связана с тем, что миррина, как общее существительное, иногда означает гирлянду (например, Pherecr. Metall. I. 25; Aristoph. Vesp. 861; Nub. 1364 и др.), а Фия описывается как продавец гирлянд (Ath. Pol. и Athen.).

269. См. например, Thirlwall, Hist.²II. pp. 67-8; Babelon, Journ. Int. d'Arch. Num. VIII. (1905), pp. 17, 18; Stein, Hdt. I. 60; Beloch, Gr. G.⁽²⁾¹. i. p. 370; ср. также Beloch, Gr. G.⁽²⁾¹. ii. p. 299.

270. Hirschensohn, Philolog. Обзорение, X. (1896), Москва, с. 119 f.; Beloch, Gr. G.⁽²⁾¹. ii. pp. 290 f., Rhein. Mus. XLV. (1890), p. 469; так же De Sanctis, Atthis², p. 278, n. 5; Costanzi, Riv. d. Stor. Ant. V. pp. 516 f., Boll. Fil. Class. IX. pp. 84 f., 107 f.

271. Euseb. Хрон. Армянский стих. 544/3 г. до н. э., Pisistratus Atheniensibus iterum imperavit.

272. Иероним, Хрон. 539 г. до н. э., Pisistratus secunda uice Athenis regnat.

273. Hdt. I. 62.

274. Ср. ниже, гл. VIII. pp. 237-9.

275. Белох, Гр. Г.⁽²⁾¹. ii. pp. 292-3, 297.

276. Hdt. VI. 35, "Писистрат обладал верховной властью, но и Мильтиад имел влияние (ἐδυνάστευε)" предполагает некое сотрудничество (ср. Hdt. VI. 39, ниже, с. 63), хотя Hdt. VI. 35, "раздраженный правительством Пейсистрата", показывает, что оно не было сердечным.

277. Busolt, Gr. G.²II. p. 316, n. 3.

278. Journ. Int. d'Arch. Num. VIII. (1905), p. 19.

279. 6, Num. Chron. 1895, pl. VII. 8, 7, 1.

280. Например, P. Gardner, Earliest Coins of Greece Proper, p. 28; Hill, Hist. Gk. Coins, p. 17; v. Fritze, Zeits. f. Num. XX. (1897), pp. 153-5, подчеркивая связь Пейсистрата с серебром, а также с Афиной; Lermann, Athenatypen, pp. 3 f.

Для несколько более ранней даты см. Head, Num. Chron. 1893, pp. 249, 251; Earle Fox, Corolla Numismat. B. V. Head, p. 43; Svoronos, Journ. Int. d'Arch. Num. XIV. (1912), p. 3, nos. 1109-1120; Seeck, Klio, IV. (1904), p. 176 (Солон или даже Драко).

В отношении даты после Пейсистрата см. Imhoof-Blumer, Howorth, Six, и (Neue Jahrb. 1896, pp. 537 f.) Gilbert, все они полностью отвечают Head, Num. Chron. 1893, pp. 247 f.; Babelon, J. I.

d'A. N. 1905, pp. 12-16. Хольверда, *Album Herwerden*, p. 117, который следует за Шестом, добавляет лишь несколько неубедительных сравнений с греческой скульптурой.

281. Нет необходимости полагать вместе с Э. Мейером, *Ges. d. Alt.* IV. p. 28, и другими, что Пангайонские рудники Пейсистрата были золотыми. Во времена Филиппа и Александра Македонского они были наиболее известны своим золотом; но серебро также добывалось в изобилии, см. *Hdt.* V. 17; VII. 112; Страбон, 331, 34; Ливий, XLV. 29; Юстин, VIII. 3; Орозий, III. 12.

282. Поллукс, IX. 74, 75, цитируя Еврипида (ум. 406 г. до н. э.), Гиперида (ок. 350 г. до н. э.), Эвбула Комика (ок. 350 г. до н. э.); ср. *Hesych.* s.v. Παλλάδος πρόσωπον, *Photius* s.v. Παλλάδος πρόσωπον.

283. *Schol. Aristoph. Birds*, 1106, "тетрадрахма в то время называлась совой".

284. Ср. Фотий s.v. Παλλάδος πρόσωπον, "статеры, от клейма: ибо на одной стороне была голова Афины". Статер - это дидрахма.

285. *Hill, Hist. Gk. Coins*, p. 16; *Brit. Mus. Coins Central Greece*, pl. XXIV. 18, 19.

286. *Hdt.* IV. 180, "По каждому случаю они вместе наряжают свою самую прекрасную деву в коринфский шлем и полные греческие доспехи и, посадив ее на колесницу, возят по всему озеру". См. далее Макан, *Hdt.* IV.-VI. *ad loc.*, который цитирует *Phye*.

287. *Aristot. Ath. Pol.* 14; ср. *Athen.* XIII. 609c.

288. Солон, фрагм. 2 (13), ll. 5-6

αὐτοὶ δὲ φθείρειν μεγάλην πόλιν ἀφραδίῃσιν

ἄστοι βούλονται, χρήμασι πειθόμενοι.

289. Например, В.С.Н. XXX. (1906), p. 69, fig. 2; *Brit. Mus.* из продажи в Банбери.

290. *Archil. frag.* 54 (53), τὸν κεροπλάστην ᾗειδε Γλαῦκον.

291. *Bremer, Haartracht*, p. 64.

292. Гирлянды из цветов, которые носили на голове, появляются в Аттике во второй половине VI века; см. *Pauly Wissowa* s.v. *Haartracht*, p. 2132; ср. *Bremer, Haartracht*, p. 15, мода начинается со стиля красной фигурной вазы.

293. Время Гиппия, *Head, Hist. Num.* ⁽²⁾p. 368 (но ср. там же n. 3); *Seeck, Klio*, IV. (1904), pp. 173-5; 508 г. до н. э., *Holwerda, Album Herwerden*, p. 119; 500 г. до н. э. или позже, *V. Fritze, Zeits. f. Num.* XX. (1897), p. 142; *Kampanes, B.C.H. XXX.* p. 75; 490 г. до н.э., *Six, Num. Chron.* 1895, p. 176; *Earle Fox, Coroll. Num. B. V.* *Head*, p. 43; *Babelon, Coroll. Num. B. V.* *Head*, p. 8; *J. I. d'A. N.* VIII. (1905), pp. 44 f.; 480 г. до н. э., *Howorth, Num. Chron.* 1893, p. 245; *Lermann, Athenatyp.* pp. 28 f. Что касается датировки после Гиппия, то негармоничная голова монеты с именем Гиппия не является решающим фактором. Монета, имеющая аномальную форму, вероятно, была отчеканена тираном в изгнании, а отсутствие гирлянды может указывать либо на горе изгнанника, либо на некомпетентность местного монетчика. Или же смущенный деспот отбрасывал украшения суверенитета в надежде сохранить или вернуть реальность? "Известно, что олива теряет листья и при этом приносит плоды; так, говорят, случилось с Фессалосом, сыном Пейсистрата" (*Theophrast. Hist. Plant.* II. 3. 3; ср. *Ruehl, Rhein. Mus.* 1892, p. 460.

294. Так же, вероятно, обстояло дело с цветочницами в Наукратисе, самом известном центре торговли гирляндами, где фракийская гетера Родопис завоевала такую большую славу во времена Сапфо и Эзопа. См. Mallet, *Prem. Étab. Gr. en Égypte*, p. 238, который сравнивает фиоритур Венеции и Флоренции.

295. Phot., *Harpocrat. s.v. στεφανηφόρος*; ср. Boeckh, *Pub. Econ. I. pp. 193 f.* Lenormant, *Monnaies et Médailles*, p. 60; Saglio, *Dict. d. Ant. s.v. drachmae Stephanephoris*, p. 403. Однако надписи, в которых встречается это выражение, относятся только к концу II века до н. э., C.I.A. II. i. 466-8, 476.

296. Bekker, *Anecd. Gr. I. 301, 19.*

297. Ливий, XXXVII. 46, 58, 59; XXXIX. 7; Cic. *ad Att. II. 6, 16; XI. 1.*

298. Diamantaras, *Ath. Mitt. XIV. (1889), p. 413.*

299. Практика, конечно, не является исключительно греческой; ср., напр,

il maledetto fiore

ch' ha disviate le pecore e gli agni.

Данте, "Парадизо", IX. 130.

300. Plut. *Apopht. Lac.*, Agesilaus, 40 (*Moral. 211*); ср. пословицу τὰν ἀρετὰν καὶ τὰν σοφίαν νικᾶντι χελῶναι (добродетель и мудрость побеждаются черепахами), намекающую на знаменитые монеты Эгины; ср. также βοῦς ἐπὶ γλώσσῃ (у меня на языке бык), Theognis 815, Aesch. *Agam. 35*, Pollux IX. 61, который, независимо от того, имеется ли в виду вол на золотом статере, на котором вол был одним из самых распространенных типов, или, как предполагает П. Гарднер, кожаный клеп, Num. Chron. 1881, p. 289, является примером подобного *jeu de mot*, относящегося к эпохе Пеисистрата.

301. Аристоф. *Birds*, 1106; ср. Schol. *ad loc.* "тетрадрахма в то время (*т. е. у Аристофана*) называлась совой"; Suid. *s.v. γλαῦκες* Λαυρεωτικάι- "тех, у кого много денег", - это неправильное понимание фразы; ср. его утверждение, что в Лаврских рудниках было золото.

302. Плут. Лисандр, 16.

303. Современные Лиопеси, Milchhoefer, *Abh. Berl. Akad. 1892*, p. 17.

304. Hdt. V. 12.

305. Ср. например, Hdt. V. 23, 126 (Мирцин о Стримоне, названном фракийцем), VII. 75, 115; Aristoph. *Ach. 273* ("фракийская дочь Стримодора"); Diod. XII. 68. 1, "этот город (Эннеа Ходой на реке Стримон) Аристагор Милезиец пытался ранее заселить; ... но он погиб, а жители были изгнаны фракийцами" (около 500 г. до н. э.); ср. *ibid.* XI. 70. 5; Plut. *Cimon*, 7, "Эйон... город во Фракии на реке Стримон". Ср. Suid. *s.v. χρυσὸς* Κολοφώνιος; Tzetzes *ad Lycoph. Cass. V. 417* (Hill, *Sources Gk. Hist. p. 87*). О Пангайоне см. Hdt. VII. 112, "Гора Пангайон, в которой находятся золотые и серебряные рудники, которые разрабатывают ... больше всего сатраи", с чем можно согласиться, ср. там же 110, где сатраи встречаются в списке фракийских племен.

306. Hdt. V. 15, 16; Strabo VII. 331.

307. Hdt. V. 1, 13, 98.

308. Мейер, *Ges. d. Alt.* III. p. 297; Macan, *Hdt.* IV.-VI. app. III., IV. особенно IV. sect. 8; ни один из них не подчеркивает в достаточной степени политическое значение для Гиппия этих северных рудников. Пердризе, Клио, X. (1910), стр. 12, отрицает это удаление, когда говорит, что фракийские владения Писистратида, возможно, оставались в руках афинян между 512 и 475 гг.

309. (a) Пайянский (Phye): γυνή ... μέγαθος ἀπὸ τεσσάρων πηχέων ἀπολείπουσα τρεῖς δακτύλους καὶ ἄλλως εὐειδής. ταύτην τὴν γυναῖκα σκευάσαντες, *Hdt.* I. 60; γυναῖκα μεγάλην καὶ καλὴν ἐξευρών ... τὴν θεὸν ἀπομιμούμενος τῷ κόσμῳ *Aristot. Ath. Pol.* 14.

(b) Паионянин: ἀδελφεὴν μεγάλην τε καὶ εὐειδέα ... σκευάσαντες ὥς εἴ χον ἄριστα, *Hdt.* V. 12.

310. *Nic. Dam. frag.* 71, F.H.G. III. p. 413, приводит ту же историю, но называет женщину фракийкой, а царя - Аляттом. Макан, *ad Hdt.* V. 12 (ср. *ibid.* (*Hdt.* IV.-VI.), app. IV. sect. 7) считает, что перед нами, вероятно, местная история, перенесенная на Дария; но перевозка фракийцев в Азию, зафиксированная также *Nic. Дам*, говорит скорее о том, что Хдт прав, приписывая эту историю Дарию. Лидийский царь в версии *Ник. Дама*, возможно, объясняется тем, что местом действия рассказа был Сардис.

311. На пайонских монетах, как и на афинских, изображалась шлемовидная голова Афины, например, *Boston Mus. Rep.* XXII. (1897), p. 40; *Svoronos, J. I. d'A. N.* 1913, p. 197 (четвертый век).

312. Штопор из волос наиболее архаичных монет с гирляндой, см. выше, с. 55-56, встречается на обеле, *Babelon, Corolla Num.* B. V. Head, pp. 1 f., с надписью $\text{H}\Pi$, предположительно сокращенно от Гиппиас. Возможно, она была выбита им в изгнании, *ibid.* p. 7, но в любом случае штопорообразные завитки ассоциируются с тиранией. *Num. Chron.* 1908, pp. 278 f. показывает те же самые завитки и надпись $\text{I}\Pi$. Это было расширено и как Гиппиас, и как Пейсистрат, но ср. *Muenzer and Strack, Münz. Nord-Griech.* II. i. p. 8, n. 1.

313. *Hdt.* V. 94.

314. *Hdt.* V. 1.

315. πρῆγμα εὐηθέστατον μακρῷ *Hdt.* I. 60; ср. *Aristot. Ath. Pol.* 14, ἀρχαϊκῶς καὶ λίαν ἀπλῶς.

316. Аристоф. Птицы, 1106.

317. *Schol.* Аристоф. Рыцари, 1092.

318. *Hdt.* V. 11.

319. *Hdt.* V. 23. Ср. ниже, p. 271.

320. Выше, с. 58; ср. *Svoronos, Journ. Int. d'Arch. Num.* XV. (1913), p. 277.

321. V. 11.

322. Ср. также с инцидентом с Гистиеем интриги Аристагора с изгнанными пайонами, которых Дарий поселил во Фригии (известной стране горняков), *Hdt.* V. 98.

323. *Thuc.* II. 15; *Paus.* I. 14. 1.

324. *Brit. Mus. Cat. Vas.* II. B 331, где, однако, он называется *Kallirrhoe* (более точно *καλῖρεκρενε*, возможно, путаница *Καλλιρρόη* и *Ἐννεάκρουος*). Акведук, с помощью которого

Писистрат улучшил и расширил водоснабжение, был обнаружен Доерпфельдом, Arch. Eph. 1894, pp. 3 f.; ср. Феаген (Paus. I. 40), Поликрат (Hdt. III. 60) и коринфский Пейрен.

325. Э. Гарднер, Gk. Sculp. fig. 34.

326. Doerpfeld, Ath. Mitt. XXVII. (1902), pp. 379 f.; E. Curtius, Stadtg. v. Athen, pp. 73 f.; Michaelis, Cent. Arch. Discov. pp. 240-2.

327. Плут. Solon, 31, "закон против безделья был принят не Солоном, а Пейсistrатом".

328. Аристоф. Lysistr. 1150 f. "Разве ты не знаешь, что это снова спартанцы, которые, когда ты носил рабочую одежду (κατωνάκας φοροῦντες), пришли под оружием и убили ... многих друзей и союзников Гиппия, ...и освободил вас, и снова одел ваших людей как господ, а не как рабочих (ἀντὶ τῆς κατωνάκης τὸν δῆμον ὑμῶν χλαῖναν ἡμπισχὸν πάλιν)". Ср. обвинения, выдвинутые римскими республиканцами V века против царей: ниже, с. 223-4.

329. Beloch, Gr. G.⁽²⁾ i. 387-8; Hdt. V. 94, "(Писистрат), завладев им (Сигеем), поставил тираном своего незаконнорожденного сына"; ср. Периандр и Корсира.

330. Thuc. VI. 59.

331. Hdt. VI. 39; ср. выше, р. 52. Нумизматические свидетельства о связях Гиппия с Лампсаком и фракийским Херсонесом см. в Head, Hist. Num.⁽²⁾ p. 377, Lermann, Athenatypen, pp. 17-21, монеты (a) Херсонеса, обв. голова Афины, реверс милезийский лев (о милезийских колониях в Херсонесе см. Strabo, XIV. 635; VII. 331, frag. 52); (b) Лампсак, обв. голова Афины, реверс тип Лампсака. Эта союзная валюта указывает на широкую и далеко идущую торговую политику.

332. Ps.-Aristot. Oec. II. 1347a, τό τε νόμισμα τὸ ὃν Ἀθηναίοις ἀδόκιμον ἐποίησε, τάξας δὲ τιμὴν ἐκέλευσε πρὸς αὐτὸν ἀνακομίζειν. συνελθόντων δὲ ἐπὶ τῷ κόψαι ἕτερον χαρακτῆρα, ἐξέδωκε τὸ αὐτὸ ἀργύριον.

333. Head, Num. Chron. 1893, p. 248 (изменение очень незначительное); Gilbert, Neue Jahrb. 1896, pp. 537 f. (Гиппий выпустил новые монеты из того же серебра).

334. Num. Chron. 1895, p. 178; J. I. d'A. N. VIII. (1905), pp. 23 f.

335. Ath. Pol. 10.

336. Ср. Svoronos, J. I. d'A. N. V. (1902), p. 32 f. (ср. ниже, р. 183, п. 6), о намеке на то, что Фидон мог развратить эгинетских "черепак" незадолго до своего падения.

337. Ср. Isocr. de Big. 25, 26 (351).

338. Hdt. VI. 125; ср. Isoc. de Big. 25 (351).

339. Э. Мейер, Ges. d. Alt. II. p. 637.

340. Заметим, однако, что в Hdt. V. 62 (см. следующее примечание), χρημάτων εὖ ἤκοντες.

341. δεῖ δὲ πρὸς τοῦτοις εἶτι ἀναλαβεῖν τὸν κατ' ἀρχὰς ἥϊα λέγων λόγον, ὡς τυράννων ἐλευθερώθησαν οἱ Ἀθηναῖοι. Ἰππίεω τυραννεύοντος ... Ἀλκμαίωνιδαι, ... φεύγοντες Πεισιστρατίδας, ... ἐνθαῦτα ... πᾶν ἐπὶ τοῖσι Πεισιστρατίδῃσι μηχανώμενοι, παρ' Ἀμφικτυόνων τὸν νηὸν μισθοῦνται τὸν ἐν Δελφοῖσι, τὸν νῦν ἔοντα, τότε δὲ οὕκω, τοῦτον ἐξοικοδομήσαι, οἳ αὖ δὲ χρημάτων εὖ ἤκοντες, καὶ ἔοντες ἄνδρες δόκιμοι ἀνέκαθεν εἶτι, τὸν τε νηὸν ἐξεργάσαντο τοῦ

παραδείγματος κάλλιον, τὰ τε ἄλλα καὶ , συγκειμένου σφι πωρίνου λίθου ποιέειν τὸν νηὸν, Παρίο τὰ ἔμπροσθεν αὐτοῦ ἐξεποίησαν. Hdt. V. 62.

342. Hdt. V. 63, ἀνέπειθον τὴν Πυθίην χρήμασι.

343. Aristot. Ath. Pol. 19. Об огромных суммах, вложенных таким образом в последнее время в классические здания, см.

344. F.H.G. I. p. 395, frag. 70.

345. Изок. Antid. 232, "Клисфен, изгнанный тиранами из города, уговорил амфикитионов одолжить ему часть денег бога, восстановил демократию и изгнал тиранов"; Dem. Meid. 144 (561), "(Алкмеониды), говорят они... заняв денег в Дельфах, освободили город и изгнали сыновей Писистрата". Фемистий, Orat. IV. 53a, называет Алкмеонидов в качестве подрядчиков, не упоминая о средствах и мотивах. Hdt. II. 180, Strabo IX. 421, и Paus. X. 5. 13 упоминают о восстановлении храма, не ссылаясь на Алкмеонидов.

346. Plut. Sol. II.

347. Grote, Hist. Греция, изд. 1888 г., II. стр. 412-413.

348. Atti R. Accad. Torino, 1916, pp. 303-4, цитируя Cat. Greek Pap. Rylands, vol. I. p. 31.

349. О том, что Писистратиды были недружелюбны к Дельфам, можно судить по весьма сомнительному, но распространенному в разных кругах сообщению о том, что они действительно вызвали пожар, уничтоживший храм, Philoc. frag. 70, F.H.G. I. p. 395.

350. Родители Клисфена, по-видимому, поженились до 570 г. до н. э. Beloch, Gr. G.⁽²⁾ I. ii. p. 286.

351. Aristot. Pol. III. 1275b.

352. Hdt. V. 66, τὸν δῆμον προσεταιρίζεται. Ср. ibid. 69, ἧν τε τὸν δῆμον προσθέμενος πολλῶ καθύπερθε τῶν ἀντιστασιωτέων.

353. Thuc. I. 13; ср. Pliny, N.H. VII. 57 (56). Панофка, Res Samiorum, p. 15, цитирует Плиния, там же, для приписывания саамийцам изобретения конного транспорта, но чтение сомнительно: edd. hippagum Samii (inuenerunt), но для Самии MSS. дают Damiam.

354. Hdt. III. 47 (Мессенская война), III. 59 (против Эгины), V. 99 (Лелантинская война).

355. Hdt. IV. 152.

356. Макан, Hdt. IV.-VI. i. p. 106.

357. Hdt. II. 135.

358. Hdt. II. 178.

359. Hdt. II. 178; ср. Steph. Byz. s.v. "Εφεσος. О греческом τεμένη в Наукратисе см. ниже, глава IV. с. 116-7.

360. Hdt. II. 179.

361. Наиболее известные имена, связанные с этой отраслью, - Роик и Феодор (см. ниже, с. 73, 76, 80, 83) и Мнесарх, отец философа Пифагора (см. Diog. Laert. VIII. 1. 1; ср. Iambl. Pyth. 5, 9).

362. Theocr. XV. 125-6.

363. Плут. Qu. Gr. 57 (Moral. 304-5).

364. Apul. Florid. II. 15; Aesch. Pers. 883.

365. О возможных ранних тиранах на Самосе см. Мейер, Ges. d. Alt. II. pp. 614, 616, который называет Амфикрата (Hdt. III. 59), Демотела (Plut. Qu. Gr. 57) и Силосона (Polyaen. VI. 45). Все три варианта крайне сомнительны. Амфикрат, вероятно, был законным царем периода до упразднения монархии: очень возможно, что он был современником аргивянина Фидона (ниже, с. 177-8). Демотелес, согласно нашему единственному авторитету, был монархом, убийство которого привело к приходу к власти геоморов: естественно предположить, что он был последним государем законного царского дома. Силосон из Полиэна, VI. 45, вероятно, является путанным воспоминанием о брате Поликрата. Он помогает самийцам во время войны с эолийцами соблюдать праздник Геры, проводимый за пределами города, и становится тираном во время празднования. Связь с Герой указывает на род Поликрата (см. ниже, с. 76, 81): эолийская война может быть замаскированной версией борьбы, которую вел Поликрат против Великого царя, владевшего Эолийским материком. Эта борьба восходит к началу правления Поликрата, когда он был связан в своей тирании со своим братом Силосоном: см. также Babelon, Rev. Num. 1894, p. 268.

366. Мейер, Ges. d. Alt. II. p. 777, следуя Grote III. (изд. 1888 г.), с. 453.

367. Бузольт, Gr. G.² II. pp. 508-9, n. 3, который отмечает, что Лигдамис уже был тираном Наксоса (Polyaen. I. 23, *pase* Plass, Tyrannis, p. 236).

368. Thuc. I. 13; Hdt. III. 39, 122; Strabo, XIV. 637. Макс. Tyr. (Teubner), XXIX. 2; Euseb. Chron. Армянские стихи. "mare obtinuerunt Samii", лат. стих. "Dicearchiam Samii condiderunt", оба сразу после извещения о воцарении Поликрата. Ср. толкование С. Рейнаха о кольце, которое Поликрат бросил в море (Hdt. III. 41; Strabo, XIV. 638; Paus. VIII. 14. 8; Плиний, N.H. XXXVII. 1; Cic. de Fin. V. 30. 92; Val. Max. VI. 9. 5 (ext.); Tzetz. Chil. VII. 121; Galen, Protrept. 4; Eustath. *ad* Dionys. V. 534), с которым французский ученый сравнивает кольцо, которым дож Венеции ежегодно венчал свою морскую госпожу (S. Reinach, Rev. Arch. ser. IV. vol. VI. (1905), pp. 9 f.), но ср. Marshall, Brit. Mus. Cat. Rings, p. xxi, n. 7, который указывает, что обручальные кольца, похоже, неизвестны у греков.

369. Hdt. III. 60.

370. Suid. и Phot. Σαμίῳν ὁ δῆμος; Plut. Перикл, 26; Athen. XII. 540e; ср. Hesych. Σαμιακὸς τρόπος; Phot. Σάμαιναί.

371. Thuc. I. 13, III. 104.

372. Phot. и Suid. Πύθια καὶ Δήλια. Так Зеноб. *ал.* Leutsch u. Schneidewin, Paroem. Graec. I. p. 165; ср. Diogenian. *ibid.* p. 311.

373. ἔμπορικὸν πρᾶγμα, Strabo, X. 486; ср. Плиний, N.H. XXXIV. 4.

374. См. ниже, с. 260.

375. Malalas *ap.* Migne, Bibl. Patr. Gr. vol. 97, p. 260. Также Cedren. Synops. 243; *ibid.* vol. 121, p. 277.

376. Plass, Tyrannis, p. 240.

377. Hdt. III. 47, где отмечаются причины, которым приписывается война.

378. Отсюда следует, что длинный рассказ о фрако-скифской экспедиции в четвертой книге Геродота непосредственно предшествует первому нападению на Персию со стороны европейских греков, а именно Афин и Эретрии во время ионийского восстания, описанного в книге V.

379. Hdt. III. 44.

380. Hdt. III. 120.

381. Malalas, *loc. cit.*

382. καθαρίζειν τε καὶ ψάλλειν καὶ καπηλεύειν, Hdt. I. 155. Так и Юстин, I. 7, iussi cauponias et ludicras artes et lenocinia exercere.

383. Zenob. V. 1, Λυδὸς καπηλεύει, *ap.* Leutsch u. Schneidewin, Paroem. Graec. I. p. 115.

384. pp. 76-7.

385. Ср. Hdt. III. 39 с Diod. I. 95, 98.

386. ὑπὸ τρυφῆς τὰ πανταχόθεν συνάγειν, Athen. XII. 540c.

387. Hdt. I. 51; Athen. XII. 514 f.

388. Athen. XII. 540c-d.

389. Хдт. IV. 155; ср. там же 159.

390. На знаменитой килике в Лувре Арцилий II изображен как председательствующий за взвешиванием и отправкой груза сильфия, и в связи с этим Михаэлис называет его торговцем сильфием, Cent. Arch. Discov. p. 235.

391. Hdt. IV. 162-4.

392. Hdt. III. 56. Получатели - спартанские захватчики Самоса.

393. Архаичные милезийские гекты из свинца, покрытые электрумом, Brandis, Münzwesen, pp. 327-8; F. Lenormant, La Monnaie dans l'Antiq. I. p. 225.

394. Suid. s.v. Σαμίων ὁ δῆμος.

395. Об Аиаках см. Hdt. VI. 13, 22, 25; о монетах Самайны см. Head, Hist. Num.²pp. 153, 603-4; P. Gardner, Samos, p. 17, Pl. I. 17, 18; Babelon, Rev. Num. 1894, pp. 281-2, Pl. X.; В. Саллет, Zeit. f. Num. III. p. 135, V. p. 103.

396. Hdt. III. 60.

397. Фабрициус, At. Mitt. IX. (1884), pp. 165 f.; Jahrb. IV. Arch. Anz. pp. 39-40; Wiegand, Abhand. preuss. Akad. Phil. Hist. Class. 1911; Dennis, Academy, 1882, Nov. 4, pp. 335-6; Guérin, Patmos et Samos, pp. 196-7. Большой туннельный акведук, который проводил воду через гору, отделяющую город от источника снабжения, все еще существует.

398. Hdt. IV. 87, 88.

399. ἔργα Πολυκράτεια, Aristot. Pol. VIII. 1313b; cp. Athen. XII. 540d; Suet. Calig. 21 (regia).

400. Водопроводы: Кипселиды в Коринфе (Πειρήνη), Феагены в Мегаре (дом Евпалина), Пейсистрат в Афинах (Καλλιρρόη). Храмы: Коринф, Афины (огромный Олимпийский дворец, достроенный Адрианом 700 лет спустя).

401. Клеарх *ал.* Athen. 540 f.; cp. Ps.-Plut. I. 61, s.v. Σαμίωv ἄνθη, καὶ Σαμιακὴ λαύρα *ар.* Leutsch u. Schneidewin, *Paroem. Graec.* I. p. 330.

402. Burrows, *Discoveries in Crete*, pp. 117 f.; cp. Conway, *ibid.* pp. 227 f. Древние деривации интересны, но не полезны: см. Et. Mag. s.v. παρὰ τὸ λίαν ἔχειν αὖραν- ἧ δὲ ἥς ὁ λαὸς ῥεῖ εἰς τὴν ὁδόν.

403. Casaubon *ad* Athen. XII. cap. 10.

404. Ps.-Plut. I. 61; cp. Athen. 541a, Eustath. *ad* Odyss. XXII. 128.

405. См. Encyc. Brit.⁽¹¹⁾ s.v. Bazaar: "Персидское (базар, рынок), постоянный рынок или улица с магазинами или группа коротких узких улиц с лавками под одной крышей". Похожую картину дает Раде, Лидия, стр. 298-9, о лидийском γλυκὺς ἄγκων.

406. См. Макарий VII. 55ap. Leutsch u. Schneidewin, *Paroem. Graec.* II. p. 207, "саамские лауры: из тех, кто предается роскоши" (ἐπὶ τῶν εἰς τρυφὴν ἐκκεχυμένων); Ps.-Plut. I. 61ap. eosd. I. p. 330, "из тех, кто предается крайним удовольствиям (ἐπὶ τῶν ὑστάταις ἡδοναῖς χρωμένων)".

407. Далее говорится, что "Поликрат, тиран роскошного Самоса, погиб из-за своего неумеренного образа жизни".

408. ἀσχολίαν καὶ πενίαν τῶν ἀρχομένων, Aristot. Pol. 1313b.

409. См. выше, с. 26-32.

410. Athen. 540d, μετεστέλλετο δέ, φησί, καὶ τεχνίτας ἐπὶ μισθοῖς μεγίστοις: Hdt. III. 131.

411. Athen. 541a, ἔτι δὲ τῆς συμπάσης πόλεως ἐν ἑορταῖς τε καὶ μέθαις. Предложение испорчено, но, вероятно, ἔτι = furthermore, и субъектом является все же Поликрат. Оно встречается в отрывке из Клеарха, который, по-видимому, касается исключительно саамского тирана. Если Поликрат не является субъектом, то ἔτι, вероятно, имеет временное значение, и предложение описывает положение дел, которое сохранялось со времен тирании.

412. Diod. I. 95, "вел себя жестоко как с гражданами, так и с чужеземцами, приплывавшими на Самос".

413. Athen. 602d, "есть некоторые, которые считали παλαῖστραι (школы борьбы) контрфорсами для своих собственных цитаделей, поджигали их и разрушали, как это сделал Поликрат, тиран Самоса".

414. Hdt. III. 39 и 45.

415. Hdt. III. 120.

416. Они состояли из "наемников" и "туземных лучников", Hdt. III. 45.

417. Ал. Zenob. V. 64, s.v. Πολυκράτης μητέρα νέμει in Leutsch u. Schneidewin, *Paroem. Graec.* I. p. 146.
418. Ср. рассказ в Hdt. III. 119 о женщине, которая предпочла спасти своего брата, а не мужа, потому что последнего можно было заменить, а первого - нет.
419. Суид. Σαμίων ὁ δῆμος.
420. Страбон, XIV. 638; Heraclides, F.H.G. II. p. 216; Zenobius, III. 90 (*ap.* Leutsch u. Schneidewin, *Paroem. Graec.* I. p. 79), и Eustath. *ad* Dion. Perieg. 534, ἔκητι Συλοσῶντος εὐρυχωρίν; Suid. и Phot. s.v. Σαμίων ὁ δῆμος. Ср. Аргос после резни Клеомена (около 494 г. до н. э.): "Аргос был настолько лишен мужчин, что рабы держали всю ситуацию в своих руках, правя и распоряжаясь, пока сыновья жертв не достигли зрелости", Hdt. VI. 83.
421. πρὸ δὲ τοῦ τυραννῆσαι κατασκευασάμενος στρωμνὰς πολυτελεῖς καὶ ποτήρια ἐπέτρεπε χρῆσθαι τοῖς ἢ γάμον ἢ μείζονας ὑποδοχὰς ποιούμενοις, Athen. 540d.
422. Ср. Tzetz. Chil. X. 347, τὸ παλαιὸν περὶ στρωμνὰς ἦν τῇ Μιλήτῳ φήμη.
423. Hdt. III. 139.
424. Grote, III. p. 461.
425. Страбон, XIV. 638.
426. Афины. XI. 464a.
427. Бронза, Hdt. II. 37; серебро, золото, Hdt. III. 148; Boeckh, C.I.G. 138. 7, 19, 27.
428. Например, заимствованные металлические сосуды, использовавшиеся для развлечения афинских посланников в Сегесте незадолго до афинской экспедиции в Сицилию, Thuc. VI. 46.
429. Некоторые древние авторитеты считали, что Феодор процветал более чем за столетие до Поликрата (Plin. N.H. XXXV. 43 (152); ср. Frazer, Paus. IV. p. 237). Теодорус всегда ассоциируется с Розком, и эти два имени, возможно, носила одна семья художников в разных поколениях. Для этого не нужно, чтобы Розки процветали на Самосе дольше, чем Веджвуды в Стаффордшире. Независимо от того, подходит ли это объяснение или нет, расхождение в датах указывает на то, что эта индустрия процветала на острове в течение длительного времени. Если настаивать на одной дате для Теодора, то это дата из Hdt. (I. 51), которая делает его старшим современником Поликрата, должна быть выбрана.
430. Hdt. IV. 152.
431. L. Curtius, Ath. Mitt. XXXI. (1906), pp. 151 f.
432. Иллюстрировано, *ibid.* pp. 151, 152, Pl. XIV.; Amer. Journ. Arch. XI. (1907), p. 84.
433. Например, Гарднер, Gk. Sculp., Fig. 8.
434. Отсюда, возможно, дружба Поликрата с Арцизием Киринейским; ср. Hdt. IV. 152: "Именно благодаря этому действию кириняне и тераи впервые завязали большую дружбу с саамийцами".
435. Ath. Mitt. XXXI. (1906), pp. 160, 161.
436. Hdt. III. 39, 125.

437. Hdt. III. 40.
438. Hdt. III. 43.
439. Hdt. III. 43.
440. Так Э. Мейер, *Ges. d. Alt. II.* p. 792; ср. выше, p. 72.
441. Hdt. III. 120 f.
442. Hdt. III. 121.
443. πᾶσα ἡ ποίησις πλήρης ἐστὶ τῆς περὶ αὐτοῦ μνήμης, Strabo, XIV. 638.
444. Hdt. III. 55.
445. Hdt. VIII. 85, IX. 90.
446. О богатстве Поликрата ходили легенды еще во времена Платона, см. Meno, 90a, и Stallbaum, *Platonis Meno*, *ad loc.*
447. Hdt. II. 177; Plin. N.H. V. 11; Mela, I. 9 (60).
448. Hdt. II. 177.
449. Breasted, *Hist.*⁽²⁾ p. 574, очевидно, вывод из неточного утверждения Геродота о том, что среди египтян преобладала строгая кастовая система: только жрецы стали исключительной кастой, *ibid.* p. 575.
450. Griffith, *Dem. Pap. Rylands*, III. p. 10.
451. Griffith, *Encyc. Brit.*¹¹, Egypt, p. 87.
452. Mallet, *Prem. Étab. des Grecs en Ég.* p. 292, цитируя Erman u. Schweinfurth, *Abh. Ak. Berl.* 1885.
453. Diod. Sic. I. 66.
454. Hdt. II. 159; о техническом прогрессе в кораблестроении в Египте седьмого века см. Mallet, *Prem. Étab.* pp. 99 f.
455. Hdt. II. 158, IV. 42; ср. Аристотель. *Meteor.* I. 14 (352 b); Страбон, XVII. 804; Diod. I. 33; Tzet. *Chil.* VII. 446. Канал, соединяющий два моря, по-видимому (*темп.* Wiedemann, Hdt. II. 158), использовался на 700 лет раньше при Сети I и Рамсесе II; см. Petrie, *Hist.* III. p. 13; Maspero, *Hist. Anc.*⁽⁵⁾ p. 228. Работа Нехо, очевидно, была завершена Дарием (How and Wells, *ad Hdt.* II. 158).
456. Hdt. IV. 42 и How and Wells, *ad loc.*; ср. Hdt. II. 159 о флотах трирем Нехо на Средиземном и Красном морях.
457. Hdt. I.-III. p. 338.
458. Для удобства я привожу список правителей, о которых пойдет речь в этой главе. Имена в скобках - египетские. Даты взяты из "Истории Египта" Петри. В случае признанных царей всего Египта после даты добавляется номер их династии.

A. Саитские правители.

Тнефахт (Тафнехт)	749-721	
Бокхорис или (?) Анис (Бакенранф)	721-715	(XXIV)
Стефинат или (?) Сетон (Тафнехт II)	715-678	
Нехепсус (Накауба)	678-672	
Нехо I (Некау)	672-664	
Псамметих I (Псамтек)	664-610	(XXVI)
Нехо II (Некау)	610-594	(XXVI)
Псаммутис или Псамметих II (Псамтек)	594-589	(XXVI)
Априс (Хаа аб ра, библейский Хофра)	589-570	(XXVI)
Амасис (Аахмес)	570-526	(XXVI)
Псамметих III (Псамтек)	526-525	(XXVI)

В. Эфиопские правители.

(Пьянки)	748-725	или позже
Сабакон (Шабак)	715-707	(XXV)
(Шабатака)	707-693	(XXV)
Тахарка (библейская Тирхака)	(701-) 693-667	(XXV)
Аммерис (Амен Руд, Руд Амен, Нут Амен)	667-664	(XXV)

С. Даты правления династий.

XXIV (ранняя Саитская)	721-715
XXV (Эфиопская)	715-664
XXVI (саитский)	664-525

459. G. Smith, Assurbanipal, pp. 20, 27, 28; ср. Petrie, Hist. III. p. 299, "Нику из Мемпи и Саа".

460. II. 151.

461. Геродот (II. 147) говорит, что эти цари были поставлены самими египтянами.

Общепризнанно, что его "додекархия" - это египетское описание ассирийской администрации, но ассирийцы вполне могли перенять ранее существовавшее положение вещей, а додекархия возникла в результате проникновения ливийцев в Египет, как и гептархия - в результате англосаксонского вторжения в Британию.

462. Hdt. II. 152.

463. Ассирийские записи дают двадцать. Двенадцать могло быть числом царей в Нижнем Египте (Mallet, Prem. Étab. p. 36, цитируя Lenormant), или общим числом в отдельные времена (Wiedemann, Hdt. II. 147), или Геродот мог получить число двенадцать из двенадцати дворов лабиринта, которые он ошибочно приписывает этому периоду (Sayce, Hdt. *ad loc.*).

464. Diod. I. 66.

465. Diod. III. 11.

466. Mallet, Prem. Étab. p. 39. Polyæn. VII. 3 (= Аристагор и фиванская традиция, Gutschmid, Philol. 1855, p. 692) заставляет Псамметиха нанимать карийцев, потому что оракул предупредил его соперника остерегаться петухов, и "карийцы первыми стали прикреплять гребни к шлемам". Здесь также главное - доспехи. Египетские воины (μάχιμοι) назывались каласириями и гермотибиями (Hdt. II. 164). Согласно Sayce, *ad loc.*, Kalasiries = вооруженные кожей; но ср. How and Wells, *ad loc.*

467. Он говорит, что Псамметих "послал за" наемниками из Кари и Ионии.

468. Diod. III. 11 цитирует и восхваляет двух утерянных писателей о Египте, Агатархида из Книды (II век до н. э.) и Артемидора из Эфеса (около 100 г. до н. э.).

469. Например, Wiedemann, Hdt. II. 152; Meyer, Ges. Alt. II. p. 461 (но ср. I. p. 562); Mallet, Prem. Étab. pp. 37-8 (но ср. p. 41). Однако только Маллет видит черты, характерные для правителей этого периода, и приводит только лидийские и финикийские параллели.

470. Страбон XVII. 801; ср. Евстафий. Comment. ad Dion. Perieg. 823ap. Geog. Gr. Min. (Didot), II. p. 362; Страбон лично знал Египет, ср. II. 118.

471. Ср. однако Pseudoscymn. 748-750 ap. Geog. Gr. Min. (Didot), I. p. 226, Ὀδησσός, ἣν Μιλήσιοι κτίζουσιν Ἀστυάγης ὅτ' ἦρχε Μηδίας. Этот способ датировки мог возникнуть в каком-то произведении, описывающем расширение Греции и Мидии до великого столкновения 490-479 гг.

472. Rhein. Mus. 1887, pp. 211 f.

473. Mallet, Prem. Étab. p. 29.

474. II. 151-2. Маллет, Prem. Étab. p. 38, осторожно приводит миф о Горе в качестве параллели для этого полета. Никто сейчас не согласится с Сайсом (ср. Wiedemann, Aeg. Ges. p. 608), что "история об отступлении Псамметиха в болота явно (*sic*) заимствована из мифа о Горе". Гораздо более вероятно, что история о Горусе заимствована из жизни какого-то раннего египетского правителя. Бегство Псамтека в болота столь же естественно и хорошо засвидетельствовано, как и бегство Альфреда или Хереварда, последний из которых подозрительно похож на Горуса как по имени, так и по поведению.

475. В версии Диодора о том же самом деле говорится, что они именно так и поступили.

476. Diod. *loc. cit.*

477. G. Smith, Assurbanipal, pp. 64, 66, 67.

478. Radet, Lydie, p. 177, переводит "où l'on franchit la mer".

479. Ассирийские писамиилки: см. Mallet, Prem. Étab. p. 49, n. 1; но см. Wiedemann, Hdt. II. 152.

480. Breasted, Hist. p. 566. Эта точка зрения сейчас общепринята. Против нее см. Gutschmid, Neue Beiträge Ges. Or. pp. x.-xi.

481. Страбон XIII. 590: см. Mallet, Prem. Étab. p. 48, n. 1. Позднее в период своего правления Псамтек, по словам Диодора (I. 67), "заключил союз с афинянами и некоторыми другими

греками"; но здесь мы можем последовать за Маллетом (ib. p. 97; ср. pp. 212, 284) и заподозрить обратную рефлексию на события времен Псамметиха Ливийского (ок. 445 г. до н. э.), который участвовал в восстании против Персии, в котором Египет получил большую помощь от Афин (Mallet, ib. p. 149, n. 3). Об очень немногих примерах из Наукратиса поздних протоаттических ваз (Аттика около 600 г. до н. э.) см. Prinz, *Funde aus Naukratis*, pp. 75 f.

482. Исаия XXXVII. 36; II Kings XIX. 35; II Chron. XXXII. 21.

483. Hdt. II. 141, ἔπεσθαι δὲ οἱ τῶν μαχίμων μὲν οὐδένα ἀνδρῶν, καπήλους δὲ καὶ χειρώνακτας καὶ ἀγοραίους ἀνθρώπους.

484. Africanus and Euseb. F.H.G. II. p. 593; Иоанн Антиохийский, F.H.G. IV. p. 540.

485. Их значение хорошо описано Гриффитом, Dem. Pap. Rylands, III. pp. 9-10; ср. Moret, de Bocchori, pp. 76 f., цитируя Revillout, *Précis droit égy.* pp. 190 f. Отрывки Диодора взяты из I. 94 и I. 79; ср. также Plut. Demetr. 27 и Clem. Alex. Strom. IV. 18, Бокхорис как умный судья в деле о платежах; Imbl. (Didot, *Erot. Scrip.* p. 517) о мастерстве Бокхориса в оценке ценностей (кубок, носовой платок, поцелуй). Вряд ли Морет прав, говоря (de Bocch. p. 55), что всевозможные истории рассказываются для иллюстрации мудрости Бокхориса: ср. Revillout *ap.* Moret, p. 78: "Боккорис желал, прежде всего, составить коммерческий кодекс". Diod. I. 94 ставит Бокхориса на четвертое место среди известных законотворцев Египта. Ни одному из трех предыдущих не приписываются подобные меры.

486. Скиапарелли, Mon. Ant. VIII. pp. 90-100 и Tav. II. Контекст, в котором была найдена ваза (Poulsen, *Orient u. frühgriech. Kunst*, pp. 125-6), напоминает о могилах Регулини-Галасси и Бернардини.

487. См. Poulsen, *Orient u. frühgr. Kunst*, p. 64; ср. Kinch, *Vroulia*, p. 249. Скиапарелли, Ревиллут (*Quirites et Ég.* p. 4) и Море (de Bocch. pp. 27-8) считают, что она финикийского производства и происхождения.

488. Plut. Demetr. 27.

489. πάντων φιλοχρηματώτατον (Diod. I. 94), что вполне согласуется с утверждением Зенобия (II. 60), что он запомнился своей справедливостью (ср. Suid. s.v. Βάκχουρις) и изобретательностью (ἐπτινοία) в качестве судьи. Заявление Аэлиана о том, что Бокхорис был ненавидим своими соотечественниками (H.A. XI. 11; ср. Plut. Vit. Pud. 3, φύσει χαλεπός), доказывает лишь то, что он, подобно Солону и Кипселу, возбуждал различные чувства в разных кругах: никто не станет теперь следовать Видеманну (*Aeg. Ges.* p. 579) и цитировать его против благоприятных для него сообщений, как доказательство того, что ни одно из них не имеет никакого значения для серьезной истории.

490. Мането, F.H.G. II. pp. 592-3; см. далее, p. 100, n. 4.

491. Breasted, *Records*, IV. 858; J. de Rougé, *Chrestom.* Египет, IV.

492. J.H.S. XXVI. p. 103; ср. pp. 91-2, 94 f. Главное расхождение - в лесбийской талассократии, где армянская версия канона Евсевия дает даты ann. 1345-1441 (= 96 лет), тогда как Иероним называет 68 лет.

493. Отметим, что он, вероятно, начал свою карьеру в небольшом городке близ Канопуса, E. de Rougé (цитируя Brugsch), *Inscr. Hist. Pianchi ap.* Maspero, *Bibl. Égypt.* XXIV. p. 290. Де Руже отмечает, что имя Тафнехта не имеет картуша и не указывает на царское происхождение, и на основании этих фактов утверждает, что он был сравнительно скромного происхождения.

494. Отметим, что по непересмотренной датировке египетской талассократии она попадает в период правления Бокхориса, датируемый Евсевием, Fotheringham, J.H.S. XXVII. p. 87.
495. Ср. возможно, Steph. Byz. Ἑλληνικὸν καὶ Καρικόν, τόποι ἐν Μέμφιδι ἀφ' ὧν Ἑλληνομεμφῖται, ὡς Ἀρισταγόρας. ibid. Καρικόν- τόπος ἰ διὰ ζων ἐν Μέμφιδι, ἔνθα Κᾶρες οἱ κήσαντες ἐπιγαμίας πρὸς Μεμφίτας ποιησάμενοι Καρομεμφῖται ἐκλήθησαν. Ср. Polyaeu. VII. 3, ἀπὸ τῶν Καρῶν ἐκείνων μέρος τι τῆς Μέμφεως κέκληται Καρομεμφῖται. Этих каромемфитов и эллиномемфитов принято считать потомками наемников Псамтека, которых Амасис пересадил в Мемфис (Hdt. II. 154).
496. Griffith, High Priests of Memphis, p. 8, который сравнивает геродотовского царя Ферона из Египта (Hdt. II. 111), который, очевидно, является просто безымянным фараоном.
497. См. ниже, с. 101.
498. Так же, по-видимому, поступает и Брестед, Hist. Eg.²pp. 552-3.
499. Wiedemann, Aeg. Ges. p. 587; Lauth, Aeg. Vorzeit, p. 439 f; Oppert, Rapp. Eg. et Assy. pp. 14 n. 1, 29 n. 1, цитируя Бругша.
500. Joseph., Antiq. lud. X. 1. 4 (17); ср. Петри, Hist. Eg. III. p. 296.
501. Ср. Hdt. II. 30.
502. Griffith, High Priests of Memphis, p. 10.
503. Там же.
504. Königsbuch, p. 47.
505. II Царств XVIII. 21; XIX. 9; Исаия XXXVI. 6; XXXVII. 9.
506. Шрадер, Кун. Inscr. and O.T., (marginal) pp. 292, 303; ср. 357. Этот факт сам по себе является фатальным для Сурдия (Hdt. et la relig. de l'Ég. p. 141), когда он помещает Сетона в свой мифологический индекс на том основании, что Шабатака был царем Египта в это время.
507. Таким образом, приравнивание к Шабатаке, в то время как Тирхака приравнивается (Oppert, Rapp. Égy. et Assy. p. 29) к царю Мероэ, невозможно, кроме того, что оно делает бессмыслицей упоминание о тростнике.
508. Петри, Hist. Eg. III. p. 312; Griffith, Dem. Pap. Rylands, III. p. 6.
509. Griffith, High Priests of Memphis, p. 10; Breasted, Records, IV. 830 (стела Пианки).
510. G. Smith, Assurbanipal, p. 20.
511. См. выше, p. 88, n. 1.
512. F.H.G. II. p. 593.
513. Hdt. II. 151; Diod. I. 66; Apis stelai.
514. F.H.G. II. p. 594.
515. Дочь Псамтека Нитокрис была удочерена Шепнепет, дочерью Тахарки (или, согласно J. de Rougé, Ét. sur les textes géogr. du temple d'Edfou, p. 62, Пианки), сакраментальной принцессы Фив, Breasted, Records, IV. 935 f.; ср. E. de Rougé, Notice de quelques textes hiérog.

publ. par M. Greene, *ap.* Maspero, *Bibl. Égypt.* XXIII. pp. 70 f.; J. de Rougé, *Ét. sur les textes géogr. du temple d'Edfou*, pp. 59-63; ни один из них не понимал, что Н. была дочерью С. только по удочерению. Из отсутствия восстания Гигеса и Псамтека в ранних цилиндрах Ассурбанипала и утверждения, что Милуха (Эфиопия) восстала вместе с Саулмугиной (братом Ассурбанипала), Г. Смит, *Assurbanipal*, p. 78, *ср.* pp. 154-5, делает вывод, что восстание Гигеса и Псамметиха произошло во время общего восстания против Ассирии, что означает, что Псамметих был союзником Эфиопии в то время. Его раннее бегство в Сирию, *Hdt.* II. 152, скорее связано с политикой его отца, чем с его собственной.

516. Против этого отождествления см. Maspero, *Hist. Anc.* ⁽⁵⁾p. 459, n. 3; E. de Rougé, *Textes pub.* par M. Greene, *ap.* Maspero, *Bibl. Égypt.* XXIII. pp. 74-75.

517. Сам Псамтек признавал эфиопа Тахарку своим предшественником: Wiedemann, *Aeg. Ges.* p. 600.

518. Нет никаких сомнений в том, что царствования соперничающих правителей этого периода во многом совпадают. Иначе, как уже давно отметил Гутшмид (*Philol.* 1855, p. 659), мы имеем Псамтек I, переживший своего отца более чем на 100 лет.

519. *Hist. Eg.* III. p. 318.

520. Ниже, с. 101.

521. Например, у Брестеда.

522. *Diod.* I. 45; *Plut. de Is. et Os.* 8 (*Moral.* 354); *ср.* Moret, de Bocch. pp. 6-8, цитируя Mariette и Maspero; Breasted, *Records*, IV. 811, 884, *Hist.* ⁽²⁾p. 546; Griffith, *Dem. Pap. Rylands*, p. 6. На стеле Пианхи упоминается один сын Тафнехта, убитый в походе Пианхи против Тафнехта, и другой, пощаженный им (Breasted, *Records*, IV. 838, 854; *ср.* Moret, de Bocch. p. 6, n. 2).

523. *Hist. Eg.* III. p. 334.

524. *Hist. Eg.* III. p. 327.

525. *Athen.* X. 418e.

526. В Диод. (I. 45) и Плута (*de Is. et Os.* 8) говорится, что Тнефактос, отец Бокхориса, во время похода против аравийцев случайно узнал о радостях простой жизни. В Афинах. (418e) Неохабис и его сын Бокхорис, как говорят, оба были умеренны в питании (μετρίᾳ τροφῇ κεύρῃσθαι). Но даже если бы перед нами были варианты одной истории, это не было бы доказательством того, что перед нами одни и те же люди.

527. На это намекает Брестед, *Hist.* ⁽²⁾p. 556, когда называет Нехо I "несомненным потомком Тефнахта".

528. Нехо I пользовался благосклонностью ассирийского завоевателя (G. Smith, *Assurbanipal*, pp. 20, 23, 27-28), но его восстание показывает, что он делал добродетель из необходимости.

529. Перевод Griffith, *High Priests of Memphis*, chaps. II., III.: Maspero, *Pop. Stories*, pp. 115 f.

530. Petrie, *Hist.* III. fig. 139.

531. *Hdt.* II. 173; *ср.* *Athen.* VI. 261c, X. 438b.

532. Масперо, Поп. Stories, pp. 281-2; история, однако, птолемеявская и может быть подвержена влиянию Hdt.; ср. Wiedemann, Hdt. II. 173. Э. Мейер, Ges. Aeg. p. 366, n. 1, использует демотические рассказы о пьянстве Амасиса как доказательство того, что саитские фараоны не были популярны среди своих египетских подданных. С таким же успехом можно утверждать, что Эдуард VII, должно быть, был непопулярен в Англии, потому что массам нравится ассоциировать его с конным спортом и сигарами. Когда египтяне представляли Амасиса пьяным, они делали ему комплимент, делая его похожим на себя. Катастрофе 525 года до н. э. способствовало пьянство слуг, посланных Амасисом захватить Фанеса, капитана греческих наемников, когда тот собирался дезертировать в Персию (Hdt. III. 4). Египтянин, который "жаловался перед его величеством царем Камбизом на всех чужеземцев, живущих в святилище Неита (в Саисе), чтобы они были изгнаны" (так называемая демотическая хроника, *ар.* Rev. Égy. 1880, p. 75), является лучшим свидетелем политики Камбиза, чем непопулярности Амасиса; см. продолжение: "Его величество приказал: изгнать всех чужеземцев, живущих в святилище Неита: разрушить их дома".

533. Hdt. II. 172; Hellanicus, F.H.G. I. p. 66; но ср. Revillout, Rev. Égypt. 1881, pp. 96-98.

534. Поп. Рассказы, стр. 151 f.

535. Hist. Anc.^{(5) p.} 531. Масперо ссылается на свидетельства раскопок; Mallet, Prem. Étab. pp. 52-53.

536. Hdt. II. 179.

537. Naukratis, I. pp. 1 f.

538. Иерон. VIII. (Migne), pp. 365-6.

539. s.v. Naukratis.

540. Ал. Athen. XV. 675.

541. Страбон, XVII. 801.

542. Hdt. II. 178.

543. Плутарх, сент. сап. Conviv. 2 (Moral. 146), говорит о некоем Нилоксене Наукратите, которого развлекал Периандр. Если бы диалог был строго историческим, это свидетельствовало бы о существовании Наукратиса до 590 г. до н. э. Но Амасис представлен как правящий в Египте, а Крез, очевидно, уже как царь Лидии, так что хронологические выводы из этого вымышленного диалога были бы поспешными.

544. Страбон, XVII. 808; ср. Hdt. II. 135; Athen. XIII. 596b; Suid. s.v. Ῥοδῶπιδος ἀνάθημα.

545. Охуг. Pap. I. pp. 10-13.

546. Так Гутшмид, *ал.* Wiedemann, Hdt. II. 178.

547. Это искажает смысл слов Геродота, чтобы рассматривать их, как это делает Петри, Nauk. I. p. 4, как положительное доказательство доамасисовой оккупации. Тем более не оправдывается Кирххофф (Stud. Gr. Alph.^{(4) p.} 47), считая их доказательством того, что греков в Наукратисе до правления Амасиса не было.

548. Например, Маллет и Э. Мейер.

549. Впервые применить к Египту свои взгляды на греческую тиранию меня заставил Диодор, еще до того как я прочитал Псамметиха, рассказ Геродота о Сетоне и его последователях из числа торговцев и ремесленников; выше, с. 92.

550. *Nauk. I.* pp. 5, 6, 21.

551. *J.H.S. XXV.* pp. 110 f.

552. *B.S.A. V.* p. 39 f.; *J.H.S. XXV.* p. 109; ср. особенно находки здесь ваз, посвященных "богам греков", а также различным отдельным греческим божествам. Размер кирпичей датирует это сооружение более ранней половиной шестого века, *B.S.A. V.* p. 35.

553. *B.S.A. V.* pp. 41 n. 2, 48; *J.H.S. XXV.* p. 107. В 1899 году в "Большом Теменосе" Петри была найдена египетская надпись четвертого века, в которой говорится о "Пи-эмро, который называется Наукратис". Однако это, как отмечает Хогарт, *J.H.S. XXV.* p. 106, свидетельствует не в пользу, а против того, чтобы считать Пиэмро Наукратис двойным городом, как Буда-Пешт, а не двуязычным, как Суонси-Абертау.

554. *J.H.S. XXV.* p. 107; *B.S.A. V.* p. 43.

555. *B.S.A. V.* p. 49.

556. *Nauk. I.* pp. 54 f.

557. Хиршфельд, *Rhein. Mus.* 1887, pp. 215-219; Kirchhoff, *Stud.*⁽⁴⁾ p. 44 f.; ср. Edgar, *B.S.A. V.* pp. 50 f. Ответ Гарднера см. в *Nauk. II.* pp. 70 f. *Резюме* эпиграфических свидетельств см. в E. S. Roberts, *Gk. Epig. I.* pp. 159 f., 323 f.

558. Видеманн принимает их, *Hdt. II.* 178.

559. *B.S.A. XIV.* p. 263.

560. *B.S.A. V.* p. 52.

561. *Prem. Étab.* pp. 167 f.

562. Публикация Хогарта о дополнительных надписях, найденных в 1903 году, еще более неполноценна. Отчет Эдгара о надписях, найденных в 1899 году, лучше, хотя отнюдь не адекватен. Из 108 вероятных посвящений (некоторые слишком фрагментарны, чтобы быть уверенными) 48 находятся на вазах (черная глазурь, черный рисунок, красный рисунок), которые не могли быть сделаны до правления Амасиса, 33 - на чашах типов, которые, несомненно, продолжали существовать в его правление, 6 - на наукратитских фрагментах (фаза не указана), 2 - на (поздних) милезийских. Остальные - на тканях, которые трудно датировать по скудным описаниям. К сожалению, эта коллекция не является типичной. К сожалению, Эдгар счел "излишним указывать происхождение каждой отдельной надписи" (*B.S.A. V.* p. 53). Шестнадцать посвящены греческим богам, и только два - Аполлону. Можно сделать вывод, что большая часть происходит из Эллады и, следовательно, относится к периоду после 570 года. Но это не доказывает позднюю дату граффити в целом. Из шестнадцати посвящений греческим богам пятнадцать сделаны на вазах с черными фигурами или черной глазурью: еще одно - на одной из 33 чаш, упомянутых выше. Этот факт говорит о том, что посвящения в целом можно было бы датировать по вазам, на которых они начертаны, если бы такие данные были доступны, и что Гарднер был совершенно прав в своем главном выводе, хотя и ошибся в методе его достижения. Из милезийских фрагментов один имеет посвящение Аполлону, из наукратитских два (оба из старого южного "Теменоса")

- Афродите. Примечательно, что среди находок царствования Амасиса "ранняя местная керамика была разочаровывающе скудной" (B.S.A. V. p. 57). Удивительно, что раскопщики не сделали очевидного вывода.

563. B.S.A. XIV. p. 263; J.H.S. XXIX. p. 320; Ure, *Black Glaze Pottery*, pp. 59-61. Другие неопубликованные находки из раскопок Берроуза в 1909 году.

564. Более поздние беотийские примеры см. в *Ath. Mitt.* XV. стр. 412-413 (Фиванский Кабеирион) и, вероятно, те из горы Птун, о которых упоминается в В.С.Н. IX. 479, 523.

565. Случайные более ранние надписи не являются свидетельством против этой более поздней датировки начала настоящей моды.

566. Надписи в основном посвящены божествам.

567. B.S.A. V. p. 57.

568. Ure, *Black Glaze Pottery*, pp. 32 f.

569. Три из штампованных черных черепков из Наукратиса (B.S.A. V. p. 56, № 113-15) имеют надписи: одна - светская, одна - с кипрской аббревиатурой, и одна - с тем, что может быть началом посвящения. Светская надпись на одном образце очень распространенной ткани не является аргументом против использования других образцов в религиозных целях.

570. Вазы, классифицированные таким образом Prinz, *Funde aus Naukratis*, p. 69, не принадлежат к этому стилю (ср. Kinch, *Vroulia*, pp. 134 f.). Поэтому его выводы ib. p. 72 не выдерживают критики.

571. B.S.A. V. p. 57.

572. Kinch, *Vroulia*, p. 26.

573. Ср. *Rhitsona*, *passim*.

574. См. также Дафны, которые процветали одновременно с коринфской и некоторыми фазами протокоринфской керамики, но не дали остатков ни коринфской, ни, по-видимому, протокоринфской: Petrie, *Tanis*, II. p. 62.

575. *Brit. Mus.* 1886, 6-I. 40; Prinz, *Funde aus Nauk.* p. 102.

576. J.H.S. XXV. p. 136.

577. Edgar, B.S.A. V. p. 52.

578. См. *например*: *Nauk.* I. Pl. IV. 3.

579. Виганд, *Ситц.* *Preuss. Akad.* 1905, pp. 545-6; *Arch. Anz.* 1914, p. 222, p. 219, рис. 29-31; Kinch, *Vroulia*, pp. 194-231.

580. *Funde aus Nauk.* p. 37.

581. Беотийский стиль киликса из B.S.A. XIV. стр. 308 f., пл. VIII и XV.

582. *Арх. Anz.* 1904, p. 105; 1905, p. 62; 1910, p. 224.

583. A. J. Reinach, *Journ. d. Sav.* 1909, p. 357.

584. *Boehlau, Nekrop. Taf.* XII. 2, 4, 5, 6, 8, 9, 11; ср. pp. 30, 31.

585. Важный факт, недостаточно учитываемый Боэлоу и его последователями.

586. Boehlau, *Nekrop.* p. 75; Prinz, *Funde aus Nauk.* p. 33.

587. Sitz. Preuss. Akad. 1905, p. 545.

588. Изделия часто называли родосскими, а в последнее время (Kinch, *Vroulia, passim*) - камирийскими. Родос произвел наибольшее количество образцов, но, вероятно, только потому, что на острове было особенно распространено разграбление гробниц. Поулсен (*Orient u. frühgr. Kunst*, p. 91) поддерживает родосское происхождение, но на опасных стилистических основаниях. Его отношение к русским находкам особенно неубедительно. В то же время Перро хорошо делает (*Hist. de l'Art*, IX. pp. 390, n. 2, 403 f.), чтобы напомнить нам, что милезская атрибуция не является безусловной.

589. Prinz, *Funde aus Nauk.* pp. 39 f.

590. Петри, Танис, II. Pls. XXVII., XXVIII.

591. Petrie, Tanis, II. pp. 51, 52 (цитируя Hdt. II. 30, 154). Сомнения Дюземлера относительно идентичности Дафны и греческих "лагерей" (*Jahrb.* X. p. 36) кажутся несколько излишними.

592. Boehlau, *Ion. Nekrop.* pp. 52 f.; ср. Edgar, *Cat. Вазы, Каир*, стр. 10, 13, 14.

593. *Hist. de l'Art*, IX. p. 404.

594. Prinz, *Funde aus Nauk.* pp. 73-74.

595. C.R. II. 233e, Оксфордский Ашмолинский музей, G. 127. 2, 3 (два последних раскопаны в 1903 году). Иллюстрацию этого типа см. в J.H.S. XXX. p. 354, fig. 18.

596. См. свидетельства каталогов рицонских могил, B.S.A. XIV.; J.H.S. XXIX., XXX.

597. *Nauk.* I. Pl. VI. 1, 2; II. Pl. IX. 5; ср. Prinz, pp. 75 f.

598. Например, Петри и Гарднер, *Nauk.* I. Pl. V. и (цветной) J.H.S. VIII. pl. 79.

599. *Nauk.* I. p. 51; II. p. 39; ср. Prinz, pp. 87 f.

600. *Vroulia*, pp. 7, 34, 89.

601. J.H.S. XXIX. pl. 25 и pp. 332 f.

602. Ср. Buschor, *Gr. Vasenmal.*⁽¹⁾ p. 81; Frickenhaus, *Tiryns*, I. p. 53.

603. *Arch. Anz.* 1910, pp. 224-5; 1914, p. 227.

604. Раньше считалось, что ее отсутствие в Дафнах, военной станции, из которой греки были удалены Амасисом вскоре после 570 г. до н. э., свидетельствует о том, что в тот период она еще не была изобретена или, по крайней мере, не стала популярной. Но основные изделия, найденные в Дафнах, включая типичную (клазоменскую?) дафнийскую посуду, и за исключением только особого местного типа ситула, не являются редкостью в Наукратисе (B.S.A. V. pp. 60-61). Это вряд ли могло бы быть так, по крайней мере, не в такой степени, если бы Наукратис возник только тогда, когда Дафны прекратили свое существование. Мы должны искать какое-то другое объяснение отсутствию наукратита в Дафнах. Может быть,

дело просто в том, что такая хрупкая посуда плохо подходила для лагеря? На наукратитских чашках изображена такая же хрупкая ткань, как и на современных чашках.

605. Более 350; *Nauk. I.* pp. 60 f.

606. *Nauk. I.* с. 11.

607. Его центральное и многолюдное положение не является аргументом против этой точки зрения (*темпл* Эдгар, *B.S.A. V.* p. 53), а скорее наоборот, особенно если вспомнить, что Милет и, предположительно, как следствие, милезская часть Наукратиса были в плохом состоянии во времена Амасиса.

608. О свидетельствах раскопок в отношении этих храмов см. Prinz, *Funde aus Nauk.* pp. 12-13.

609. Обратите внимание, однако, на комментарии Перро, *Hist. de l'Art*, IX. p. 415.

610. Prinz, pp. 39-42; *B.S.A. V.* pp. 41, 60.

611. *Nauk. II.* с. 60.

612. Существует мало доказательств привлекательного предположения (A. G. Dunham, *Hist. Miletus*, p. 68), что установление должно быть связано с победой саамской стороны и поражением милетян в (седьмом веке) Лелантинской войне.

613. *IV.* 152.

614. Афины. VII. 283e. Хиршфельд, возможно, прав, полагая, что Аполлоний отнес основание Наукратиса к мифическим временам (*Rhein. Mus.* 1887, p. 220).

615. Prinz, *Funde aus Nauk.* p. 75, связывает с ним коринфские черепки, некоторые из которых намного раньше Амасиса. Лучшим доказательством ранних связей Эгинета с Наукратисом являются наукратитовые черепки, некоторые из которых относятся к самой ранней фазе, найденные в Эгине, Prinz, p. 88.

616. Хиршфельд, *Rhein. Mus.* 1887, p. 212; E. Meyer, *Ges. Aeg.* p. 368; Prinz, *Funde aus Nauk.* p. 1.

617. Зафиксировано более 100, *Nauk. II.* p. 62 f.; другие, *B.S.A. V.* p. 41.

618. По-видимому, не на нем: ср. *Nauk. II.* pl. 3 (участок участка до базального ила без обозначения черного слоя); *B.S.A. V.* p. 44 (говорится о южном конце греческого квартала); *J.H.S. XXV.* p. 107. Учитывая, что храм находится совсем рядом с фабрикой скарабеев и к западу от нее, а линия расслоения между греческим и египетским кварталами проходит с востока на запад, странно, что на этот счет нет никаких четких указаний.

619. *B.S.A. V.* стр. 38, 44.

620. *J.H.S. XXV.* p. 114.

621. *Athen. XV.* 675 f.

622. *Nauk. II.*

623. *Nauk. II.* Пл. XIV. 11.

624. *Orient u. frühgr. Kunst*, pp. 93-99 (Кипр - примеры с восточным характером, Родос - чисто греческие). Пример, найденный в Полледраре (Вульчи), происходит из могилы ("гробница

Исиды", Монтелиус, *Civ. Prim. en Ital. Sér. B*, pl. 266. 3), которая содержала также скарабея Псамметиха I и, вероятно, должна быть датирована второй половиной седьмого века.

625. *Nauk. I. Pls. XVI., XVII.* Для пл. XVI. 4 см. ниже, рис. 17.

626. *Nauk. I.* p. 21; ср. p. 42; но ср. Petrie, *B.S.A. V.* p. 41, "Я не нашел ничего, кроме египетского южного изображения Афродиты".

627. Prinz, *Funde aus Nauk.* p. 84. Prinz, *ibid.* pp. 86-87, считает некоторые ранние кувшины из Наукратиса ионийскими, сравнивая их с расписными ионийскими кувшинами. Доказывают ли они, как считает Принц (*ibid.* p. 13), существование раннего греческого поселения в Южном квартале - другой вопрос.

628. О финикийских остатках в Наукратисе см. *B.S.A. V.* p. 49, где они, вероятно, переоценены; ср. Prinz, *Funde aus Nauk.* p. 102.

629. Для связи кувшинов такого рода с греко-саитской торговлей см., возможно, Eriphan. *de Mens. et Pond. 182d* ὁ ἀληθινὸς Σαῖτης ξεστῶν ἐστὶ κβ (= 44 котилай).

630. Более скромную оценку раннего Наукратиса см. в Mallet, *Prem. Étab.* p. 178. Точка зрения Карштедта (Pauly *Wissowa*, *S.V. Herostratos*) и Хиршфельда (*Rhein. Mus.* 1887, p. 219) (ср. Endt, *Ion. Vasenmal.* p. 68), что греческий Наукратис датируется только 570 г., несостоятельна.

631. Один большой пробел в доказательствах будет заполнен, если когда-нибудь будет найдено и раскопано место, где находился форт милезийцев.

632. См. ниже, с. 122-3.

633. Петри, *Гист. Eg. III.* pp. 351-2; Tanis, *II.* pp. 51 f.; ср. Mallet, *Prem. Étab.* pp. 129-130.

634. Sharpe, *Hist. Eg.* ⁽⁶⁾ p. 167, считает, что оно направлено против Таниса, Мендеса и Бубастиса; но нет ничего, что могло бы показать, что Амасису было чего опасаться от этих мест более ранних династий в восточной части Дельты.

635. *Hdt. II.* 154; ср. *II.* 30; Диодор (*I.* 67) датирует основание Лагеря после победы Псамтека. Место подтверждает эту дату. Дафны могли стать военной базой саитского принца только после того, как он избавился от додекархии и был в основном озабочен ассирийской опасностью; см. Petrie, *Tanis, II.* p. 48.

636. Были ли войска на самом деле переведены из "форта" в "лагерь", сомнительно. В Дафнах мало следов Милета, где греческая керамика, по-видимому, была в основном из Самоса (посуда из Фикеллуры, Petrie, *Tanis, II.* pls. 27, 28) и Клазоменей (посуда из Дафны, *ibid.* pls. 29-31). Заметные различия между керамическими находками из Наукратиса и Дафны теперь общепризнаны как локальные, а не временные, за исключением того, что дафнийская серия заканчивается раньше. Но факт этих локальных различий все еще ждет удовлетворительного объяснения. Ср. выше, с. 115, п. 2.

637. Meyer, *Ges. d. Alt.* ⁽¹⁾ p. 384; ср. Mallet, *Prem. Étab.* pp. 43, 80. Маллет, *ibid.* pp. 79-80, считает геродотовских μάχιμοι своего рода ополчением, но это вряд ли подходит к их описанию как касты. Египетские документы действительно показывают, что, несмотря на Геродота *II.* 164, *VI.* 60; Платон, *Tim.* 23-24; *Isocr. Bus.* 15-17 (224); *Diod. I.* 28, 73-74; *Strabo XVII.* 787; в Древнем Египте не было жесткой кастовой системы; ср. Wiedemann, *Hdt. II.* 164; Mallet, *Prem. Étab.* p.

411. Но μάχιμοι, хотя и не были кастой, очевидно, представляли собой резко выраженный класс.

638. Prem. Étab. p. 80.

639. Ges. d. Alt.⁽¹⁾ 561.

640. Hdt. II. 30; Diod. I. 67; Strabo XVI. 770 и XVII. 786 (где говорится, что они все еще находились в Эфиопии во времена историка); Плиний, N.H. VI. 35 (30); Ptol. Geog. IV. 7 (Didot, i. p. 783); Hesych. s.v. Μαχλαίονας. О подлинности этой истории см. Wiedemann, Hdt. II. 30, pp. 128 f., Ges. Aeg. pp. 137-8 (скептически); Mallet, Prem. Étab. pp. 77 f. Геродот говорит, что их было 240 000, Диодор - более 200 000. Эти цифры теперь не будут рассматриваться так скептически, как в прошлом веке.

641. Wiedemann, Hdt. II. 161; Breasted, Records, IV. 1000, 1001.

642. Hdt. II. 169; Diod. I. 68; Petrie, Hist. Eg. III. 351-2; Breasted, Records, IV. 1003.

643. Hdt. II. 178.

644. Hdt. I. 77; ср. Xen. Cyrop. VI. 2. 10.

645. Hdt. III. 39.

646. Maspero, Passing of the Empires, p. 645; ср. Plut. Mor. 261 (Mul. Virt. 25).

647. Hdt. II. 180.

648. Из демотической хроники, опубликованной Э. Ревиллаутом, Proc. Soc. Bib. Arch. XIV. (Mar. 1892), pp. 251-4; ср. Rev. Égyptol. 1880, p. 60.

649. Hdt. II. 159; Hirschfeld, Rhein. Mus. 1887, p. 219, предполагает, что флот, с которым Нехо разбил сирийцев, мог быть во многом обязан милезийскому флоту.

650. Ср. Hdt. II. 161; Lepsius, Denkm. III. 274d, e; Roberts, Gk. Epig. I. 151 f.

651. Hdt. II. 160; согласно Diod. I. 95, обращение было сделано к Амасису.

652. Hdt. II. 163; Diod. I. 68.

653. Heuzey, Fig. Ant. pl. 7. 2; Mallet, Prem. Étab. fig. 27; Prinz, Funde aus Nauk. p. 107.

654. Об Амасисе и торговле см. Plut. Sept. Sap. Conv. 6 (Moral. 151), ἐκείνῳ γὰρ (sc. Ἀράσιδι) ἂν γένοιτο πλέονος ἀξία τῆς ἐμπορίας ἢ παρενθήκη.

655. Mallet, Prem. Étab. p. 414.

656. Ср. Гриффит, Dem. Pap. Rylands, III. p. 44, n. 5.

657. *Ibid.* p. 201. Слово анализирует p (артикуль)-san (человек, продавец)-mtk.

658. Более ранние египтологи выводили это слово совершенно иначе, объясняя его как ливийское (например, В. Штерн, Z. f. Aeg. Spr. 1883, pp. 24 f. и ссылки, *ad loc.*) или эфиопское (= сын Солнца), (Brugsch, Ges. Aeg. pp. 731 f., но ср. Wiedemann, Aeg. Ges. p. 623). Мейер, Ges. Aeg. p. 363, описывает его просто как "не египетское", предположительно как не встречающееся до саитского периода. Но это не аргумент, если до этого имя было исключительно плебейским. Петри отвергает "человека (продавца) мисок" как явно

абсурдный и анализирует P-sam-te-k = (египетского) льва (верхнеегипетского) сына (эфиопа) как (эфиопский суффикс) (Hist. Eg. III. p. 320, принятое как вероятное Хау и Уэллсом, ad Hdt. II. 151). Он сравнивает Шаба-та-ка (эфиопская династия, 707-693 гг.) = сын дикой кошки the; но это не параллель для настоящей трудности, которая заключается в экстраординарном гибридном составе. Лингвистических гибридов существует великое множество. Наши предки обогатили латынь словом quicksethedgavit. Но столь сложный гибрид, как предполагает Петри, не может рассматриваться всерьез без очень веских доказательств наличия действительно параллельных чудовищ. Шпигельберг (Orient. Litt. Zeit. 1905, p. 560), убедительно аргументируя против Петри, принимает "продавец чаш" как популярную этимологию, но отвергает ее как истинное значение, "поскольку ни один государь не хочет, чтобы мишкрудендлеры были в почете". Он объясняет, что это слово на самом деле означает "человек бога Мтк"; только такого бога не существует. Даже если бы он существовал, объяснение Шпигельберга не подходит для обоих случаев. Если, как показывают факты, существует вероятность того, что Псамметих I действительно был торговцем чем-то вроде мисок для смешивания и получил свое имя по роду деятельности, какое-то аристократическое объяснение плебейского имени, возможно, побудило его и его преемников сохранить его, подобно тому как миссис Снукс в одном из рассказов Уэллса более чем примирилась со своим именем после того, как оно было объяснено как сокращение от Sevenoaks и написано соответствующим образом.

659. Dem. Pap. Rylands, III. pp. 44, n. 5: 201, n. 3.

660. *Ibid.* p. 201, n. 3.

661. Hdt. II. 151.

662. Griffith, *ibid.* p. 44, n. 5, цитируя Hdt. II. 174; ср. Ael. V.H. II. 41; Athen. VI. 261, X. 438.

663. Существует мало свидетельств торговли смешанным вином. Древние греки обычно пили смешанное вино, но смешивание происходило дома. В Англии нет оптовой торговли чашей кларета. Но обратите внимание на Mod. Гк. κρασί, = смесь, обычное слово для вина.

664. *Ibid.* p. 44, n. 5.

665. Babelon, Rev. Num. 1894, pp. 267 f.; Th. Reinach, L'Hist. par les Monnaies, pp. 32-3; Head, Hist. Num.⁽²⁾ p. 643; Macdonald, Coin Types, pp. 6-8; Radet, Rev. des Univ. du Midi, 1895, p. 120; Busolt, Gr. G.⁽²⁾ p. 493.

666. Эванс в Corolla Numismatica B. V. Head, pp. 363-7; Ridgeway, Compan. Gk. Stud.⁽³⁾ p. 537.

667. Brit. Mus. Excavations at Ephesus (1908), chaps. IV., V.

668. Три имеют надпись □□□□□□, которую Сикс объяснил как сокращение имени Алятта, Num. Chron. 1890, pp. 203 f.

669. Babelon, Origines, pp. 181 f.

670. Xen. ap. Poll. IX. 83; Hdt. I. 94.

671. Ср. Th. Reinach, Hist. par les Monn. p. 32. Ср. также рассказ об изобретении денег в Rep. II. 371, где Платон связывает это с появлением посредников.

672. См. ниже, с. 148.

673. Soph. Antig. 1037.

674. Страбон XIII. 626 (ср. XIV. 680); Архилох, цитируется ниже, с. 134; ср. Юстин I. 7.

675. Bacchyl. ed. Jebb, fr. 10 (Λυδία λίθος μανύει χρυσόν); Theophr. de Lap. 4; Плиний, N.H. XXXIII. 43; Pollux VII. 102; Hesych. s.v. βασάνιτης и χρυσίτις λίθος; ср. Ridgeway, Num. Chron. 1895, pp. 104 f.

676. Hdt. V. 52 f.; ср. Radet, Lydie, pp. 23 f. и ссылки p. 23, n. 1.

677. Radet, pp. 31 f. О политическом значении крупных торговых магистралей в Лидии см. Radet, Lydie, pp. 108 (пошлины на караванных путях в VIII в. до н. э., Nic. Dam. F.H.G. III. p. 381, fr. 49), 227-8 (паромные пошлины, взимававшиеся государством при династии, основанной Гигесом, и государственная компенсация за ущерб, нанесенный затоплением водных путей, Ксанф, F.H.G. I. p. 37, fr. 4).

О Сардах как географически более вероятном городе, чем любой другой прибрежный город, для развития металлической чеканки см. Radet, Lydie, p. 156; Th. Reinach, Hist. par les Monn. p. 22. Противоположное мнение см. в Babelon, Rev. Num. 1895, pp. 352 f., Origines, p. 218.

678. Например, P. Gardner, Gold Coinage of Asia, p. 4, Hist. Anc. Coin. p. 69; Brandis, Münzwesen, p. 201; ср. также Radet, Lydie, p. 293.

679. Plut. Apophth. Lac., Agesil. 40 (Mor. 211b).

680. Hdt. I. 54.

681. Тот факт, что 73 из 87 ранних электрумовых монет, найденных недавно в Артемисии в Эфесе, относятся к типам, обычно приписываемым Лидии, не является аргументом против обычной атрибуции. Из оставшихся двух монет две являются фокейскими, две, возможно, фокейскими, четыре, возможно, относятся к Киме, одна, возможно, к Эфесу, а пять - совершенно неопределенные. Голова, Brit. Mus. Excav. Ephesus, pp. 79 f.

682. Ф. Ленорман, Monn. royal. de la Lydie, p. 28, приводит две ранние монеты из электрума, одна из которых с полосой *на лицевой стороне*, с тремя надрезами *на обороте*, найденная на равнине Сардиса, а другая с четырьмя лепестками *на лицевой стороне*, с одним надрезом *на обороте*, найденная в Нимфи, примерно в 12 милях вглубь от Смирны. Электрум третий (67-6 зерен), *обв.* голова льва, *об.* один инкус, Brit. Mus. Coins, Lydia, p. 2, no. 4, как говорят, была найдена в Ала Шехр (Филадельфия), в 30 милях к юго-востоку от Сардиса.

683. Borrell, Num. Chron. VI. (1843), p. 156; ср. Brit. Mus. Coins, Troas, etc. p. lvii.

684. Num. Chron. 1890, p. 210, n. 69; ср. Babelon, Rev. Num. 1895, pp. 354 f., Origines, pp. 215 f.

685. Rev. Num. 1895, p. 303; ib. Pl. VI. 3.

686. Голова, Brit. Mus. Coins, Ionia, p. xviii.

687. Head, Hist. Num.⁽²⁾ p. 643, Ridgeway, Metal. Curr. p. 293, и другие утверждают, что стандарт 168 гр. регулярно использовался для раннего электрума, но их единственным доказательством является эта единственная монета; ср. Head, ib. p. xl., который отмечает, что в электруме не известно ни одного деления этого стандарта. Они полностью представлены в лидийском золоте и серебре. Другие, например Radet, Lydie, p. 233, объясняют ее как три четверти статера финикийского стандарта, обычно используемого для лидийского электрума, но три четверти статера очень маловероятны. Никто не предполагал, что монета должна была быть выдана за золотую.

688. Rev. Num. 1895, p. 303.

689. Голова, Brit. Mus. Coins of Ionia, p. xxxviii.

690. *Ibid.* p. 184, nos. 6-11. Сам Бабелон приписывает Милету три небольших ранних серебряных изделия (№№ 18, 23, 39 = Pl. VI. 7, 10, 17). Они весят 1-26 граммов, 1-75 граммов, 1-10 граммов и вряд ли полезны с метрологической точки зрения.

691. La Chine et les Chinois (1847), p. 173; это при том, что там же он упоминает о слитках серебра, смешанных с золотой пылью, называемых "syce", буквальный перевод которых - "тонкий шелк".

692. См. далее: Radet, Lydie, pp. 155 f.; Macdonald, Coin Types, pp. 6-8.

693. F.H.G. III. p. 72, fr. 1; также Et. Mag. и Et. Gud. s.v. τύραννος.

694. Ср. Гиппиас Элиссский, F.H.G. II. p. 62; Schol. Aesch. P.V. 224; Plut. Vit. Hom., Didot V. p. 153.

695. Hdt. I. 12.

696. Ap. Aristot. Rhet. III. 17 и Plut. De Tranqu. An. 10 (Mor. 470c). Две строки, процитированные выше, не были последовательными. Плутарх цитирует их следующим образом:

καὶ οὐ μοι τὰ Γύγεω τοῦ πολυχρύσου μέλει
οὐδ' εἶλέ πω με ζῆλος, οὐδ' ἀγαίομαι
θεῶν ἔργα, μεγάλης δ' οὐκ ἐρέω τυραννίδος.

Но καὶ, по-видимому, соединяет два отрывка из одного отрывка. Аристотель, который цитирует только οὐ μοι τὰ Γύγεω, утверждает, что этот отрывок был вложен Архилохом в уста Харона-плотника (τέκτων).

697. Ср. Et. Gud., цитированный выше, защищаемый Радетом, стр. 146-8. -αννος, как пишет мне Р. С. Конвей, не является ни греческим, ни латинским, но часто встречается в этрусском (= лидийском?) и несколько раз в ликийском языках: "тиран" происходит от "тирренского" (= этрусского) у Филохора (ap. Schol. Lucian, Catapl. I: τύραννος εἴ ρηται ἀπὸ τῶν Τυρρηνῶν ... ὥς φησι Φιλόχορος. οἱ οὖν Ἀθήνησι ῥήτορες ἔθος ἔχουσι τοὺς βασιλέας τυράννους καλεῖν ἀντὶ τῆς παρ' αὐτοῖς βίας τῶν Τυρρηνῶν: речь идет о тирренцах Лемноса и Имброса), Tzetzes, Chil. VIII. 890-1 (ἐκ τούτων καὶ τὸ τύραννος ὁμοίως ἐπεκλήθη- βίαιοι γὰρ οἱ Τυρρηνοὶ καὶ θηριώδεις ἄγαν), Verrius Flaccus (ap. Festum s.v. tyrannos, ed. Teubner, p. 484, a cuius gentis (sc. Tyrrhenicae) praecipua crudelitate etiam tyrannos dictos ait Verrius), и Et. Mag. (ἦτοι ἀπὸ τῶν Τυρσηνῶν- ὡμοὶ γὰρ οὗτοι). О ведийском родстве слова τύραννος см. Peile, ap. Jebb, Soph. O. T. p. 5.

698. F.H.G. III. p. 380.

699. Radet, Lydie, p. 79.

700. F.H.G. III. стр. 380-1; ср. Steph. Byz. s.v. Θυεσσός, "πόλις Λυδίας ... ἀπὸ Θυεσσοῦ καπήλου".

701. F.H.G. III. стр. 381-2. Местом действия этой истории, несомненно, является Гермокапелия, помещенная Плинием, N.H. V. 33, в Пергамской области, Иероклом 670, Teub. p. 21, в Лидийской епархии. Шуберт, Könige v. Lydien, p. 20, отождествляет Тиессос с самим Гермесом.

702. Lydie, p. 98.

703. Radet, Lydie, p. 79; Rev. des Univ. du Midi, 1895, p. 117.

704. Radet, pp. 95 f. и Rev. des Univ. du Midi, 1895, pp. 118-9 (основание Синопа милетянами, 756 г. до н. э., предполагает знание Милетом великих восточных караванных путей).

705. Гераклид, F.H.G. II. p. 216, fr. 11.

706. Rhein. Mus. XXXV. (1880), p. 520.

707. Hdt. I. 7 f.; Plut. Mor. 622f; Justin I. 7. В Nic. Dam. F.H.G. III. pp. 384-5 она не помогает Гигесу.

708. Lydie, p. 134; ср. Nic. Dam. F.H.G. III. pp. 396, 397, fr. 63, 65; Ael. V.H. III. 26. Эфесская связь засвидетельствована (*pace* Radet) только для поздних правителей дома Гигеса. Ср. Gelzer, Rhein. Mus. XXXV. p. 521. Также с попыткой отравить Кадиса связана попытка отравить Креза, Plut. de Pyth. Orac. 16 (Mor. 401).

709. Nic. Dam. F.H.G. III. p. 397, fr. 65; ср. Ael. V.H. IV. 27; Hdt. I. 92. О другой версии или фазе борьбы см. Plut. de Pyth. Orac. 16 (Mor. 401).

710. Бабелон, Origines, p. 105, называет его банкиром, на каком основании, я не могу выяснить: Nic. Dam. называет его просто εὖ μάλα εὐπόρου.

711. Заметим, что Садьяттес (*ap.* Suid. (s.v. Κροῖσος), Alyattes) носит царское имя, и что он почти наверняка является соперником ἀντιστασιώτης Креза из Hdt. I. 92. В *var. lect.* в Nic. Dam. имеет ἑπαρχος (губернатор) вместо ἑμπορος (купец). Таким образом, Садьяттес вполне мог быть крупным вельможей: но это не причина, *pace* Gelzer, Rhein. Mus. XXXV. 520, чтобы не отводить главную роль его богатству.

712. Pp. 37 f.

713. Hdt. I. 54.

714. Poll. III. 87, Brit. Mus. Монеты Лидии, стр. XX.

715. Аристот. (?) Mirab. Ausc. 52 (834a).

716. Страбон XIII. 626; Юстин I. 7.

717. Страбон, там же; Hdt. I. 92.

718. Nic. Dam. F.H.G. III. fr. 65 end.

719. Lydie, p. 242.

720. ἀνὴρ ἐχθρός из Hdt. I. 92 - это почти наверняка Садьяттес из Nic. Dam. См. Гельцер, Rhein. Mus. XXXV. 520; Schubert, Könige v. Lydien, p. 61.

721. Hdt. I. 88-89; история повторяется, но с опущенной точкой, Diod. IX. 33.

722. Ср. Vasschyl. III., самое раннее упоминание о падении Лидии, написанное для Гиеро из Сиракуз в 468 г. до н. э., где Крез во время разграбления Сардиса заставляет себя и свою семью сжечь, а Зевс спасает их и уносит Аполлона в страну гипербореев.

723. Hdt. I. 93; ср. Hippoanax, fr. 5 παρὰ τὸν Ἀττάλειον τύμβον к.т.л. (почти современное упоминание); Strabo XIII. 627. О раскопках этого памятника см. Abh. Preuss. Akad. 1858, pp. 539 f. и Pls. IV. (гробница) и V. (керамика из гробницы). Керамика очень хорошо подходит для периода династии Мермнад.

724. Раде, Lydie, p. 226, предполагает, что во времена Креза существовали корпорации ремесленников (гончаров, сапожников, красильщиков и т.д.), подобные тем, что существовали в Лидии во времена Римской империи, но его предположение слишком спекулятивно, чтобы на нем основываться.

725. Страбон XIII. 627; ср. Athen. XIII. 573a, "Клеарх в I книге своей "Эротики" говорит, что Гигес, царь Лидии, ... когда (его госпожа) умерла, собрал всех лидийцев земли и воздвиг то, что называется гробницей гетеры". Это похоже на версию, сохраненную Страбоном, с деталями, заимствованными у Геродота: обратите внимание, что работа здесь приписывается Гигесу.

726. Hdt. I. 153-4.

727. Hdt. VII. 27, 28.

728. Hdt. VII. 27, 28; Plut. de Mul. Virt. 27 (Mor. 262); Polyae. VIII. 42.

729. Гельцер, Рейн. Mus. XXXV. p. 521.

730. How and Wells, Hdt. VII. 27.

731. Lydie, pp. 155 f., и особенно pp. 162-3.

732. В начале своего правления до киммерийских нашествий (о которых см. Gelzer, Rhein. Mus. XXX. pp. 256 f.), Lydie, p. 166. Также Cruchon, Banques dans l'Antiq. pp. 15-16.

733. Monn. dans l'Antiq. I. p. 110; ср. Babelon, Origines, pp. 39-40.

734. Ср. Babelon, Origines, p. 94, цитируя Terrien de la Couperie, Brit. Mus. Cat. Chinese Coins, p. 4, о периоде до IV века н. э. Так же ibid. (Cat. Chinese Coins), p. xlviii. 5. Бонакосс, La Chine et les Chinois (1847), pp. 172-3, говорит, что государственного монетного двора нет: драгоценные металлы формируются в слитки частными банкирами: эти слитки носят название районов, банкиров и т.д. По сей день китайские банкиры штампуют иностранные монеты своими собственными контрштемпелями, Babelon, Origines, pp. 121-2.

735. Babelon, Origines, pp. 41, 42.

736. Babelon, Origines, p. 98.

737. E. Thomas, Chron. Pathan Kings Delhi, p. 344 (ср. E. Thomas, Anc. Indian Weights, p. 57, n. 4), ювелиры и купцы выпускали монеты в XIV в. н. э.; J. Malcolm, Mem. Central India, II. 80, аналогичные выпуски еще в 1832 году, но с разрешения центрального правительства; ср. Babelon, Origines, p. 95.

738. Babelon, Origines, p. 83, в Кье и Новгороде в средние века слитки весом в рубль или кратно клеймились, иногда с именем, купцами, банкирами или ювелирами. Эта практика возникла еще до того, как русское правительство впервые выпустило монету. О греческих и римских штемпельных слитках см. Saglio, Dict. d. Antiq. s.v. Metalla, p. 1865; все они, по-

видимому, появились на столетия позже изобретения денег, на которое, соответственно, они не бросают никакого света.

739. Babelon, *Origines*, p. 100; *например*, шиллинги Чалмерса, отчеканенные ювелиром по имени Чалмерс в 1783 г., многочисленные частные выпуски в Калифорнии в 1831-1851 гг. с надписью "самородное золото" или "чистое золото" и именем, а иногда и адресом нападающего.

740. Джевонс, *Деньги* ²³, с. 65.

741. *Origines*, pp. 110 f.

742. *Ibid.* p. 123.

743. Хед, *Hist. Num.* ²pp. lvii. и 644-5, датирует частные выпуски 687-610 годами; П. Гарднер, *Gold Coinage of Asia*, p. 9, приписывает первую государственную чеканку где-либо Крезу, против этого мнения см. всю настоящую главу. Возражения Гарднера против его собственной теории, основанной на монетах $\rho\alpha\lambda\phi\epsilon\iota$, не являются убедительными. Аляттес, конечно, мог чеканить монеты в качестве частного предприятия. Покойный король Греции Георг торговал в основном вином, выращенным в королевских поместьях, но вино ни в коем случае не было государственным напитком; см. также Cruchon, *Banques dans l'Antiq.* pp. 11 f. О самом Бабелоне см. далее *Rev. Num.* 1895, pp. 332-3, о ранней монете из электрума, обв. олень, $\phi\alpha\nu\omicron\varsigma \xi\mu\iota \sigma\epsilon\mu\alpha$; *рев.* один продолговатый инкуз между двумя квадратными, которую Бабелон приписывает Эфесу и предполагает, что она была выпущена "одним из тех богатых банкиров, которые давали ссуды царям и чьи сейфы были наполнены драгоценными металлами"; см. *Hdt.* VII. 27-29; но ср. Macdonald, *Coin Types*, p. 51. Против взглядов Бабелона выдвигается тот факт, что его предполагаемые коллекции частных знаков на таких монетах, как наша рис. 19. а (стр. 127), образуют в каждом случае одну группу, отчеканенную вместе. Но такая стереотипная группировка на самых ранних сохранившихся образцах не является аргументом против его объяснения происхождения этих любопытных знаков, которые на других очень ранних монетах встречаются в положениях, которые показывают, что они являются контрштемпелями: см. *например*, на спине черепахи на нашем рис. 20. b.

744. Его воцарение по-разному датируется 716 г. до н. э. (*Hdt.*), 708 г. (*Euphorion*), 698 г. (*African.*), 687 г. (*Euseb. Arm. vers.*); он был еще жив после 660 г. до н. э. и, возможно, после 650 г. (*Geo. Smith, Assurbanipal*, pp. 64-68; ср. *ibid.* pp. 341-2, *Winckler, Altorient. Forsch.* VI. стр. 474 f., 494 f.).

745. $\Gamma\upsilon\gamma\acute{\alpha}\delta\alpha\varsigma \chi\rho\upsilon\sigma\acute{o}\varsigma$ из *Poll.* III. 87 и VII. 98 не был, *согласно* Radet, *Lydie*, p. 162; *Rev. d. Univ. du Midi*, 1895, p. 119, обязательно или даже вероятно, но история Креза показывает, что царь, который, несомненно, чеканил, мог быть известен своим неотчеканенным золотом. Архилох называет Гигеса "золотым".

746. *Hdt.* I. 8, 91; ср. *Xanthus, ap. Nic. Dam. F.H.G.* III. fr. 49, p. 383 $\acute{\epsilon}\kappa\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\upsilon\sigma\epsilon (\tau\omicron\nu\nu \Gamma\upsilon\gamma\eta\nu) \mu\epsilon\tau\grave{\alpha} \tau\omicron\omega\nu \delta\omicron\rho\upsilon\phi\acute{o}\rho\omega\nu \epsilon\acute{\iota}\nu\alpha\iota$.

747. *Könige von Lydien*, p. 30.

748. *Ibid.* p. 34; ср. *Athen.* VI. 231e, "Дельфийские посвящения серебра и золота начал Гигес, царь лидийцев ($\dot{\upsilon}\pi\omicron\theta\ \pi\rho\acute{\omega}\tau\omicron\upsilon \Gamma\upsilon\gamma\omicron\upsilon \dots \acute{\alpha}\nu\epsilon\tau\acute{\epsilon}\theta\eta$): до его правления пифии не имели ни серебра, ни золота, как утверждают Фаний Эфесский и Феопомп", и *Hdt.* I. 13, 14, "он завоевал трон и был утвержден на нем дельфийским оракулом"..... "Таким образом Мермнады победили тиранию... и Гигес, став тираном, послал в Дельфы не несколько, а большую часть

серебряных приношений в Дельфах, и кроме серебра он предложил огромное количество золота".

749. "Он посвящает пифии золотые кирпичи в качестве платы за свои оракулы", Лукиан, Харон, II; Hdt. I. 50 f.; "можно предположить, что либеральность Креза была направлена на обеспечение лакедемонского союза через дельфийское влияние", How and Wells, Hdt. I. 53 (несомненно, с учетом Xen. Cyr. VI. 2. 11 (Киру приносят весть), "что Крез послал в Спарту о союзе"); μέγιστα θανάτῳ ἐς ἀγαθέαν ἀνέπεμψε Πυθῶ (Κροῖσος), Bacchyl. III. 61-62.

750. Smith, Assurbanipal, pp. 64-68.

751. Lydie, pp. 57 f.; ср. Plut. Qu. Gr. 45 (Moral. 302), "когда Гигес взбунтовался и начал войну с ним (Кандаулом)": ср. также Hdt. I. 13, "когда лидийцы сильно возмутились тем, как обошлись с Кандаулом, и взялись за оружие". Но далее Геродот говорит, что две фракции пришли к соглашению о передаче спора в Дельфы.

752. Hdt. I. 14; F.H.G. III. Nic. Dam. fr. 62; IV. p. 401, fr. 6; Paus. IV. 21, 5; IX. 29, 4; Suid. s.v. Γύγης и Μάγνης.

753. Radet, Lydie, p. 214; ср. ib. 243 о торговых нуждах, побудивших Креза начать войну с Киром, когда персы, "привыкшие не пользоваться рынками и не имеющие их вовсе" (Hdt. I. 153), угрожали великим торговым путям Востока.

754. Radet, Lydie, p. 171; ср. Hdt. I. 17, на пути Садиятта и Алятта, воевавших против Милета, а также Ael. V.H. III. 26; Polyae. VI. 50 о войне Креза с Эфесом.

755. Plut. Qu. Gr. 45 (Moral. 302a): ἦλθεν Ἀρσηλὶς ἐκ Μυλίων ἐπίκουρος τῷ Γύγῃ μετὰ δυνάμει, καὶ τὸν Κανδαύλῃν ... διαφθείρει. Это замечание "historisch wertlos", Meyer, G. d. A. I. p. 547, следуя Duncker, G. d. A.⁽⁵⁾ I. p. 488, но ср. Gelzer, Rhein. Mus. XXXV. p. 528; Schubert, Könige v. Lydien, p. 33; Radet, Lydie, pp. 124 f., 133 f., 136, n. 2. То, что карийские наемники становятся известными именно в это время, - более чем случайное совпадение: ср. Архилох. В Лидии, как и в Египте (с. 89, 123), наемники, в значительной степени греческие, играют важную роль на протяжении всего периода правления династии тиранов. Крез собрал отряд наемников еще до того, как стал царем, Nic. Dam. fr. 65, F.H.G. III. p. 397; наемники сражались за Креза против Кира, Hdt. I. 77; ср. Radet, Lydie, p. 261.

756. Nic. Dam. fr. 49; F.H.G. III. p. 385.

757. Rep. II. 359d; ср. Cic. de Off. III. 9 (38); Suid. s.v. Γύγου δακτύλιος.

758. Nic. Dam. F.H.G. III. p. 382; ср. Gelzer, Rhein. Mus. XXXV. pp. 515 f.; Radet, pp. 80 f.; ср. также Hdt. I. 8.

759. Lydie, pp. 89, 120.

760. Ср. ниже, с. 149 f.

761. Lydie, p. 224. Невидимость Гигеса Раде, стр. 153, сравнивает с невидимостью Дейокса Медийского, который, став царем, скрылся от глаз своих подданных, ὁρᾶσθαι βασιλέα ὑπὸ μηδενός, Hdt. I. 99.

762. N.H. XXXIII. 4.

763. Гельцер, Рейн. Mus. XXX. pp. 256 f. Согласно Евсевию, Мидас стал царем в 738 г. до н. э. .

764. Hammer, Zeits. f. Num. XXVI. 4; сам Мидас работал на рудниках горы Бермион, Страбон XIV. 680. Слава фригийцев как металлургов восходит к мифическим временам, см. Schol. Ap. Rhod. I. 1129, с которым согласны. Diod. V. 64; Clem. Alex. Strom. I. p. 360 (132 edit. Sylburg.).

765. Отметим, что Келайнай (дом богатого Питеса, см. выше, с. 140), расположенный в Восточной Фригии у истоков Меандра, занимал "центральную точку, от которой во все стороны расходились торговые пути. Он стал торговым узлом, где товары, прибывающие по караванным путям с Востока, упаковывались в сундуки для отправки в различные морские порты". Эти слова (Head, Hist. Num.⁽²⁾ p. 666) относятся к Апамее, которая из-за своей оккупации получила прозвище Киботос (Ящик), но Апамея была лишь переработанной версией Келайная, который лежал на возвышенности над ней и был вытеснен нижним городом во времена Антиоха I.

766. Овидий, Met. XI. 100 f.; Hyginus, fab. 191.

767. Опрос. IX. 83; так же Гераклид, F.H.G. II. p. 216; Раде, p. 160, остро доказывает на основе ассоциации здесь Кима и Фригии, что этот рассказ связывает изобретение денег с великим караванным путем, главным пунктом которого был Ким до возвышения лидийской Мермнады, около которой он был заменен Эфесом, греческим городом, с которым лидийцы поддерживали самые дружеские отношения; ср. Ramsay, J.H.S. IX. (1888), pp. 350 f., затем S. Reinach, Chroniques d'Orient, I. p. 574, Radet, Lydie, p. 172.

768. Hdt. I. 14.

769. Polyaeen. VII. 5 заставляет Мидаса обеспечить себе престол (Μίδαν τύραννον ἀνηγόρευσαν), "притворяясь, что совершает ночью обряды в честь великих богов".

770. О Мидасе и кольце см. также K. F. Smith, Amer. Journ. Phil. XXIII. p. 273.

771. Аристотель. (?) Mirab. Ausc. 45, 47 (833b).

772. Страбон XIII. 591, XIV. 680. См. также Radet, Lydie, p. 44, о Eurip. Bacch. 13.

773. Страбон XIII. 590-1, XIV. 680; ср. Xen. Hell. IV. viii. 37.

774. Неизвестно, когда река была впервые использована, но можно с уверенностью предположить, что в ранний период. Золото, промытое в Фазисе, как говорят, было целью аргонавтов (Strabo XI. 499; ср. Hammer, Zeits. f. Num. XXVI. p. 4). В Египте "золото воды", т. е. речное золото, упоминается около 1200 г. до н. э. (Lepsius, Abh. Berl. Akad. 1871, p. 35). Омовение в Пактоле восходит, по крайней мере, к нескольким поколениям после Креза (Strabo XIII. 626; ср. Dio Chrys. Orat. 78, Teubner, p. 280).

775. Дон Жуан, XII. xii. О Гигесе и Аладдине см. F. Smith, Amer. Journ. Phil. XXIII. p. 271.

776. Э. Мейер, Ges. d. Alt. I. p 580; ср. Regling ap. Pauly Wissowa s.v. Geld, p. 972.

777. Ridgeway, Orig. Металлическая валюта, с. 35 f., 44, 82, 128, 242, 399 f.; Babelon, Origines, chap. II. Кольца, по-видимому, не всегда имели фиксированный вес, но кольцо, особенно если оно не закрыто, является очень удобной формой для взвешивания, v. Bergmann, Num. Zeits. 1872, pp. 172-4.

778. Страбон XIII. 590, см. выше, с. 148.

779. Бытие XXIV. 22; ср. Иов XLII. 11.

780. Macdonald, Coin Types, p. 52; cp. Brandis, Zeits. f. Num. I. p. 55.

781. Macdonald, Coin Types, p. 46.

782. Cp. Diog. Laert. I. 2. 9 (из закона Солона), δακτυλιογλύφῳ μὴ ἐξεῖναι σφραγίδα φυλάττειν τοῦ πραθέντος δακτυλίου.

783. См. Macdonald, Coin Types, p. 45.

784. Я склоняюсь к мнению, что типы отчасти геральдические (*например*, лев), но я не вижу в аргументах Макдональда ничего, что могло бы опровергнуть содержательное объяснение Риджуэя о том, что многие ранние типы монет указывают на предыдущую единицу обмена (*например*, рыба-тунни или черепаховый панцирь; см. Ridgeway, Cambridge Companion to Greek Studies, § 503).

785. Xen. de Vect. IV. 21, где речь идет об общественных рабах; Ael. V.H. II. 9 (саамские пленники, клейменные совой).

786. Фотий, F.H.G. II. p. 483.

787. Плут. Никиас, 29, пленных афинян в 413 году клеймили на лбу конем, но после клеймения их продавали как домашних рабов (οἰκέται), что делает возможным, что клеймение было актом простой мести.

788. Тимберы Амфоры Линдоса, Копенгаген, 1909.

789. Cic. de Off. III. 38; Lucian, Nav. 42, Bis Acc. 21; Филострат, Vit. Apoll. III. 8; Plato, Rep. 612b. Версия, согласно которой герой является предком Гигеса, встречается у Прокла, Comm. in Remp. 614b (Teubner, II. p. 111).

790. Поллукс III. 87, VII. 98.

791. Бабелон, рассказывая о происхождении денег, справедливо отмечает (Origines, p. 167), что "в целом князь имеет в своем распоряжении большее количество драгоценного металла, чем любой банкир или купец". Однако этот факт не влияет на наш аргумент. Как отмечает далее сам Бабелон, князья этого периода, как и современные монархи на Востоке, "имели в своих сокровищницах огромное количество золотых и серебряных слитков". Он приводит в пример Мидаса, Алятта, Креза и Дария, которые чеканили монеты в соответствии со своими различными потребностями из этого запаса. Но есть один момент, которого Бабелон не касается. Что послужило началом чеканки монет этими монархами? Если, как предполагает Бабелон, дело было просто в том, что предыдущие частные монетчики поставляли плохие монеты, то положение монет находится на одном уровне с положением любого другого товара. Можно было бы ожидать, что мы услышим о королях, которые стали мясниками и пекарями, чтобы обеспечить своих подданных хорошим хлебом и мясом. Поэтому более чем сомнительно, что инициатива могла исходить от правящего государя. Представлять себе снова народный шум за государственный контроль, как это делает Бабелон (Babelon, *ibid.* pp. 168-9), - это, пожалуй, анахронизм. Платформа была бы слишком конструктивной и оригинальной для народной агитации. Как правило, конструктивные движения начинаются или, по крайней мере, формируются благодаря выдающимся личностям. Параллели с более поздними периодами, такие как приведенные Бабелоном, стр. 171, опасны. Население, конечно, может требовать восстановления утраченных прав и преимуществ, в том числе и государственной монеты. В рассматриваемое нами время не было прецедентов, которые могли бы привести к появлению государственной валюты. С другой стороны, ситуация,

задуманная Бабелом или мной, предполагает наличие выдающихся личностей в меркантильном классе. Именно среди них, несомненно, наиболее естественно искать зачатки как государственной монеты, так и новой государственности, которая возникла вместе с ней. Это, конечно, не означает, что иногда монарх старого режима не понимал ситуацию и сам не вводил государственную чеканку. В качестве примера можно привести Фидона Аргосского.

792. Hdt. VI. 127.

793. См. ниже, с. 156-158.

794. Aristot. Pol. VII. (V.), 1310b.

795. J.H.S. XXVI. p. 140. Отметим, что в более поздние времена Фидон считался типичным скрягой, οἱ λοιποὶ τῶν Ἀθήνησι νεοπλούτων Φεῖδωνός τε εἰσὶ καὶ Γνίφωνος μικροπρεπέστεροι, Alciphron, III. 34, где, однако, это утверждение может быть выводом из имени.

796. Strabo VIII. 376, "Эфор говорит, что в Эгине деньги впервые были отчеканены Фидоном"; Marm. Par. (Jacoby) под 895 г. до н. э. "Фидон Аргивский ... сделал серебряную монету в Эгине (ἄφ' οὗ Φεῖδων ὁ Ἀργεῖος ἐδήμειυσε τὰ μέτρα καὶ σταθμὰ κατεσκεύασε καὶ νόμισμα ἀργυροῦν ἐν Αἰγίνῃ ἐποίησεν)": Et. Mag. s.v. ὀβελίσκος, "первым из всех людей, кто чеканил монету, был Фидон Аргивский в Эгине"; Eustath. Комм. Iliad. II. 562, "серебро впервые было отчеканено Фидием (*sic*) там (*sc. in Aegina*)". Так же, но без упоминания Эгины и с намеком на другие металлы, кроме серебра, поступает Страбон VIII. 358, "и он (Фейдон) изобрел меры, называемые фейдонскими, и гири, и чеканку монет, особенно серебряных", и Поллукс IX. 83, "кто первым начал чеканить деньги - Фидон Аргивский или Демодика Кимрская, вышедшая замуж за Мидаса Фригийского, или Эрихтоний и Ликос, или лидийцы, или наксийцы". Аэлиан, V.H. XII. 10, в перечне достижений эгинетян упоминает об изобретении ими денег: у него нет случая упомянуть Фидона, а скорее наоборот, так что из опущения имени нельзя сделать никакого вывода.

797. Об Эгине как о первом месте в Греции, где начали чеканить монеты, см. Пиндар, Isthm. IV. (V.), 1-3:

Μᾶτερ Ἀελίου πολυώνυμε Θεία

σέο γ' ἔκατι καὶ μεγασθενῆ νόμισαν

χρυσὸν ἄνθρωποι περιώσιον ἄλλων.

Утверждение Et. Mag. s.v. Εὐβοικὸν νόμισμα, что "аргосский царь Фидон чеканил золотые монеты в Эвбее, местечке в Аргосе", является, очевидно, безнадежной путаницей. Об эгинетской черепахе как монете Пелопоннеса см. Pollux IX. 74.

798. Pace Macan, Hdt. IV.-VI., vol. I. p. 382. См. *например*, Hill, Hist. Greek Coins, p. 4; Regling *ap. Pauly Wissowa* s.v. Geld, p. 975; около середины седьмого века, Head, Hist. Num.⁽²⁾ p. 394; скорее после, чем до 650 г., Willers, Roem. Kupferpräg. pp. 8-9, Svoronos, J. I. d'A. N. V. p. 44; около 620 г. Earle Fox, Corolla Num. B. V. Head, pp. 40, 46; конкретных доказательств нет, но более ранняя дата кажется гораздо более вероятной, особенно после обнаружения критских и кипрских отвалов и монет из Эфеса, о которых говорилось в предыдущей главе.

799. Satyrus, fr. 21, F.H.G. III. p. 165; Marm. Par. F.H.G. I. pp. 546-7. Теопомп (*ap. Diod. VII. fr. 17* и Syncellus, F.H.G. I. p. 283) делает Фидона шестым от Теменоса, но это может быть связано со

случайным пропуском имени. Родословные царского дома Македонии пятого века см. в Hdt. VIII. 137-9.

800. Busolt, Gr. G.⁽²⁾¹. p. 616.

801. О Караносе см. также: Justin VII. 1. How and Wells, *ad* Hdt. VI. 127, ошибочно ссылаются на Теопомпа, который делает Караноса братом Фидона.

802. Отсюда и дата 894 г. до н. э., присвоенная Фидону Парийским мрамором.

803. Страбон VIII. 358; ср. Paus. II. 19. 2.

804. Пиндар, Нем. стр. 255.

805. См. далее Busolt, Gr. G. I.⁽²⁾^p. 619, n. 2, и текст. Длинные родословные ни в коем случае не являются безошибочным материалом для установления точной даты. Всегда есть вероятность того, что сын, умерший раньше своего отца, мог быть исключен из списка. В родословной Ганноверского дома можно легко опустить Фредерика, отца Георга III, как это фактически сделал Теккерей, который в XXX главе "Виргинцев" говорит о прадеде королевы Виктории, имея в виду Георга II.

806. Hdt. VI. 127.

807. Ср. Schol. Пиндар, Ол. XIII. 17, παῖδας εἶπεν ... ὡς ἀπογόνους. Употребление поэтическое, и если его принять, то оно может указывать на поэтический источник истории об Агаристе.

808. Bury, Pindar, Nem. pp. 255-6. Аргументы Бури едва ли затронуты вопросом (Макан, Hdt. IV.-VI., т. I. *ad* VI. 127. 11; ср. *ibid.* *ad* VI. 127. 2) о том, возможен ли аргивянин и дориец в качестве жениха Агаристе.

809. Ap. Gercke u. Norden, Einleit. i. d. Altertumsw. III. pp. 80-105.

810. См. ниже, с. 159.

811. Hdt. V. 113.

812. Paus. II. 19. 2.

813. Beloch, Gr. G.⁽²⁾¹. ii. pp. 193 f., следуя за Wyttenbach: см. Hitzig и Bluemner, Paus. II. 19. 2.

814. Возможно, его также следует приравнять к роскошному Лакиду, царю Аргоса, из Plut. Mor. 89e.

815. Hdt. VII. 149.

816. Ср. Paus. IV. 35. 2, Дамократид, царь во время второй Мессенской войны, который не фигурирует в списке Теопомпа. Плут., *de Fort. Alex.* 8 (Mor. 340c), фактически заявляет, что царский род Гераклидов вымер и что некий Эйгон был указан оракулом в качестве их преемника. Об этой династической смене нет ни намека в "Феопомпе". Современные скептики, опять же, с недоверием относятся к любому утверждению о Фидоне, не содержащемуся в Hdt. VI. 127, сомневаются в царском происхождении Фидона, считая его выдумкой Феопомпа, дальше которого оно не прослеживается. Но если предположить, что Феопомп прославил Фидона в угоду македонской царской семье, то следует предположить,

что последние с самого начала стремились к тому, чтобы их связь с Фидоном стала заметной, чего вряд ли бы произошло, если бы Фидон считался выскочкой; ср. Hdt. VIII. 137.

817. Paus. VI. 22. 2.

818. Впервые предложено Фальконеом, *ad* Strab. VIII. 355, и впервые подробно рассмотрено Вейссенборном, Hellen, pp. 18 f.; принято Бузольтом, Бури и Маканом, а также многими более ранними учеными, см. E. Curtius, Gr. G. I.⁽⁶⁾ p. 660, n. 72.

819. Paus. VI. 22. 2.

820. Страбон VIII. 355.

821. Унгер, Филол. XXVIII. (1869), pp. 399 f., затем Данкер, Ges. d. Alt. V.⁽⁵⁾ p. 546; Holm, Hist. Greece (Eng. trans.), I. p. 213; Reinach, L'Hist. par les Monnaies, p. 35; Radet, Rev. Univ. du Midi, 1895, pp. 120-1; P. Gardner, Earliest Coins of Greece Proper, p. 7; и весьма условно - Head, Hist. Num.⁽²⁾ p. xlv.

822. Philol. XXVIII. стр. 401 f.; Euseb. Chron. I. 33, Olymp. 28, "элейцы были заняты войной с димейцами".

823. Страбон VIII. 358.

824. J.H.S. II. pp. 164-178.

825. Busolt, Gr. G.⁽²⁾ I. p. 586.

826. Плут. Нума, 1.

827. К. Мюллер, Aeginetica, p. 58, игнорируется Якоби, Marm. Par. (1904), pp. 158-162.

828. См. далее: Bury, Pindar, Nemeans, pp. 253-4, и там же, где Bury обсуждает связь тиранов с великими играми.

829. Ridgeway, Orig. Met. Curr. p. 216.

830. Svoronos, J. I. d'A. N. V. (1902), p. 44: другой их главный монетный двор находился в Александрии.

831. Например, Head, Hist. Num.² pp. xlv, 394-5; G. F. Hill, Hist. Greek Coins, p. 4; ср. Babelon, Origines, pp. 211-3; Earle Fox, Corolla Numis. B. V. Head, p. 34.

832. Например, Th. Reinach, Rev. Num. 1894, pp. 2-3; P. Gardner, Earliest Coins Greece Proper, p. 8; F. Caer ap. Pauly Wissowa s.v. Argolis, p. 733; Macan, Hdt. IV.-VI. т. I. с. 382; How and Wells, Hdt. т. II. с. 117-8.

833. Lehmann-Haupt, Hermes, XXVII. (1892), p. 557; Beloch, Gr. G.⁽²⁾ I. ii. p. 196.

834. Плут. Lys. 17; Pollux VII. 105; IX. 77-8; ср. Plut. Fab. Max. 27; Hdt. II. 135; и, возможно, Caes. B.G. V. 12 (чтение "taleis" против "anulis").

835. Jevons, Money²³, p. 28.

836. См. Homolle *ap.* Saglio, Dict. Ant. s.v. donarium, pp. 374, n. 155 и 378. Вряд ли стоит удивляться (см. Th. Reinach, Rev. Num. 1894, p. 5), что ни один из приведенных там примеров не является современным первому зафиксированному событию в греческой истории. Психология Рейнаха также не является обоснованной, когда он утверждает (там же), что

отдавать то, что больше не нужно, - это действие, которое по своему сентиментальному или археологическому характеру выдает довольно недавнюю эпоху. Рейнах, *Rev. Num.* 1894, pp. 1-8, отмечает, что древние часто хранили в своих храмах образцы весов и мер, и приводит примеры из Афин, Делоса, Лебадеи, Рима (см. также *Homolle ap. Saglio, Dict. Ant. s.v. donarium*, n. 176), тогда как другого определенного случая посвящения вышедшей из употребления валюты не существует (*Paus. X. 14. 1*, посвящение в Дельфах двойного топора Периклитом Тенедосским, так интерпретируется Бабелом, *Origines*, pp. 75 f., 208, но см. *Regling ap. Pauly Wissowa s.v. Geld*, p. 974 и ссылки там же. В храмах были найдены монеты с надписями ἀνάθεμα (посвящение) и ἱερὸν (священный), *Babelon, Origines*, p. 208, но они могут быть ближе по намерениям к современной оффертории, чем к предполагаемому посвящению Фидона). Поэтому он утверждает, что ὀβελίσκοι не были вызваны Фидоном, а впервые изданы им: Таким образом, изобретение Фидона становится чем-то, что произошло в Аргосе, а не в Эгине, и должно быть отнесено по крайней мере к VIII веку. Рейнах, соответственно, датирует тирана восьмой Олимпиадой (748 г. до н. э.). Его предположение имеет вес только в том случае, если оно рассматривается как наиболее вероятная дата для Фидона, против чего см. выше, с. 159-160.

837. Svoronos, J. I. d'A. N. IX. (1906), pls. X.-XII. Для связи железных плевков с чеканкой в Аргосе ср., возможно, аргивские железные монеты обычной формы и типа, *Koehler, Ath. Mitt.* VII. pp. 1-7, датируемые, однако, только четвертым веком до н.э.

838. *Tiryns*, I. p. 114. Из этого не следует, что это были демонизированные подношения, а не стандартные образцы. Косы нового образца могли циркулировать одновременно с новой серебряной чеканкой. В Фивах и Спарте очень тяжелые железные косы использовались в качестве валюты уже в четвертом веке, *Plut. Fab. Max.* 27; *Lysand.* 17. С другой стороны, плевки, опубликованные де Ку в Аргивском Герае (т. II. с. 300-323, pls. CXXVII.-CXXXII.; ср. т. I. с. 63), похоже, относятся в основном к геометрическому периоду и опровергают мнение, что валюта в виде плевка была введена Фидоном и продолжала использоваться после него.

839. *V.* 82-89.

840. *Hdt. V.* 83; ср. *VIII.* 46 и *Paus. II.* 29. 5.

841. *Hdt. V.* 83. "Талассократия могла быть местной и относиться к Эпидавру", - *Макан, ad loc.*

842. *Hdt. V.* 88.

843. Поэтому также, согласно Хау и Уэллсу, маловероятно, что аргивяне, помогавшие Эгине, были просто наемниками.

844. *Hdt. V.* 84.

845. Ср. ἔκ τόσου, *Hdt. V.* 88 (89), и *Макан, ad loc.*

846. *Macan, Hdt. IV-VI. vol. II. p. 106*; ср. *How and Wells, Hdt. V.* 86. 4; так же *K. Мюллер, Aeginetica*, p. 73 ("coniectura satis uaga"), *F.H.G. II. p. 481*; *Duncker, Ges. d. Alt. IV.*⁽¹⁾ p. 312, n. 1; *Helbig, Homer. Epos.*⁽²⁾ p. 162; *Hirschfeld ap. Pauly Wissowa s.v. Aigina*, p. 966; *Amelung, ibid. s.v. χιτών*, p. 2327; *Studniczka, Altgr. Tracht*, p. 4; *Abrahams, Gk. Dress*, p. 39.

847. *Macan, Hdt. IV-VI. т. II. с. 106*, успешная война с Мегарой, завоевание Саламины, новая чеканка монеты, развитие торговли и коммерции, покровительство Делоса.

848. *Pace Duncker, Ges. d. Alt. VI.*⁽⁵⁾ p. 52.

849. How and Wells, Hdt. V. 84. 1.
850. Hdt. V. 87.
851. Hdt. I. 61; Aristot. Ath. Pol. 17; cp. Hdt. V. 94; Plut. Cato Mai. 24.
852. Studniczka, Altgr. Tracht, p. 4.
853. Hdt. III. 50-52; Her. Pont. *ap.* Diog. Laert. I. 7. 1; Paus. II. 28. 8; Athen. XIII. 589 f.
854. Его тесть, как говорят, погиб во время второй Мессенской войны; cp. Diog. Laert. I. 7. 1 со Страбоном VIII. 362; Paus. IV. 17. 2, 22. 7.
855. Aeginetica, pp. 63-73.
856. Plut. de Pyth. Or. 19 (Moral. 403). Ни рассказ Плутарха, ни вывод Мюллера не подтверждаются тем фактом, что история о сватовстве дочери Прокла цитируется Афинеем XIII. 589 f. из "Пифагнета в его третьей книге об Эгине".
857. Hdt. V. 88; cp. Athen. XI. 502c.
858. Этот факт затушевывается переводом отрывка Хоппина, Argive Heraeum II. p. 175, который переводит τῶν θεῶν τούτων "их боги", ἱρόν "храмы" и опускает αὐτόθι.
859. Макан, Hdt. IV.-VI. *ad loc.*; cp. How and Wells, *ad loc.*
860. Ниже, Приложение В.
861. См. его продолжение, если продолжение было, при тиранах. Об Афинах, не имевших флота около 650 г. до н. э., см. В. Keil, Solon. Verfass. p. 94. Об Афинах и Митилене см. Е. Meyer, Ges. d. Alt. II. sect. 402, n.
862. Е. Meyer, *ibid.* sect. 403 n.
863. Plut. de Exil. 10 (Moral. 603) (Киклады заселены сначала сыновьями Миноса, затем Кодроса и Нилоса); Plut. Solon, 26 (Айпея на Кипре основана сыном Тесея).
864. Bacchyl. XVI.; cp. Paus. I. 17. 3. Тесей достает кольцо, чтобы доказать, что он истинный сын Посейдона, и приносит с ним корону.
865. Perrot et Chipiez, X. pl. ix.; Buschor, Gr. Vasenmal.¹fig. 113.
866. S. Reinach, Cultes, Mythes, et Relig. II. p. 218. Связь Тесея с Трезеном, Paus. I. 27. 7, указывает на то, что Афины того периода были могущественны в Сароническом заливе.
867. Rev. Arch.³XXV. (1894), pp. 14-15. Добавить Arch. Eph. 1898, pl. V. 1 (Элевсис).
868. Mém. Acad. Inscr. et B.-L. XXXVI. (1898), p. 390.
869. *Ibid.* p. 421, на основе Brueckner и Pernice, Ath. Mitt. XVIII. (1893), p. 153. Дальнейшее обсуждение этого военно-морского вопроса см. ниже, Приложение С.
870. Например, Lady Evans, Greek Dress, pp. 24 и 29; cp. p. 28: Studniczka, Ges. Altgr. Tracht, pp. 13, 29; Helbig, Epos.²pp. 162-163.
871. См. ниже, Приложение D.
872. Моя жена готовит доклад на эту тему.

873. Плут. Sol. 21.

874. Bury, Hist. Greece ², p. 174.

875. Например, 346 железных брошей (peronai) в сохранившемся (V в.) инвентаре этого храма, Furtwaengler, Berl. Phil. Woch. 1901, pp. 1004-5, 1597-9.

876. Кольца, стр. 35, 394; ушные кольца, стр. 35; фибулы (но не со штифтами), стр. 42. Добавить Brit. Mus. Cat. Jewellery, ранняя греческая фибула no. 1089 (Родос); Furtwaengler, Winckelmannspr. 1883, pp. 5-10, архаичные греческие золотые украшения, найденные в Веттерфельде, все они, по-видимому, весили несколько кратных аттических драхм. По вопросу о кольцевых деньгах см. выше, глава V, с. 148. Риджуэй критикуется Свороносом, J. I. d'A. N. IX. p. 184, который, однако, признает тот главный факт, что "ювелиры обычно делают свои украшения из определенного веса металла в согласии с распространенным стандартом веса". Разумеется, мы должны остерегаться делать выводы на основе практики таких мест, как современная Нигерия, где местные ювелиры имеют привычку изготавливать кольца и другие предметы из монет, поставляемых для этой цели их клиентами, см. *например*, J. W. Scott Macfie, Rev. d'Ethn. et de Sociol. 1912, p. 282.

877. Как и в Aristot. Ath. Pol. 10, "увеличение μέτρα и σταθμοί".

878. Изобретение Фидона описано Плинием, N.H. VII. 57 как относящееся к "mensuras et pondera".

879. Suid. s.v.; Harpocrat. s.v.

880. Ср. опись Делоса.

881. *Например* (дидрахмы), J. I. d'A. N. 1912, pp. 17, 18, № 1727, 1728, 1732 (12-06, 12-14, 12-26); Hermes, XXVII. p. 558 (13-44); ср. Head, Hist. Num.⁽²⁾ p. xlv. Заметим, однако, что Виллерс, Roem. Kupf. p. 9, в Brit. Mus. 38, очень архаичные весят 11-713; 20 более продвинутых весят 12-266.

882. P. Gardner, Hist. of Anc. Coinage, p. 152.

883. *Например*, J. I. d'A. N. 1912, pp. 1, 3, драхмы №№ 1038, 1044, 1083, 1093 (3-60, 4-12, 4-10, 3-95), дидрахмы №№ 1042, 1043 (8-48, 8-20).

884. Из весов, найденных в Наукратисе, Петри, Naukratis, I. pp. 83-4, 87, отмечает, что самые ранние эгинетские - самые тяжелые, самые ранние аттические - самые легкие.

885. Согласно Поллуксу IX. 76, эгинетская драхма содержала десять аттических оболов и, таким образом, была чуть более чем в два раза тяжелее аттической драхмы, которая содержала шесть аттических оболов. Это утверждение нелегко объяснить. Сомнительно, к какому периоду оно относится.

886. Ridgeway, Metallic Currency, pp. 219-228; ср. ibid. 307, 311, и J.H.S. VIII. (1887), pp. 140 f.; ср. также Head, Hist. Num.⁽²⁾ p. 395.

887. О постепенном росте стоимости серебра см. Reinach, Hist. par les Monnaies, pp. 72-3; в 438 г. до н. э. золото относилось к серебру как 14 : 1, в 408 г. - как 12 : 1, в 356 г. - как 10 : 1. О падении веса аттических серебряных изделий, выбитых по золотому стандарту, см. падение веса гомеровского золотого таланта в 135 зерен до персидского золотого дарика в 130 зерен, Ridgeway, Met. Curr. p. 126.

888. Hdt. VI. 127; ср. Плиний, N.H. VII. 57. 7; Euseb. Chron. anno Abrahami 1201; Jerome, anno Abrahami 1198.
889. Pollux IX. 74.
890. Келер, Рейн. Mus. XLVI. (1891), p. 3.
891. Wilamowitz, Aristot. u. Athen. II. pp. 280-288; так же Э. Мейер, Ges. d. Alt. II. sect. 341 n. (p. 538).
892. Hdt. VI. 87-93.
893. Там же. VI. 92.
894. Ср. Soph. O.T. 1269; Eurip. Нес. 1170.
895. Hdt. VI. 92, IX. 73-5.
896. Thuc. I. 41; ср. надпись *ap.* Koehler, Rhein. Mus. XLVI. (1891), p. 5, n. 1.
897. Макан, Hdt. IV-VI. vol. II. p. 103.
898. *Ibid.* p. 106.
899. Ср. Масан, Hdt. IV-VI. vol. II. p. 107.
900. Поллукс IX. 76.
901. Страбон VIII. 358.
902. Выше, стр. 162-4.
903. Ал. Страбон VIII. 358.
904. Платон, Законы, III. 683c-d; Diod. VII. 13.
905. Страбон VIII. 389; Paus. II. 29. 5, VII. 4. 2; ср. Hdt. VIII. 46, но в отличие от Schol. Pind. Ol. VIII. 39, "некий Триакон из Аргоса заселил Эгину". Мюллер, Aeginetica, p. 67, примиряет две версии, утверждая, что Деиофонт "per Triaconem Aeginam оссураве́рат". Триакон появляется в Tzetzes, Chil. VII. 133 (ll. 317, 319) как развивающий эгинское судоходство после Эака:
- ὁ Αἰακὸς κατάρξας δὲ ποιεῖν αὐτοῖς ὀλκάδας
ὥσπερ καὶ μετὰ θάνατον τοῦ Αἰακοῦ Τριάκων.
906. Беспорядки, приведшие к войне, начались с отказа эпидавров сделать ежегодную выплату Афинам, Hdt. V. 82, 84.
907. Hdt. I. 82.
908. Страбон VIII. 358.
909. Paus. II. 24. 7.
910. К. Мюллер, Aeginetica, p. 53.
911. Strabo VIII. 362; Paus. IV. 14. 8, 15. 1, 7, 17. 7. Белох и его последователи, например, Костанци, Riv. Stor. Ant. V. p. 522, следуют их общей практике и датируют войну более поздним временем.

912. Hdt. III. 47.

913. Thuc. I. 13.

914. παγὰς ἀργυροπίζους, Stesich. fr. 4 (5). Река - Баэтис (Гвадалквивир).

915. Hdt. IV. 152. О стремлении эгинетян к испанскому Эльдorado см., возможно, Пиндар, Nem. III. 21, IV. 69.

916. C. Mueller, Aeginetica, p. 73.

917. F.H.G. II. p. 481. Дурис заставляет спартанцев занять место аргивян, а незадачливого афинянина ослепляет перед тем, как предать его смерти. Дурис, однако, явно основывается на Геродоте: Спартанцы заменены на аргивян как враги Афин под влиянием пятого века, и добавлено немного археологии, заимствованной, возможно, из Фукидида, I. 6. Место этой истории в повествовании Дуриса может указывать на его мнение (не обязательно правильное) относительно ее даты, но мы знаем только, что она произошла во второй книге его "Горы" (Schol. Eurip. Нес. 915, где сохранился фрагмент: "ἐν τῷ ἰβ τῶν Ὀρῶν"; "recte procul dubio Hullemannus ἐν τῷ β", F.H.G. *ad loc.*), где упоминаются события шестого века, и, возможно, речь идет также о седьмом.

918. Paus. II. 6. 7, 7. 1, 13. 1; ср. Страбон VIII. 389.

919. Hdt. V. 67, война Клисфена, третьего тирана из рода, с Аргосом и его способ побудить аргивского героя Адраста, который был похоронен в Сикионе, покинуть город.

920. Paus. IV. 15. 1, 23. 4. Это более веское доказательство, *pase Hicks, Cambridge Comp. Greek Stud.*^{(1) p. 58, n. 3}, чем Plut. Moral. 194 (Reg. et Imp. Apoph.), где Эпаминондас, выступая в 369 г. до н. э., заявляет, "что он вновь основал Мессену после 230-летнего перерыва". Плутарх с равным успехом может быть использован в качестве доказательства того, что исчезновение архаичной Мессены не совпало с окончанием второй Мессенской войны.

921. Paus. IV. 15. 7, 17. 7.

922. Ср. Paus. II. 6. 7, 7. 1: "Фалкс, сын Теменоса, со своими дорийцами захватил Сикион"... "с того времени сикионцы стали дорийцами и вошли в состав Арголиды".

923. О том, что произошло в этот период, см. ссылки ниже, с. 183, н. 3. О тирании в Сикионе см. ниже, глава IX.

924. Страбон VIII. 389, ср. 369, 335; Ptol. III. 14. 33, 34.

925. II. VI. 152, ἔστι πόλις Ἐφύρη μυχῷ Ἀργεος ἱπποβοτοῖο.

926. Paus. II. 1. 1.

927. Paus. II. 4. 2 (перевод Фрейзера). "Как и любой внимательный читатель Гомера, я убежден, что Беллерофон был не независимым монархом, а вассалом Проэта, царя Аргоса. Известно, что даже после того, как Беллерофон переселился в Ликию, коринфяне все еще подчинялись владыкам Аргоса или Микен. В армии, напавшей на Трою, коринфским контингентом командовал не отдельный генерал, а бригада микенских и других войск под командованием Агамемнона".

928. Аполлодор II. 8. 4.

929. Плут. Amat. Narr. B (Moral. 772); Schol. ap. Rhod. Arg. IV. 1212; см. также Diod. VIII. 10; Alex. Aetol. Anth. Lyr. I. 208; Max. Tyr. (ed. Teubner), XVIII.: ср. Wilisch, Jahrb. Class. Phil. 1876, pp. 586 f.

930. Клейстен, тиран Сикиона, относился с особой благосклонностью к одному из ухажеров своей дочери, "потому что тот был в родстве с Кипселидами из Коринфа", Hdt. VI. 128 (цитируется Гротом в этой связи). О дружбе между Коринфом и Сикионом в это время см. также, возможно, Nic. Dam. F.H.G. III. p. 395; ср. Wilisch, Goett. Gel. Anz. 1880, II. p. 1195.

931. Thuc. VI. 3, 4; Фукидида следует предпочесть Страбону VI. 269, 267, который говорит, что первые греческие города на Сицилии включали Сиракузы и были основаны в десятом поколении после Троянской войны (*т. е. около 800 г. до н. э.*, E. Meyer, Ges. d. Alt. II. sect. 302 n.).

932. Jacoby, Marm. Par. p. 158.

933. *Ibid. ad loc.*

934. См., возможно, Платон, Законы, 690d-e.

935. Аристотель. Pol. II. 1265b.

936. Schol. Pind. Ol. XIII. 20.

937. Ad Ol. XIII. 27.

938. Необходимо привести длинную цитату, чтобы проиллюстрировать умонастроение нашего авторитета. Он объясняет τίς ὕψις ἰππεύουσιν ἐν ἔντεσσιν μέτρα ἐπέθηκε, Ol. XIII. 27, таким образом: "под шестеренками он подразумевает кварталы и бушели по причине их пустоты... теперь об этих шестеренках для мер он говорит, что изобретателями были коринфяне. Но почему он назвал их конными? Потому что Фидон, который первым выбил для коринфян их меры, был аргивянином, а поэты называют Аргос конным: Eurip. (I.T. 700), "когда в Элладу и в конный Аргос ты придешь".

939. Юстин VII. 1; ср. выше, с. 156.

940. Страбон VII. 326.

941. О том, что жребий Теменоса был действительно растрянжирен, см. Paus. II. 26. 2, 28. 3; VIII. 27. 1; II. 36. 5; III. 7. 4; IV. 8. 3, 14. 3, 34. 9.

942. F.H.G. III. p. 378, fr. 41.

943. Владычество аргивского тирана в Коринфе принимается, но переносится в восьмой век Унгером, Philol. XXVIII. pp. 399 f., XXIX. pp. 245 f., и Вилиш, Neue Jahrb. 1876, pp. 585 f.

944. Своронос в J. I. d'A. N. V. p. 42 утверждает, что некоторые из самых ранних "черепаш" являются плохими деньгами (κίβδηλα), и предполагает, что Фидон разбавил монету, когда его благосостояние стало уменьшаться к концу его правления. Это предположение не имеет прямых подтверждений, но оно согласуется с тем, что известно о падении тирании в других местах, в частности в Афинах, где оно совпадает с потерей пайонских рудников, и в Риме, где Таркин пал, "исчерпав общественное благосостояние" (*exhaustus munificentia publicorum operum*).

945. I. 13.

946. Ср. Livy XXXIII. 32; Val. Max. IV. 8. 5; Aristid. Isthmic. p. 102.

947. Thuc. I. 13; ср. Strabo VIII. 378.

948. ср. δυνατωτέρας γενομένης τῆς Ἑλλάδος καὶ τῶν χρημάτων τὴν κτῆσιν ἔτι μᾶλλον ποιουμένης τυραννίδες ἐν ταῖς πόλεσι καθίσταντο, τῶν προσόδων μειζόνων γιγνομένων с οἱ Κορίνθιοι χρήμασι τε δυνατοὶ ἦσαν ... καὶ ἐμπόριον ...; παρέχοντες δυνατὴν ἔσχον χρημάτων προσόδῳ τὴν πόλιν.

949. Возможно, речь идет о традиции, согласно которой художник Бутадеc переселился из (протокоринфского?) Сикиона в Коринф. Плиний, N.H. XXXV. 43 (12).

950. Плиний, N.H. VII. 57 (56), figlinas (inuenit) Coroebus Atheniensis, in iis orbem Anarcharsis Scythes, ut alii Hyperbius Corinthius. Schol. Pind. Ol. XIII. 27 (о достижениях коринфян), Δίδυμος δέ φησι δηλοῦσθαι τὸν κεραμεικὸν τρόχον ἐκ μεταφοῶς.

951. Birch, Hist. Pott. p. 185. О коринфском текстиле см. Barth, Corinth. Comm. pp. 22 f., цитируя Athen. I. 27d, XII. 525d., XIII. 582d, Aristoph. Ranae 440. Об общей промышленной деятельности см. у Страбона 382, γραφικὴ τε καὶ πλαστικὴ καὶ πᾶσα ἡ τοιαύτη δημιουργία; Oros. V. 3, officina omnium artificum atque artificiorum.

952. Из недавних раскопок Американской школы. За фотографию я обязан мисс А. Уолкер.

953. См. ниже, с. 242.

954. Например, 79 ваз в одной могиле на Родосе, Jahrb. I. 144.

955. Gr. G.⁽²⁾¹. 459, n. 6.

956. См., например, историю Демарата и Тарквиния, рассмотренную в главе о Риме.

957. Bluemner, Gewerb. Tätig. 35-37; Wilisch, Jahrb. Gym. Zittau, 1901, p. 7.

958. Гигес использовал коринфскую казну в Дельфах (Hdt. I. 14). Периандр посылал рабов в Алятты (Hdt. III. 49).

959. Восстания из Коринфа Корсиры и Мегары Бусольт (Lakedaim. I. 200) также связывает с возвышением Кипсела. Если они и помогли ему, то, вероятно, путем дискредитации правящих вакхиадов.

960. Gr. G.⁽²⁾¹. 627 (где "седьмой" век является опечаткой "шестого"; ср. p. 651); ср. p. 499 и Wilisch, Jahrb. Gym. Zittau, 1901, p. 25.

961. Brit. Mus. Cat. Coins Corinth, p. xviii; Hist. Num.²ad loc.

962. Самые ранние монеты Греции, стр. 22 f.

963. Aristot. Pol. VII. (V.), 1315b; Nic. Dam. F.H.G. III. p. 392.

964. Hdt. V. 92. 21.

965. Полные ссылки см. в Busolt, Gr. G.⁽²⁾¹. pp. 642-3.

966. Strabo X. 452; ср. Busolt, Gr. G.⁽²⁾¹. 642, который цитирует также Strabo I. 59, Polyb. V. 5. 12.

967. Aristot. Oecon. II. 1346a-b.

968. Suid. s.v. Κυψελιδῶν ἀναθήματα.

969. Cp. Knapp, *Korrespondenz-Bl. Gelehrt-Schulen Wuerttembergs*, 1888, p. 120, n. 1, который сравнивает итальянских тиранов XIV века.

970. Plut. de Ei ap. Delph. 3 (Moral. 385); Dio Chrys. XXXVII. 456M (103 R); Plato, Ep. 2. Недружелюбный Nic. Плотин. F.H.G. III. p. 393, цитирует это мнение, но добавляет τὸ δὲ οὐκ ἦν; cp. Plato, Rep. I. 336; Protag. 343a. Аппиан (Bell. Mithr. 28) не упоминает Периандра, но принимает его утверждение: "из семи названных так мудрецов все, кто занимался активной жизнью, правили и тиранили более дико, чем обычный тиран (ὠμότερον τῶν ἰδιωτικῶν τυράννων)".

971. "Периандр впервые сменил правительство (πρῶτος μετέστησε τὴν ἀρχήν)", - Heraclides, F.H.G. II. p. 213; "Периандр, сын Кипсела, царя Коринфа, получил царство по наследству от своего отца и из дикости и насилия превратил его в тиранию", - Nic. Dam. F.H.G. III. p. 393; "говорят, что Периандр Коринфский первоначально был популярен (δημοτικόν), но затем изменил свою политику и стал тираном", Greg. Cyr. III. 30 = Leutsch, Paroem. Gr. II. p. 89; cp. (почти те же слова) Schol. Hipp. Maj. 304 E; cp. также Diog. Laert. I. 7. 5. Hdt. V. 92. 23 считает раннюю мягкость Периандра переходом от Кипсела, но его рассказ откровенно антикипселидовский.

972. "Кипсел был демагогом и на протяжении всего своего правления оставался без телохранителя: но Периандр оказался тираничным, но воинственным", Aristot. Pol. VII. (V.), 1315b, где предполагаемый демагогизм Кипсела, вероятно, является лишь поздним выводом из подлинной традиции о том, что он не был солдатом: см. гл. I. p. 31. В процитированных в последнем примечании отрывках из Гераклида и Николая сразу же упоминается, что Периандр ввел вооруженную охрану, а Николай добавляет, что "он неоднократно совершал походы и был воинственным". С этим утверждением можно согласиться, хотя контекст последнего отрывка показывает, что на образ тирана Периандра влияет распространенная со времен Аристотеля концепция тирана как военного деспота (см. гл. I. стр. 28 и далее). Изречение καλὸν ἡσυχίᾳ (мир - благо) приписывается Периандру Диогом. Laert. I. 7. 4, но, как известно, подобные высказывания вполне соответствуют самой агрессивной военной политике.

973. Nic. Dam. F.H.G. III. p. 393 (сын Периандра основал Потидею); cp. How and Wells, Hdt. vol. II. p. 341 о Потидее и Эпидамне (основан в 626 г. до н. э. Euseb.; cp. Thuc. I. 24) как контролирующих большую дорогу из Дураццо в Салоники. Дорога проходила через земли Линкестаев, чьи цари претендовали на коринфское происхождение, Strabo VII. 326.

974. Гераклид, F.H.G. II. p. 213.

975. Ник. Dam. ibid.

976. Hdt. V. 92; Aristot. Pol. III. 1284a, VII. (V.), 1311a; Dion. Hal. IV. 56. Майрес, J.H.S. XXVI. pp. 110 f. делает Периандра активным партнером милезской талассократии, которую он датирует этим периодом. Причины не принимать Майреса в отношении милезской талассократии предлагаются в главе о Египте, но его рассказ о морской поддержке Периандром Фрасибула ценен и убедителен. Майрес приводит историю об Арионе и его чудесном приключении с пиратами и дельфинами на коринфском торговом судне, которое везло его ко двору Периандра, Hdt. I. 23-4; Plut. Sept. Sap. Conv. 18 f. (Moral. 161).

977. Hdt. III. 48, 49; Nic. Dam. F.H.G. III. pp. 393-4; Plut. de Mal. Hdt. 22, 23 (Moral. 859-861); Diog. Laert. I. 7. 2. Следовательно, Моверс, Phoen. II. iii. 109, называет Периандра работником; также Wilisch, Goett. Gel. Anz. 1880, p. 1202, Jahrb. Gym. Zittau, 1901, p. 22, n. 9, который также

ссылается на Hdt. VIII. 105 (о Панионе Хиане, который в начале V века "зарабатывал на жизнь", калеча мальчиков, которых "он брал и продавал в Сардах и Эфесе за большие суммы"). Вилиш также, *ibid.* p. 22, делает вывод о том, что ἱερόδουλοι, или посвященные проститутки коринфского храма Афродиты, ввозили из Азии в Коринф женщин-рабынь: см. Athen. XIII. 573; Страбон VIII. 378 и, возможно, 347. Этому мнению не обязательно противоречит Гераклид, который заявляет (F.H.G. II. p. 213), что Периандр утопил всех сводниц в городе (Штейнметц, однако, читает ἀπέδυσσε, раздетых). Гераклида не опровергает тот факт, что Афиней X. 443a заставляет не только Периандра, но и Клеомена или Клеомиса, тирана Метимны, избавляться от свободных женщин таким наполеоновским способом. Двойная ассигнация не решает ни того, правдива или ложна история, ни того, в какую сторону пошло заимствование. Но и Вилиш, и Гераклид могут быть правы. Тиран, торгующий проститутками, мог быть, тем не менее, наиболее суров к нелегальной проституции.

978. Busolt, Gr. G.²II. 466.

979. См. ниже, стр. 212-4.

980. Диог. Laert. I. 7. 6; ср. E. Curtius, Pelop. I. 13; Gerster, Isthme de Corinthe, B.C.H. VIII. (1884), pp. 225 f.

981. Ср. эпитафию, Diog. Laert. I. 7. 3,

πλούτου καὶ σοφίης πρύτανιν πατρὶς ἦδε Κόρινθος

κόλποις ἀγχίαλος γῆς Περὶανδρον ἔχει.

982. F.H.G. III. p. 393; ср. Гераклид, F.H.G. II. p. 213, "положив полный конец приобретению рабов и роскоши". К этим утверждениям скептически относятся Бузольт, Gr. G.⁽²⁾ I. p. 646 (в основном на том опасном основании, что поведение Периандра слишком типично, чтобы быть правдой), и Поэльман, Grundr. Gr. G.¹62, 479, но принимается или защищается Кнаппом, *op. cit.* p. 119; Данкером, G. d. A. VI.⁵63; Вилишем, Jahrb. Gym. Zittau, 1901, p. 17; ср. p. 12; Meyer, G. d. A. II. 621; Beloch, Gr. G.⁽²⁾ I. i. p. 270. Эти авторы в основном объясняют меры как направленные на защиту мелкой домашней промышленности от крупных рабовладельческих фабрик (так, Busolt, Lakedaim. p. 201). Порцио, Cipselidi, p. 235, n., справедливо указывает, что авторы, сохранившие это уведомление, понимали его не так, но ошибочно утверждает, что этот факт является фатальным для объяснения. Собственное объяснение Порцио (что налогообложение Кипселидов привело к недовольству, которое поставило под угрозу тиранов, чьей "главной заботой было опустошить город, заставив своих подданных жить в одиночестве и рассеяться по стране", *ibid.* p. 236) противоречит фактам, которые показывают, что города увеличивались под властью тирании.

983. F.H.G. II. 213.

984. Diog. Laert. I. 7. 5.

985. Ср. Wilisch, Jahrb. Gym. Zittau, 1901, p. 13, "поощрение домашней промышленности, отношение к рабскому труду, введение монетной чеканки - это были главные вопросы для правительства Кипселидов, особенно Периандра"; также Busolt, Lakedaim. I. 202, 211.

986. Страбон VIII. 378; ср. Barth, Corinth. Comm. p. 14. Страбон называет вакхиадов тиранами, вероятно, в более позднем смысле - плохими деспотичными правителями. Заметим, однако, что он связывает их "тиранию" с большим богатством и торговыми связями. "Вакхиады тоже стали тиранами, и, будучи богатыми, многочисленными и из знатного рода, они около

двухсот лет властвовали и безнаказанно эксплуатировали рынок. Кипселус усмирил их и сам стал тираном..... О богатстве, связанном с этим домом, свидетельствует посвящение Кипселуса в Олимпии, статуя из кованого золота большого размера". Бусольт, *Lakedaim. I.* 201-3, считает, что Вакхиды держали промышленность Коринфа в своих руках, использовали в ней множество рабов, которые оказались непреодолимыми конкурентами для толпы *мелких буржуа*, и что Кипсел сделал себя тираном, поставив себя во главе последних. Когда Кипсел стал тираном, рабская конкуренция сошла на нет, и рабочие классы горожан были заняты на многочисленных общественных работах. Бусольт справедливо признает коммерческий элемент во власти Кипсела, но все свидетельства говорят против высокоорганизованной подневольной промышленности в столь ранний период; в самом Коринфе законодательство против подневольного труда приписывается Периандру, и дата принятия этого законодательства позволяет определить, когда подневольный труд впервые серьезно угрожал свободе; эксплуатация рынка вакхиадами свидетельствует не о коммерческих начинаниях вакхиад, а скорее о том, что они держались в стороне от торговли.

987. Это предположение вполне согласуется с туманным утверждением Аэлиана, *V.H. I.* 19, что они пали "из-за неумеренной роскоши" (διὰ τρυφῆν τὴν ἔξω τοῦ μέτρου).

988. Busolt, *Gr. G.*⁽²⁾¹. p. 637; E. Meyer, *Rhein. Mus.* 1887, p. 91.

989. Et. Mag. βλαιοός- ὁ τοῦς πόδας ἐπὶ τὰ ἔξω διεστραμμένος καὶ τῷ Λ στοιχείῳ ἐοικώς- διὰ τοῦτο καὶ Λάμβδα ἐκαλεῖτο ἡ γυνὴ μὲν Ἡτίωνος μήτηρ δὲ Κυψέλου τοῦ Κορίνθου τυράννου. Кнапп, *op. cit.* p. 33, отмечает, что Вакхис, предок Вакхидов, также был хромым, *Heraclid. F.H.G. II.* p. 212.

990. Hdt. *V.* 92. 7.

991. Paus. *II.* 4. 4; *cp. V.* 18. 7.

992. Hdt. *ad loc.*

993. Thuc. *IV.* 42. Его семья жила в Петре, Hdt. *V.* 92. 7, что заставило Кнаппа, *указ. соч. стр.* 33-34, п. 5, сравнить Кипселуса с паладином Роландом, который был сыном сестры Карла Великого Берты и бедного рыцаря по имени Мило. Роланд родился среди скал и был назван Роландом, потому что перекатился через пещеру, в которой родился.

994. F.H.G. *III.* стр. 391-2.

995. *Gr. G.*⁽²⁾¹. p. 636, n. 2.

996. *Sp. Schubring, de Cypselo* (Goettingen, 1862), pp. 62 f.; Wilisch, *Goett. Gel. Anz.* 1880, p. 1198.

997. *Goett. Gel. Anz.* 1880, pp. 1196-1197.

998. Вилиш, *Гетт. Gel. Anz.* 1880, p. 1197; Кнапп, *op. cit.* p. 115; Busolt, *Gr. G.*⁽²⁾¹. p. 637, цитируя *Ar. Pol. VII. (V.), 1310b*, Κύψελος ἐκ δημαγωγίας.

999. *Gr. G.*⁽²⁾¹. p. 637. Так недавно Порцио, *Cipselidi*, p. 180, который считает эфорийскую версию простым усилением Геродота. В некритическом недоверии Порцио соперничает с Паисом (см., *например, op. cit.* pp. 164-5 и *cp. ниже, pp.* 236 f.).

1000. *Sp. Wilisch, Goett. Gel. Anz.* 1880, pp. 1198-9, цитируя *Plut. de Mal. Hdt.* 22 (*Moral.* 860), Страбона *XIII.* 600.

1001. Wilisch, Eumelus (Zittau, 1875). Κορινθιακὰ были известны Теопомпу (р. 380 г. до н. э., цитирует восемь строк, Tzetz. ad Lyc. 174) и Аполлонию Родию (р. 265 г. до н. э., использовал их для своей "Аргонавтики"). Судя по небольшим сохранившимся фрагментам, они относились к мифическому периоду. Но даже в таком виде они вполне могли содержать материал для коринфской истории VIII века. Они не были известны Павсанию в оригинале; Paus. II. 1. 1.

1002. Tzetzes, ad Lyc. 174; Schol. Pind. Ol. XIII. 74.

1003. Paus. II. 1. 1. Гроддех и Вилиш считают, что συγγραφή - это прозаическое изложение ἔπη.

1004. ὑποθήκας εἰς ἑπτὰ δισχίλια, Diog. Laert. I. 7. 4; ср. Suid. s.v. Περίανδρος- ὑποθήκας εἰς τὸν ἀνθρώπειον βίον, ἑπτὰ δισχίλια. Изречения, приведенные Диогеном из этого произведения, совершенно банальны, но они могли бы быть взяты из поэмы или сборника, столь же ценного, как поэма Феогниса.

1005. Plut. Sept. Sap. Conviv. 21 (Moral. 163).

1006. Porzio, Cipselidi, p. 195.

1007. Diog. Laert. I. 7. 1.

1008. О роде Кипсела см. выше, с. 193. По данным, он по отцовской линии древнее, чем род правящих Вакхидов.

1009. Ср. Wilisch, Goett. Gel. Anz. 1880, p. 1198, Knapp, *op. cit.* p. 41 (который допускает, что древние списки коринфских магистратов могли сохраниться до времен Эфора и использоваться им).

1010. Полемарх был распространенным титулом (Knapp, *op. cit.* p. 39). Обязанности этой должности были разными и далеко не всегда военными: см. Schubring, de Cyps. pp. 62-63, цитируя Спарту, Афины, Беотию, Этолию (Polyb. IV. 18. 2).

1011. Aristot. Pol. VII. (V.), 1315b.

1012. de Cypselo, p. 64.

1013. Hdt. V. 92.

1014. Sept. Sap. Conv. 21 (Moral. 163-4). Придворный поэт Периандра Херсиас (см. выше, с. 195) рассказывает о Кипселе, "которого те, кто был послан уничтожить его, когда он был новорожденным ребенком, воздержались от убийства, потому что он улыбался им. Потом они раскаялись и стали искать его, но не нашли, так как он был убран матерью в кипсель".

1015. Как это делает Порцио, Cipselidi, p. 198.

1016. Sayce, Encyc. Brit.⁽¹¹⁾ s.v. Babylonia and Assyria, p. 103; Maspero, Hist. Anc.⁵pp. 157-8.

1017. Другие параллели см. Bauer, Sitz. Ak. Wiss. Wien, vol. 100 (1882), pp. 553 (немецкий), 557 (индийский).

1018. Тот факт, что Кипсел улыбался перед тем, как его посадили в кипсель, а Моисей плакал, когда его оставили в ковчеге, вряд ли доказывает идентичность легенд, *темп* Knapp, *op. cit.* 1888, p. 32, n. 1.

1019. Как и в тех, что цитирует Байер, Sitz. Ak. Wiss. Wien, vol. 100, pp. 553, 557.

1020. Paus. V. 17. 5.

1021. Отметим, *например*, человекоподобных кентавров, крылатую Артемиду и неправильное прочтение Павсанием надписей, сделанных явно архаичным коринфским алфавитом (с его σὰν κίβδηλον ἀνθρώποις), Paus. V. 19. 7, 19. 5; Stuart Jones, J.H.S. XIV. p. 40.

1022. Phaedrus, 236b и schol. *ad loc.*

1023. Pol. VII. (V.) 1313b.

1024. Sept. Sap. Conv. 21 (Moral. 164), "и не нашли его, так как он был помещен в кипсель своей матерью. Поэтому Кипсел построил свой дом в Дельфах". Упущение здесь особенно поразительно. У Плутарха, жившего в Беотии, есть причина ссылаться на жертвоприношения в Дельфах, а не в Олимпии: но контрмотив для цитирования Олимпии, несомненно, был бы еще сильнее, если бы Плутарх верил, что кипсела действительно находилась там.

1025. VIII. 353, 378. Других посвящений Кипсела не упоминается.

1026. Или. XI. 163 M. (325 P.).

1027. V. 17. 5.

1028. Hitzig, Pausan. *loc. cit.* (vol. II. p. 396); Schubring, de Cyps. p. 26 f.; Overbeck, Abh. Saechs. Ges. Wiss. 1865, p. 611. Приравнивание кипселя к кофру было бесспорно принято многими учеными прошлого века, *например*, Преллером, Arch. Zeit. 1854, p. 297; Klein, Sitz. Ak. Wiss. Wien, CVIII. pp. 56, 69 f.; Plass, Tyrannis, p. 151; Duncker, G. d. A. VI.⁵pp. 39, 40; Curtius, Gr. G.⁽⁶⁾¹. pp. 262-3; Holm, Gk. Hist. I. 307 (ср. *ibid.* Pref. p. v., где Хольм утверждает, что попытался четко определить, что можно считать доказанным, а что - гипотезой).

1029. См., *например*, отчаянный агностицизм Блюмнера, Woch. Kl. Phil. 1885, p. 609.

1030. Suid. s.v.

1031. Suid. s.v.; Schol. Aristoph. Pax, 631; Hesych. s.v.; Schol. Лукиан, Лексифан, 1.

1032. Hesych. s.v.

1033. Аристотель. Н.А. IX. 627b (в форме куψέλιον); Plut. de Exil. 6 (Moral. 601); Suid. s.v.; Hesych. s.v.

1034. Pollux X. 92.

1035. Pollux VI. 13.

1036. Suid. s.v.; Hesych. s.v.; Pollux II. 85.

1037. Pollux II. 82, так же *ibid.* II. 82, 85, куψελίς; Hesych. s.v. куψέλαι, куψελίς; Schol. Aristoph. Pax, 631; Лукиан, Lexiphanes, 1, и Schol. *ibid.*; ср. Alex. Aphrod. Prob. II. 63; Cassius Iatrosoph. Prob. 32.

1038. Steph. Byz. s.v. Другие ссылки см. в Pape, Gr. Eigennamen, s.v. Шубринг, de Cypselo, p. 14, считает, что фракийская Кипсела основана Мильтиадом Херсонесским и названа в честь его отца Кипсела, родственника Коринфского.

1039. Abh. Bay. Ak., Phil. Class., 1890, pl. I. 7, 8.

1040. Абх. Bay. Ak., Phil. Class., 1890, pl. I. 6; Imhoof, Monn. Gr. pls. C 5, C 6, C 7 и pp. 51, 52. Эти монеты были найдены в основном в долине Гебруса, некоторые из них - во время строительства железной дороги из Адрианополя в Энус.

1041. Поллукс II. 86 говорит, что "врачи придумали эти названия. Аристотель считал безымянными все части уха, кроме мочки".

1042. Suid. s.v. и Schol. Aristoph. Pax, 631 говорят о "кипселе в шесть бушелей" (ἑξμέδιμνος κυψέλη).

1043. О кукурузных кувшинах из терракоты см., вероятно, Hor. Ep. I. vii. 29 f. Глиняная посуда лучше всего защищает от сырости, а также от грызунов.

1044. Saglio, Dict. d. Ant. s.v., ссылаясь также на Suid., Et. Mag., Plut. Mor. 601c.

1045. Od. XIII. 105; ср. Porphyr. de Antro Nymph. 17.

1046. Мнение Блюмнера, что поэт имел в виду просто естественные отверстия в скале, может быть правильным, но его вывод, что этот отрывок не является доказательством искусственных ульев, абсурден, особенно в свете каменных ткацких станков (ἱστοὶ λίθαιοι), описанных в том же отрывке и фактически цитируемых Блюмнером (ар. Hermann, Lehrb. Gr. Antiq.³ IV. p. 120, n. 1).

1047. Bappo, de Re Rust. III. 16. 15, (alui) deterrimae fictiles; Columella IX. 6, deterrima conditio fictilium; Pallad. I. 38, (aluearia) fictilia deterrima sunt.

1048. Varro, de Re Rust. III. 16. 15, ex uiminibus rotundos; Pallad. I. 38, salignis uiminibus.

1049. γαυλοῦ δὲ σμικροῖο, τόθι γλυκὺ νᾶμα μέλισσα | πηγάζει, Anth. Pal. IX. 404.

1050. "Ex ferulis quadratas", Varro, de Re Rust. III. 16. 15; "лучшими являются те, что сделаны из досок", Флорентин, Георон. XV. 2. 7; ср. ibid. 2. 21, "царь ливийцев Джуба говорит, что пчел следует держать в деревянном ящике (ἐν λάρνακι ξυλίνῃ)"; "figura cerarum talis est qualis et habitus domicilii; namque et quadrata et rotunda spatia nec minus longa suam speciem uelut formae quaedam fauis praebent," Columella IX. 15. 8. Возможные более ранние свидетельства о квадратных ульях см. в Aristoph. Vesp. 241 с Schol. *ad loc.* В Theocr. VII. 78 f. пчелы занимают большой прямоугольный ящик (λάρναξ) из древесины сладкого кедра, но они участвуют в чуде, и было бы опрометчиво обобщать их поведение. См. далее Pauly Wissowa s.v. Bienenzucht.

1051. Тяжелые молоты на картине наводят на мысль о железе, а не о меди, но см. ниже, п. 4.

1052. Saglio s.v. Fer, p. 1090. Блюмнер, Gewerbe u. Künste, IV. p. 363, с ненужной неопределенностью называет это Aufsatz. Но там же, с. 331, он называет вазу на Saglio, рис. 937, "gefäss- oder kesselartiger Aufsatz."

1053. = Berl. Cat. Vases, 2294; вся ваза в красках Gerhard, Trinkschalen, Pls. XII., XIII.

1054. May, *ан.* Pauly Wissowa s.v. fornax, называет все три печи (*м.е.* Saglio, рис. 937, 2964-5) Schmiedeöfen и говорит, что они служили двойной цели, частично для поднятия железа до раскаленного жара для кузницы, частично для выплавки металлов, более легко расплавляемых (*например*, меди, бронзы). Об этих вазах как плавильных горшках см. Gerhard, Trinkschalen, p. 22 (Schmelzkessel); Furtwaengler, Berl. Cat. 2294 ["вверху круглый

котел с крышкой (внутри металл?)"]. Так же поступают Саглио и де Лонэ (Saglio, de Launay *ap.* Saglio Dict. d. Ant. s.v. Caelatura, p. 790, ferrum, p. 1090, n. 6. О том, как металлы могли выплавляться в этих вазах, см. Diod. III. 14 (из Агатархида, описывающего добычу и обработку золота в "Дальнем Египте" (περὶ τὰς ἐσχάτας τῆς Αἰγύπτου) при Птолемеях). Когда металл был отбит и промыт, а золотая пыль (ψῆγμα) осталась, "наконец, другие искусные мастера (τεχνῖται) взяли собранное и отлили в глиняные горшки (εἰς κεραμοῦς χύτρους); и, смешав в нужных пропорциях куски свинца и зерна соли, а также немного олова и ячменных отрубей, кладут и это, и, сделав хорошо пригнанную крышку и тщательно запечатав ее (περιχρίσαντες) глиной, нагревают на печи в течение пяти дней и ночей без перерыва. Затем, дав ему остыть, они не находят в вазах (ἀγγείοις) ничего, кроме золота". Если описанный процесс подвергается критике, то следует помнить (Bluemner, Gewerbe u. Künste, IV. 132), что Диодор не был металлургом, и что древние методы, вероятно, были далеки от совершенства даже в своем роде. Блюмнер, *ibid.* IV. p. 363, рассматривает Saglio 2964 (выше, рис. 27) как кузницу. Что касается κάμινος = кузница, то см., *например*, Лукиан, Prometh. 5. Но печь здесь слишком большая и сложная для кузницы. Ни на одном из трех изображений ваз нет наковальни. То, что Блюмнер *там же* называет маленькой наковальней, слишком мало, чтобы быть наковальней вообще; ср. кусок железа на той же картине, а также рис. 53 самого Блюмнера, на котором изображена наковальня естественного размера; ср. также похожие на предполагаемую наковальню Блюмнера выступы в соответствующих местах на печах двух других наших вазовых картин, оба из которых явно не являются наковальнями. На изображении несомненной кузницы Блюмнера, рис. 53, показана печь совершенно другого типа, высотой не более половины человеческого роста, названная Блюмнером "ein niedriger konisch geformter Schmelzherd". Тяжелые молоты в Saglio, Dict. d. Ant. fig. 2964, не доказывают наличие кузницы; они могли использоваться для различных других целей, *например*, для дробления руды; ср. Diod. V. 13 (Aithalia in Etruria), τοὺς λίθους καίουσιν ἐν τισι φιλοτέχνοις καμίνοις ... (καὶ) ... καταμερίζουσιν εἰς μεγέθη σύμμετρα ... ταῦτα ἔμποροι κομίζουσιν εἰς τὰ ἔμπορία. Или же плавка иковка могли идти одновременно на одних и тех же предприятиях.

1055. Стиль Бригос, Фуртвенглер, Берл. Cat. Vases, p. 596.

1056. Winter, Jahrb. XII. pp. 160 f. и рис. 1.

1057. Конзе, Jahrb. V. pp. 118 f.

1058. Хорошо сохранившиеся примеры см. в Conze, Jahrb. V. pp. 134, 137.

1059. Дюмон уже сделал вывод, что эти печи регулярно предназначались "для поддержки плит или других предметов, которые кладут на эти виды решеток". См. Jahrb. V. p. 135, и Конзе, там же. Ни тот, ни другой автор не предлагают ципселы.

1060. Rev. Arch. 1869, II. Pl. XVII.

1061. *Ibid.* II. p. 423.

1062. Третий-второй век до н. э., Conze, Jahrb. V. pp. 138-9.

1063. Rev. Arch. 1869, II. p. 432.

1064. Выше, рис. 27, 28, 29.

1065. Подобные кипселы, возможно, изображены на коринфских терракотовых табличках из Пентескуфии, Berl. Cat. Vas. №№ 616, 631, 802; но см. Furtwaengler, *ad loc.*

1066. Ср. Plut. Sept. Sap. Conv. 21 (Moral. 164). Кипсел воздвиг дом в Дельфах, веря, что это бог, который в тот раз предотвратил его плач.

1067. Pauly Wissowa s.v.

1068. Thesm. 505 f. Схолиаст объясняет, что горшок использовался "потому, что в горшках выставляли детей".

1069. Аристоф. Облака, 1065.

1070. См. ниже, стр. 217, 244-5.

1071. Cypselus, возможно, было выбрано вместо более общего названия или названия, происходящего от какой-либо другой формы, из-за огромного размера кипсела. Современные гончары с большим уважением относятся к человеку, который может бросить особенно большую вазу. Так же поступали и древние, о чем свидетельствует пословица ἐν τῷ πίθῳ τὴν κεραμεῖαν ἐπιχειρεῖν μανθάνειν, Plato, Gorg. 514e. Вероятно, самая ранняя аллюзия на реальные коринфские вазы во всей греческой литературе говорит о паразите, спешащем на обед и не останавливающемся, чтобы полюбоваться κάδοι своего хозяина. "οὐδὲ δοκιμάζω τοὺς Κορινθίους κάδους", Diphilus ap. Athen. VI. 236b. Сосуд κάδος был большого размера и мог быть гончарным; ср. Athen. XI. 472e, 473b и особенно Κλείταρχος ἐν ταῖς Γλώσσαις τὸ κεράμιόν φησιν Ἴωνας κάδον καλεῖν. Для архаического периода большое количество печей, изображенных на Пентескуфийских табличках, позволяет предположить, что печной кипсель мог быть предметом особой важности, если предположить, что все печи были снабжены кипселями для использования в случае необходимости. Их сравнительно редкое появление на изображениях вполне объяснимо с художественной точки зрения, если пламя разгоралось лучше, когда их убирали.

1072. C.I.G. III. pp. 709-10, где слово, например, τρίπους, предшествует имени.

1073. Head, Hist. Num.⁽²⁾ p. 666.

1074. Diod. XIX. 2; Юстин XXII. 1; Plut. Reg. et Imp. Apophth. s.v. (Moral. 176); Athen. XI. 466a; Amm. Marc. XIV. fin.

1075. XII. 15, XV. 35.

1076. Bauer, Sitz. Ak. Wiss. Wien, vol. 100, pp. 564-5; ср. Tillyard, Agathocles, p. 13, n. 2.

1077. Там же, Schubert, Agathokles, p. 29 (цитируя Ferrari, Agathokles, p. 10 (1872)), Tillyard, Agathocles, p. 26.

1078. Пчелы, которые, как говорят, поселились на бедрах каменной статуи, установленной его матерью, когда ему было уже больше семи лет, - это, по словам Шуберта, Агатокл, стр. 30, едва ли замена.

1079. Например, Hdt. V. 92. 10, πολλῶν δ' ὑπὸ γούνατα λύσει (прорицание о Кипселе) и ibid. 92. 16, ἔδει ἐκ τοῦ Ἡετίωνος γόνου Κορίνθῳ κακὰ ἀναβλαστεῖν с Diod. XIX. 2, ἐξέπεσε χρησμὸς ὅτι μεγάλων ἀτυχημάτων ὁ γεννηθεὶς αἴτιος ἔσται Καρχηδονίοις καὶ πάσῃ Σικελίᾳ. В этом отношении история Ромула еще более далека от Агафокла, чем история Кира.

1080. Head, Hist. Num.⁽²⁾ p. 179.

1081. Ср. Hdt. V. 92. 21: "Когда Кипсел стал тираном, вот каким человеком он оказался: многих коринфян он изгнал и т. д.". Агафокл и Кипсел царствовали примерно одинаковое время, и этот факт привлек внимание Тимея, который чрезмерно интересовался подобными совпадениями или параллелями во времени (Tillyard, p. 14). [Кипсел царствовал с 657 по 627 год; правление Агафокла обычно датируется 317-289 годами; но ср. Ath. Mitt. XXII. p. 188 (новый фрагмент Marmor Parium), 319/8, Ἀγαθοκλῆν Συρακόσιοι εἶλοντο αὐτοκράτορα στρατηγόν, что может указывать на то, что сам Агафокл считал датой своего воцарения].

1082. Но ср. Schubert, Agath. p. 31, "wie man darauf kam, den Karkinos (father of Agathocles) gerade zum Töpfer zu machen, lässt sich natürlich nicht mehr erkennen." Шуберт, *ibid.* pp. 26 f., обнаруживает два источника для истории о ранних годах тирана и приписывает одному из них (Тимею) изготовление керамики, а другому - спасение младенца от покушения на убийство. Его разделение представляется весьма произвольным.

1083. Полиб. XV. 35.

1084. Diod. XIX. 3; ср. Tillyard, Agath. p. 28; Schubert, Agath. p. 31.

1085. Gr. G. III. i. 186, n. 3.

1086. Diod. XIX. 3; Юстин XXII. 1.

1087. Hist. Животные. IX. 618a.

1088. Aubert и Wimmer ad Hist. Animal. IX. 108.

1089. Мистер У. Уорд Фаулер предположил, что cypselus - это руфовая или восточная ласточка, которая строит более сложное гнездо, чем домовый martin, и не имеет белого крестца, который так отличает домового мартина, но отсутствует в описании cypselus у Аристотеля.

1090. Πάγασαι, Κоруθῆϊς, de Cypselo, pp. 29 f.

1091. Paus. IV. 3. 6; VIII. 5. 6, 29. 5; ср. Polyae. I. 7 (хитрость Кипсела против Гераклидов); Nic. Dam. ap. F.H.G. III. p. 377; Athen. XIII. 609e.

1092. По словам Плиния, путешественника, N.H. X. 55 (39), она превосходила даже других птиц из племени ласточек.

1093. Steph. Byz. s.v., форпост, укрепленный мантинейцами, Thuc. V. 33.

1094. Paus. VIII. 5. 4 f.; Diog. Laert. I. 7. 1.

1095. Ниссе, Гермес, XXVI. с. 30, считает аркадскую родословную Мелисса позднейшим изобретением, но его аргумент, основанный на молчании Геродота, имеет очень малый вес.

1096. См. выше, глава IV.

1097. Например, Bury, Hist. Greece², p. 152.

1098. Например, жрец Псамметих, Breasted, Records, IV. 1026-9 (ок. 610-544 гг. до н. э.). Список его носителей см. в Wiedemann, Aeg. Ges. p. 623.

1099. См. выше, с. 123: написано, вероятно, между 594 и 589 гг. до н. э.

1100. В Наукратисе, который при Псамметихе Египетском стал главным греческим торговым центром в стране, коринфские горшки занимают второе место среди находок ваз раннего

периода греческого поселения, милетские - первое (Prinz, *Funde aus Nauk.* p. 75), хотя отметим, что Коринф не входил в число греческих городов, имевших представительство в Наукратисе; эгинеты - единственные европейские греки, обладавшие таким представительством. О Египте и Милете см. выше, глава IV. К обычно приводимым свидетельствам египетского влияния на Периандра следует, пожалуй, добавить историю, рассказанную Диогом. Laert. I. 7. 3. Когда Периандр был уже стариком, он, как говорят, позаботился о своей смерти и погребении следующим образом. Он поручил двум мужчинам убить и похоронить человека, которого они встретят в определенную ночь в определенном уединенном месте. Он договорился с четырьмя другими, что они убьют этих двоих на обратном пути. От этих четверых, в свою очередь, должна была избавиться большая группа. В назначенный час Периандр сам отправился на место, куда были направлены двое, и там был убит и похоронен ими. Суть этой истории в том, что Периандр принял чрезвычайные меры предосторожности, чтобы никто не узнал о месте его погребения. Такие меры предосторожности сразу же напоминают о Египте. Может быть, эта история возникла как сценка о египтизирующих наклонностях Периандра?

1101. Выше, с. 125.

1102. Pol. VII. (V.), 1315b.

1103. F.H.G. III. p. 394.

1104. У Аристотеля Горгос - это эмендация Сусемиля для Гордиоса. В "Септе" Плутарха (Sept. Sap. Conv. 17 (Moral. 160) участвует Горгос (Дидот, Горгиас), брат Периандра, и это имя встречается слишком часто, чтобы быть ошибкой в каком-то совершенно другом имени. Nic. Dam. F.H.G. III. p. 393 упоминает Горгоса, сына Периандра, который сломал себе шею во время гонок на колесницах. Можно не сомневаться, что во всех этих отрывках следует читать одно и то же имя, и что это имя должно быть Горгос, которое появляется на амбракийских монетах как имя местного героя. См. Mon. Ined. Inst. I. pl. XIV. № 1, 2. Имя Гордий было широко распространено во фригийской царской семье. Но, как и в Aristot. Pol. 1315b оно, вероятно, является лишь вкраплением менее знакомого Горгоса, это не является доказательством связи между Кипселидами и домом Мидаса.

1105. Gr. G.⁽²⁾¹. p. 657, n. 4.

1106. Там же. Также Knapp, *op. cit.* pp. 123-4.

1107. Geo. Smith, Assurbanipal, p. 28. Идентификация не однозначна, но мы находим Небосазбана там, где должны были бы искать Псамметиха: ассирийская практика иллюстрируется, в повторении этого самого предложения, двойным названием вотчины Небосазбана: "и Небосхазбан, сын его (т.е. Нехо) в Атрибисе, который Лимир-патеси-Ассур называется, на царство, которое я назначил" (ibid. pp. 46-47).

1108. Например, Платон, Tim. 21e, Неит = Афина.

1109. Например, Хем Пех'-ресу (?) = Персей, Wiedemann, Hdt. II. стр. 368-9.

1110. Phacussa atque Mylonpolis sunt Graeca nomina ex Aegyptiacis translata, Gutschmid, Philol. X. p. 528.

1111. Существует, конечно, альтернативная возможность (предполагаемая Данкером, G. d. A. VI.^{(5) p.} 72, n. 1), что одно из имен является просто ошибкой. Ликофрон, сын Периандра из Геродота, - это, очевидно, Николаос из Nic. Плотин. F.H.G. III. p. 393.

1112. См. ниже, с. 256.

1113. Polyb. VI. fr. ii.; Strabo V. 219-20, VIII. 378; Dion. Hal. III. 46; Diod. VIII. 31; Cic. de Rep. II. 19-20 (34-36); Schol. Bob. ad Cic. pro Sulla, 22; Livy I. 34, IV. 3; Florus, Epitome Liui, I. 5. 1; Плиний, N.H. XXXV. 5, 43; cp. XXXIII. 4; Aurel. Vict. de Vir. Ill. 6; cp. C.I.L. I. i. p. 43 и Roem. Mitt. XIX. p. 117 (acta triumphorum Capitolina), L.TARQUINIUS.DEMARATI.F.PRISCUS; C.I.L. XIII. 1668 (Клавдий в Лионе); Zonaras VII. 8.

1114. Dion. Hal. III. 47; cp. Livy I. 34, Lucumoni contra ... cum divitiae iam animos facerent.

1115. Livy I. 34.

1116. Dion. Hal. III. 48.

1117. de Vir. Ill. 6.

1118. Diod. VIII. fr. 31.

1119. Polyb. VI. fr. ii. 10. Полибий настаивает на этом: πιστεύων αὐτῷ τε καὶ τοῖς χρήμασι ... διὰ τὴν χορηγίαν ... μεγάλης ἀποδοχῆς ἔτυχε ... τῇ τοῦ βίου χορηγίᾳ μεγαλοψύχως εἰς τὸ δέον ἑκάστοτε καὶ σὺν καιρῷ χρώμενος.

1120. Cp. Diod. VIII. fr. 31, "он был представлен царю, Анку Марцию, и стал его самым большим другом, и много помогал ему в управлении царством"; Dion. Hal. III. 48, "он очень скоро подружился с царем"... "был в большом почете у царя"; также отрывок из той же главы, процитированный выше; Livy I. 34, Тарквиний становится опекуном малолетних сыновей Анка; Aur. Vict. de Vir. Ill. 6, "он даже заручился дружбой царя Анкуса".

1121. Cp. Diod. VIII. fr. 31, "делая себя приятным для всех (πᾶσι προσφιλῆς ὁμιλῶν)"; Dion. Hal. III. 48, "учтивыми приветствиями и вкрадчивыми речами" (cp. VI. 60, "всякий тиран развивается из толпы льстецов"); Ливий I. 34, "benigno alloquio, comitate inuitandi", I. 35, "он, как говорят, первым стал агитировать за трон и произнес речь, призванную привлечь на свою сторону плебеев".

1122. Или, возможно, скорее увеличивается; cp. Страбон VIII. 378, "Демарат... привез из дома в Этрурию такое большое богатство, что стал правителем города, который его принял, а его сын фактически стал царем Рима".

1123. Страбон V. 220.

1124. Плиний, N.H. XXXV. 43 (12); так же (multo uero elegantius) Val. Max. III. 4. 2.

1125. Livy I. 34. 2, "bonorum omnium heres", так же 34. 4.

1126. Дион. Hal. III. 47, κληρονόμον ἀπάσης τῆς οὐσίας.

1127. Дион. Хал. III. 47.

1128. Livy I. 38, "ut non quietior populus domi esset quam militiae fuisset."

1129. Livy I. 35.

1130. Dion. Hal. III. 67. О форумных магазинах см. также Livy XXVI. 27; Varro, L.L. VI. 59.

1131. Livy I. 39; Dion. Hal. IV. 1 (но cp. IV. 2; Плиний, N.H. XXXVI. 70 (204)).

1132. Ал. Харисий, Art. Gramm. I. p. 105, ed. Keil.

1133. N.H. XVIII. 3, XXXIII. 13.

1134. *Variae*, VII. 32.

1135. См. Samwer, *ält. roem. Münzwesen*, p. 43; Т. Франк, *Class. Phil.* XIV. (1919), pp. 314 f.

1136. Многочисленные иллюстрации см. в роскошной книге Хеберлина "Aes Grave".

1137. См., например, Pasqui, *Notiz.* 1897, pp. 265p, 267a (Praeneste).

1138. Грубое Aes зафиксировано среди находок более ранних стипсов в Конке (Сатрикум в Южном Лациуме), которые, по-видимому, относятся исключительно к седьмому и шестому векам до н.э., *Notiz.* 1896, pp. 29-31, 101.

1139. *Roem. Kupferpräg.* pp. 21-22.

1140. Aes Grave, p. 5.

1141. N.H. XXXIII. 13.

1142. XXXIII. 13, так XVIII. 3, *ouium boumque effigie*.

1143. Например, *Brit. Mus. Rep. Coins*, I. p. 3.

1144. Как это делает Бабелон, *Origines*, pp. 186 f., который цитирует в качестве возможного примера царского "aes signatum", Garrucci, *pl. XVII. figs. 1a, 1b*; но ср. *ibid.* p. 195, где он значительно опережает самые ранние серебряные монеты Рима.

1145. Mueller-Deecke, *Etrusker*, I. p. 382.

1146. Юстин XLIII. 3. Традиционная дата - 600 г. до н. э. Ср. утверждения о сношениях Сервия с Эфесом в *Livy I. 45: Dion. Hal. IV. 25-26* (цитирует древнюю надпись); *Aur. Vict. de Vir. Ill. 7*. Фокеи, изгнанные с Корсики около 537 г. до н. э., в конечном итоге поселились в Велии близ Паэстума, и этот факт заставил Пинзу, *Bull. Comm.* 1898, p. 269, видеть фокейский квартал в Велии в Риме: он сравнивает с *Vicus Tuscus*, но даже в этом случае доказательства едва ли оправдывают вывод.

1147. *de Vir. Ill. 7*.

1148. Cruchon, *Banques dans l'Antiq.* pp. 13, 14, 16, так относится к нему и сравнивает законы Ману (XIV век до н.э.).

1149. *Cic. de Rep. II. 60 (35)*; *Gellius XI. 1, 2*; *Festus s.v. peculatus*.

1150. Компаньон. *Lat. Stud. sect.* 685.

1151. По вопросу о происхождении римской чеканки монет см. последние работы Haebler's Aes Grave, особенно pp. 1-6, и Grueber, *Brit. Mus. Coins Rom. Rep. vol. I.*, особенно p. 1, n. 1, p. 3, n. 1. Введение денег из бронзы и железа Суэтоний приписывает Нуме, *Suid. s.v. Ἀσσάρια*: "Ассарии: оболы". Нума, первый царь Рима, назначенный после Ромула, первым подарил римлянам (деньги) из железа и бронзы, все его предшественники платили (деньгами) из кожи и глиняной посуды: эти деньги от своего имени он назвал нуммиями, как утверждает Трагкий (т. е. Суэтоний Транквилл). Противоречивые версии, когда обе сомнительны, обычно дискредитируют друг друга. Но все заметки о Нуме вряд ли влияют на заметки о Сервии. Склонность приравнять Нуму к Нумму, должно быть, был велик. Однако никто до

Суетония, похоже, не поддался ему, и претензии, которые он предъявляет Нуме, касаются лишь очень примитивного этапа в истории валюты.

1152. Ливий I. 42.

1153. Florus I. 6. 3.

1154. Plut. Num. 17 (от Varro (?), см. Pauly Wissowa s.v. collegium, p. 391); ср. Плиний, N.H. XXXIV. 1, XXXV. 46.

1155. Моммзен, Roem. Staatsr. III. 287, который связывает сервскую организацию коллегий с сервскими веками артизанов.

1156. Другие мнения см. в Kornemann *ap.* Pauly Wissowa s.v. collegium; ср. также Mommsen, de Colleg. 31.

1157. Mommsen, Hist. Rome ², I. p. 249; Humbert *ap.* Saglio, Dict. d. Antiq. s.v. collegium, p. 1292.

1158. Например, Dion. Hal. IV. 4, "соблазняя бедных граждан благодеяниями и подарками". Так же, *ibid.* 3, 9, 10, 40, и Livy I. 47; Cic. de Rep. II. 21 (38), "Сервий начал царствовать... потому что, когда Тарквину ложно сказали, что он тяжело ранен, но жив, он принял на себя царские знаки отличия, выносил судебные решения и освобождал должников за свой счет".

1159. Дион. Hal. IV. 13, "сразу после получения трона он (Сервий) раздал общественные земли более бедным слоям римлян (τοῖς θητεύουσι Ῥωμαίων)": Livy I. 46, "Сервий, ... сначала примирив благосклонность плебеев, разделив между ними по отдельности земли, отнятые у врага, осмелился поставить перед народом вопрос, желают ли они и просят ли его быть царем"; ср. Varro *ap.* Non. p. 43, "uiritim: et extra urbem in regiones XXVI. agros uiritim liberis attribuit"; Aur. Vict. de Vir. Ill. VII. 7, "он раздал плебеям кукурузу".

1160. C.I.L. XIII. 1668.

1161. Gardthausen, Mastarna, p. 27. Профессор Р. С. Конвей говорит мне, что tarna = Tarcna кажется ему *априорно* возможным.

1162. Dion. Hal. IV. 30.

1163. Livy I. 56. О строительстве этого храма см. также Livy I. 38; Cic. de Repub. II. 36 (20); Dion. Hal. III. 69; IV. 59; Tac. Hist. III. 72; Plut. Popl. 13; Florus I. 1. 7; Aur. Vict. de Vir. Ill. 8; Zonaras VII. 11.

1164. Livy I. 59.

1165. Дион. Hal. IV. 44.

1166. Чтение сомнительное.

1167. Дион. Hal. IV. 59.

1168. Dion. Hal. IV. 81.

1169. О других общественных работах, приписываемых династии Тарквинов, см. Livy I. 45; Dion. Hal. IV. 26 (Сервий, храм Дианы на Авентине).

Livy I. 44 (аггер, фосс и стена Сервия; ср. Strabo V. 234); Livy I. 36-8 (колодец, начатый Приском); Dion. Hal. III. 67; Aur. Vict. de Vir. Ill. 6 (стена Тарквиния Приска); Eutrop. I. 6 (стены и клоаки Тарквиния Приска).

Плиний, N.H. III. 9 (аггер Тарквиния Суперба на восточной стороне города).

Именно в предполагаемый период правления Тарквиниев жители Лациума, по-видимому, впервые научились делать стены из квадратных камней, Pinza, Bull. Comm. 1897, pp. 228 f.

Serv. ad Aen. XII. 603 f. (Касс. Хем., второй век до н.э.), (Superbus, клоака), Плиний, N.H. XXXVI. 24 (Priscus, cloaca), Хронограф 354 г. н.э., Joh. Laur. Lyd. (VI век), de Mens. IV. 24, Joh. Антиох. (седьмой век), F.H.G. IV. p. 553, Исидор Севильский (седьмой век), Etym. V. 27. 23, Suid. (X в.), s.v. Σούπερβος, все говорят, что Тарквиний Супербус ввел в Риме каторжный труд (см. ниже, с. 226) в шахтах и каменоломнях. По всей видимости, на склонах Капитолия были каменоломни, которые, возможно, разрабатывались в царский период. Паис утверждает, что их не могли разрабатывать раньше V века, поскольку они назывались *lautumiae* - название, заимствованное из сикелиотского греческого: его мнение основано на необоснованных предположениях (i) что сикелиотское слово не могло попасть в Рим раньше V века, и (ii) что каменоломни не могут быть старше своего названия. На самом деле каменоломни были выведены из названия, часто применяемого Ливием в третьем десятилетии к тюрьме, известной также как Туллианум, Варро, L.L. V. 151, или Мамертинская тюрьма, или более позднее название церкви Сан-Пьетро в Карцере. Тюрьма является одним из самых древних сооружений в Риме, и ее сравнивают с греческими ульями.

Весь Капитолий и Палатин полностью катакомбны на большую глубину шахтами и ходами самой неопределенной даты, о которых говорит Бони, J.R.S. III. pp. 247-250, и которые он называет *favissae*. Могут ли фависсы Бони, или какая-то их часть, быть лаутумиями Тарквиниев? См. Dion. Hal. IV. 44.

1170. Ливий I. 57.

1171. Цицерон, вероятно, рассматривал богатства Суперба как военную добычу; ср. de Rep. II. 46 (25), "deinde uictoriis diuitiisque subnixus exsultabat insolenter", но в подобном вопросе его слова не имеют большого веса. Столь же бесполезны в качестве свидетельства о положении дел в царственном Риме его презрительные отзывы об артизанах, de Off. I. 150 (42), "opifices omnes in sordida arte uersantur: neque enim quidquam ingenuum habere potest officina."

1172. Dion. Hal. IV. 71, οὔτε δωρεᾶς ἔτι κατεχόμενοι ὡς πρότερον.

1173. Cic. Phil. III. 10 (4).

1174. Плиний, N.H. XXXVI. 24; Dio Cass. II. fr. xi. 6; Хронограф 354 г. н. э.; Joh. Laur. Lyd. de Mens. IV. 24; Joh. Ant. F.H.G. IV. p. 553; Isid. Etym. V. 27. 23; Suid. s.v. Σούπερβος.

1175. Florus I. 7.

1176. Cic. pro Rab. 13 (4), однако, не свидетельствует о Супербе лично, а только о суровости древнего закона.

1177. Bloch, Répub. Rom. p. 57.

1178. Livy II. 2.

1179. Dion. Hal. V. 5. Примечание, ibid. V. 12. Изгнание К. в конечном итоге было организовано на основе финансовых договоренностей. Он взял с собой в изгнание 25 талантов.

1180. Dion. Hal. V. 64.

1181. Dion. Hal. VI. 74.

1182. Ливий II. 5; так же Dion. Hal. V. 13.

1183. Livy II. 9.

1184. Дион. Hal. V. 22.

1185. Diod. XI. 37; Livy II. 41; Dion. Hal. VIII. 69, 77; Cic. de Rep. II. 35 (60), 27 (49), de Amicit. 8 (28), 11 (36), Phil. II. 44 (114); Плиний, N.H. XXXIV. 9 (4), 14; Val. Max. V. 8. 2 (выше все цитирует Моммзен, Roem. Forsch. II. p. 173, n. 37); Florus I. 17. 26. Греческие писатели говорят, что он стремился к тирании.

1186. Так, например, Ливий, Dion. Hal., Val. Max., Florus, в процитированных выше отрывках; ср. Плиний, N.H. XXXIV. 14, "eam (statuam) quam apud aedem Telluris statuisset sibi Sp. Cassius qui regnum affectauerat."

1187. Ливий. Обратите внимание на бронзовую статую Цереры, воздвигнутую на средства, вырученные от его имущества после падения. См. следующее примечание.

1188. Ср. Dion. Hal. VIII. 78. После его смерти его пекулий (личное состояние) был конфискован и посвящен Церере, Val. Max. V. 8. 2, но нет никаких намеков на то, что оно было очень большим. Судя по всему, его хватило только на изготовление одной бронзовой статуи, Livy II. 41, Плиний, N.H. XXXIV. 9 (4). Дионисий говорит о большом богатстве противников Кассия.

1189. Например, Livy II. 16, Publicola (возможно, однако, что это просто неверный вывод из утверждения, что правительство оплатило его похороны (также Dion. Hal. V. 38); но обратите внимание на то, как в Афинах V века чрезвычайно богатые люди, такие как Никиас, избегали всего, что могло бы привлечь внимание к их богатству).

1190. Livy IV. 13-16; так же Dion. Hal. XII. 1. 1, "самый сильный в богатстве, недавно унаследовавший имение своего отца" (откуда Моммзен, Roem. Forsch. II. p. 211, описывает его как "согласно Дионисию, богатого купеческого сына"); Флор, Epit. I. 17. 26, "Spurium largitione suspectum regiae dominationis praesenti morte (populus) multauit". О Маэлии неоднократно говорят, что он стремился к царской власти, так Cic. de Rep. II. 27 (50), de Senect. 16 (56), de Amic. 11 (36), Phil. II. 11, 34, 44 (26 и 27, 87, 114) (ср. также в Cat. I. 1. 3); Varro, L.L. V. 157; Val. Max. VI. 3. 1 (Rom.); Diod. XII. 37 (ἐπιθέμενος τυραννίδι); Dion. Hal. XII. 1 (ἐπιθέσει τυραννίδος); Plut. Brut. I.

1191. Livy IV. 13; ср. Dion. Hal. XII. 1. 2, "имея много помощников и работников (ἐταίρους καὶ πέλτας), он посылал их в разные стороны, снабжая деньгами из своего кармана, для сбора продовольствия".

1192. См. особенно Моммзен, Roem. Forsch. II. p. 189, который следует Диону. Hal. и считает, что seditio Manliana была вооруженным восстанием. Заметим, однако, что Ливий говорит, что на суд Манлия он привел 400 человек, которых за свой счет спас от финансового краха (VI. 20; ср. VI. 14: так же Aur. Vict. de Vir. Ill. 24), и что на месте его дома находился монетный двор (Livy VI. 20). Аврелий Виктор, *loc. cit.*, далее утверждает, что сенат обвинил его в том, что он утаил галльские сокровища.

1193. Не имеет значения, восходит ли эта ложная информация к Бруту, Ливию или где-то между ними.

1194. Mommsen, Rom. Hist.⁽²⁾ (английский перевод), I. p. 328.
1195. Cp. Salvioli (французский перевод), Capitalisme dans le Monde Antique, p. 77.
1196. Livy IV. 59-60; cp. Dion. Hal. IV. 19.
1197. Salvioli, Capitalisme, p. 227.
1198. Mommsen, Hist. Rome (английский перевод²), I. p. 495 f.
1199. Dion. Hal. V. 40.
1200. *Ibid.* p. 498.
1201. Hdt. V. 66.
1202. Там же. стр. 500-1.
1203. Diod. XX. 36; cp. Livy, IX. 29, uiam muniuit et aquam in urbem duxit *eaque unus perfecit*.
1204. Hill, Historical Roman Coins, p. 18; см. также *ibid.* pp. 10-18, основываясь на "Систематике" Хаберлина.
1205. Вал. Max. VIII. 13. 5 (Rom.).
1206. Mommsen, Hist. Rome (английский перевод²), I. p. 504.
1207. Suet. Тиберий, 2.
1208. Моммзен, указ. соч. II. p. 94.
1209. Например, Bloch, Répub. Rom. p. 58. Одна из самых ранних зарегистрированных забастовок в Англии - забастовка сапожников Висбека, которые в 1538 году покинули город и обосновались на соседнем холме, откуда они призывали своих хозяев выйти к ним и выслушать их требования о повышении заработной платы. Webb, Hist. of Trade Unionism, p. 3.
1210. Livy IV. 9.
1211. Below, p. 235.
1212. Попытки подневольных восстаний в Риме V века (Livy III. 15-16; Dion. Hal. V. 51), судя по всему, никогда не пользовались поддержкой плебеев, и, возможно, отчасти объясняются более полным разрывом между свободным и подневольным населением. Предполагаемое участие честолюбивых рабов, "соблазненных надеждами на свободу" (Dion. Hal. V. 53), в заговоре с целью восстановления Тарквиния Суперба - не одно и то же.
1213. Livy V. 1.
1214. Там же. Этот внезапный отказ последующего вейского царя от поставок рабочей силы следует отметить в связи с обсуждением (выше, с. 233) значения римских "сецессий".
1215. К истории о его вмешательстве в национальные игры можно, пожалуй, отнестись с подозрением. Она напоминает о Фидоне. Но суть этой истории - внезапное прекращение поставок рабочей силы - не в истории с Фидоном. Она скорее напоминает о том, что произошло в Колумбусе, штат Огайо, в середине зимы 1891 года, когда газовые короли внезапно отключили газ. Ну. Д. Ллойд, Богатство против Содружества, стр. 365.

1216. Последние работы Паиса - это "Критическая история" и "Рисерче"; но для английских читателей я решил, что лучше обратиться в основном к его более ранним, но столь же характерным "Древним легендам римской истории" (1906).

1217. Этот метод, конечно, намного старше Паиса; см. G. C. Lewis, *Credib. Early Rom. Hist.* I. p. 228, "нам нетрудно объяснить вымышленный характер событий того раннего периода, если мы считаем их вымышленными". Ранний пример см. в Bachofen, *Tanaquil* (1870), где этрусский Таркин-Танакил приравнивается к лидийскому Гераклу (предку Демарата)-Омфале; ср. Дамонно, жена Гигеса, и т. д. (выше, с. 135). Сравнение Бахофена, возможно, не совсем беспочвенно, но оно достаточно объяснимо, если допустить, как, возможно, следует из этих историй, что политический статус женщин среди лидо-этрусков не был таким отсталым, как до сих пор в Европе в целом. Следы неуместности, которые Бахофен обнаружил в поведении этих дам, могут быть всего лишь отражением европейского отношения к претензиям женщин на какое-либо политическое равенство с мужчинами.

1218. Таркин = Тархон, друг Энея.

1219. Pais, *Legends*, pp. 105, 122.

1220. Bappo, L.L. V. 41; Dion. Hal. III. 69; Pais, *Legends*, pp. 109-116.

1221. Pais, *Legends*, pp. 116-127.

1222. Ср. G. C. Lewis, *Credib. Early Rom. Hist.* I. p. 472.

1223. Отметим также любопытную историю его преемника, который, хотя и заявлен как саксонский король, по слухам, был датского происхождения. Он носит имя сына Кнута и тратит свое короткое правление на то, чтобы расправиться с другим королем Гарольдом, который, по общему мнению, был скандинавом. Все это, безусловно, должно быть неуклюжей попыткой англизировать последнего из датских королей.

1224. Ср. объяснение Паисом Сервия Туллия как беглого раба-бога Ариция, "Легенды", с. 142 и далее.

1225. Овидий, *Фасты*, IV. 549 f. *Caeculus*, мифический основатель Праенеста, был найден младенцем в очаге, *Virg. Aen.* VII. 681 (ср. X. 544), и *Cato ap. Schol. Veron. ad loc.* Он был зачат искрой и явлен огнем, *Serv. ad Aen.* VII. 681. Сам Сервий Туллий предлагает еще более близкую аналогию. Он был результатом союза между переодетой принцессой (ср. Ливий I. 39) и горящим очагом (согласно Фрейзеру, *Магическое искусство*, II. 267-8, нормальная форма родства среди ранних римских царей; ср. *Plut. Romulus*, 2), который заявил о своей страсти к ней, когда она приносила ему пироги (πτελώνους). Впоследствии Сервий объявил о своем грядущем царствовании, сам загоревшись, *Dion. Hal.* IV. 2; Плиний, N.H. XXXVI. 70; *Plut. Fort. Rom.* 10 (*Moral.* 323); Овидий, *Fasti*, VI. 627-36. В этих четырех упоминаниях есть и рождение, и сожжение. О рождении см. также *Arnob. adv. Gent.* V. 18 (цитируя Флакка); о сожжении - *Florus* I. 1. 6; *Serv. ad Aen.* II. 683; *Aur. Vict. de Vir.* III. 7; *Laur. Lyd. de Ostent.* 279 (18 B, C); *Cic. Divin.* I. 53 (121).

1226. Ср. S. Luke XXIV. 30, 31.

1227. Pelham, *Outlines*², p. 7; ср. Niebuhr, *History of Rome* (trans. Walter), I. p. 231.

1228. Дион. Hal. IV. 73.

1229. οἰκλήϊ τε τριήρει καὶ οἰκλήϊ ἀνδρῶν δαπάνη, Hdt. V. 46-7; ср. VIII. 62, где Фемистокл угрожает отплыть на далекий Запад со всем населением Афин.

1230. Pais, Legends, p. 312, n. 7, утверждает, что "та традиция, которая делает его (Тарквиния Приска) современником Ромула, была принята среди официальных версий". Но Дион. Hal. II. 37, который он цитирует в подтверждение, говорит только о безымянном лукуме из Солонии.

1231. Strabo V. 220, 226.

1232. Есть те же две *априорные* возможности относительно греческих художников Горгаса и Дамофила, которые, по словам Плиния (N.H. XXXV. 45), украшали храм Цереры в Цирке Максима, который, как утверждается, был посвящен в 494 году до н.э. В этом случае есть дополнительное осложнение, что украшение могло быть неопределенно позже, чем посвящение. Но нет никаких доказательств, что это было именно так. Греческие надписи на храме гласят, что правая сторона - дело рук Демофила, а левая - Горгаса. Утверждать, что эти художники должны быть позже 390 г. до н. э., потому что надписи упоминаются Плинием, - это значит запутаться. Райе (Rayet, Mon. de l'Art Ant. I. p. 7 из главы "Louve en Bronze") рассматривает заявление Плиния как подтверждение сохранившихся археологических данных о греческом художественном влиянии на ранний республиканский Рим. Это слишком далеко в противоположном направлении: но точка зрения Райе не имеет внутренней невозможности. В рассказе о работе этих греческих художников над римским храмом ничего не говорится о реставрации или реконструкции.

1233. Hdt. V. 92.

1234. Martha, l'Art Étrusque, p. 120, n. 1.

1235. Cic. de Rep. II. 20 (36).

1236. Cic. de Rep. II. 19 (34).

1237. Например, из Caere, Pottier, Album, I. nos. E 629-40; Roem. Mitt. II. p. 155, XXII. pp. 133-4, 150-1; Bullettino dell' Inst. 1884, pp. 122-3, 1885, p. 211.

1238. Ср. выше, рис. 22 из Коринфа. Коринфская керамика из Тарквиний хорошо проиллюстрирована Montelius, Civ. Prim. Ital. Sér. B, пластины 297, 298.

1239. Cat. Berl. Vas. 831 = Ant. Denk. I. pl. 8, fig. 3a. При обсуждении этой таблички Вилиш, Jahresb. Gymn. Zittau, 1901, p. 20 и fig. 22, связывает ее с традицией Демарата.

1240. О странствующих гончарах см. Bent, J.H.S. VI. (1885), p. 198, о современных гончарах Сифноса: "Весной они отправляются в дальние странствия и оседают в городах и деревнях на несколько дней и недель, пока не обеспечат все вокруг большой и хорошо сделанной глиняной посудой, амфорами и кухонной утварью".

1241. Роэм. Mitt. XXII. p. 122; так же Bull. Comm. 1898, p. 273, n. 3.

1242. Roem. Mitt. XXII. p. 162; ср. Furtwaengler, Ant. Gemm. III. pp. 174-5; см. также Roem. Mitt. XXII. p. 156, цитируя Фуртвенглера, Olymp. IV. 114 f.

1243. Вазы и бронзы были приписаны местным мастерским по стилистическим соображениям. Фрески, очевидно, были выполнены *на месте*. Что касается архитектурных терракот, то их размер и количество, необходимое для каждого здания, ставят вопрос о местном производстве, помимо их стиля и техники. К сожалению, до сих пор останки такого рода были недостаточно раскопаны и не менее недостаточно опубликованы. Риццо, чья

ценная статья о находках в Конке более подробно рассматривается ниже, считает самые ранние серии Конки "не местным искусством".

1244. См. далее стр. 245-6, 251-4. Отсутствие в некоторых случаях коринфских аналогов шестого века ионическим находкам седьмого века объясняется в основном случайностью находок. Самые ранние архитектурные терракоты из регионов вокруг Рима, например, все шестого века и ионические: но литературная традиция приписывает изобретение терракотовых антефиксов Бутадесу, который работал в Коринфе (Плиний, N.H. XXXV. 43 (12); ср. там же 45; ср. также Year's Work Class. Stud. 1914, p. 2 (Д. Лэмб о недавних находках на Корфу)). Поэтому мы можем ожидать, что когда раскопкам и публикациям будет уделено больше внимания, мы обнаружим, что Италия седьмого века обладала (что, вероятно, означает "производила") архитектурными терракотами, и что эти терракоты были в коринфском стиле. Фреска в Тарквиниях, Bull. Comm. 1911, p. 26, fig. 9, изображает фронтон, который напоминает фронтон настоящего храма, недавно раскопанного в коринфской колонии Корсира. В Конке вотивные жертвоприношения, которые восходят к более раннему периоду, чем архитектурные терракоты, включают как протокоринфскую, так и коринфскую керамику (Pinza, Mon. Ant. XV. p. 494; Barnabei and Cozza, Notiz. 1896, pp. 29 f.). То, что находки из Конки придают правдоподобие истории о Демарате, признает Риццо, Bull. Comm. 1911, p. 44, который, однако, не признает исторического значения ионийского материала.

1245. Риццо, Bull. Comm. 1911, pp. 43-6.

1246. Klein, Meistersig.⁽²⁾ p. 72, nos. 1-3. Абсурдность утверждения, что имя Эухейр явно вымышленное, объясняется тем, что один из величайших композиторов ранней английской церковной музыки (преимущественно вокальной) носит имя Берд. Что думает Риццо об историчности М. Потье, выдающегося французского археолога, которому мы обязаны каталогом греческих ваз в Лувре?

1247. Демарат, как говорят, бежал от тирании Кипсела (выше, стр. 216). Возможно, он был неудачным соперником Кипсела за коринфскую тиранию. См. приведенные факты, с. 52, о Мильтиаде, сопернике афинского тирана Пейсистрата, и о тирании, которую Мильтиад обеспечил себе во фракийском Херсонесе.

1248. Ливий I. 45.

1249. Дион. Hal. IV. 25-6.

1250. Aur. Vict. de Vir. Ill. 7.

1251. Страбон, IV. 179, 180, отмечает сходство изображений Артемиды в Эфесе, в Марселе и в храме Сервия в Риме; см. Seeley, Livy I. chap. 45.

1252. Например, Brit. Mus. Cat. Vases, II. fig. 41 and pl. II., Buschor, Gr. Vasenmal.⁽¹⁾ p. 94.

1253. Buschor, Gr. Vasenmal.¹ pp. 97-9 и рис. 62, 63.

1254. Ibid. pp. 87-90 и рис. 56. Клазомены находились всего в 20 милях от Фокеи, города, с которым мы только что видели причины ассоциировать Сервия.

1255. Roem. Mitt. IX. (1894), pp. 253 f. и особенно 254-5, 269 (где Петерсен сравнивает с эфесской работой) и 287-296 (особенно близкие параллели из Клазомен).

1256. *Например*, Монтелиус, Civ. Prim. Ital. Sér. B, pl. 342; Rizzo, Bull. Comm. 1910, p. 320, 1911, p. 43, где обсуждаются изображения фронтонов храма на некоторых фресках.

1257. Graillot, Mélanges d'Arch. et d'Hist. 1896, pp. 148 f.; Barnabei and Cozza, Notiz. d. Scav. 1896, стр. 28 f.; Rizzo, Bull. Comm. 1910, pp. 307 f.; cp. Walters, Brit. Mus. Cat. Terracottas, pp. xvii. и 171-9 (ионические греческие архитектурные терракоты из Ланувия и Каэре), 183 (этрусский терракотовый саркофаг под ионическим влиянием из Каэре).

1258. Rizzo, Bull. Comm. 1910, p. 318. Примеры из Веллетри обнаруживают поразительное сходство с находками, сделанными в Малой Азии в Лариссе близ Фокеи.

1259. Bull. Comm. 1911, pp. 46-7; cp. 1910, p. 313.

1260. Быков. Comm. 1911, p. 47.

1261. Возможно, после "Священной" войны начала VI века, когда падение Крисы отрезало Кумы от города-матери, см. ниже, с. 259-260.

1262. Cic. Tusc. Quaest. III. 12 (27); Livy II. 21; Dion. Hal. VI. 21; cp. VII. 2, 12.

1263. См. ниже, стр. 278-9.

1264. Платнер, Топография Рима ⁽²⁾ (1911), с. 106. Cp. Huelsen, Forum Romanum, trans. Carter, 1906, p. 3.

1265. Platner, *ibid.* p. 105. В качестве альтернативной версии осушения Форума Паис приводит историю Курция (445 или 362 г. до н. э.; Varro, L.L. V. 148; Livy VII. 6). Существование двух противоречащих друг другу версий не доказывает, согласно Pais, Legends, pp. 35-6, что ни одна из них не была правдой; в данном конкретном случае мы имеем не две конкурирующие истории, поскольку легенда Курция относится не к первоначальному осушению места, а к внезапному наводнению, подобному тому, которое так встревожило римлян во времена Горация (Оды, I. ii. 12-20). Форум продолжает время от времени серьезно затопливаться.

1266. Об этой керамике и ее происхождении см. ниже, Приложение В, с. 315-319. Учитывая претензии Коринфа на производство посуды такого стиля, интересно отметить, что некоторое ее количество было найдено в Риме, *например*, Mon. Ant. XV. figs. 88a, b и 89, pp. 109 f., pl. IX. 9, 10, 14, 15, 18, pl. X. 1, 4, 5, pl. XVII. 9. См. также ниже, nn. 4, 5.

1267. Ure, Black Glaze Pottery, pls. X. 3, XI. 1, 2.

1268. Notiz. 1903, p. 380; 1911, p. 161.

1269. 1903, p. 388, fig. 17; 1911, p. 160, fig. 3d.

1270. См. приложение Е.

1271. См. приложение F.

1272. Этрускер, I. с. 114.

1273. Journal des Savants, 1909, p. 213.

1274. Мастарна, p. 43.

1275. Легенды, с. 142 f.

1276. Там же, с. 134.

1277. Выше, стр. 231. Церера, Либер и Либера, поклонение которым, как говорят, было введено в Риме на седьмом году республики, - это, очевидно, аттическо-элевсинская триада.

1278. Марта, *L'Art Étrusque*, p. 125, упоминает несколько тысяч аттических ваз из одного города Вульчи.

1279. Например, *Mon. Ant.* XV. p. 242a, b, c, pl. IX. 16, pl. X. 3, pl. XVII. 11.

1280. За исключением, возможно, *Notiz.* 1903, p. 137, fig. 17; ср. Sieveking and Hackl, *Cat. vases Munich*, 613, pl. 30, классифицируется как итальянская коринфская.

1281. *Notiz.* 1903, pp. 407, 412, 424, 425, figs. 36, 42, 55, 57.

1282. Sieveking and Hackl, pl. 18, 481.

1283. *Mon. Ant.* XV. fig. 157 и p. 508.

1284. Пл. XIII. 6.

1285. *Mon. Ant.* XV. fig. 153b.

1286. Диккенс, *Cat. Acrop. Mus.* p. 193 на *Athens Nat. Mus.* № 654.

1287. *Mon. Ant.* XV. p. 263, fig. 105.

1288. J.R.S. III. p. 249. Такой расплывчатый язык недостоин его уважаемого автора, особенно в работе, в которой он неоднократно ратовал за научную точность.

1289. Petersen, *Klio*, 1908, pp. 440 f.; 1909, pp. 29 f.; ср. Михаэлис, *Cent. Arch. Discov.* p. 250. Эксперты расходятся в датировке этого прекрасного животного на протяжении восемнадцати веков. Ранние ученые относили его к посвящению 296 года до н. э., описанному Ливием X. 23, когда консулы "simulacra infantum conditorum urbis sub uberibus lupae posuerunt". Но 296 год до н. э. - не время для столь архаичного произведения. Это заставило некоторых немецких ученых, включая Боден, считать его произведением XII или XIII века н.э., а его берлинский слепок был исключен из классических коллекций. Однако уже в 1867 году Бахофен в *Annali dell' Inst.* pp. 184-8 случайно предположил (как возможную, но не вероятную) дату в конце VI века до н. э. Обоснованные аргументы в пользу этой датировки впервые выдвинул Райе (*Rayet, Mon. de l'Art Ant.* I. vii. Райе показывает, что волк существовал в девятом веке нашей эры, что животные двенадцатого и тринадцатого веков нашей эры стилистически отличаются, и что капитолийский волк имеет близкое родство с другими изображениями животных, которые, несомненно, являются архаичными греческими. Дети, конечно, появились гораздо позже.

1290. Мы не сочли нужным бороться с ультраскептическими взглядами Моммзена (*Roem. Forsch.* II. pp. 156 f., 199 f.) и Паиса (*Ancient Italy*, pp. 276 f.; *Ancient Legends*, chap. XI.), относительно исторического существования Кассия и Маэлия.

1291. Выше, стр. 239.

1292. Martha, *L'Art Étrusque*, p. 123; *Roem. Mitt.* XXII. pp. 131, 133-4, 150-1, 162; Pottier, *Album*, I. E 629-40.

1293. Страбон V. 220.

1294. Hdt. I. 167.

1295. В первой главе этой книги я попытался показать, что эта концепция тирана исчезает из греческой литературы с появлением Дионисия Сиракузского. Если, следовательно, история Тарквина - это всего лишь псевдоистория, то она должна была быть придумана в пятом веке.

1296. Аристотель. Pol. VII. (V.), 1315b; Страбон (где, однако, упоминается Аратус III века) VIII. 382.

1297. Diod. VIII. 24; Liban. Orat. c. Severum, III. p. 251 Reiske; Hellad. ap. Phot. 530a Bekker. Cp. Foerster, Phil. XXXV. p. 710.

1298. Plut. Ser. Num. Vind. 7 (Moral. 553).

1299. Oxyrhync. Pap. XI. № 1365.

1300. Pace De Gubernatis, Atti R. Accad. Torino, 1916, p. 293.

1301. См. выше, стр. 26f. De Gubernatis, ibid. pp. 294-7, предполагает в качестве автора Менахма Сикионского, который, вероятно, процветал около времени Диадочов, см. Abel, Schol. Pind. Nem. IX. p. 254.

1302. Paus. VI. 19. 2.

1303. Он участвовал вместе с Солоном в Священной войне (около 590 г. до н. э.) и был дедом афинянина Клизфена, который реформировал афинскую конституцию в 508 г. до н. э.

1304. Аристотель. Pol. VII. (V.), 1316a.

1305. Nic. Dam. F.H.G. III. p. 394.

1306. Аристотель. Pol. 1315b (διὰ τὸ πολεμικὸς γενέσθαι Κλεισθένης).

1307. Hdt. V. 67 (Κλεισθένης γὰρ Ἀργείοισι πολέμησας...). Athen. XIII. 560c подразумевает, что Аргос и Сикион были на одной стороне в Крисайской войне, но никакие выводы не могут быть основаны на этом романтическом отрывке, который приписывает войну (как и Троянскую войну) изнасилованию некоторых аргивянок. Аргивянин (Леокед, сын тирана Фидона) появляется среди женихов Агаристе, дочери Клизфена. Современники подозревают его в том, что он хронологически невозможен, что он единственный дориец и что он увеличивает число с двенадцати до тринадцати (Macan ad Hdt. VI. 127); но его *априорная* невероятность не является решающим фактором против его исторической реальности. Возможно, Клизфен изменил свою политику в конце своей карьеры, хотя против этого должны быть свидетельства соперничества между Сикионом и Аргосом по поводу основания (?) Немейских игр в конце правления Клизфена, Bury, Nemean Odes, pp. 250-1.

1308. Paus. II. 9. 6; X. 37. 6 ("поэтому амфикиотионы решили начать войну с кирраитами и назначили командовать Клистена, тирана Сикиона"); Polyae. III. 5 (cp. VI. 13); Frontin. Strat. III. 7. 6; Schol. Pind. pref. to Nem. IX. (цитируется ниже).

1309. Cp. Hom. Il. II. 520; Hymn. Apoll. 438; Paus. VII. 19. 7.

1310. Hdt. VI. 129; cp. Nic. Dam. F.H.G. III. p. 395.

1311. Strabo IX. 418 εὐτυχήσαντες γὰρ οἱ Κρισαῖοι διὰ τὰ ἐκ τῆς Σικελίας καὶ τῆς Ἰταλίας τέλη πικρῶς ἐτελώνουν τοὺς ἐπὶ τὸ ἰερὸν ἀφικνουμένους. ibid. *supra*, πόλις ἀρχαία Κίρρα ἐπὶ τῇ θαλάττῃ ἰδρυμένη Ἰδρυται δ' ἀπαντικρὺ Σικυῶνος, πρόκειται δὲ τῆς Κίρρας τὸ Κρισαῖον πεδῖον

εὐδαιμον. πάλιν γὰρ ἐφεξῆς ἐστὶν ἄλλη πόλις Κρῖσα, ἀφ' ἧς ὁ κόλπος Κρῖσαϊος, ср. Mariéjol, de Orthagoridis, pp. 29 f.; Beloch, Gr. G.⁽²⁾ i. p. 337, n. 3. Является ли Kirrha географически или этимологически отличной от Krisa, несущественно для нашего исследования.

1312. Schol. Пинд. предисловие к Нем. IX. φησὶ δὲ ἐν τῷ πολέμῳ τῶν Κρῖσαίων κατὰ θάλασσαν ῥαδίως τὰ ἐπιτήδεια ποριζομένων καὶ διὰ τοῦτο μακρᾶς γενομένης τῆς πολιορκίας Κλεισθένην τὸν Σικυώνιον ναυτικὸν ἰδίᾳ παρασκευάσαντα κωλύσαι τὴν σιτοπομπίαν αὐτῶν, καὶ διὰ ταύτην τὴν εὐεργεσίαν τὸ τρίτον τῶν λαφύρων ἔδοσαν τῷ Κλεισθένει καὶ Σικυωνίαν (alii Σικυωνίοις), ἀφ' οὗ καὶ Σικυώνιοι τὰ Πύθια πρῶτον παρ' ἑαυτοῖς ἔθεσαν. Авторитет, которым здесь пользуется схолиаст, неясен. Возможно, это Менахм Сикионский, о котором см. выше, p. 258, n. 2.

1313. У Сикиона не так много гаваней (Bursian, Geog. Gr. II. i. p. 30), но ему удалось собрать приличную эскадру кораблей для персидской и пелопоннесской войн (Hdt. VIII. 43; Thuc. II. 9), когда его значение было гораздо меньше, чем в эпоху тиранов.

1314. Согласно одному из прочтений схолии к Пиндару, Nem. IX. именно этим процессам Клисфен был обязан своим тронem: καὶ διὰ ταύτην τὴν εὐεργεσίαν τὸ τρίτον τῶν λαφύρων ἔδοσαν τῷ Κλεισθένει καὶ Σικυωνίαν. (См. выше, п. 1.) Но название страны в объективном винительном падеже без артикля необычно, и свидетельства MS., похоже, поддерживают чтение Σικυωνίοις.

1315. Bury, Nemean Odes, Appendix D. Датой первых пифийских игр обычно считается 586 год до н. э., но наши власти утверждают, что праздник был более древним. После Священной войны произошли изменения в характере праздника, который из чисто музыкального стал в значительной степени атлетическим (Strabo IX. 421; Paus. X. 7. 2-5).

1316. К примерам, приведенным Бури, можно добавить вмешательство Поликрата в большой Делийский фестиваль, см. выше, с. 70, 71.

1317. См. особенно Isocr. Panegy. 43 (49).

1318. Strabo X. 486; ср. Livy I. 30, "Tullus (т.е. Тулл Хостилий, царь Рима) ad Feroniae fanum mercatu frequenti negotiatores Romanos comprehensos querebatur"; S. Matt. XXI. 12, "и вошел Иисус в храм Божий, и выгнал всех продающих и покупающих в храме, и опрокинул столы меновщиков". С этой точки зрения греческие игры можно сравнить и с некоторыми из великих ярмарок средневековой Европы; см. например, Дагоберт I, diplom. ann. 629; Пипин, diplom. ann. 753, de festo S. Dionysii, цитируется Barth, Corinth. Comm. p. 9, n. 1. См. также ярмарки, проводившиеся по соседству со святилищами в домагометанской Аравии, Margoliouth, Mohammed, p. 6.

1319. Cornford, Thucydides Mythistoricus, p. 35.

1320. Ср. Grote (ed. 1888), II. pp. 65-66, который остро утверждает, что Клисфен стремился в основном подавить не нашего Гомера, а утраченные Фивы, когда он запретил читать Гомера в Сикионе. В "Фивах" прославлялись дорийские герои, свергнувшие доисторические Фивы.

1321. Macan ad Hdt. VI. 127.

1322. A. B. Cook, C.R. XXI. p. 169, но ср. ibid. p. 233.

1323. Оракул предсказал и, следовательно, предположительно благоприятствовал установлению тирании Ортагором, Oxyrhync. Pap. XI. 1365; Diod. VIII. 24; Plut. Ser. Num. Vind. 7 (Moral. 553) (где тирания Ортагора объясняется возмущением, совершенным на пифийских играх).

1324. "Sikyon ist keine Handelstadt", Ges. d. Alt. II.⁽¹⁾ p. 628.

1325. Ниже, с. 316-7 и ссылки, там же.

1326. Paus. VI. 19. 2.

1327. Frazer, Paus. *ad loc.*

1328. Frazer, *ibid.*

1329. Критские скульпторы Дипоен и Сциллис прибыли около 580 г. до н. э. в Сикион, "который долгое время был родиной всех подобных ремесел". Сицилийцы заключили с ними договор на изготовление статуй богов, но прежде чем они были закончены, художники пожаловались, что их плохо используют, и уехали в Этолию" (Плиний, N.H. XXXVI. 4). Гарднер предполагает, что художники покинули Сикион после смерти Клисфена (Gk. Sculp.⁽²⁾ p. 103). Дикая и полудивилизованная Этолия кажется странным убежищем для таких высококвалифицированных мастеров. За Этолией от Сикиона находился город Амбракия, который, по словам Плиния, был переполнен работами Дипоэна (N.H. XXXVI. 4). Опираясь предположительно на это утверждение, Гарднер (там же) заставляет художников удалиться в Амбракию из Сикиона. Амбракия была коринфской колонией и, по-видимому, продолжала оставаться под властью тирана из дома Кипсела после падения великих тиранов в государствах на перешейке. Аполлон приказал сикионцам отозвать художников и дать им закончить работу, и это было сделано, хотя и дорого обошлось сикионцам (*magnis mercedibus impetratum est*, Плиний, N.H. XXXVI. 4). Следует отметить, что в Сикионе возродилась и тирания. Тиран Эсхин был изгнан спартанцами, предположительно в конце VI века, Plut. de Hdt. Malig. 21 (Moral. 859). Таким образом, странствия Дипоэна и Сциллы указывают на возможную связь между тиранической формой правления и хорошими условиями для квалифицированного труда.

1330. Paus. II. 9. 6.

1331. Poll. VII. 685; Mariéjol, de Orthagoridis, pp. 11-12, сравнивает мегарейцев, которые

πρόσθ' οὔτε δίκας ἤδεσαν οὔτε νόμους,

ἀλλ' ἀμφὶ πλευρῇσι δорὰς αἰγῶν κατέτριβον,

ἔξω δ' ὥτ' ἔλαφοι τῆσδε νέμοντο πόλεος

καὶ νῦν εἴ σ' ἀγαθοί. Theognis 54-7.

1332. Pace Bury, Hist. Greece ², p. 155.

1333. Аристотель. Pol. VII. (V.), 1315b; ср. Oxyrhync. Pap. XI. 1365, ll. 58 f.

1334. Busolt, Gr. G.⁽²⁾ 1. p. 663. Клисфен, последний и наиболее запомнившийся представитель династии, кажется, был особенно несносен для высших классов. Его заметная антипатия к Гомеру, поэту аристократии и божественного права, могла иметь как социальную, так и расовую основу, как, возможно, и его отношение к аргивско-сицилийскому герою, царю Адрасту, праздник которого, несомненно, напоминавший аристократическое поклонение предкам, он заменил культом парвеню и плебейского бога вина Диониса.

1335. Thuc. I. 126; Aristot. Rhet. I. 2; Aristot. Pol. VII. (V.), 1305a; Paus. I. 28. 1, 40. 1, 41. 2; Plut. Qu. Gr. 18 (Moral. 295).

1336. Euseb. Chron. I. ch. 33. Белох относит Теагена к VI веку, но на основании самых слабых свидетельств.
1337. Aristot. Pol. VII. (V.), 1305a. Идея Кауэра, Part. u. Polit. in Megara u. Athen, p. 16, что возвышение Теагена совпало с сильным ударом по колониальной власти Мегары на Черном море, не имеет под собой никаких доказательств.
1338. Xen. Mem. II. 7. 6; ср. Аристоф. Ach. 519, Pax 1002.
1339. Kleinschr. pp. 116-17; ср. 119, n. 1. Мейер цитирует Isoc. de Pace, 117 (183), о скромном зарождении Мегары, но этот отрывок не указывает на конкретные даты.
1340. Gr. G.⁽²⁾¹. p. 470.
1341. Xen. Anab. VI. 2. 1; Априан, Perip. 18.
1342. Об отношениях между Мегарой и Милетом в этот период практически ничего не известно. По-видимому, они были дружественными, Мейер, G. d. A. II. p. 676 (но ср. Cauer, Part. u. Polit. in Megara u. Athen, pp. 14 f.). С другой стороны, Коринф, похоже, был дружен с Самосом, соперником Милета, и мы слышим о раннем столкновении между Коринфом и Мегарой (Meyer, G. d. A. II. p. 449). Поэтому не исключено, что большая торговля шерстью из Милета с дальним Западом шла через Мегару, а не через соперничающее с Коринфом государство на перешейке.
1343. Paus. I. 44. 4.
1344. N.H. VII. 57.
1345. Hauptstätten d. Gewerbflusses, p. 89.
1346. Gewerbliche Tätigkeit, p. 71.
1347. Theog. 183-4.
1348. Part. u. Polit. in Megara u. Athen, p. 24.
1349. H. Sieveking, Viertelj. f. Soc. u. Wirt. VII. p. 64.
1350. Sozialismus², I. p. 195, n. 2.
1351. Ну. Д. Ллойд, Богатство против Содружества, гл. III.
1352. Там же, гл. XVIII.
1353. Paus. I. 40. 1, 41. 2.
1354. Meyer, Ges. d. Alt. I.^{(1)P}. 567. Езекия вступил на престол в 714 г. до н. э.
1355. Plut. Qu. Gr. 18 (Moral. 295).
1356. Cauer, Part. u. Polit. in Megara u. Athen, p. 31.
1357. Hdt. I. 20-22, V. 28, VI. 46; Aristot. Pol. III. 1284a, VII. (V.), 1305a; Plut. Qu. Gr. 32 (Moral. 298); Suid. s.v. Γέργης, Περιβολή, Τύρβη; Athen. XII. 523f-524b; Myres, J.H.S. XXVI. 110-115 (о милезской талассократии).
1358. Swoboda ap. Pauly Wissowa s.v. Damasenor. Эту возможность утверждает как факт А. Г. Данэм, Hist. Miletus, p. 127.

1359. Beloch Gr. G.⁽²⁾ i. p. 359.

1360. Совершенно иную интерпретацию см. в Wecklein, Sitzb. Bay. Akad. Muenchen: philos.-philol. Kl. 1873, p. 45; Wachsmuth, Stadt Athen, I. 481.

1361. Tyrannis, p. 226.

1362. Eustath. ad Odyss. I. 399. Он сам так использует это слово ad Odyss. XII. 103 и Opusc. de emen. vita monach. 126.

1363. Poehlmann, Sozialismus², I. 183, считает, что хейромахи состояли в основном из "компактных масс подмастерьев, рабочих и торговцев, которых великое развитие промышленности, торговли и судоходства концентрировало во все возрастающем количестве в городах".

1364. *Apud* Athen. XII. 524a.

1365. How and Wells, ad Hdt. V. 28.

1366. Athen. XII. 524b.

1367. Casaubon *ap.* Schweighaeuser, Athen., *ad loc.* объясняет "unwarlike" как относящееся к детям, которых обливали смолой и сжигали вместе со старшими; но нет никаких указаний на то, что оракул думает именно о детях, да и "unwarlike" не было бы очень подходящим прилагательным для них.

1368. Pol. VII. (V.), 1305a.

1369. Hdt. V. 92; так же Aristot. Pol. III. 1284a.

1370. Hdt. I. 21-22.

1371. Э. Мейер, G. d. A. III. 1, p. 57.

1372. Милет, должно быть, извлек огромную выгоду из падения Поликрата (около 523 г. до н. э.) и снятия блокады, которую он держал против всех подданных или союзников Великого царя.

Hdt. IV. 137 заставляет Гистиея утверждать, что именно благодаря Дарию ионийские тираны находятся на своих тронах и что если власть Дария будет уничтожена, то ни он (Гистией) не сможет управлять милезийцами, ни какой-либо другой тиран каким-либо другим народом. Но в греческом тексте не говорится, что Дарий посадил тиранов на троны, а слова Гистиея описаны как мнение, а не как констатация факта. Таким образом, Геродот не утверждает и не предполагает, что ионийские тирании были вызваны активным вмешательством Дария. После восстания ионийцев персидский сатрап "установил демократию в греческих городах", или, другими словами, открыто заявил, что они могут управлять собой.

1373. Hdt. V. 11.

1374. Hdt. V. 23. Ср. выше, с. 62.

1375. Grundy, Great Persian War, p. 66.

1376. В пользу этого мнения говорят мои замечания в главе II о роли, которую сыграли фракийские рудники в "укоренении" и поддержании тирании Писистрата. См. также более

позднюю попытку Гистиея обезопасить фракийский остров Тасос с его большим флотом и чрезвычайно продуктивными рудниками, Hdt. VI. 46.

1377. Ap. Suid. s.v. Pythagoras.

1378. Афины. VII. 289с.

1379. Аэл. V.H. III. 26; Polyae. VI. 50; ср. Hdt. I. 26.

1380. Suid. s.v. Hipponax.

1381. Pauly Wissowa s.v. Ephesus, pp. 2788-9, цитируя Suid. s.v. Aristarchos. Веревка, которой эфесцы привязали свой город к храму во время осады Креза, и щедрое пожертвование Креза на восстановление храма не являются доказательством того, что управление городом в этот период на некоторое время перешло в руки священства" (E. Curtius, Ephesus, pp. 14-15).

1382. Так Buerchner ap. Pauly Wissowa s.v. Ephesus, p. 2788. Пласс, однако, в Tyrannis, pp. 229-30, считает Меласа и Пиндароса васидами, а Пифагора - более поздним, чем они.

1383. τῷ δήμῳ καὶ τῇ πλῇθει ἦν τε καὶ ἐδόκει κεχαρισμένος, ἅμα τὰ μὲν αὐτοὺς ἐπελπίζων ὑποσχέσεσιν, τὰ δὲ ὑποσπείρων αὐτοῖς ὀλίγα κέρδη.

1384. τοὺς γε μὴν ἐν ἀξιώσει τε καὶ δυνάμει περισυλῶν καὶ δημεύων.

1385. Ср. *например*, ἀπέχρησε μὲν οὖν καὶ ταῦτα (его поведение с подданными) ἂν κάκιστα ἀνθρώπων ἀπολέσαι αὐτόν- ἤδη δὲ καὶ τοῦ θεοῦ κατεφρόνει, к.т.λ.

1386. Ael. V.H. III. 26.

1387. Radet, Lydie, p. 172. Однако, по мнению Радета (стр. 82, 134), нет никаких доказательств того, что Мелас, зять Гигеса, описанный Nic. Dam. F.H.G. III. p. 396 как князь Даскилиона был предком Меласа, отца Пиндара (также Gelzer, Rhein. Mus. XXXV. pp. 520-1), и предшественником этого более позднего Меласа как тирана Эфеса. Радет считает, что Даскилион из Nic. Dam. ошибочно считать Эфесом.

1388. Nic. Dam. F.H.G. III. p. 397; см. выше, p. 137.

1389. Euseb. and Hieron. Chron.

1390. Polyae. V. 47.

1391. Pol. VII. (V.), 1310b 29, 1316a 37 (основан, возможно, на Антиохе Сиракузском, Endt, Wien. Stud. XXIV. p. 53).

1392. Выше, гл. I, с. 26 f.

1393. Фримен, История Сицилии, II. 56, использовал его, чтобы опровергнуть мнение о том, что борьба, закончившаяся тиранией Панаития, была "только распрями между богатыми и бедными", и сделать вывод о том, что она, вероятно, носила расовый характер. Многозначительное "только" в достаточной степени объясняет этот вывод.

1394. Polyae. V. 1. 1.

1395. Cic. ad Att. VII. 12. 2, 20. 2; de Div. I. 23; Val. Max. III. iii. extern. 2; Plut. Ser. Num. Vind. 7 (Moral. 553); Лукиан, Ver. Hist. II. 23; bis Acc. 8; Фаларис, А и В *passim* (ibid. А 6, Фаларис заявляет, что он жестоко наказывал заговорщиков, ср. Plut. Amat. 16 (Moral. 760), только потому, что они мешали его намерению править мягко; ibid. А 8, 9, люди от природы добрые,

как он сам, больше страдают, накладывая наказания, чем получая их); Athen. XIII. 602a-b; Ael. V.H. II. 4. В последних двух приводится анекдот, в котором Фаларис показывает, что он может быть как милосердным, так и жестоким.

1396. Pind. Pyth. I. 95 f., ср. Schol. *ad loc.*; Timaeus F.H.G. I. pp. 221-2 (Polyb. XII. 25; Diod. XIII. 90; Schol. Pind. Pyth. I. Timaeus, по-видимому, отрицает историческое существование быка); Diod. XIX. 108; Cic. Verr. IV. 33; Овидий, A.A. I. 653; Trist. III. xi. 41 f.; *Ib.* 441; Pliny, N.H. XXXIV. 19; Plut. Parall. 39 (Moral. 315); Лукиан, Фаларис, A 1, 11; B 11.

1397. Pind. Pyth. I. 95 f.

1398. Aristot. Pol. VII. (V.), 1310b; и (?) Rhet. II. 20 (возможно, относящийся к другому Фаларису). Басня о коне и олене приписывается Стесихору, когда Фаларис был στρατηγὸς αὐτοκράτωρ из Гимеры и просил телохранителя, с которым он намеревался стать тираном.

1399. Euseb. Ol. 52. 3-56. 3; Suid. s.v.; ср. Schol. Pind. Ol. III. 68 (38). Более раннюю дату см. в Euseb. Ol. 32. 3-39. 2 и Плиний, N.H. VII. 57 (tyrannus primus fuit Phalaris Agrigenti), но в этих двух отрывках тиран процветает до основания города, которым он правит.

1400. Хольм, Gesch. Sic. I. 149 (ср. Hist. of Greece, I. p. 363), который, однако, не видит полного применения своих собственных слов.

1401. Лукиан, Фаларис, A 3.

1402. Аристотель. Pol. VII. (V.), 1310b, τύραννοι κατέστησαν ... οἱ περὶ τὴν Ἰωνίαν καὶ Φάλαρις ἐκ τῶν τιμῶν.

1403. Plut. Praec. Ger. Rep. 28 (Moral. 821); о низвержении Фалариса см. также Plut. cum Princ. Philosoph. 3 (Moral. 778).

1404. Diod. VIII. 11.

1405. Pauly Wissowa s.v. Agathokles, 14b (в Supplement Heft I).

1406. Ср., возможно, использование ἐπίστασις выше, с. 81.

1407. Dem. Olynth. III. 25-6; Aristocr. 207; περὶ Συντάξ. 29 (= III. 35; XXIII. 689; XIII. 174).

1408. Военные хитрости, приписываемые Фаларису Полиэном, V. 1. 3, 4, и Фронтин, III. 4. 6, не очень интересны, но отметим, что в одной из них Фаларис добивается своей цели путем мошеннической сделки с кукурузой.

1409. Примерно во времена Фалариса Сицилия была захвачена карфагенской армией под командованием полководца по имени Малх, Юстин XVIII. 7. Высказывается предположение, что Фаларис был главным предводителем агригенистов в борьбе с пунической опасностью (Bury, Hist. Greece², p. 297), и что он играл ту же роль, что и во время более позднего вторжения сиракузца Дионисия. Для этого предположения нет никаких доказательств. Нет никакой уверенности ни в том, что вторжение Малха произошло в эпоху Фалариса, ни в том, что Агригентум был поставлен под угрозу или даже встревожен. С другой стороны, есть намеки на то, что Фаларис был, наоборот, антикарфагенянином. Семиты Карфагена были преданы культу Молоха, в поклонении которому не последнюю роль играло расплавленное изображение тельца и принесение ему человеческих жертв. Возможно, наиболее вероятное происхождение истории о быке Фалариса следует искать в этом поклонении Молоху. Тиран мог иметь большой финикийский контингент среди своих иностранных служащих и очень шокировать своих греческих подданных, позволив этим семитам практиковать семитские

обряды в Агригентуме. Однако Мейер, *Ges. d. Alt. II.* p. 682 n., предполагает связь между быком Фалариса и критским культом быка. Отметим, что рассказ о быке Фалариса произвел на Гроте впечатление имеющего историческую основу: "Реальность полого быка представляется более достоверной, чем можно было бы предположить по характеру рассказа", *Hist. Greece, ed. 1888, IV.* p. 65; *ср. ibid.* p. 296, n. 1.

1410. Ливий II. 21, 34; *Dion. Hal. VI.* 21.

1411. *Dion. Hal. VII.* 3.

1412. *Dion. Hal. VII.* 4, 5; *Plut. Mul. Virt.* 26 (*Moral.* 261).

1413. *Dion. Hal. VII.* 4, 5, 6, 4.

1414. *Plut. Mul. Virt.* 26.

1415. См. *Niese ap. Pauly Wissowa s.v. Aristodemus* (8).

1416. Страбон XIII. 610; *ср.* 614. См. далее *Diod. XVI.* 52; *Diog. Laert. V.* 1. 3-11 (цитирует Деметрия Магнеца и Феокрита); *Dion. Hal. Ep. ad Amm.* 5; *Demetrius, de Eloc.* 293; *Hesych. Miles. F.H.G. IV.* p. 156; *Harpocrat. s.v. Ἑρμίας*; *Hesych. s.v. Τάρνη*; *Suid. s.v. Ἀριστοτέλης*; *Et. Mag. s.v. Ἑρμῆς*; *Lucian, Eunuch.* 9; *Himerius, VI.* 6; *Tertull. Apol. adv. Gent.* 46; *Euseb. Prep. Ev. XV.* 2. *Suid. s.v. Ἀριστοτέλης* и *Hesych. Miles.* заставляют Аристотеля жениться на дочери Гермия; *Diog. Laert.* "дочь или племянница"; *Euseb., Harpocrat., Suid. s.v. Ἑρμίας* и *Et. Mag.* приемная дочь, которая по рождению была сестрой тирана (*Euseb.*).

Платон (?), *Ep. VI.*, подразумевает, что двое из спутников Гермия посещали Академию, но не сам Гермий. Но даже в этом случае письмо, если оно подлинное, является свидетельством общения между Гермием и Платоном.

Источники по Гермию собраны и обсуждены Бёкхом (*Boeckh, Klein. Schrift. VI.* 188 f. и *Larcher, Mém. Acad. Insc. et B.-Lettr. XLVIII.* pp. 208 f. Ларше, писавший в 1792 году, менее полон, но чрезвычайно интересен своим отношением к восстанию Гермия против персидского царя. "Я долгое время убеждал себя в том, что мятежник, который был справедливо наказан последним подателем, не является столь важной персоной для того, чтобы писать, что он занят. Но, глядя на Аристотеля, я подумал, что человек, который внимает лучам великого философа, должен выйти из состояния мрака, в котором он в определенном смысле осужден"; стр. 208; *ср.* стр. 225, где Ларше объясняет греческую концепцию прав гражданства и их отказ подчиниться иностранному завоевателю. Такое извращенное отношение греков он объясняет их извращенной религией.

1417. *J.H.S. XXXV.* p. 167. Отметим, что Гермий славился честными сделками. "Если он совершал какую-нибудь покупку, а это часто случалось в случае с книгами, продавец, будучи его подданным (*ἰδιώτης*), требовал цену меньше их стоимости. Но Гермий обычно исправлял ошибку, заявлял, что книга стоит больше, и платил соответственно" (*Suid.*).

1418. *Diog. Laert. III.* 1. 31 (46).

1419. Афины. XI. 508 f.

1420. *J.H.S. XXXV.* p. 167.

1421. *Athen. XI.* 509a.

1422. Босвелл, изд. *Fitzgerald, I.* p. 422.

1423. Орозий IV. 6; ср. Aristot. Pol. VII. (V.), 1307a выше.

1424. Эвбулос (безымянный банкир из Strabo XIII. 610; ср. Diog. Laert. V. I. 5 (3)) цитируется Аристотелем (Pol. II. 1267a) как доказательство персидскому сатрапу, что ему не стоит осаждать Атарнею, на что Боэций замечает, что "идея достойна банкира", Kl. Schr. VI. p. 188. Похоже, что он был не слишком доступен для экономических аргументов. Так, Каллистен в своих "Апофтегмах" рассказывает, что поэт Персинос, которым пренебрег Эвбул из Атарнея, отправился в Митилену, а когда Эвбул выразил удивление, написал ему, что это потому, что он нашел более приятным обменять в Митилене, чем в Атарнее, фокейские статеры, которые он привез с собой", Poll. IX. 93.

1425. Помимо связей с Гермием Аристотель был воспитан παρά τινι Προξένῳ Ἀταρνεί, Ammon. Vita Arist.

1426. Boeckh, Kleine Schriften, VI. p. 191, говорит о Гермие: "seine Macht darf man nicht gering anschlagen"; но Атарней τὸ τοῦ Ἑρμείου τυραννεῖον (Strabo XIII. 614) описывается Гимерием (Or. VI. 6) как πόλις μέγεθος οὐ μεγάλη. Даже при самой либеральной оценке она становится совершенно незначительной в свете завоеваний Александра, которые так скоро последовали за ней.

1427. Pol. II. 1273a; III. 1280a.

1428. Pol. VIII. (VI.), 1318a.

1429. Hicks, Manual Gk. Hist. Inscr. no. 100. Это выражение встречается четыре раза в тридцати двух сохранившихся строках надписи. Гермий упоминается без своих партнеров только один раз, в самом конце.

1430. Возможно, это также реальность. Шестое письмо Платона, адресованное Гермиясу, Эрасту и Корискосу (ср. Diog. Laert. III. 1. 31 (46)), призывает всех троих образовать "единые узы дружбы" (μίαν φιλίας συμπλοκήν). Boeckh, Kl. Schr. VI. p. 191, описывает тиранию Гермия как "eine Hetairie mehrerer, an deren Spitze ein anerkanntes Haupt stand". Гермий был, по крайней мере, primus inter pares; ср. использование его печати, Polyaen. VI. 48.

1431. Diog. Laert. V. 1. 7 (6); Athen. XV. 696; ср. также эпigramму, приписываемую Аристотелю, на статую Гермия в Дельфах, Diog. Laert. ibid.

1432. Suid. s.v. Ἀριστοτέλης; ср. Athen. XV. 696a-b; Diog. Laert. V. 1. 7; Hesych. Miles. F.H.G. IV. 156-7.

1433. Pace Endt, Wien. Stud. XXIV. pp. 67-68. Аристотель не называет его тираном ни в "Пеане" (где он называется Ἀταρνέος ἔντροφος, v.l. ἔντροπος (= ἐπίτροπος, наместник, управитель?), см. Larcher, *op. cit.* p. 244), ни в эпитафии Diog. Laert. V. 1. 7. В "Экономике", включенной в число работ Аристотеля и, вероятно, написанной одним из его учеников, он упоминается, не называя себя тираном (II. 28: об авторстве см. ed. Teubner, introd. p. viii). Эвбулос также не называется так, когда упоминается в "Политике" (II. 1267a). Деметрий, возможно, следует аристотелевской традиции, когда называет Гермия просто ὁ τοῦ Ἀταρνέως ἄρξας (но ср. там же παρά τοῖς τυράννοισι). Так и Суид. ὅστις ἦν ἄρχων Ἀταρνέως. У других писателей Гермий обычно называется тираном (так у Страбона, Диодора, Диог. Лаэрт., Дион. Хал., Лукиана).

1434. Diod. XV. 7; Plut. Dio, 5; Diog. Laert. III. 1. 14 (19). Эта история может быть вымыслом (Burnet, Thales to Plato, p. 211), но если это так, то она, вероятно, основана на факте ссоры между тираном и философом.

1435. Сам Дионисий имел более четкое представление об опасности превращения монополиста в политического potentata, как явствует из отрывка самого Аристотеля. "В Сицилии некий человек, у которого были деньги, положенные ему на хранение, скупал все железо с железных заводов (σιδηρείων), и после этого, когда купцы приезжали из эмпорий, он был единственным продавцом. Он не сильно завышал цены, но тем не менее на пятидесяти талантах делал сто. Когда Дионисий заметил это, он велел ему снять деньги, но не оставаться больше в Сиракузах, так как он открыл источник дохода, который наносит ущерб его интересам". (Arist. Pol. II. 1259a.) Описанный инцидент, однако, вряд ли позволяет предположить, что монополист был самой большой опасностью для Дионисия.

1436. Страбон XIII. 623.

1437. В надписи, опубликованной J.H.S. XXII. p. 195, его отцу дано греческое имя Аттал, но он описан Афинеем, XIII. 577b, цитируя Каристия, как сына куртизанки-флейтистки из Пафлагонии, а Павсаний, I. 8. 1, как пафлагонский евнух.

1438. Страбон XIII. 623; Paus. I. 10. 4.

1439. Аппиан XI. 10 (Syr. 63).

1440. Fraenkel, Inschr. v. Perg. no. 245, fr. C, l. 44; Bevan, House of Seleucus, I. p. 156.

1441. J.H.S. XXII. p. 193 f.

1442. Polyb. XXIII. 8.

1443. Holm, Hist. Greece, IV. p. 280.

1444. Mommsen, Hist. Rome (English trans.), II. p. 403.

1445. Holm, Hist. Греция (английский перевод), IV. стр. 280, 296.

1446. Полностью опубликовано в Minns, Greeks and Scythians, pp. 641-2, и обсуждается там же, pp. 460-3 и *passim*.

1447. Minns, p. 641, l. 65.

1448. Minns, p. 642, l. 59.

1449. Ure, Black Glaze Pottery, p. 35, n. 6.

1450. Макроб. Sat. I. xi. 33.

1451. Minns, p. 459.

1452. Cp. Minns, p. 462, n. 2.

1453. Страбон XIII. 624. Значение этого события нельзя выразить лучше, чем словами Хольма, Hist. Greece, IV. p. 527: "Для Пергамской династии характерно то, что она завершила свою карьеру в том же духе, в котором начала ее. Ее правление имело частное происхождение: Филетаир присвоил себе сокровища и казну. После этого пергамские правители возвели себя в ранг царей благодаря своим деньгам и умной политике и как таковые добились многого. Однако последний государь в роду вернулся к мнению, что его

положение носит частный характер, и распорядился всем, на что претендовал, как будто это была частная собственность".

1454. Страбон XIII. 624. Дружба датируется по меньшей мере 211 годом до н. э., Livy XXVI. 24.

1455. οὐ ψθίνει Κροίσου φιλόφρων ἄρετά, Pind. Pyth. I. 93-94; но ср. то, что поэт говорит там же, 95-98, о том, что, вероятно, было подобным правительством (см. выше, стр. 274-8), которое греки знали изнутри: "Фаларисцы рассказывают о повсюду с ненавистью" (ἐχθρὰ Φάλαριν κατέχει παντὶ φάτις).

1456. Белох, Гр. Г.⁽²⁾ 1. i. 348.

1457. Белох, гр. Г.⁽²⁾ 1. i. 359.

1458. Ср. с последними днями, когда рецидив некоторых условий темных веков превратил "деловых людей" в полемархов или публицистов, а в некоторых известных случаях и в тех и в других вместе взятых.

1459. За исключением, пожалуй, Фидона, который исключителен и в других отношениях.

1460. Законодатель и тиран часто резко противопоставляются друг другу, *например*, Лукиан, Фаларис А, 8.

1461. Rep. 566a.

1462. V. 92.

1463. 1181-2; ср. 1203-4.

1464. Э. Гарднер, Греческая скульптура ²рис. 44, 45.

1465. *Например*, знаменитая песня о питье, начинающаяся ἐν μύρτου κλαδί.

1466. О ненависти и осуждении тирании или восхвалении тираноубийц см. далее: Aristoph. Thesm. 335 f.; Polyb. V. 11; Cic. de Off. III. 6; Xenoph. Hiero, II. 8; Plut. Timol. 5, 37; Ael. V.H. XIV. 22.

1467. См. выше, с. 133-4.

1468. Нордин, Клио, V. стр. 402 f., объясняет титул τύραννος, принятый в седьмом веке, тем, что тогда царствование возродилось как реальность, а царь означал функционера, который по сути был бессилён. Это объяснение вполне может быть верным, но оно не проливает свет на характер возрожденной реальности.

1469. *Например*, I. 7, 73, 100, 109; II. 147 (владения двенадцати правителей, разделивших Египет после Сифона, называются тираниями, сами правители - царями); V. 113 ("Филокипрос, которого Солон Афинский, приехав на Кипр, прославил в своих поэмах более всех тиранов" (τυράννων μάλιστα)); VII. 52, 99, 164; VIII. 67, 137, 142.

1470. Конечно, в разные периоды этот термин применялся к правительствам, которые сильно отличались друг от друга как по характеру, так и по основанию своей власти. Нет никаких оснований относить Кипсела и Дионисия к одному типу правителей, как считает Хольм (Gk. Hist. I. p. 266, n. 15), а также Бьюри (Gk. Hist.⁽²⁾ p. 147; ср. Francotte, Mélanges, pp. 62 f.), из кожи вон лезет, чтобы сделать это. На замечания Хольма уже отвечали: (1) Для Фалариса, Пейсистрата и Поликрата грубая сила была столь же необходимой, как и для более поздних тиранов, таких как Дионисий и Агафокл. (2) Своим возвышением они, как и более ранние

тираны, были обязаны ненависти, которую низшие классы питали к знати. (3) Геродот не отличает царя от тирана. Догматизм Бьюри в этом вопросе и его отрицание существования "эпохи тиранов" послужили причиной появления этой книги.

1471. Pol. VII. (V.), 1310b.

1472. Rep. 552b.

1473. Ср. Isocr. Paneg. 62 (105), "считая чудовищным, что немногие должны быть хозяевами многих и что те, кто ниже их по имущественному положению, но в других отношениях ни на йоту не ниже их, должны быть отстранены от должности".

1474. Poehlmann, Grundriss⁴, p. 73, n. 1 (моя теория - "ложная Verallgemeinerung").

1475. Sieveking, Viertelj. Soc. Wirt. VII. p. 81.

1476. Хау и Уэллс, Hdt. V. 92 β 1, считают антидорийскую реакцию обычной чертой ранних пелопоннесских тираний.

1477. Busolt, Lakedaim. I. p. 209; ср. Hdt. I. 23; Suid. s.v. Ἀρίων; Strabo VIII. 378.

1478. Busolt, Lakedaim. I. p. 210.

1479. Polyb. XII. 13.

1480. За исключением Сикиона, она редко длилась более двух поколений; ср. Hdt. V. 92, где оракул предсказывает, что Кипсел и его сыновья будут царями прославленного Коринфа, но не сыновья его сыновей, αὐτὸς καὶ παῖδες, παῖδων γὰρ μὲν οὐκέτι παῖδες.

1481. Anticipations, pp. 156-7; например, на севере Англии говорят, что от сабо до сабо три поколения.

1482. Varieties of Religious Experience, p. 319.

1483. *Ibid.* p. 318.

1484. Ср. Н. G. Wells, Tono Bungay¹, p. 486, о правящих классах Великобритании, как они выглядят в Вестминстере: "Реальность - это жадная торговля, низменная жажда наживы, дерзкая реклама, а королевская власть и рыцарство... мертвы".

1485. См., например, Mauri, Citt. Lav. dell' Attica, p. 30.

1486. Aristot. Pol. VIII. (VI.), 1319a.

1487. Там же. 1318b.

1488. Aristot. Ath. Pol. 16; ср. Ael. V.H. IX. 25 и Max. Tyr. XXIII. (Teubner, = Duebner, p. 117).

1489. Grundy, Thuc. and his Age, p. 117.

1490. Полное обсуждение этих людей см. в Gilliard, Réformes de Solon, chap. VI.

1491. Аристотель. Ath. Pol. 2.

1492. οἱ τῷ γένει μὴ καθαροί ... ὥς πολλῶν κοινωνούντων τῆς πολιτείας οὐ προσήκον. Aristot. Ath. Pol. 13.

1493. *θητικὸς ὄχλος*, Plut. Sol. 29.

1494. Thuc. I. 2. Ксенофонт действительно, de Vect. I. 3, называет Аттику всей плодородной (παμφωτάτη) и заявляет, что в Аттике плодоносит то, что во многих местах даже не может расти. Но контекст показывает, что это относится только к наиболее благоприятным районам, ср. там же, 5, цитируется ниже; ссылка также строго на разнообразие аттических культур (несомненно, результат афинской роскоши и предприимчивости); ср. Платон, Критий, 110e-111a: "(пятый век) Аттика может соперничать с любой землей в разнообразии и совершенстве своих продуктов (τῷ páμφωρον εὔκαρπον τε εἶναι); но в те дни" (то есть в мифическом прошлом) "в дополнение к их качеству она производила их в большом изобилии". Theophrastus, Hist. Plant. VIII. 8, говорит, что "в Афинах ячмень дает больше муки, чем где бы то ни было, так как это превосходная земля для этой культуры"; но это ничего не говорит о количестве земли в Аттике под ячменем. Бозэх, "Общественная экономика", I. с. 109, подсчитал, что в древней Аттике под кукурузой находилось 955 500 плетров из общей площади в 2 304 000; но его расчет основан на ряде предположений о годовом потреблении и импорте, которые едва ли могут сравниться с соображениями, приведенными ниже.

1495. Аристотель. Ath. Pol. 16. Так (ap. Leutsch, Paroemiograph. Gr. II. p. 756) Мантисса, I. 76 (где Пейсистрат выражает удивление по поводу того, что кто-то обрабатывает такую землю, τίνας καρποὺς ἀναιρούμενος τοιαῦτα γεωργοίη χωρία), и, без ссылки на Гимета, Зеноб. IV. 76 (ap. eosd. I. p. 105).

1496. Hdt. VI. 137.

1497. Stat. Theb. XII. 622, 620.

1498. Athen. I. 28d, θύμον Ὑμήττιον.

1499. Paus. I. 32; ср. Plut. Sol. 23 (Солон предлагал вознаграждение за убийство волков).

1500. Платон, Критий, 111c; ср. ссылки, Бурсиан, Geog. Gr. I. p. 254.

1501. Ср. с "горой, покрытой лесом (ὄρος καταειμμενον ὕλη)" из Odys. XIII. 351.

1502. Колумелла IX. 2.

1503. Aristot. Hist. Anim. IX. 624b.

1504. Zimmern, Greek Commonwealth, p. 44, цитируя J. L. Myres.

1505. Bursian, Gr. Geog. I. p. 252; ср. Cavaignac, Études Financ. p. 13; Guiraud, Prop. Fonc. p. 505, n. 5. Бурсиан основывается на Paus. I. 32 (цитировано выше).

1506. Thuc. II. 20, 23; ср. Loeper, Ath. Mitt. XVII. (1892), p. 394, n. 1.

1507. Другая возможность заключается в том, чтобы приравнять равнину Фукидида к частям вокруг города Клисфена. Это возможно только при условии, что тройное деление Клисфена соответствовало линиям старых местных партий и что старые названия сохранились в неофициальном употреблении. Из этого следует, что писистратовская Диаκριя примерно соответствовала клистинской Месогее и простиралась далеко на юг от Браулона (см. с. 311). Но более вероятно, что Фукидид использует слово "равнина" в его естественном смысле - низменная ровная открытая местность.

1508. Xen. de Vect. I. 5; ср. Strabo IX. 400, "самый лучший мед поступает из горного района". Отрывок из de Vect. неверно истолкован Грюнди, Thuc. and his Age, p. 151, n. 2, который

говорит, что "речь, безусловно, идет о широко распространенной системе рыночного садоводства и, возможно, также о покупательной способности продукта виноградарства". Грунди не приводит никаких доказательств того, что капуста или другие овощи или даже вино были во много раз дороже кукурузы; Он явно воспринимает ὀρυτομένη как скаπτομένη и, похоже, считает, что предложение относится к Аттике в целом, такое мнение представляется маловероятным как по языку (ἔστι δὲ καὶ γῆ ἡ σπειρομένη οὐ φέρει καρπὸν, а не καὶ σπειρομένη μὲν ἡ γῆ οὐ φέρει καρπὸν), и контекст (посевы в Аттике заканчиваются в I. 4, а только что процитированное предложение следует за высказыванием об аттических каменоломнях и предшествует заявлению о том, что рудники - дар Божий).

1509. Schol. Aesch. c. Timarch. 97 (13); ср. Harpocrat. s.v. ἑσχατιά, и Lex. Seguer. ap. Bekker, Anec. Gr. p. 256. См. далее Boeckh, Pub. Econ. I. p. 86.

1510. Lucret. V. 1370-5; Virg. Aen. XI. 316-20 и Сервий, *ad loc.*; ср. Aen. XI. 569; Tac. Ann. I. 17. Все латинские свидетельства показывают, что когда Плиний, N.H. XVIII. 12, говорит, что чужеземная пшеница может сравниться только с горными культурами Италии (*montanis Italiae agris*), он использует "mons" для обозначения всего, что не является долиной. Цезарь, следует помнить, говорит о горах Кента.

1511. C.I.A. II. 782; Aeschin. c. Timarch. 121 (17).

1512. MS. сильно сокращена и очень испорчена, Schow, Hesych. p. x.

1513. Ср. Strabo IX. 391.

1514. Карты Мильхёфера, Abh. Berl. Acad. 1892 после p. 48, и Лопер, Ath. Mitt. XVII. pl. XII. Берег" Мильхгофера проходит значительно дальше на север, чем у Лопера.

1515. Возможно, это не совсем так, по крайней мере, после того, как персидская опасность и Фемистокл придали горнозаводскому району военно-морской характер. См. Ath. Mitt. X. p. 111.

1516. "Было бы утомительно перечислять внутренние владения из-за их количества", - Страбон IX. 399, сразу после (предположительно полного) перечисления демов аттического побережья. Вероятно, во время реформ Клисфена город быстро рос.

1517. "Сначала они опустошили землю, обращенную к Пелопоннесу, затем (ἔπειτα δέ) ту, что обращена к Эвбее и Андросу". "Добавление δέ подчеркивает антитезу", - Marchant, Thuc. II. *ad loc.*

1518. Hdt. V. 81; Strabo IX. 395, 400; C.I.A. II. 1059 (ср. Strabo IX. 398), 1194, 1206b, 1195.

1519. γουνὸς Σουνιακός, Hdt. IV. 99. Значение γουνός не определено, но см. Liddell and Scott s.v.: Маколей переводит "область холмов".

1520. Хесих. и Суид. объясняют παραλία и παράλος словами παραθαλάσσιος, . М. Пселл - ἐπιθαλαττίδιον.

1521. См. Loeper, Ath. Mitt. XVII. p. 429.

1522. Страбон IX. 392.

1523. Весп. 1223, Лисий, 58.

1524. Suid. s.v.

1525. Стеф. Byz. s.v.

1526. См. *например*, Kroker, Jahrb. I. pp. 112-13; Buschor, Gr. Vasenmal.⁽¹⁾ p. 39; Mueller and Oelmann, Tiryns, I. p. 161.

Геометрия Аргюлиды описывается Поульсеном, Dipylongräber, p. 66, как "бесхарактерная разновидность" (unpersönliche Gattung).

1527. Об экспорте дипилонской посуды см. Pottier *ap.* Saglio, Dict. d. Ant. s.v. vases, p. 634; Prinz, Funde aus Naukratis, p. 77 (Кипр и Тера).

1528. Белох, Rhein. Mus. 1890, p. 590, следуя Kroker, Jahrb. I. pp. 95 f., который, однако, ошибается (*ibid.* p. 113), датируя дипилонские вазы с изображением военных кораблей в действии обязательно позже 664 г. до н. э. См. ниже, pp. 321 f. Также F. Poulsen, Dipylongräber, pp. 13 (египетские предметы седьмого? века в дипилонских могилах), 27-28 (протокоринфские вазы в аттических геометрических могилах).

1529. Boehlau, Jahrb. II. (1887), pp. 33-66. О названии Фалерон см. Jahrb. II. p. 44.

1530. Аттическая посуда конца седьмого века, стиль нетосской амфоры, была найдена в Наукратисе, где Принц, Funde, p. 77, утверждает, что она, должно быть, была взята эгинцами, поскольку Эгина была единственным европейским греческим городом с концессией в Наукратисе. Но если говорить об общей бедности Афин в этот период, то можно привести находки на Акрополе, которые показывают около тысячи дипилонских черепков, против всего лишь около сорока протоаттических, 160 вурвских (аттических с зонами животных и розеткой, дата, вероятно, около 600 г. до н.э.), пятнадцати протокоринфских и 125 коринфских; Graef, Vasen Acrop. Athen, pp. 23, 34, 41, 44, 51. По крайней мере два из протокоринфских и очень значительное количество коринфских черепков могут относиться к VI веку.

1531. Thiersch *ap.* Furtwaengler, Aegina, p. 451.

1532. Ат. Mitt. 1897, p. 262 (Эгина); Furtwaengler, Aegina, p. 448.

1533. Выше, стр. 176 f.

1534. Prinz, Funde aus Naukratis, p. 69, следуя Loeschcke, Ath. Mitt. XXII. p. 264.

1535. Выше, стр. 185-7, 241-3.

1536. Thiersch, Aegina, p. 448; Graef, Woch. Klass. Phil. 1893, p. 139.

1537. Hoppin, Argive Heraeum, I. p. 59, II. pp. 119 f. (аргументируя это непрерывным развитием стиля, которое можно проследить в гераклеийских находках); Dragendorff, Thera, II. p. 193; но ср. Furtwaengler, Aegina, p. 477; Berl. Phil. Woch. 1895, p. 202; Poulsen, Dipylongräber, p. 75.

1538. Ср. находки в самом Коринфе и в коринфских Сиракузах. Коринфские изделия, конечно, не являются развитием протокоринфских; но из этого следует, что утверждать вместе с Принцем, Funde aus Nauk. p. 70, , что протокоринфские изделия не могут быть коринфскими, значит предполагать, что уже существующая индустрия делает невозможным создание в том же городе конкурирующего предприятия, производящего изделия другого стиля, даже в случае такого космополитического центра, как Коринф.

1539. Gabrici, Mon. Ant. XXII. p. 362; de Ridder, de Ectypis, p. 56, n. 4.

1540. Furtwaengler, Aegina, p. 477; Thiersch, Aegina, p. 448; Prinz, Funde aus Nauk. p. 70; K. F. Johansen, Sikyoniske Vaser. Ваза из Чиги, протокоринфский шедевр, имеет надпись на алфавите, который не является ни аргивским, ни эгинетским, ни халкидским (см. особенно лямбду), но вполне может быть сикионским.
1541. Потье в Saglio, Dict. d. Ant. s.v. Vases, p. 637, подводит итог для Северного Пелопоннеса недалеко от Коринфа; Frickenhaus, Tiryns, I. p. 103, Арголис, но не Аргос (ср. ibid. pp. 145-6, Mueller and Oelmann on a type of geometric Kraterskyphos common in the Argolid that leads up directly to Proto-Corinthian).
1542. Выше, с. 179-180.
1543. О том, что сицилийские гончарные заводы были важны в это время, см. Waldstein, Arg. Heraeum, II. p. 166, n. 1, и ср. выше, p. 316, n. 10.
1544. Аргивская Гераклея, II. с. 175.
1545. Бусольт, Gr. G.²II. p. 200, считает, что она датируется "вероятно, уже седьмым веком".
1546. Ниже, стр. 321 f.
1547. B.S.A. XI. pp. 226-7; Furtwaengler, Aegina, p. 478; Thiersch, ibid. p. 458; Pallat, Ath. Mitt. 1897, p. 324.
1548. Thiersch *ap.* Furtwaengler, Aegina, p. 458 (Бурва).
1549. Aegina, p. 436; ср. Furtwaengler, ibid. p. 474.
1550. Ath. Mitt. 1897, pp. 265 f.
1551. Аргивский Герай, II. стр. 121-2. Хоппин, ibid. p. 102, считает, что герамейский геометр, вероятно, аргивянин, а не аттик. Что касается резкого прекращения существования Геометра на месте Гераклеи, следует помнить, что храм датируется только восьмым-седьмым веком, Frickenhaus, Tiryns, p. 118, и что предыдущее светское поселение, по-видимому, пришло к насильственному концу.
1552. И многое другое, включая аргивян.
1553. Pallat, Ath. Mitt. 1897, pp. 273 f., 315; ср. Studniczka, Ath. Mitt. 1899, pp. 361 f.
1554. Ath. Mitt. 1897, p. 332; ср. Buschor, Gr. Vasenmal.¹pp. 64, 66.
1555. Ath. Mitt. 1897, p. 263.
1556. См. Arch.-epig. Mitt. aus Oesterreich, II. pp. 17 f.
1557. Посещен писателем весной 1914 года.
1558. How and Wells, Hdt. V. 88. 2.
1559. Argive Heraeum, II. p. 175; C.R. XII. pp. 86-87.
1560. Аргивские Гераи, II. с. 177, № 14, 16.
1561. Аргивская Гераклея, II. с. 173.
1562. Frickenhaus, Tiryns, I. pp. 97-98.

1563. Аргивский Герай, II. стр. 96-97; ср. Тиринс, I. стр. 97-98, 117.
1564. Тиринс, I. стр. 95.
1565. Furtwaengler, Aegina, p. 441, цитируя "торговца горшками" (χυτρόπωλις), примененного к Эгине Поллуксом VII. 197.
1566. *Например*, Тера, см. Dragendorff, Thera, II. p. 231.
1567. Ср. Prinz, Funde aus Naukratis, p. 69.
1568. Thuc. I. 13.
1569. Torr, Rev. Arch.³XXV. p. 25.
1570. Torr, *ibid.* figs. 3, 6 (вероятно), 10, 11, 12; Cartault, Mon. Gr. 1882-4, p. 53, figs. 2, 3.
1571. Jahrb. I. pp. 111-13; ср. Torr, Rev. Arch.³XXV. p. 25. Крокеру и Торпу отвечает Пернис, Ath. Mitt. XVII. (1892), pp. 304-6; Pottier, Cat. Vases Louvre, I. pp. 222-3.
1572. На тех же психологических основаниях, совершенно не считаясь с историческими свидетельствами о военно-морской мощи Афин в темные века, мы должны отвергнуть предположение Ассманна, Arch. Anz. 1895, pp. 118-19, что дипилонские корабли - это суда "ужасных финикийских пиратов".
1573. Брюкнер и Пернис, Ath. Mitt. XVIII. pp. 135-7; Pottier, Cat. Vases Louvre, I. pp. 231-3; Helbig, Mém. Acad. Inscr. et B.-L. XXXVI. (1898), p. 390.
1574. Arch. Eph. 1898, pl. V. 1.
1575. Poulsen, Dipylongräber, p. 100.
1576. Mém. Acad. Inscr. et B.-L. XXXVI. (1898), p. 400; *pace* Kroker, Jahrb. I. p. 111.
1577. Предложено и отвергнуто Brueckner и Pernice, Ath. Mitt. XVIII. p. 153.
1578. Wiener Vorlegeblätter, 1888, pl. I. 8; Walters-Birch, Hist. Anc. Pott. I. pl. XVI.; Buschor, Gr. Vasenmal.¹pp. 60-61.
1579. Mém. Acad. Inscr. et B.-L. XXXVI. (1898), p. 394, fig. e = Arch. Zeit. XLIII. (1885), pl. VIII. 1. Сразу после публикации Хельбига Скиас опубликовал еще одну аттическую геометрическую вазу из своих раскопок в Элевсисе, на которой изображена команда корабля, нападающая на людей на суше, Arch. Eph. 1898, p. 110, и pl. V. 1.
1580. Страбон II. 99.
1581. Arch. Zeit. 1885, p. 133; так же Assmann, Berl. Phil. Woch. 1899, p. 18.
1582. *Op. cit.* pp. 397-400.
1583. Как заметил Торп, Rev. Arch.³XXV. p. 25, единственное морское сражение, упомянутое у Гомера, происходит между флотом и сухопутными войсками, II. XV. 367 f.; ср. Саллюст, "nauigationem inuadendarum terrarum causa ortam".
1584. Hdt. V. 83. Дурис Самосский, Schol. Eurip. Нес. 934, приписывает нападение афинян на Эгину предыдущим набегам эгинетян на Аттику.
1585. Kinkel, Epic. Frag. p. 118, fr. 96.

1586. Cp. Myres, J.H.S. XXVI. p. 85.
1587. См. выше, с. 109.
1588. Hdt. V. 86.
1589. Hdt. V. 86.
1590. Афины, Hdt. V. 85; Эгина, Hdt. V. 86. 2.
1591. Макан, Hdt. IV.-VI. ad VI. 82. 2 и т. II. с. 105-6.
1592. Thuc. I. 13.
1593. Ath. Mitt. XVII. p. 298, figs. 5, 6; p. 303, figs. 9, 10; Pernice, *ibid.* pp. 294, 306; cp. Mon. Grecs, 1882-4, pl. IV. 2, 3 и pp. 51-2.
1594. Layard, Mon. of Nineveh, series I. pl. 71.
1595. Hdt. II. 159.
1596. Клем. Alex. Strom. I. 16.
1597. Против этого мнения см. Kroker, Jahrb. I. p. 110, n. 39; cp. Beloch, Gr. G.⁽²⁾¹.i. p. 275, n. 1; Busolt, Gr. G.⁽²⁾¹. p. 449.
1598. Выше, с. 177-8.
1599. Hdt. III. 59.
1600. Brueckner and Pernice, Ath. Mitt. XVIII. p. 153, за ними следует, *например*, Хельбиг, Mém. Acad. Inscr. et B.-L. XXXVI. (1898), pp. 387 f. Против этого мнения см. Assmann, Berl. Phil. Woch. 1899, pp. 16 f., который утверждает лишь (1), что мертвые на кораблях доказывают, что они финикийские, (2) что если бы афиняне изображали свои собственные корабли, то на черных и красных аттических вазах было бы больше кораблей. Но против этого следует отметить (1) что дипилонские вазы являются погребальными вазами, (2) что, несмотря на Саламин, аттические вазы пятого века не изобилуют изображениями вражеских кораблей.
1601. Hdt. V. 71.
1602. Thuc. I. 126.
1603. Forchhammer, Philol. 1874, p. 472; Schoemann, Jahrb. Class. Phil. CXI. (1875), p. 451; J. W. Headlam, C.R. VI. p. 253; Busolt, Gr. G.²II. p. 190, n. 2.
1604. Wecklein, Sitz. bayr. Akad., philos.-philol. Kl. 1873, pp. 33-34; G. Gilbert, Jahrb. Class. Phil. CXI. p. 10; Macan, Hdt. IV.-VI., и How and Wells, Comment. Hdt. ad Hdt. V. 71.
1605. Aristot. Ath. Pol. 8; Pollux VIII. 108.
1606. Aristot. Ath. Pol. 8, "организованные для сбора налогов и их выплаты (τὰς εἰσφορὰς καὶ τὰς δαπάνας τὰς γιγνομένας)": cp. Pollux VIII. 108; Photius s.v. ναύκραοι; возможно, также s.v. ναύκληρος; Suidas; и Lex. Seguer. *ap.* Bekker, Anec. Gr. p. 282.
1607. Mitchell и Caspari's edit, of Grote, p. 8, цитируя Aristot. Ath. Pol. 8. 3; cp. Hesych. s.v. ναύκληροι (*sic*, но ошибочно ναύκραοι; cp. там же "впоследствии они назывались

демархами"), который описывает naukraroi просто как "людей, которые собирали налоги с каждого округа".

1608. Аристотель. Ath. Pol. 21 (цитируется Harpocrat. s.v. ναυκραρικά); Schol. Aristoph. Clouds, 37; Pollux VIII. 108; Photius s.v. ναυκραρία, Suidas s.v. δήμαρχοι.

1609. Pollux VIII. 108, "корабль, от которого, возможно, naukrary получил свое название".

1610. Grote, Hist., edit. 1888, II. p. 426. Ср. Pollux I. 74-5, X. 20, хозяин (всего) дома называется ναύκληρος (*sic*).

1611. Wecklein, Sitz. bayr. Akad. 1873, p. 43; Wachsmuth, Stadt Athen, I. 481, n. 4; производное от ναῦς отрицается также Assmann, Berl. Phil. Woch. 1899, p. 19, и Кейль, Solon. Verfass. p. 94, и сомневается Buechsenschuetz, Berl. Phil. Woch. 1907, p. 815.

1612. Pollux I. 74. X. 20.

1613. Hesych. s.v. ναύειν, "молить, от того, что просители бегут за убежищем к очагу"; ib. s.v. ναύκληρος (*sic*)- ὁ συνοικίας προεστώς.

1614. G. Meyer in G. Curtius, Stud. VII. pp. 176-9.

1615. К доказательствам в пользу нау- в значении naukrary ship добавим Lex. Seguer. в Bekker, Anecd. Gr. 283. 20 s.v. naukraroi, "те, кто снаряжает корабли, действует как триерархи и подчиняется полемарху".

1616. Glotz, Et. Soc. et Jurid. p. 246; ср. Odys. VIII. 391, ἄρχοι κραίνουσι.

1617. Если только, как утверждает Бёкх, Public Econ. II. p. 327, n. 285, то это следует из сравнения, сделанного аттидографом Клейдемосом между наукрами и симмориями его собственного времени; Phot. s.v. ναυκραρία; ср. Pollux VIII. 108.

1618. Jahrb. Cl. Phil. CXI. (1875), pp. 12 f. (ответ Schoemann, Jahrb. Cl. Phil. CXI. (1875), pp. 452 f., и Duncker, Ges. d. Alt. VI.⁽⁵⁾ p. 120, n. 2); также Lenschau ap. Bursian, Jahresb. 176 (1918), pp. 194-5.

1619. Облака 37, "установлено ли Солоном или еще раньше".

1620. Плут. Солон, 9.

1621. De Sanctis, Atthis², pp. 305 f.: так же Costanzi, Riv. Stor. Ant. V. pp. 514-15.

1622. Jahrb. Cl. Phil. CXI. (1875), p. 454.

1623. Ges. d. Alt. V.⁽⁵⁾ p. 474.

1624. Attisch. Bürgerrecht, p. 152; ср. Wachsmuth, Stadt Athen, I. pp. 473-4.

1625. Gr. G.² II. p. 189, n. 1; ср. p. 191.

1626. Glotz, Et. Soc. et Jurid. pp. 231-43; но ср. Buechsenschuetz, Berl. Phil. Woch. 1907, pp. 815-16.

1627. Helbig, Mém. Acad. Inscr. et B.-L. XXXVI. p. 405; ср. Wilamowitz, Aristot. u. Athen, II. 54; Gilliard, Réformes de Solon, p. 108, n. 2.

1628. Wecklein, Sitz. bayr. Akad., philos.-philol. Kl. 1873, p. 30-48; Forchhammer, Philol. XXXIV. p. 472, на скудных свидетельствах Thuc. II. 15; Plut. Theseus, 24.

1629. Выше, с. 169.

1630. Митчелл и Каспари, стр. 8 их издания Гроте.

1631. С этим последним замечанием контрастирует весь мой рассказ о первой Эгинетской войне. Воескh, Public Econ. I. p. 341, отмечает, что во времена Клисфена число кораблей во флоте составляет пятьдесят (Hdt. VI. 89), что соответствует числу наукраий, которое было увеличено с прежних сорока восьми, Фотий, s.v. ναυκραρία.

1632. Страбон VIII. 374, ὑπὲρ τῶν Ναυπλιέων Ἀργεῖοι συνετέλουν, ὑπὲρ Πρασιέων δὲ Λακεδαιμόνιοι; ср. К. Мюллер, Aeginetica, I. § 7.

1633. "В Калаурии был своего рода амфикифонийский совет", Strabo VIII. 374 (Ephorus), который цитирует

ἴσον τοι Δῆλόν τε Καλαυρείαν τε νέμεσθαι

Πυθῶ τ' ἡγαθέην.

1634. Paus. IV. 24. 4, 35. 2.

1635. Paus. III. 7. 4, IV. 14. 3.

1636. Так, Ф. Кауэр в Pauly Wissowa s.v. Argolis, p. 730, "около времени второй Мессенской войны".

1637. Thuc. I. 6.

1638. πέπλοισι Δωρικοῖσιν, Persae, 182-3.

1639. Как уже отмечал Студничка, Ges. Altgr. Tracht, p. 18, хотя (как и Хельбиг, Hom. Epos², 163, 164, и Holwerda, Rhein. Mus. 1903, p. 520) он упускает из виду важное слово αῦ. Отчасти, возможно, потому, что он писал до раскопок Спарты, отчасти из-за своих предвзятых взглядов по другим вопросам, Студничка не смог увидеть всю силу своих собственных наблюдений.

1640. B.S.A. XIII. pp. 77 f.

1641. Г. Диккенс, J.H.S. XXXII. pp. 17-19.

1642. Дорийские государства последовали за Спартой в этом возрождении раньше, чем Афины; см. Kalkmann, Jahrb. XI. стр. 41-42.

1643. Hdt. V. 88; ср. Studniczka, Ges. Altgr. Tracht, pp. 14 f. о семитском происхождении χιτῶν, отличительной одежды Ἰάονες ἔλκεχιτῶνες (Hom. II. XIII. 685). Расхождение с Hdt., которое некоторые ученые находят в Thuc. I. 6 только кажущееся, см. Holwerda, Rhein. Mus. 1903, p. 520.

1644. См. особенно керамику этого периода.

1645. Skias, Arch. Eph. 1898, p. 103, n. 3 (Элевсис); Furtwaengler, Aegina, p. 474. По сравнению с геометрической булавкой архаический (постгеометрический) тип короче, но толще, прочнее, а орнаментальные ручки толще и ближе. Этот тип особенно хорошо представлен в

аргивском Герае (Thiersch *ap.* Furtwaengler, *ibid.* p. 414): то есть период, когда булавки для одежды стали тяжелее в Арголиде, снова приходится на конец геометрического периода.

1646. Так, Studniczka, *Ges. Altgr. Tracht*, p. 19. Это различие справедливо игнорируется в Abrahams, *Gk. Dress*, pp. 42, 58.

1647. *Serv. ad Aen.* XI. 206, V. 64, VI. 152. Захоронения в пределах деревни, рядом с ней, а чаще в самом доме, были обычными в Лациуме в неолитический период, от которого римляне унаследовали много ритуалов (*например*, использование каменных ножей при жертвоприношении и каменных наконечников стрел при объявлении войны), Pinza, *Bull. Comm.* 1898, pp. 77, 84-85, 116 f. Отсюда, возможно, и практика захоронения девственниц в пределах города.

Внутригородские захоронения практиковались в Мерапе (Paus. I. 43, 44; Plut. Phoc. 37), Сикионе (Plut. Arat. 53; Hdt. V. 67; *ср.* Becker, Charicles, Eng. trans.⁽⁸⁾ p. 393), Спарте (Plut. Lycurg. 27, *Inst. Lac.* 18 (Moral. 238)) и Тарентуме (Polyb. VIII. 30; *ср.* Athen. XII. 522 f. и Notiz. d. Scav. 1895, p. 238). Для могил особо выдающихся личностей обычно использовалась рыночная площадь (Pindar, *Pyth.* V. 93; Thuc. V. 11, что, однако, подразумевает, что рыночная площадь была после гробницы; Paus. II. 13. 6; Plut. Timol. 39; Strabo VIII. 371). *Ср.* также (Платон), Минос, 315d, и Rohde, *Psyche*, I. p. 228, n. 3, II. p. 340, n. 2.

1648. *Ср.* Frazer, *Magic Art*, II. p. 232, случаи (по-разному объясненные Фрейзером), когда новорожденных детей приносили к очагу как способ познакомить их с духами предков. Пинца, *Bull. Comm.* 1898, pp. 116-17 *à propos* of early burials within the house quotes the lares grundules, explained in the light of the statement of Fulgentius, *Serm. Ant.* 7, что до поздних времен детей хоронили sub grundo. К сожалению, Фульгенций является сомнительным авторитетом в подобных вопросах: *см.* Roscher, *Lex. s.v. Lares*, p. 1886.

1649. *Ap. Cic. de Leg.* II. 23 (58).

1650. Marquardt, *Privatleben*², p. 360.

1651. *Serv. Aen.* XI. 206. Смит, *Dict. Биогр. и миф.* утверждает, что речь идет о Дуилии, консуле 260 г. до н. э. Первым Дуилием, достигшим этой должности, был К. Дуилий в 336 г. до н. э., что является достаточно поздней датой. Запрет был вновь введен в действие в правление Адриана, *Dig.* 47, 12, 3, sect. 5.

1652. *Serv. ad Aen.* XI. 206; Plut. Qu. Rom. 79 (Moral. 283).

1653. Dion. Hal. III. 1.

1654. Casagrandi, *Nouem Combusti* (приложение к *Minores Gentes*), приводит все реставрации глоссы; его собственная гласит: "*nouem combusti fuerunt legati*". T. Sicinii. Volsci [eos interfecerunt cum proelium] inissent aduersus [Romanos. sumptu publi]co combusti feruntur [et sepulti in crepidi]ne quae est proxime Cir[cum, ubi locus est la]pide albo constratus." Если место, где находился лапид альбо констратус, было ближе к Циркуму, то, по крайней мере, технически, оно могло находиться за пределами города во время похорон.

Моммзен, *Ром. Forsch.* II. p. 168 (Sp. Cassius), говорит о кремации как о происходившей "на ромейском рынке": он не приводит никаких доказательств относительно места. В любом случае, *nouem combusti* были исключительными личностями. Но даже в этом случае они являются предостережением от поспешных выводов на основе археологических данных.

1655. Вал. Мах. VI. 3. 2 (Рим.); *ср.* Dio Cass. V. fr. 22; Zonaras VII. 17.

1656. Валерии были похоронены "недалеко от Форума (σύνεγγυς τῆς ἀγορᾶς) под Велием", Dion. Hal. V. 48; ср. Plut. Poplic. 23. Плутарх Qu. Rom. 79 говорит, что Фабриции, как и Валерии, имели право погребения на Форуме, но пользовались им лишь формально. Цицерон и Плутарх легко согласуются между собой, если предположить, что некая формальность на Форуме происходила всегда, а фактическое погребение - время от времени.

1657. Suet. Tib. I.

1658. Festus s.v. Romanam portam и Argea; ср. Иордан, Topog. Rom I. i. p. 176, n. 40; p. 190, n. 64; II. p. 283; но ср. Pinza, Bull. Comm. 1898, p. 116.

1659. Graffunder, Klio, XI. pp. 116-20, один на Палатине, другой на Эсквилине. Находясь в непосредственной близости от Форума, они, вероятно, являются скорее наследственными, чем индивидуальными заслугами: ср. Pinza, Mon. Ant. XV. p. 778.

НАПЕЧАТАНО В АНГЛИИ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ КЕМБРИДЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРИМЕЧАНИЕ ТРАНСКРИПТОРА

1. Негласно исправлены опечатки и вариации в написании.
2. Анахроничные, нестандартные и неопределенные написания сохранены в том виде, в котором они были напечатаны.
3. Сноски заново проиндексированы по номерам и собраны в конце последней главы.